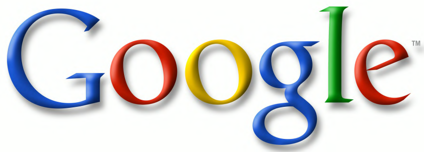

May-June

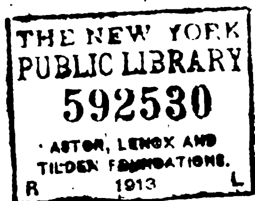
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ CXI.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 3 дня 1820 года. *Адъюнктъ и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 9.
МАЙ 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Урокъ любви (*).

Утро было ясно, окна въ комнатѣ открыты, и молодой Баронъ Сигизмундъ Адельстанъ прохаживался по паркету, сложа руки, опустя голову. Всякой, взглянувши на него, сказалъ бы, что онъ размышляетъ: такъ важенъ былъ видъ его — а *размышлять* было столь необыкновеннымъ дѣломъ для Барона, что онъ самъ тому удивлялся... Правду сказать, причины къ размышленію были немаловажны!... Наканунѣ вечеромъ Баронъ Адельстанъ подписалъ свадебный контрактъ, который соединялъ судьбу его съ судьбою прекрасной шестнадцатилѣтней дѣвушки — но къ счастію, онъ думалъ объ етомъ кон-

(*) Изъ новыхъ повѣстей *г-жи Монтолье.*

трактѣ не болѣе какъ и о всѣхъ прочихъ своихъ дѣлахъ: подписалъ торжественный актъ, отъ котораго зависѣло можетъ быть счастіе или несчастіе всей его жизни, какъ будто какую нибудь любовную записочку и не предполагалъ никакой въ томъ важности. Его увѣрили, что молодой Баронъ, подобно ему, послѣдняя отрасль знаменитаго рода, непремѣнно долженъ жениться, долженъ имѣть наслѣдника — и Баронъ согласился. — Молодая Баронесса Наталія Фонъ Ельменгорстъ была единственная дочь Гофмаршала, наслѣдница безчисленнаго богатства — чегожъ болѣе! . . . . Баронъ видалъ ее въ домѣ Гофмаршала и обходился съ нею какъ съ ребенкомъ: онъ примѣтилъ, что Наталія очень хороша; но ни красота ея, ни нравъ, ни образъ воспитанія не приходили въ голову Барона, когда онъ рѣшился просить руки юной Баронессы. — Адельстанъ былъ по обыкновенію обожателемъ женщинъ, но никогда не мыслилъ, что жена можетъ быть прекрасна въ глазахъ мужа и что мужъ можетъ любить свою жену: ему давно уже сказали, что ето было бы *страннымъ* въ глазахъ большаго свѣта, и что объ етомъ заботиться не должно; впрочемъ, мысль, что Наталья пригожа собою, льстила его суетности: онъ думалъ даже, что и дѣти ихъ будутъ прекрасны, а Баронъ зналъ по опыту, какъ хорошо быть краси-

вымъ и богатымъ мущиною. — Всѣ предположенія сіи кончились тѣмъ, что Баронъ послѣ нѣсколькихъ посѣщеній предложилъ руку свою дочери Гофмаршала, и безъ всякаго затрудненія получилъ согласіе — и какъ не получить? . . . Баронъ Адельстанъ послѣ смерти отца и матери сдѣлался владѣтелемъ превеликаго имѣнія, а Гофмаршалъ ничего больше не требовалъ. — Дѣло было кончено; — въ условіяхъ скоро согласились: отецъ полагалъ, что онъ выполняетъ совершенно долгъ родительской, отдавая дочь свою за человѣка знатнаго, богатаго, виднаго собою, который въ случаѣ смерти оставитъ ей большое имѣніе. — „Но чтожъ я ничего не упомянулъ на случай развода?" — подумалъ Гофмаршалъ: „дочь моя хороша и, надѣюсь, удержитъ своего мужа; но кто поручится за будущее? . . . Ну, если онъ ее покинетъ? . . . . . ." И въ контрактъ внесена еще одна полная статья въ пользу будущей супруги на случай развода. — Адельстанъ ни мало етому недивился и все казалось ему очень естественнымъ.

Наталія и мать ея, любезная Баронесса Ельменгорстъ, узнали о предполагаемомъ бракѣ не прежде, какъ все дѣло было уже окончено. Гофмаршалъ съ холодною улыбкою объявилъ имъ, что Наталія просватана за Барона Адельстана. Приговоръ

подѣйствовалъ разнымъ образомъ: щеки Наталіи покрылись алымъ румянцемъ, а нѣжная мать поблѣднѣла; глаза Наталіи заблистали живымъ удовольствіемъ, а глаза матери наполнились слезами. — „Наталія, милая Наталія!" сказала съ трепетомъ Баронесса своей дочери: „надѣешься ли ты полюбить того, кто назначенъ быть твоимъ мужемъ?" — Ахъ, маменька! я и теперь уже люблю его... — отвѣчала съ живостію Наталія: онъ такъ милъ, такъ хорошъ собою... Онъ конечно меня любитъ, потому что предлагаетъ мнѣ свою руку... и я съ удовольствіемъ ... повинуюсь волѣ и повелѣнію папеньки. — „Хорошо, моя милая!" сказалъ отецъ, потрепавши ее щеку: „очень хорошо! Но даю тебѣ замѣтить, что дѣвушкѣ въ твои лѣта не должно тотчасъ сказывать, что она любитъ своего жениха и съ удовольствіемъ отдаетъ ему руку... это никуда не годится...."

— Но, папенька — сказала Наталія, потупивши глаза — я хотѣла отвѣчать на вопросъ маменьки... —

„Да, это правда; глупость твоего отвѣта извиняется безразсудностью вопроса!... Вѣрь мнѣ, другъ мой, что чѣмъ меньше будешь любить своего мужа, тѣмъ будешь счастливѣе... А васъ, сударыня,

прощу не набивать головы ребенку своими романическими бреднями! . . .“ — Онъ поднялъ палецъ къ верьху, повернулся и ушелъ.

Г-жа Ельменгорстъ вздохнула, обняла дочь свою, прижала её къ сердцу и съ примѣтнымъ движеніемъ повторила свой вопросъ: „Милая Наталія! ты любишь Барона Адельстана? . . . Я удивляюсь! . . . Ты такъ мало его знаешь. . . .“

Наталія не знала, что сказать. Странные совѣты отца и примѣтное смущеніе матери совершенно смѣшали ея мысли: она бросилась на шею къ матери своей и заплакала; но г-жа Ельменгорстъ утѣшила ее, успокоила, заставила все пересказать, и съ удивленіемъ примѣтила, что нѣжное сердце Натальи предупредило волю родительскую: было совершенно предано красивому Барону Адельстану. — Ничего нѣтъ страннаго въ любви Натальи: мать воспитала ее въ совершенномъ уединеніи; имѣя рѣдкіе таланты и познанія, замѣнила ей собою всѣхъ учителей; желая усовершенствовать умъ и сердце дочери, она не скоро согласилась на требованія супруга, который желалъ видѣть дочь свою при дворѣ, гдѣ обыкновенно провождалъ свое время. — Едва пріѣхала въ столицу г-жа Ельменгорстъ, какъ Баронъ Адельстанъ явился къ нимъ съ от-

личною рекомендаціею отъ всѣхъ: это былъ первой свѣтской человѣкъ, который оказалъ нѣкоторое вниманіе къ Натальѣ: красота, молодость, ловкость Барона ей нравились, а веселость ее забавляла. — Баронъ, не употребляя никакихъ стараній, и даже не влюбляясь въ Наталью (ибо предположилъ на ней жениться), отличалъ ее отъ прочихъ дѣвушекъ, говорилъ умно, остро и дарилъ прекрасными цвѣтами милую невинность. Наталія любила цвѣты, и скоро полюбила того, кто дарилъ ее ими; полюбила и думала, что нашла образецъ всѣхъ совершенствъ, которыя предполагала найти въ молодомъ мущинѣ — а етотъ *совершенный* мущина почелъ ее превосходнѣйшею изъ всѣхъ дѣвушекъ, предложилъ ей свою руку — какъ же не радоваться!... Натальѣ и въ голову не приходила мысль, что Баронъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, очень богатъ: скромность и простота, въ которыхъ была она воспитана, недозволили ей узнать о преимуществахъ и выгодахъ богатства. Всего страннѣе казались ей правила отца и унылие матери. Впрочемъ она издавна привыкла не скрывать ничего отъ своей доброй маменьки; съ робостію разсказала ей всѣ свои чувства, и прибавила, что союзъ съ Барономъ Адельстаномъ исполнитъ всѣ ожиданія, сдѣлаетъ счастіе всей ея жизни. — Г-жа Ельменгорстъ вздыхала, не

зная, что начать: ей не хотѣлось выводить милой дочери своей изъ пріятнаго заблужденія, и притомъ она помнила, что требованіямъ Гофмаршала не льзя противорѣчить. Отказъ дочери могъ бы заставить ее противиться волѣ супруга; но она видѣла въ Натальѣ пламенную любовь къ молодому жениху ея, любовь, которая могла, при несогласіи матери, возъимѣть множество непріятныхъ послѣдствій.

Подобно Натаііи, г-жа Ельменгорстъ была въ самыхъ юныхъ лѣтахъ выдана за Гофмаршала, который до того времени едва ли пять разъ ее видалъ въ обществѣ; женившись, не обращалъ на нее вниманія, съ холодностію взиралъ на душевныя свойства и красоту своей супруги. — Сначала она страстно любила неблагодарнаго своего мужа, употребляла всѣ способы снискать взаимную нѣжность — и чѣмъ болѣе занималась имъ, тѣмъ большую примѣчала въ немъ холодность; наконецъ Гофмаршалъ рѣшительно сказалъ ей, съ самымъ холоднымъ видомъ, что такою страстною любовію, которая прилична однимъ только мѣщанамъ, она и себя и его дѣлала *смѣшными* въ глазахъ большаго свѣта. Она увидѣла, что супругъ жертвуетъ любовію и священными клятвами своими недостойнымъ женщинамъ: казалось, что это еще болѣе увеличило

страсть ея; ибо ревностію часто болѣе поддерживается любовь, нежели спокойнымъ состояніемъ сердца. Между тѣмъ она скрывала свои слезы и была несчастлива. Ея совѣсть, ея добродѣтель, подвержены были сильнымъ искушеніямъ: бѣгство оставалось единственнымъ средствомъ спасти угрожаемую соблазнами невинность, и г-жа Ельменгорстъ съ твердостію рѣшилась удалиться изъ города. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, она просила супруга своего позволить ей провести нѣсколько времени въ отдаленной деревнѣ. Гофмаршалъ согласился и вздумалъ быть ея спутникомъ, желая сдѣлать нѣкоторыя поправки въ замкѣ, съ давняго времени оставленномъ. Г-жа Ельменгорстъ хотѣла бы лучше быть одна; но сочла нужнымъ, чтобы присутствіе супруга всегда напоминало о священныхъ ея обязанностяхъ. Гофмаршалъ скоро началъ скучать и возвратился въ столицу, а женѣ позволилъ остаться въ деревнѣ. Уединеніе имѣетъ свои опасности: г-жа Ельменгорстъ испытала это въ первыя недѣли своего пребыванія въ деревнѣ и начинала уже думать, что въ разлукѣ чувство любви болѣе усиливается, какъ вдругъ почувствовала признаки беременности. Это совершенно истребило въ ней прежнія мысли, и непозволенная любовь уступила любви материнской. Г-жа Ельменгорстъ могла возвра-

шиться въ городъ; но она еще страшилась видѣть опаснаго для нея человѣка; состояніе же ея давало благовидный предлогъ остаться въ деревнѣ. — Сердечно желала она имѣть дочь, ибо по рожденіи сына супругъ заставилъ бы ее жить для воспитанія дитяти въ городѣ, и ея желаніе исполнилось: — она родила Наталію. — Тогда положила она постоянно жить въ деревнѣ, занялась воспитаніемъ дочери, совершенно посвятила себя сему пріятному занятію и въ теченіи пятнадцати лѣтъ только изрѣдка пріѣзжала въ столицу, и то когда Гофмаршалъ приказывалъ ей пріѣхать. — Наконецъ, желая усовершенствовать таланты Наталіи, она принуждена была жить въ столицѣ, гдѣ разные учители посѣщали ихъ каждый день; впрочемъ Наталія была еще очень молода, и мать ея совсѣмъ не думала ни о замужствѣ дочери, ни о любви. — Извѣщеніе Гофмаршала объ условіи съ Барономъ Адельстаномъ и любовь, какую дочь ея имѣла къ молодому Барону, были для г-жи Ельменгорстъ громовымъ ударомъ. — Съ горестью думала она о будущемъ, ибо въ зятѣ своемъ видѣла *вторый* томъ своего супруга: человѣка чуждаго любви, невольника большаго свѣта и модныхъ приличій. — Она трепетала, помышляя, что участь Наталіи будетъ подобна ея собственной участи, и что можетъ быть Наталія будетъ не

въ силахъ побѣдить всѣхъ опасностей. — Долго размышлявши, г-жа Ельменгорстъ рѣшилась непротивиться желанію супруга и любви дочери; хотѣла только выиграть нѣсколько времени, чтобы постепенно приготовить дочь свою къ опасностямъ новаго ея состоянія и еще болѣе утвердить въ сердцѣ ея правила добродѣтели, къ которымъ приучала Наталію съ самаго младенчества. — Она представила Гофмаршалу и Барону Адельстану молодость Наталіи, и требовала отсрочить свадьбу еще на годъ. — „Етотъ годъ мы проведемъ въ дерев„нѣ; вы будете насъ посѣщать, Баронъ: — „тамъ узнаете вы другъ друга лучше, и въ „деревнѣ положите основательное начало „взаимной любви и семейственному сча„стію.“ —

Молодый женихъ сказалъ съ усмѣшкою, что онъ соглашается на ея справедливые доводы и предаетъ совершенно въ ея волю отсрочку свадьбы. — Ето согласіе, которое по видимому Баронъ далъ безъ всякаго сопротивленія, рѣшительно утвердило г-жу Ельменгорстъ въ тѣхъ мысляхъ, что Баронъ очень мало занимался Наталіей. — Гофмаршалу отсрочка свадьбы весьма не понравилась; однакожъ и онъ согласился, потому единственно что правила большаго свѣта запрещали отцу торопиться съ замужст-

вомъ дочери; за то онъ требовалъ отъ супруги своей обѣщанія цѣлый годъ етой отсрочки провести въ городѣ. — „Здоровье Наталіи весьма много отъ етаго потерпитъ: она привыкла къ простой деревенской жизни, совершенно отличной отъ обыкновенной шумной жизни большаго свѣта; — въ будущую зиму я постараюсь приучить ее къ шуму столицы. Повѣрьте мнѣ," прибавила она съ чувствомъ „что въ деревнѣ сердца нашихъ дѣтей могутъ быть ближе одно къ другому, и можетъ быть Адельстанъ и Наталія нѣкогда съ восторгомъ будутъ вспоминать о блаженныхъ часахъ, проведенныхъ ими въ нѣдрахъ природы, далеко отъ разсѣянія и блеска придворнаго." — Наталія бросилась въ объятія матери съ такимъ восторгомъ, который ясно доказывалъ, что она была одного съ нею мнѣнія. — Адельстанъ не зналъ, что́ сказать; къ счастію гости, приглашенные на вечеръ для торжества сговора, начали съѣзжаться, помѣшали продолженію разговора, и Баронъ былъ сердечно обрадованъ етому препятствію. Онъ тогда же положилъ, сколько возможно рѣже посѣщать деревню, гдѣ могъ встрѣтить мать такую философку и дочь съ такимъ романическимъ воображеніемъ. — Началось толкованіями о приданомъ; Баронъ сдѣлался внимательнѣе, и за долгъ почелъ прибавить, что со своей

стороны даритъ невѣстѣ большой домъ, который предполагаетъ выстроить лѣтомъ въ своей деревнѣ, ближайшей къ столицѣ.

Общество отборное, блестящее съѣхалось, контрактъ подписали, размѣнялись кольцами, и балъ великолѣпный утѣшилъ молодаго жениха *за полчаса скучнаго разговора.* — Баронъ за тайну объявилъ ето каждой красавицѣ, танцовалъ весь вечеръ, и сказавши мимоходомъ нѣсколько нѣжныхъ словъ Наталіи, полагалъ, что онъ совершенно выполнилъ обязанности жениха. Мудрено поручиться даже, точно ли вспомнилъ бы онъ, какое лице играетъ на балѣ, еслибъ вензеловыя буквы А. и Н., замысловато связанныя цвѣточными цѣпями на большомъ щитѣ, блиставшемъ передъ балкономъ, не напоминали ему о свершившемся недавно обрученіи. — Поздно возвратился онъ домой; всю ночь мечтались ему сны, напоминавшіе вечеръ, весьма пріятно проведенный; но, одѣваясь на другой день, Баронъ вспомнилъ, что въ ето самое утро надобно сдѣлать визитъ молодой невѣстѣ и будущей своей тещѣ, которая говорила ему о *домашнемъ счастіи*, о *пріятностяхъ деревенской жизни*, о *любви*, о *нѣжномъ сліяніи двухъ юныхъ сердецъ*: — одно ето уже заставило зѣвать бѣднаго Барона.— Онъ не находилъ никакого смысла въ стран-

ныхъ мечтаніяхъ г-жи Ельменгорстъ; всегда представляя себѣ супружество въ иномъ видѣ, Баронъ ужаснулся. Визитъ, который онъ *непремѣнно* долженъ былъ сдѣлать молодой невѣстѣ, показался ему началомъ тягостныхъ обязанностей супруга, а г-жа Ельменгорстъ самою странною женщиной. — Рѣшась жениться, онъ хотѣлъ только раздѣлить съ Наталіей свое имя, званіе — о сердцѣ ни слова — и могъ ли онъ думать, что молодая дѣвушка, воспитанная въ уединеніи, для которой свѣтъ (куда Баронъ введетъ ее) представитъ новыя утѣхи и удовольствія, чтобы такая дѣвушка потребовала отъ него вздоховъ и любви страстной? . . .

Такъ размышлялъ Баронъ. — Посмотримъ, что происходитъ въ домѣ Гофмаршала. Прелестная Наталія разсуждала также о днѣ своего обрученія и была очень недовольна: не смотря на свою неопытность, она примѣтила, что будущій супругъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ нѣжнымъ чувствамъ любви ея. Подписывая контрактъ, которымъ навсегда рѣшалась судьба ихъ обоихъ, Наталія дрожала, была такъ смущена, что едва могла написать свое имя, и слезы потекли изъ глазъ ея; но Адельстанъ смѣялся подписывая, и шутилъ надъ романическими расположеніями своей невѣсты. — Во время бала онъ также смѣял-

ся, говорилъ со всѣми прекрасными женщинами и ни однимъ словомъ, ни однимъ взоромъ не сказалъ Наталіи, что онъ отдаетъ ей преимущество предъ всѣми другими. — Не смотря на усталость, Наталія не могла уснуть, и когда по утру явилась къ своей матери, г-жа Ельменгорстъ ясно увидѣла на лицѣ ея чувства, обременявшія сердце; но, какъ благоразумная мать, она скрыла свою печаль, не старалась вывѣдать причинъ грусти, а Наталія съ своей стороны, не желая опечалить матери, притворялась веселою. — Можетъ быть я несправедливо думаю о Баронѣ; говорила она самой себѣ: можетъ быть мущины въ самыхъ важныхъ дѣлахъ *могутъ* сохранять веселость и живость свою... Но если онъ меня любитъ, то конечно столь же нетерпѣливо желаетъ теперь видѣться со мною; а если Адельстанъ сего дня приѣдетъ къ намъ — ахъ! я чувствую, онъ приѣдетъ...— тогда всѣ подозрѣнія исчезнутъ, и я смѣло могу говорить: онъ меня любитъ!... —

Но время проходитъ — Адельстанъ не является... При всякомъ движеніи въ комнатахъ Наталія трепещетъ... наконецъ ударилъ часъ — нѣтъ Адельстана: онъ не ѣдетъ самъ, даже не присылаетъ освѣдомиться о здоровьѣ Наталіи!... Такая холодность отъ человѣка, съ которымъ она

должна была соединиться вѣчными, неразрывными узами, растерзала сердце бѣдной дѣвушки: Наталія со слезами бросилась въ объятія своей матери, повторяя: Маменька! онъ не любитъ меня! ... онъ не будетъ меня любить!... Г-жа Ельменгорстъ не знала, что ей отвѣчать; молчала, прижимала дочь къ своему сердцу. — „Поѣдемъ въ нашу деревню, маменька! сей часъ поѣдемъ туда ... столица мнѣ сдѣлалась несносною ... я хочу дышать свободно, а здѣсь не могу!.. Ради Бога, поѣдемъ поскорѣе: никто не примѣтитъ нашего отсутствія ...“ — Но ты знаешь, милая Наталья, что надобно проситься у отца твоего; а Адельстанъ?... Развѣ ты хочешь ѣхать, не видавшись съ нимъ? — „Такъ, маменька — я немогу, я не хочу видѣть ... Адельстана. ...“

— Хорошо, другъ мой! сказала г-жа Ельменгорстъ: поѣдемъ, возвратимся въ наше уединеніе. Если Адельстанъ любитъ тебя, онъ поспѣшитъ къ намъ въ деревню; будетъ часто посѣщать насъ, узнаетъ тебя болѣе, и болѣе полюбитъ. Но, если Адельстанъ не будетъ посѣщать насъ — онъ не стоитъ тебя! ... Успокойся, дочь моя: отецъ твой никогда не потребуетъ, чтобы ты заключила такой союзъ, который сдѣлаетъ тебя на всю жизнь несчастливою. Ты освободишься отъ своего обязательства, и

неблагодарный Адельстанъ будетъ забытъ. — Наталія, покачавъ головою, тяжело вздохнула: она чувствовала, какъ трудно ей забыть Адельстана, чувствовала, что разрушеніе условія, съ нимъ заключеннаго, едва ли сдѣлаетъ ее счастливою, и примѣчала въ сердцѣ своемъ странное противорѣчіе, которое одна любовь можетъ намъ истолковать: желаніе *никогда* не видать Адельстана, и въ то же время *всегда* быть съ нимъ вмѣстѣ. — Чему дивиться, что онъ мало дорожитъ мною? говорила Наталья сама себѣ . . . я такъ молода, такъ мало жила въ свѣтѣ . . . Могу ли требовать любви отъ человѣка, который составляетъ украшеніе обществъ, и при Дворѣ уважается? . . . Такъ! съ помощію маменьки, постараюсь себя во всемъ усовершенствовать, и можетъ быть, когда сдѣлаюсь достойною Адельстана, любовь его будетъ моею наградой . . . Пусть теперь онъ видитъ во мнѣ только дочь Гофмаршала, простую, застѣнчивую дѣвушку, которая воспитана въ деревнѣ: тѣмъ болѣе удивится перемѣнѣ, когда явлюсь къ нему въ блестящемъ видѣ . . . Поспѣшимъ же ѣхать . . . скорѣе, скорѣе . . . — Она побѣжала въ кабинетъ отца своего и безъ труда выпросила позволеніе удалиться съ матерью — Гофмаршалъ былъ очень веселъ: онъ просваталъ дочь свою за молодаго Барона Адельстана, моднаго, богатаго, блестящаго

при Дворѣ. . . . Чего еще не доставало къ благополучію Натальи? Сверхъ того, судя по себѣ, онъ навѣрное полагалъ, что и дочь, узнавши веселости столицы, не заживется въ деревнѣ. „Я надѣюсь," сказалъ онъ своей супругѣ „что вы не будете принуждать Наталію къ уединенной жизни." — Не уже ли, вы примѣтили, чтобы я когда нибудь *принуждала* милую мою Наталію? — возразила г-жа Ельменгорстъ. Гофмаршалъ замолчалъ. Онѣ садятся въ карету, кучеръ хлопаетъ бичемъ. . . . Въ эту самую минуту Баронъ Адельстанъ, одѣтый богато, по послѣдней модѣ, является въ великолѣпномъ екипажѣ. — Онъ съ улыбкою кланяется . . . Наталія взглядываетъ на мать свою . . . . хочетъ остановить кучера . . . медлитъ . . . бичь хлопнулъ еще разъ — и карета помчалась. . . . Каждое мгновеніе болѣе удаляетъ ее отъ пригожаго, но невнимательнаго Адельстана.

Сначала Баронъ подумалъ, что онѣ ѣдутъ гулять, и мысленно поздравлялъ себя съ тѣмъ, что избавился отъ скучнаго, нравоучительнаго разговора о супружескихъ обязанностяхъ; но, когда Гофмаршалъ объявилъ нареченному зятю, что г-жа Ельменгорстъ съ Наталіей отправилась въ деревню на все лѣто, Баронъ сталъ дышать еще сво-

боднѣе и сердечно обрадовался. — „Ето выдумка моей *сентиментальной* супруги" прибавилъ Гофмаршалъ: „ей разсудилось въ тишинѣ сельскаго уединенія показать Натали всѣ обязанности новаго званія, растолковать должности супруги и можетъ быть — *приучить ее къ хозяйству*. . . Если вы, Баронъ, не вмѣшаетесь въ ето образованіе, то смѣло увѣряю васъ, что получите самую *разумную*, самую *кроткую*, самую *скучную* подругу, которая будетъ пламенно любить своего мужа и уединеніе." — Адельстанъ смѣялся вмѣстѣ съ Гофмаршаломъ. Онъ предался всѣмъ свѣтскимъ разсѣяніямъ, всѣмъ забавамъ столицы и — почти забылъ, что у него есть невѣста. . .

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Гофмаршалъ въ шуткахъ напомнилъ будущему зятю, что надобно ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ деревню Ельменгорстъ. — „Васъ тамъ будутъ журить; но не бойтесь, я вамъ защита." Адельстанъ, чувствуя, что онъ въ самомъ дѣлѣ заслужилъ упреки, отвѣчалъ Гофмаршалу, что не можетъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, ибо спѣшитъ въ свое помѣстье Форштейнъ, гдѣ живетъ его архитекторъ и собраны всѣ матеріалы для построенія новаго замка. — Вы согласитесь, что все ето требуетъ личнаго моего

присутствія, и я не могу имѣть чести видѣть прелестную Наталію, для того единственно чтобы съ большимъ великолѣпіемъ принять ее послѣ въ моемъ владѣніи, принять какъ богиню, которая одушевитъ собою сельское уединеніе.

Гофмаршалъ нашелъ справедливыми сіи причины, и за то самаго себя уволилъ отъ скучнаго путешествія въ деревню. — Адельстанъ же поспѣшилъ отправиться въ Форштейнъ. — Прожить нѣсколько времени въ своемъ помѣстьѣ небыло для него тягостнымъ дѣломъ, ибо онъ много занимался новымъ замкомъ, который строился подъ присмотромъ молодаго, и что еще важнѣе, моднаго архитектора; ибо мода простираетъ власть свою даже на славу артистовъ. Къ томужъ, мѣстоположеніе Форштейна было плѣнительно. Прибавьте множество зайцовъ, мѣста удобныя для охоты; и наконецъ — тамошнія дѣвушки считались самыми прелестными во всей Германіи. — Каждый годъ Баронъ учреждалъ для милыхъ крестьянокъ веселые пиры, праздники и осыпалъ ихъ благодѣяніями. Пріѣздъ молодаго, красиваго и богатаго господина всегда приводилъ страсти въ движеніе и былъ предметомъ разговоровъ для дѣвушекъ, предметомъ гордости для матерей, скупости для отцовъ и страхомъ для сельскихъ любовниковъ. — Адельстанъ имѣлъ особенное искусство всѣхъ

согласить, всѣхъ обрадовать, и часто отъѣздъ его бывалъ сопровождаемъ благословеніями молодыхъ супруговъ, которые чрезъ него сдѣлались счастливыми. — Въ нынѣшній разъ никто такъ пламенно не желалъ прибытія Баронова, какъ молодый Вернеръ, сынъ управителя, старика богатаго и довольно угрюмаго. Вернеръ страстно любилъ Лизу, дочь школьнаго учителя, и вмѣстѣ музыканта; но етотъ учитель былъ бѣденъ, и старикъ Вернеръ слышать не хотѣлъ, чтобы сынъ его женился на бѣдной Лизѣ. Мастеръ, боясь дурныхъ слѣдствій, отвезъ дочь свою къ дядѣ въ другую деревню, ибо начиталъ въ Овидіѣ, что разлука и безнадежность любви наконецъ побѣждаютъ Амура; но, или времена перемѣнились, или онъ чего нибудь не предусмотрѣлъ, только разлука еще болѣе усилила страсть нашихъ любовниковъ. — Молодой Вернеръ молчалъ, сдѣлался худъ, блѣденъ, и старикъ, боясь лишиться сына, принужденъ былъ просить учителя вызвать Лизу обратно. — Старикъ ни слова не сказалъ о своемъ согласіи, но прозьба его подавала великія надежды. — Ахъ! если бы добрый нашъ Баронъ пріѣхалъ поскорѣе! безпрестанно твердилъ молодый Вернеръ: я увѣренъ, что Лиза была бы моею. — „Послушай, жена!" сказалъ въ свою очередь учитель: „увѣряю тебя, что по пріѣздѣ Ба-

рона Лиза наша сдѣлается госпожею Вернерѣ.“ — Онѣ значительно покачалѣ головою, поѣхалѣ за Лизою и привезѣ ее домой. — Вмѣстѣ сѣ ними пріѣхала вѣ Форштейнѣ молодая дѣвушка, племянница Лизина отца, которую онѣ вздумалѣ учить пѣнію и игрѣ на клависинѣ, по причинѣ прекраснаго ея голоса. —

Кромѣ голоса, Роза (такѣ называлась племянница) имѣла множество преимуществѣ предѣ прочими дѣвушками: прекрасная, какѣ Майское утро, она была единственная дочь какого-то богатаго мѣльника, который по горячей любви своей неотказывалѣ ей ни вѣ чемѣ, а потому Роза всегда являлась вѣ деревенскомѣ, но щегольскомѣ нарядѣ. — Лиза не могла не страшиться, подумавѣ, какую опасную соперницу везетѣ сѣ собою. — Послѣдствіе доказало, что истинный любовникѣ всегда почитаетѣ любезную свою первою красавицей вѣ свѣтѣ: Вернерѣ любилѣ Розу только по тому, что она была подруга Лизы, не смотря что отецѣ его совѣтовалѣ и даже *приказывалѣ* ему влюбиться вѣ новую красавицу; — судьба приготовляла для Розы другую, болѣе блистательную побѣду.

Пусть Наталія горюетѣ и повторяетѣ матери своей: „онѣ нелюбитѣ меня!

онъ меня забылъ!" . . . . . Оставимъ добрую мать, которая мало помалу старалась привести въ забвеніе вѣтреннаго жениха Наталіи, и послѣдуемъ за Барономъ въ Форштейнъ, гдѣ ожидаютъ его многія странныя приключенія.

Мы сказали выше, въ какомъ положеніи были дѣла въ етой деревнѣ. Вдругъ Едмондъ, молодой Архитекторъ, управлявшій строеніемъ за́мка, получилъ отъ Барона извѣстіе о скоромъ его прибытіи. Молва разнеслась вездѣ, и все пришло въ движеніе. Едмондъ, имѣя склонность къ Поезіи, сочинилъ небольшую интермедію, гдѣ Лиза и Роза должны были играть главныя роли; учитель положилъ слова на музыку, и все было приготовлено съ отличнымъ вкусомъ. Приближаясь къ за́мку, Баронъ издалека услышалъ звуки сельской музыки, и въ аллеѣ густыхъ липъ увидѣлъ множество молодыхъ людей, которые при свѣтѣ иллюминаціи плясали, пѣли, гуляли по лугу и между деревьями. Адельстанъ протиралъ глаза, думая, не во снѣ онъ все ето видитъ. Съ приближеніемъ его веселость увеличилась. Едмондъ подходитъ, помогаетъ ему выдти изъ коляски, ведетъ его въ густую рощу, гдѣ между деревами былъ воздвигнутъ прекрасный сельскій павильонъ, украшенный цвѣтами и прозрачнымъ изображеніемъ вен-

телей Адельстана и Наталіи. — Дверь павильона отворяется, двѣ молодыя дѣвушки, одѣтыя подобно Нимфамъ, которыхъ изобрѣло игривое воображеніе Грековъ, приближаются къ Барону: это были Лиза и Роза. — Русые Лизины волосы падали волнами на плеча, а черные локоны Розы вились даже до пояса. Держась за руки, обѣ подносили Барону цѣпь изъ розъ и незабудокъ. Обѣ были милы, прекрасны; но Баронъ восхищался, взирая на прелестную Розу: искалъ словъ, сравненій — и какъ холодны показались ему въ эту минуту всѣ выдумки стихотворства, всѣ вымышленныя описанія Гебы, Венеры!... Роза и подруга ея приближились, запѣли куплеты, изъявлявшіе радость о пріѣздѣ любезнаго барина; наконецъ Лиза умолкла; Роза начала послѣдній куплетъ, и съ милою робостью пѣла желаніе счастья юной четѣ, Адельстану и Наталіи, — голосъ ея проникъ до глубины сердца. Баронъ въ жизнь свою ничего подобнаго не слыхивалъ. Роза кончила, и съ застѣнчивостью, сдѣлавшись еще милѣе, вмѣстѣ съ Лизою опутала Барона цвѣточною цѣпью. — „Гдѣ я?" воскликнулъ Адельстанъ въ восторгѣ: „о, кто вы, небесныя творенія? Сильфиды или богини?... Вы не можете быть смертныя!..." Лиза засмѣялась. — Милостивый государь! сказала она: мы всѣ обрадованы вашимъ пріѣздомъ; не уже ли

вы насъ не узнаете?... — Ето Лиза Вольмаръ, милостивой баринъ! — сказалъ молодой Вернеръ, приближась къ Барону; она опять къ намъ воротилась, и какъ сами изволите видѣть, стала гораздо лучше прежняго...

— Такъ!... ето ты, Лиза! А ета милая дѣвушка? Мнѣ кажется, я ее знаю, гдѣ-то видалъ... но, право непомню гдѣ, и забылъ ея имя... Только, мы вѣрно были когда нибудь знакомы.... —

„Ето моя двоюродная сестра, Роза Дероше,“ отвѣчала Лиза „дочь дяди моего мѣльника Дероше: она пріѣхала вмѣстѣ со мною и проживетъ здѣсь нѣсколько времени....“

— Какая ты умница, Лиза, что пригласила съ собою милую свою сестрицу!... сказалъ Баронъ. — Онъ взялъ руку Розы, смотрѣлъ на нее... — Но, мы точно съ тобою гдѣ-то видались, милая Роза?...

Роза вся закраснѣлась. Ето случалось нѣсколько разъ, господинъ Баронъ! Ѣздивши на охоту поблизости нашей мѣльницы, вы дѣлали намъ честь вашими посѣщеніями....

„А съ етой минуты“ перерываетъ Адельстанъ „я клянусь, что не забуду ни тебя, ни имени твоего, которое такъ тебѣ пристало!...“ Онъ просилъ повторить ку-

плеты, и желаніе его было исполнено. — Баронъ восхищался и словами и музыкой, хотя слова были самыя простыя, потому что Едмондъ писалъ стихи *самоучкой*. Вотъ они:

Лиза и Роза вмѣстѣ.

Приди подъ скромный, сельскій кровъ —
Тебя здѣсь любятъ, ожидаютъ! . . .
Здѣсь не наборомъ пышныхъ словъ, —
Дѣлами дружбу изъявляютъ. —
Для насъ оставя суеты
И шумъ волненья городскаго,
Тобой счастливыхъ видишь ты —
Вотъ гласъ усердія простаго! . . .

Роза одна.

Слыхали мы, что у бояръ
Бываетъ счастье мимоходомъ;
Но сей безцѣнный Неба даръ
Принесъ къ тебѣ Гименъ приходомъ:
Наталья, твой сердечный другъ,
Тебя, нашъ добрый баринъ, любитъ —
Ты будешь счастливый супругъ,
Амуръ блаженство усугубитъ.

Общій хоръ.

Здравствуй вѣкъ, чета младая!
Вотъ въ подарокъ цѣпь цвѣтовъ. . . ,
Здѣсь, съ восторгомъ васъ встрѣчая,
Всякой васъ любить готовъ. —

— Всѣ мы жалѣемъ, сказала Роза, послѣ пѣнія, что не видимъ вмѣстѣ съ вами благородной вашей невѣсты; это умножило бы наше веселіе. —

„Ты правду говоришь, милая Роза!" подхватилъ Адельстанъ: „а потому и нужно, чтобы кто нибудь заступилъ на сей вечеръ мѣсто Наталіи Ельменгорстъ и представлялъ бы ея особу. Лиза! я не хочу отнимать тебя у Вернера: онъ осердится; но сестра твоя, прелестная Роза, свободна: сдѣлай милость, попроси ее на нынѣшній вечеръ заступить мѣсто будущей моей супруги и быть моею дамой. Она здѣсь не дома, слѣдовательно симъ предпочтеніемъ никто не обидится. Я надѣюсь, Роза, что ты согласишься "примолвилъ онъ, подавая Розѣ руку. Бѣдняжка закраснѣлась, потупила глаза; но шумный вальсъ раздался, и Адельстанъ изумился чудесной ловкости своей красавицы. Весь вечеръ они не разлучались. Адельстанъ часто называлъ ее *любезною* своею *Наталіей*; говорилъ, что она чрезвычайно похожа на невѣсту его; вся разница, повторялъ онъ, въ томъ единственно, что Наталія очень бѣла, нѣжна, блѣдна въ лицѣ, и имѣетъ русые волосы; а Роза смугловата, щеки ея горятъ, и прекрасные черные локоны вьются въ природной небрежности. Впрочемъ Роза также

высока, съ такимъ же станомъ, и не меньше Наталіи искусна въ танцахъ." Адельстанъ былъ очарованъ. Никто изъ крестьянъ не смѣлъ просить танцовать особу, которая представляла невѣсту Барона, а потому Адельстанъ *по неволѣ* долженъ былъ танцовать весь вечеръ съ Розою — словомъ: кромѣ одного вальса съ Лизой, которой онъ говорилъ только о Розѣ, Адельстанъ безпрестанно или танцовалъ, или разговаривалъ съ послѣднею.

. . . . .

Мало помалу Роза оставила свою застѣнчивость; не выходя изъ почтенія, изъ самой строгой благопристойности, она разговаривала свободно и показала умъ необыкновенной. Адельстанъ послѣ контрданса, объятый восторгомъ, сказалъ Розѣ, что она, какъ невѣста, не можетъ не принять отъ своего жениха невиннаго поцѣлуя; но Роза съ учтивою смѣлостію рѣшительно отреклась отъ такого подарка; и вообразите силу красоты ея: вѣтреный придворный оставилъ свое требованіе! . . . Онъ ушелъ поздно усталый, плѣненный Розою; всю ночь ему видѣлась Роза и вмѣстѣ съ нею, какъ будто въ пользу торжества соперницы, Наталія. — На другой день по утру каммердинеръ разсказалъ Барону, что когда онъ ушелъ съ бала, Роза болѣе уже нетанцовала и сама удалилась прежде Лизы. —

Адельстанъ былъ неизъяснимо симъ тронутъ: За завтракомъ онъ только объ Розѣ и говорилъ съ Едмондомъ, который самъ страстно полюбилъ эту красавицу. Я думаю, сказалъ Едмондъ, что если бы Роза была одѣта по городскому и въ великолѣпномъ платьѣ, она не уступила бы вашей невѣстѣ. — „Она превзошла бы ее!" воскликнулъ Адельстанъ: „даже въ деревенскомъ своемъ нарядѣ она гораздо лучше: ея черной корсетъ . . . какъ онъ идетъ къ цвѣту волосъ ея! какъ обрисовалъ легкую ея талію! . . . Знаешь ли, любезный Едмондъ? черные волосы мнѣ всегда казались лучше русыхъ, и по этому именно Роза прекраснѣе Натальи. Впрочемъ онѣ очень похожи одна на другую, если неошибаюсь . . . я, право, худо разсмотрѣлъ дѣвицу Ельменгорстъ. . . ." — За то вы хорошо разсмотрѣли Розу — примолвилъ Едмондъ съ досадою. — „Правда, правда . . . скажу тебѣ, другъ мой, Роза привела меня въ восхищеніе; а какъ я примѣчаю, что и ты также не слишкомъ равнодушенъ къ ея красотѣ, то не угодно ли вмѣстѣ со мною сдѣлать визитъ старому Волману (такъ назывался учитель)? Полно хмуриться — будемъ соперниками и друзьями! . . ." — Соперниками?. . . Я думаю, господинъ Баронъ, что хотя Роза вчера представляла вашу невѣсту; но мнѣ смѣло можно любить ее и всего на-

дѣяться. . . а въ вашей особѣ она должна видѣть — супруга госпожи Баронессы. . . — „Я не спорю — пусть она видитъ во мнѣ, что хочетъ; да и визитъ нашъ совсѣмъ относится не къ Розѣ: музыка сдѣлана къ стихамъ твоимъ прекрасная, и я хочу имѣть у себя списокъ; до сихъ поръ не зналъ я, что старый Волманъ такой искусный композитеръ.“

Едмондъ замолчалъ, и оба они отправились къ знаменитому композитеру. Представьте восхищеніе и радость добраго старика, когда Баронъ, такой знатокъ въ музыкѣ и самъ почти виртуозъ, попросилъ у него списка дуета, сказавши, что онъ хочетъ талантъ его сдѣлать извѣстнымъ въ городѣ и при Дворѣ! . . . Едва Баронъ изъявилъ желаніе еще разъ слышать эту прелестную музыку, какъ Волманъ опрометью бросился въ садъ, гдѣ работали вмѣстѣ Лиза и Роза. — „Ступайте скорѣе сюда!“ кричалъ онъ „вѣдь я вамъ сказывалъ, что будетъ когда нибудь и на нашей улицѣ праздникъ. . . Теперь-то покажу, каковъ я! . .“ Въ это время вошли въ садикъ Баронъ съ Едмондомъ. Обѣ подруги сидѣли подъ тѣнью деревъ въ простомъ, сельскомъ нарядѣ и въ большихъ соломенныхъ шляпкахъ: этотъ нарядъ не былъ такъ блистателенъ, какъ вчерашній; но красавицы казались еще

милѣе. Онѣ встали и поклонились Барону такъ мило, такъ вѣжливо; прелестный румянецъ и потупленные взоры показывали небольшое замѣшательство... — „Не думаете ли вы, что посѣщеніе высокороднаго Барона относится къ вамъ?" — сказалъ старый Волманъ съ радостною улыбкою: „нѣтъ, мои сударыни! . . . ошибаетесь . . . ето я, ето моя музыка . . . Я вѣдь говорилъ вамъ, что высокородный господинъ Баронъ вчера восхищался, что моя пѣсенка надѣлаетъ шуму — вотъ и сбылось! . . . Такъ, ничего . . бездѣлица! Господинъ Баронъ повезетъ ее ко Двору, Принцъ увидитъ, Принцесса будетъ пѣть — а тамъ начнутъ шептать: *кто етотъ Волманъ? гдѣ онъ живетъ?* Ха! ха! ха! . . . Пойдемте скорѣе въ комнату: вы будете аккомпанировать моему клависину. . . . а господинъ Баронъ послушаетъ. . . .

Но господинъ Баронъ вовсе забылъ, за чѣмъ пришелъ къ композитеру: все его вниманіе обратилось на Розу; онъ болѣе ничего не слыхалъ и не видалъ, и Роза была мила и прелестна: бѣлый корсетъ, небрежно застегнутый, обрисовалъ прекрасныя формы ея таліи; бѣлыя, полныя ручки только сверху закрывались тонкою рубашкой; черные волосы вились локонами по плечамъ и еще болѣе оттѣняли бѣлизну лица

и румянецъ щекъ. . . . Смущенная страстными, пламенными взорами Адельстана, Роза покраснѣла, отвернулась и надвинула на глаза большую свою соломенную шляпку.

„Приготовилиль вы цвѣтовъ для своего жениха?" спросилъ ее Едмондъ съ улыбкою. — У меня нѣтъ жениха, господинъ Едмондъ; — отвѣчала Роза: — сего дня я ужь не Наталія, а дѣвица Роза Дероше...— „Ахъ, нѣтъ! . . . я хочу просить тебя, милая Роза" воскликнулъ Адельстанъ „хочу просить, чтобы ты играла роль Натаніи во все пребываніе мое здѣсь въ деревнѣ. Въ етомъ не будетъ никакого затрудненія: я стану изрѣдка посѣщать васъ, дарить цвѣтами, танцовать съ тобою на сельскихъ балахъ. Надѣюсь, ты не откажешься. . . Господинъ Волманъ! вступитесь за меня: уговорите племянницу вашу не прекращать невинной шутки. . ." — Роза, полно дурачиться! Можно ли отказываться отъ лестной почести представлять будущую госпожу Баронессу и танцовать съ господиномъ Барономъ? . . . — „Будучи племянницей человѣка, знаменитаго талантами, ты сдѣлаешь честь моей невѣстѣ;" прибавилъ Адельстанъ. Волманъ гордо посмотрѣлъ на всѣхъ, а Роза не знала, чтó сказать. . — „Теперь я вижу, милая Роза," воскликнулъ Баронъ „вижу, что ты согласна! . . Нѣтъ!

ты не откажешь мнѣ въ етой бездѣлицѣ..." Онъ взялъ ея руку и пожалъ тихонько. — Но, что скажетъ дѣвица Ельменгорстъ? сказала Роза въ полголоса: что она скажетъ, узнавши, что простая крестьянка осмѣлилась представлять ея особу? — „Она оправдаетъ мой выборъ, когда увидитъ тебя. Чтобы безпрестанно думать о Наталіи, недолженъ ли я былъ выбрать какой-нибудь предметъ, который бы напоминалъ ее? А что всего лучше — ты немного похожа на мою невѣсту, если не красивѣе... И такъ, милая Наталія, милая моя невѣста!" прибавилъ Адельстанъ „пропой мнѣ снова любезную мою пѣсенку: еслибъ истинная Наталія услышала твой голосъ, она бы тебѣ позавидовала." — Ахъ, можно ли? — сказала Роза — можно ли, чтобы крестьянка, которая ничего невидала и незнаетъ, пѣла лучше богатой барышни, которую всему учатъ и все показываютъ... — „Ето правда;" отвѣчалъ Адельстанъ въ разсѣяніи: „но въ тебѣ виденъ чудесный даръ пѣть, а талантъ Наталіи . . . можно сказать . . . еще не развернулся. . . ."

(*Будетъ продолженіе.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Умирающій воинъ.

Смотри — тамъ зарево раскинули пожары,
Бѣжитъ смятенный врагъ — дружины въ слѣдъ за нимъ! . . .
Побѣды кликъ — вдали громовъ удары —
И поле облакомъ покрылъ отвсюду дымъ. . . .
На полѣ брани низложенный,
Прелестный юноша въ крови на прахъ упалъ,
И пулей роковой сраженный,
Померкшій взоръ къ отчизнѣ обращалъ. . . .
,,Прости, моя отчизна дорогая! . . .
Простите, милые отечески края! . . .
Я счастливъ, за тебя средь брани умирая —
О родина счастливая моя!
Гдѣ вы теперь, товарищи игривы,
Вы, юности моей сопутники, друзья?
Ахъ! зналъ ли я, веселый, горделивый,
Что жертвою останусь брани я! . . .
А ты, Мальвина, другъ мой милый, незабвенный!
Въ послѣдній жизни часъ могуль тебя забыть?
Мечта отрадная! . . . придешь ли, другъ безцѣнный,
Мою забвенную могилу посѣтить? . . .

Напрасно намъ любовь блаженство обѣщала;
Я все забылъ — и къ брани поспѣшалъ —
И слава мнѣ въ мерцаньи заблистала. . . ."
— Онъ сжавъ копье — навѣки замолчалъ. . . .

П — й.

Три слова.

Сашета, милый другъ! въ послѣдній часъ прощанья
Я въ трехъ словахъ хочу тебѣ изобразить
Всю славу, радости и всѣ мои желанья:
Любилъ тебя, *люблю* и *буду* ввѣкъ *любить!* . . ."

Н. По — й.

12 Февраля.
1820.

Къ О*** М*** С....й.

(*Въ день ея рожденія, Мая 14.*)

И ты, какъ роза, дочь весны:
Такъ дивноль, что тебѣ, съ любимицею Флоры
Всѣ качества даны
И душу восхищать и взоры!

Н. Ш — въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Аналитика и о Діалектикѣ.

(Окончаніе.)

Точно такимъ же образомъ, какъ изъ понятій составляются сужденія посредствомъ сравненія, изъ сужденій составляются *умозаключенія.*

Кромѣ двухъ понятій, заключающихся въ подлежащемъ и сказуемомъ, необходимо трешіе посредствующее — это есть главное условіе *умозаключенія.*

Иногда справедливость заключенія бываетъ столько очевидна, что мы убѣждаемся въ ней безъ посредствующаго понятія. Такъ зная, что главное свойство рода заключается и въ его видѣ, все то, что́ утверждаемъ о родѣ, утверждаемъ и о видѣ. Въ сужденіяхъ противурѣчащихъ заключаемъ, что онѣ оба справедливы быть не могутъ; въ сужденіяхъ противуположныхъ общихъ всегда бываемъ увѣрены, что одно только изъ нихъ должно быть справедливо,

и напротивъ оба могутъ быть ложны; наконецъ въ сужденіяхъ противуположныхъ частныхъ знаемъ, что онѣ оба могутъ быть справедливы (*). — Но въ такихъ сужденіяхъ, въ которыхъ связь не совсѣмъ очевидна, мы сравниваемъ каждое изъ нихъ съ однимъ какимъ-либо понятіемъ, и если онѣ оба съ нимъ согласны, то заключаемъ, что онѣ согласны и между собою. — Отсюда раздѣленіе умствованій на *непосредственныя* и *посредственныя*.

Изъ сего основанія посредственныхъ умствованій, т. е. что *два понятія, согласныя съ третьимъ, согласны и между собою*, слѣдуетъ правило и вразсужденіи *заключенія* и вразсужденіи *посылокъ*. Безъ сомнѣнія, не можно получить желаемаго заключенія, когда два данныя сужденія будутъ только *отчасти* согласны съ третьимъ, или когда совсѣмъ съ нимъ не согласны; изъ сего выведено правило: когда обѣ посылки частныя или отрицательныя, то по нимъ не льзя сдѣлать никакого заключенія; напротивъ, когда одна изъ нихъ частная или отрицательная, другая же общая или утвердительная, то заключеніе въ первомъ случаѣ бываетъ *частное*, а во вто-

(*) Здѣсь, для краткости, пропущены примѣры.

ромъ *отрицательное*. Справедливость сего также не трудно замѣтить, если припомнимъ, что посредствующее понятіе повторяется въ обѣихъ посылкахъ, и тогда только уничтожается въ заключеніи, когда повторяется совершенно *одинаково*. Если же въ одной посылкѣ встрѣчается при немъ или ограниченіе, или отрицаніе, то и заключеніе принимаетъ такія же свойства; наконецъ оно бываетъ *общее* и *утвердительное*, когда обѣ посылки общія и утвердительныя (*).

Разсматривая сужденія, мы видимъ, что связь одного понятія съ другимъ иногда бываетъ прямая, иногда условная или раздѣлительная. Также и умозаключенія по симъ свойствамъ сужденій раздѣляются: на *прямыя*, *условныя* и *раздѣлительныя*. Сверхъ сего часто одна посылка пропускается, иногда напротивъ раздѣляется; отсюда происходятъ такъ называемыя *ентимемы* и *сориты* или сокращенныя и распространенныя умозаключенія. Посредствующія понятія, занимая мѣсто то подлежащаго, то сказуемаго, производятъ разные роды умозаключеній; а отъ качества посылокъ происходятъ различные ихъ *виды*. Что касается до мѣста посредствующаго понятія,

(*) Всякой легко можетъ сдѣлать приложеніе.

или *средняго термина*, то оно бываетъ въ обѣихъ посылкахъ — сказуемымъ, также подлежащимъ; или въ одной изъ нихъ сказуемымъ, въ другой подлежащимъ (*).

Древніе называли сіи различныя свойства умозаключеній *фигурами*, изъ которыхъ каждая имѣла свое названіе, каковы: CelArEnt, fEstInO, fErJsOn и проч. (**).

Изъ всего етаго слѣдуетъ, что мы въ разсматриваніи истины имѣемъ одно только средство открывать ее, т. е. идти отъ извѣстныхъ понятій къ неизвѣстнымъ; по етому въ каждомъ вопросѣ, которой требуется рѣшить, и въ каждомъ предложеніи, которое должно доказать, необходимо имѣть *извѣстныя условія*, на пр. причину, чтобъ найти дѣйствіе, и на оборотъ, дѣйствіе, чтобъ найти причину.

Ета мысль ведетъ къ другому новому заключенію: что всякой вопросъ и всякое предложеніе *заключаетъ въ себѣ рѣшеніе и доказательство*, а потому вся трудность сужденія и состоитъ въ томъ, чтобъ извѣстныя понятія отдѣлить отъ неиз-

---

(*) Пропущены примѣры.

(**) Что значатъ знаки: A, E, J, O, видно было въ статьѣ о сужденіяхъ. Согласныя же прибавлены для того, чтобъ удобнѣе помнить названія фигуръ.

вѣстныхъ. Для сего нужныя средства и способы заключаются въ умѣніи дѣлить понятія на общія и частныя, на роды, виды и особыя.

Если бы нужно было отвѣчать на вопросъ: *въ чемъ состоитъ начало способностей нашихъ, или въ какой способности душа наша прежде всего обнаруживается?* — етотъ вопросъ можно рѣшить, потому что онъ содержитъ въ себѣ всѣ нужныя условія и извѣстныя. Прежде всего раздѣлимъ сложное понятіе *способности* на *частныя*, его составляющія; мы получимъ: *память, воображеніе, чувствованія;* теперь данный вопросъ перемѣняется въ слѣдующій: *какая начальная способность способностей: памятовать, воображать, чувствовать?* При малѣйшемъ вниманіи можемъ видѣть, что искомое неизвѣстное заключается въ каждой изъ упомянутыхъ способностей; его нужно только отдѣлить, и если припомнимъ, что для того, дабы чувствовать, нужно прежде, чтобъ душа ощущала; дабы воображать и памятовать, надобно также чтобъ душа прежде чувствовала и ощущала. Понятіе *ощущенія*, служащее основаніемъ помянутымъ способностямъ, и входя въ составъ каждой изъ нихъ, должно быть принято *за способность начальную* (*).

(*) Подробнѣйшее приложеніе сего Логическаго уравненія оставлено, для краткости.

Такимъ образомъ рѣшается всякое сбивчивое и сомнительное предложеніе, если мы каждую часть его правильно разложимъ, отдѣлимъ извѣстныя понятія отъ тѣхъ, которыя казались сомнительными или неизвѣстными, и дадимъ ему самое простѣйшее выраженіе.

О Діалектикѣ.

Общіе источники мыслей, изъ которыхъ почерпаются описанія и доказательства для каждаго предмета, составляютъ Діалектику, третью часть чистой Логики.

О какомъ бы предметѣ мы ни говорили, прежде всего должны отдѣлить его отъ всѣхъ прочихъ; отдѣлить же не иначе можемъ, какъ открывъ отличительныя его свойства, и тогда мы *опредѣляемъ*.

Но большая часть понятій, о которыхъ мы разсуждаемъ, бываютъ понятія сложныя; это самое заставляетъ насъ ихъ *раздѣлять* или разлагать.

Сличая предметъ и части его съ другими предметами, мы замѣчаемъ многія свойства или *сходныя* или *несходныя*. Предметы въ природѣ и дѣйствія ихъ тѣсно между собою связаны; отъ того понятія

наши о предметахъ дѣйствія имѣютъ между собою такую связь, что одно служитъ другому причиною, или одно бываетъ дѣйствіемъ другаго; почему, говоря о причинѣ, не льзя не упомянуть о дѣйствіи, и на оборотъ.

Отсюда общими источниками логическаго доказательства или умозаключенія и ораторскаго изобрѣтенія почитаются: *опредѣленіе*, *раздѣленіе*, *отношеніе рода къ видамъ и видовъ къ роду*, *сходство*, *противуположность*, *причина и дѣйствіе*. У древнихъ они назывались *топиками*.

Противъ опредѣленія бываютъ ошибки въ сужденіяхъ нашихъ, когда кто доказываетъ другое, нежели что доказать требуется; такъ часто Софисты заставляли преклониться на свою сторону доводами, которые нимало не относились къ доказываемому предмету. Иногда начинаютъ выводить заключенія изъ такого предложенія, которое еще требуетъ доказательствъ. Таковы заключенія, выведенныя изъ Птоломеевой системы міра, Декартовой Космогоніи, изъ системъ Руссовыхъ (*).

(*) Здѣсь оставлены выписки изъ сихъ писателей.

Неправильное раздѣленіе или разложеніе понятій также вводитъ въ заблужденіе. Каждая часть понятія имѣетъ свое отличительное свойство, — и потому, чтобы произнести вѣрный судъ о цѣломъ, необходимо должно разсмотрѣть все, что составляетъ какое-либо понятіе сложное. Напротивъ тѣ, которые намѣрены убѣдить насъ въ своемъ ложномъ мнѣніи, упускаютъ изъ виду необходимое качество предмета. Иногда, исчисляя всѣ части, выражаютъ ихъ двусмысленно. Множество подобныхъ невѣрныхъ доказательствъ можно встрѣтить въ сочиненіяхъ, особенно относящихся къ объясненію свободной воли человѣка, духовности души и другихъ нравственныхъ предметовъ (*). —

Иные доказываютъ однимъ только сходствомъ, между тѣмъ какъ разумъ требуетъ доводовъ существенныхъ, по тѣмъ признакамъ или качествамъ понятія, которыя его составляютъ; часто подобныя заключенія могутъ приводить къ счастливымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыхъ однако не льзя принимать за настоящую истину. Никто не станетъ убѣждать другихъ въ томъ, что луна имѣетъ обитателей своихъ, хотя движенія ея, сходныя съ движе-

(*) Софистическія мнѣнія, относящіяся къ сему роду заблужденій, также оставлены.

ніями нашей планеты, подаютъ мысль и объ одинакомъ ея назначеніи.

Всего чаще мы ошибаемся въ сужденіяхъ, принимая за причину то, что не имѣетъ ни малѣйшаго свойства причины. Также судимъ о вещахъ по наружнымъ и случайнымъ признакамъ, между тѣмъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ качество существенное и непосредственное. Два современныя происшествія иногда такъ смѣшиваемъ, что принимаемъ одно за слѣдствіе другаго, хотя они не имѣютъ между собою никакой связи. — Ошибаемся въ заключеніяхъ нашихъ тогда, когда принимаемъ предъидущее за послѣдующее, и на оборотъ. Отъ сихъ ложныхъ заключеній произошли суевѣрныя мнѣнія о кометахъ, о предвѣщаніи птицъ, о томъ, что иной человѣкъ можетъ принести съ собою другому счастіе. Во всѣхъ сихъ случаяхъ мы принимаемъ за причину или дѣйствіе какого-либо предмета то, что съ нимъ въ одно только время случается.

Сообразивъ, какимъ образомъ всѣ части, составляющія предметъ, предложенн на изслѣдованіе, представляется еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ должно расположить доказательства? Иные, начиная съ общихъ извѣстныхъ истинъ, которыя

раздѣляютъ на виды, разсматриваютъ ихъ по сходству и разности съ другими предметами, и отъ одного начала, служащаго основаніемъ какому-либо цѣлому понятію, идутъ въ доказательствахъ своихъ къ частямъ. Сей способъ, бывшій болѣе въ употребленіи у всѣхъ древнихъ, называется *Синтетическимъ*. Такъ обыкновенно излагаются науки, уже приведенныя въ систему. Но сей родъ доказательствъ, при всей опредѣленности своей, не можетъ вести къ новымъ заключеніямъ.

Другіе прежде всего разсматриваютъ части, и какъ каждая часть въ извѣстномъ цѣломъ соединена съ другою, то, постепенно наблюдая ихъ, доходятъ до общаго заключенія, которое въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ мыслямъ есть то же, что причина въ отношеніи къ дѣйствію. Такой способъ доказательствъ, употребляемый болѣе новѣйшими, называется *Аналитическимъ*, и какъ онъ только тогда удовлетворяетъ любопытству нашему, когда доводитъ до мысли главной, существенной и служащей основаніемъ, и послѣ дѣлаетъ насъ способными ту же истину примѣнить къ другимъ предметамъ; то и называется способомъ изобрѣтательнымъ (*).

(*) Примѣненіе къ различнымъ сочиненіямъ.

Есть предметы, при разсматриваніи которыхъ довольно указать на опыты, постигаемые чувствами; такія доказательства называются собственно *опытными*. Но въ предметахъ нравственныхъ сей родъ доказательствъ бываетъ недостаточенъ, почему мы должны бываемъ выводить заключенія свои изъ началъ разума и сіи истины примѣнять къ опытамъ; такія доказательства называются *умственными*. Техническое названіе для первыхъ есть *a posteriori*, а для вторыхъ *à priori*.

Сверхъ етаго различаются доказательства, смотря потому, разсматриваемъ ли мы предметъ свой самъ по себѣ взятой, или не касаясь его, прежде обращаемъ вниманіе на понятія, совершенно противоположныя. Первый случай доказывать называется *прямымъ*, второй *косвеннымъ*. Такъ иные доказываютъ безсмертіе души, прежде убѣждая въ невозможности, чтобы всѣ душевныя наши пріобрѣтенія, чувствованія, мысли, знанія, и все зависящее отъ мыслящей способности — чтобы все ето исчезло вмѣстѣ съ тѣломъ, подобно другимъ вещественнымъ предметамъ (*).

Деде.

(*) Пропущены примѣры и приложенія къ различнымъ разсужденіямъ.

О разговорѣ.

(*Изъ Вейсса.*)

Главная цѣль, предполагаемая нами въ разговорѣ — убѣждать и нравиться. Средствъ къ достиженію оной должно искать въ Философіи; ибо она одна открываетъ намъ великія тайны сего искусства. Если не всѣ могутъ слѣдовать правиламъ, ею для сего начертаннымъ: по крайней мѣрѣ самолюбіе должно бы побудить всякаго къ знанію ихъ. Отъ нее столько же зависитъ красота разговора, сколько и правильность нашихъ сужденій. Тогда только мысль можетъ быть велика и благородна, когда она основывается на началахъ Философіи, и каждое изреченіе, нами произносимое, будучи непосредственнымъ сужденіемъ, получаетъ также вѣсъ свой отъ точности и приличія времени, въ которое бываетъ сказано. Но если не умѣемъ давать предметамъ надлежащую цѣну, самыя способности мы обращаемъ болѣе во вредъ, нежели сколько могутъ онѣ принести пользы.

Хотите ли придать болѣе вѣсу словамъ: старайтесь, чтобы слушатель открывалъ въ образованности и въ познаніяхъ вашихъ свѣтъ доброты душевной. Человѣкъ съ самымъ просвѣщеннымъ разумомъ заслуживаетъ у людей одно

лишь только слабое удивленіе, которое неразлучно бываетъ съ завистью и съ тайною ненавистью; однѣ душевныя качества здѣсь получаютъ достойную награду; онѣ привлекаютъ къ намъ уваженіе и довѣренность.

Какое бы пламенное вы ни имѣли воображеніе, остроумныя шутки ваши не могутъ другимъ всегда нравиться, напротивъ очень скоро теряютъ онѣ цѣну свою; но черты искренности, добродушія, благородства всегда любезны и привлекательны. Знакомство съ человѣкомъ, который имѣетъ однѣ только большія знанія, можетъ быть пріятно на нѣкоторое время; знакомство же съ такимъ, въ которомъ открываемъ мы хорошія свойства — которой умѣетъ чувствовать — такое знакомство продолжительно и драгоцѣнно даже на всю жизнь.

Приемы, употребляемые вами въ разговорѣ, столько же важны въ немъ, какъ и самое то, что вы говорите. Можно почти навѣрное положить, что если найдется одинъ человѣкъ, который въ состояніи будетъ судить о самой сущности вашихъ словъ — то по крайней мѣрѣ двадцать изъ вашихъ слушателей обратятъ свое вниманіе на складъ, на самой голосъ, который употребите для вашего разсказа. Въ семъ случаѣ положеніе, взглядъ, тонъ голоса, очень много имѣютъ

вліянія на убѣжденіе, и потому не должно ими никому пренебрегать. Не всякой конечно одаренъ счастливою наружностью; по крайней мѣрѣ замѣняютъ частію сей недостатокъ: непринужденность въ обращеніи, благопристойность въ поступкахъ, тихій, но всегда вѣрный голосъ. Старайтесь, хотя по видимому, обращать болѣе вниманія на то, что́ другіе дѣлаютъ или говорятъ; такое участіе польститъ ихъ самолюбію и скорѣе можетъ расположить другихъ принять ваши собственныя мнѣнія.

Слова наши, такъ какъ и поступки, должны казаться непринужденными, искренними, свободными; каждое движеніе должно какъ бы выливаться изъ самаго сердца, а не тѣло, по видимому, управляло бы дѣйствіями души. Присоединяйте къ тому всегда вѣжливость и нѣкоторую любезность — свойства, которыя приобрѣтаются въ кругу людей благородныхъ и въ лучшихъ обществахъ . . . .
. . . .
Желаніе всегда первенствовать надъ другими — вотъ одно изъ главныхъ и самыхъ общихъ препятствій искусству нравиться. „Разумъ" (говоритъ Баконъ, которой безпрестанно на языкѣ у каждаго, но рѣдко находитъ послѣдователей) „не столько за„ключается въ томъ, чтобы выказывать

„свои знанія, сколько заставить другихъ „находить въ самихъ себѣ ихъ собственныя; „если кто послѣ разговора вашего останет-„ся доволенъ собою, тотъ безъ сомнѣнія „будетъ доволенъ и вами. Люди совсѣмъ „не ищутъ удивляться вамъ, они сами же-„лаютъ быть предметомъ удивленія; цѣль „ихъ не та, чтобы узнать отъ васъ „что нибудь новое, или полезное — они „жаждутъ одной похвалы и хотятъ къ се-„бѣ привлечь ваше уваженіе. Сіе стремле-„ніе, говоритъ также Монкрифъ, цѣнить „одни лишь только свои достоинства, не-„обращая никакого вниманія на хорошія ка-„чества другихъ — сіе тщеславіе говорить „объ однѣхъ своихъ знаніяхъ и своихъ да-„рованіяхъ лишаетъ насъ всякаго довѣрія; „ибо оно открываетъ другимъ то хорошее „мнѣніе, которое мы о самихъ себѣ имѣ-„емъ — открываетъ нѣкоторымъ образомъ „ваше намѣреніе присвоивать себѣ превос-„ходство надъ ними.“

Страсть почти общая всѣмъ ученымъ людямъ — всегдашнее желаніе блеснуть; она-то удаляетъ наиболѣе отъ общей цѣли, предполагаемой въ разговорѣ. Предметы и самыя выраженія, ими употребляемыя, хотя для нихъ самихъ и обыкновенны, но для другихъ могутъ казаться слишкомъ отвлеченными и даже непонят-

ными; напротивъ, человѣкъ, болѣе ограниченный въ своихъ знаніяхъ, выбираетъ для разговора одни предметы простые; мы имъ остаемся довольны, ибо не думаемъ, чтобы какія нибудь мѣлочи можно было сказать съ намѣреніемъ, точно такъ, какъ онъ не воображаетъ, что вамъ легче сказать нѣсколько хорошихъ и острыхъ словъ, нежели ему выдумать нѣсколько худыхъ и плоскихъ. — . . . .

Искусство умѣть примѣнять разговоръ ко всѣмъ возможнымъ обществамъ самое трудное, но необходимое для того, чтобы нравиться. Что можетъ быть сказано въ одномъ обществѣ, то самое покажется надменно въ другомъ, — что оживляетъ и составляетъ душу одного, то наводитъ скуку въ другомъ обществѣ, и самыя остроты и шутки могутъ казаться инымъ скучными, а многіе даже почтутъ ихъ неблагопристойными — тѣ, которые ихъ не поймутъ и осердятся еще за то, что сказано было, можетъ быть, въ шутку.

Должно избѣгать вообще всего рѣшительнаго и отрывистаго, потому что ето оскорбляетъ самолюбіе другихъ; — *можетъ быть и кажется* — два слова истинно Философскія во всякомъ языкѣ и безъ сомнѣнія самыя скромныя; предлагайте мнѣнія ваши за

простыя догадки — на нихъ тогда болѣе обратятъ вниманія, и скорѣе онѣ будутъ приняты, если хороши, скорѣе извинятъ васъ — когда найдутъ ихъ несправедливыми. И притомъ, что бы вы ни говорили, нельзя въ такомъ разнообразіи мнѣній не встрѣтить такихъ людей, которые почтутъ васъ за человѣка съ ужасными предразсудками, назовутъ васъ суевѣромъ, ибо самолюбіе требуетъ того, чтобы давать сіе имя тому, кто съ нами несогласенъ.

Всякой имѣетъ свою точку зрѣнія, съ которой наблюдаетъ онъ и судитъ о предметахъ; самые поверхностные люди въ своихъ знаніяхъ болѣе всѣхъ увѣрены, что точка, съ которой они смотрятъ, есть настоящая: отъ того-то сіи послѣдніе всегда такъ склонны къ сему общему деспотизму, который ищетъ того, чтобы подвергнуть и покорить всѣ мнѣнія другихъ предполагаемой ими справедливости своихъ собственныхъ. Сіе замѣчаніе, подтверждаемое ежедневно опытомъ, должно бы насъ часто останавливать въ противурѣчіи нѣкоторымъ людямъ и приучать къ большему терпѣнію ихъ равнодушно слушать. Станемъ придерживаться всегда стороны, которая ближе, кажется, подходитъ къ истинѣ; и по какому праву мы можемъ требовать для нашихъ мнѣній снисхожденія и

того уваженія, въ которомъ мы станемъ другимъ отказывать?

Когда слова наши не убѣждаютъ, то это случается отъ слѣдующихъ причинъ: или мнѣнія наши ложны, или мы ихъ не ясно выражаемъ, или слушатель нашъ лишенъ способностей уразумѣть ихъ и насъ понимать. Въ первыхъ двухъ случаяхъ мы сами виновны; третій требуетъ одного снисхожденія; сердиться за то было бы все то же, что сердиться на слѣпаго за-то, что онъ не видитъ, на глухаго, что онъ не слышитъ, на хромаго, что онъ неходитъ прямо. „*Не былъ ли я правъ?*" спрашивалъ одинъ человѣкъ, который только что кончилъ противурѣчить невѣжѣ съ большимъ жаромъ.—Нѣтъ, отвѣчали ему, не были правы; ибо забыли, что соперникъ вашъ былъ невѣжда, а вы отъ него столько же требовали, сколько отъ человѣка разсудительнаго и образованнаго.

Р . . . ъ

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Нѣкоторыя подробности о нынѣшнемъ состояніи и внутреннемъ устройствѣ государства Персидскаго.

(Статья сія любопытна во первыхъ по тому, что написана природнымъ Персомъ и на его отечественномъ языкѣ. Авторъ называется *Миръ Давудъ Задуръ*, Кавалеръ Персидскаго Ордена *Льва и Солнца* первой степени. Книга его напечатана въ Парижѣ 1816 года тщаніемъ г-на Жирбьеда, обучающаго Армянскому языку при Королевской Библіотекѣ. Во вторыхъ, предлагаемыя здѣсь извѣстія, кажется, ни сколько не увеличены, ибо они не противурѣчатъ показаніямъ Европейцовъ, возвращающихся съ Востока. Обширное государство Персидское достойно вниманія наблюдателей и по распространяющимся въ немъ успѣхамъ образованности. Можетъ быть Персіи предназначено судьбою озарить просвѣщеніемъ

всѣ страны Востока; по крайней мѣрѣ друзьямъ человѣчества позволяется въ сей обители закоренѣлаго варварства и всегдашнихъ смятеній предусматривать будущую Америку.)

Въ теченіи вѣковъ *Иранское* (Персидское) государство было позорищемъ многихъ перемѣнъ и замѣшательствъ; но никогда еще внутренній порядокъ его не былъ утвержденъ на основаніи столь прочномъ, какъ во дни наши подъ правленіемъ *Каджарской* династіи. Домъ сей, отъ рода Чингисъ-Ханова производимый, съ весьма давнихъ временъ имѣлъ владѣнія свои въ полночной сторонѣ *Ирана*, и по смерти Надиръ Шаха, извѣстнаго въ Европѣ подъ именемъ *Тахмаса Кули-Хана*, усиливаясь со дня на день болѣе, вознесся на верхъ блеска и величія передъ всѣми прочими фамиліями своего края.

Въ 1198 году Гиджры, то есть въ 1784 Христіянскаго лѣтосчисленія, *Ака Могаммедъ Шахъ Каджаръ*, унизивши всѣхъ враговъ своихъ и противниковъ, области Персіи освободилъ отъ ихъ господства, и народы Иранскіе признали власть его. Онъ царствовалъ десять лѣтъ. По немъ, съ согласія народовъ Иранскихъ, племянникъ его, нынѣ благополучно царствующій *Султанъ Фетъ-*

Али Шахъ, наслѣдственно возсѣлъ на престолѣ.

Домъ Каджаровъ, принявши за основаніе всѣмъ дѣйствіямъ своимъ доброту и справедливость, и всегда шествуя сею дорогой, приобрѣлъ всеобщую любовь подданыхъ. Нѣкогда исполненіе законовъ и власть судебная предоставлены были произволу Кадіевъ и областныхъ правителей, которые, притѣсняя народъ своими жестокостями и грабительствомъ, наполняли ужасомъ сердца всѣхъ жителей. Нынѣ всякія тяжбы разсматриваются съ величайшею точностію и раченіемъ, весьма часто въ присутствіи самыхъ Принцевъ крови. Кадіи прежде никакого жалованья не получали, а брали отъ тяжущихся награду за труды свои. Нынѣ Шахъ, опредѣливши имъ ежегодное жалованье, строжайше запретилъ принимать отъ тяжущихся сторонъ посулы или даже самые малые подарки. Прежде весьма многіе жители Ирана, избѣгая жестокостей и притѣсненій, непомѣрныхъ поборовъ и взысканій, оставляли отечественную землю, свои богатства, свои промыслы, и переселялись въ страны чужія. Подъ скипетромъ нынѣ благополучно царствующаго владѣтеля, прежніе выходцы изъ Персіи, или же ихъ потомки и даже обитатели странъ чуждыхъ, какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ, водворяются въ областяхъ Ирана, и повсюду нахо-

дятъ совершенную свободу торговли и промышленности, повсюду находятъ бдительную попечительность Шаха. Въ прежнія времена Персы оказывали отвращеніе отъ людей неодного съ ними закона и оскорбляли ихъ своимъ презрѣніемъ; нынѣ всѣмъ вѣрамъ, всѣмъ исповѣданіямъ позволено отправлять свои обряды, и всѣ онѣ пользуются равнымъ покровительствомъ Монарха. Въ большей части областей Иранскихъ разбойники прежде были ужасными на всѣхъ главныхъ дорогахъ, грабили караваны и путешественниковъ, а невнимательность и бездѣйствіе правителей постепенно служили къ большему ихъ размноженію; теперь же на всёмъ пространствѣ могущественнаго Ирана, какъ внутри областей, такъ и на большихъ дорогахъ, господствуетъ совершенная тишина и безопасность. Прежній порядокъ въ войскѣ и прежній способъ ратнаго дѣйствія уступили мѣсто новому устройству (*низами джеддидъ*), расположенному по Европейскимъ правиламъ, и ежедневные успѣхи въ семъ искусствѣ, оказывая спасительное вліяніе на умы и на обычаи народа, служатъ вѣрной порукою въ спокойствѣ и повиновеніи. Ввѣряя управленіе областей Принцамъ своего Дома (*Шахъ-Заде*), Намѣстникамъ (*Бейлербей*), Губернаторамъ (*Умера*) и начальникамъ (*Рууса*), Шахъ беретъ отъ нихъ письменное обяза-

ніе въ томъ, что они во всякомъ случаѣ будутъ оказывать безотвѣтную покорность верховной власти, наблюдать строжайшую справедливость во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, съ совершеннымъ безпристрастіемъ карать преступниковъ закона. Сіи правители съ своей стороны берутъ подобныя же обѣщанія отъ подчиненныхъ себѣ *Забиловъ* и *Кѣтходовъ*, въ томъ что ввѣренные имъ округи будутъ всемѣрно предохранять отъ всякихъ злоупотребленій, отъ несправедливостей и грабительства, со строжайшею точностію исполнять свои обязанности, отвѣтствовать за поведеніе своихъ чиновниковъ, и что въ противномъ случаѣ они подклонятъ голову свою подъ мечь неумолимаго правосудія.

Между тѣмъ какъ съ одной стороны могущественный повелитель нашъ, держа бразды правленія въ крѣпкихъ рукахъ своихъ, блюдетъ такимъ образомъ уставы правосудія; съ другой стороны сынъ его Шахъ-Заде *Аббасъ Мирза*, наслѣдникъ престола и Намѣстникъ государства, которому особенно ввѣрена провинція Адербиджана, въ точности исполняя мудрыя распоряженія и священную волю своего родителя, неперестаетъ со дня на день болѣе совершенствоваться въ искусствѣ народоправленія и пріобрѣтать познанія самыя глубокія.

Таково нынѣ внутреннее устройство и порядокъ управленія въ Иранѣ, гдѣ подданные, владѣльцы имуществъ и послѣдователи вѣръ различныхъ, подъ сѣнію покровительства Хозроевъ, наслаждаются совершенною свободой и тишиною, гдѣ они, прославляя благость и милосердіе самодержца, приносятъ въ дань ему любовь свою и довѣренность. Въ подтвержденіе сказаннаго выше неизлишнимъ почитаемъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ событіяхъ, во дни наши случившихся.

Въ 1229 мъ Гиджры, то есть въ 1813 году Хрістіянскаго лѣтосчисленія, Хоразане вздумали сдѣлаться независимыми и взбунтовались. Случай сей скоро дошелъ до свѣдѣнія *Магмуда*, Авганскаго Государя, которой, вознамѣрившись помогать мятежникамъ и желая распространить пожаръ бунта, отправилъ въ Хоразанъ съ войскомъ сына своего *Шаха-Зааде Кіамрана*. Въ то самое время при Дворѣ Персидскомъ получена была вѣсть о вспыхнувшемъ бунтѣ, и донесено о томъ Государственному Совѣту (*Уменаи Девлетъ*). Шахъ повелѣваетъ собрать войско въ самоскорѣйшемъ времени, и начальникомъ експедиціи назначаетъ *Измаила-Хана-Талаія*. Лишь только вождь сей двинулся противъ мятежниковъ, какъ вдругъ пришло къ Тегеранскому

Двору новое извѣстіе, что Губернаторъ Мазендерама, *Сулейманъ-Ханъ-Каджаръ*, явно принялъ сторону возмутившихся. Тогда Шахъ, собравъ свое войско, самъ выступилъ встрѣтить непріятеля, и послѣ многихъ счастливыхъ сраженій покорилъ своей власти Хоразанъ и Гератъ даже до окрестностей Кандегара. Жители сихъ областей присягнули на вѣрность Шаху, а Сулейманъ-Ханъ и главные мятежники Хоразанскіе достались во власть побѣдителю. Когда Ханъ сей въ оковахъ представленъ былъ Шаху, то Персидскій Монархъ призналъ заблаго злодѣйской поступокъ мятежниковъ предать суду государственныхъ сановниковъ, съ тѣмъ чтобы прежде всего разсмотрѣть дѣло Сулеймана. Онъ вопросилъ: Какую кару заслужилъ виновный? На что всѣ законовѣдцы единодушно отвѣчали: „вину свою онъ долженъ смыть кровію." Не смотря на приговоръ сей, Шахъ, побуждаемый врожденнымъ себѣ милосердіемъ, недозволилъ пролить крови преступника, а только, въ примѣръ другимъ, осудилъ его на утрату зрѣнія: прочихъ же мятежниковъ простилъ великодушно, и снова принялъ ихъ въ свою службу.

Въ 1231мъ, то есть въ 1815 году Христіянскаго лѣтосчисленія, окрестности Тегерана постигнуты были, за недостаткомъ дождей, ужасною засухой. *Шейху* —

я — Исламъ, или Верховный Имамъ упомянутой столицы, хотя впрочемъ весьма уважаемый какъ Монархомъ своимъ, такъ и знатнѣйшими чиновниками государства, но непонимавшій желанія и намѣреній Шаха, несмотря, что всѣ жители царства Хозроевъ наравнѣ пользуются одинакимъ покровительствомъ трона, помыслилъ, будто окажетъ Богу и царствующему повелителю своему угодный подвигъ, собралъ въ домѣ своемъ толпу безпокойной черни и прочиталъ имъ слѣдующее наставленіе: „Правовѣрные! нѣтъ никакого сомнѣнія, что недостатокъ дождей и несчастная засуха „суть слѣдствія гнѣва Божескаго, котораго „причины искать должно въ питіи вина и „въ посѣщеніи Армянскихъ сараевъ. Истребимъ сіи обиталища грѣховъ, и умилостивимъ Бога таковымъ нашимъ подвигомъ! „Пойдемъ же скорѣе, и сровняемъ съ землею „скверные ихъ домы!“ Слова сіи, произнесенныя къ толпѣ невѣжественной и хищной, мгновенно воспламенили въ ней огонь бѣшенства; вся она валитъ въ Армянскую часть города, разрушаетъ одну церковь и многіе питейные домы. О семъ происшествіи немедленно было донесено Шаху, который, предавшись справедливому гнѣву, въ тужъ минуту повелѣлъ схватить Шейха и его соучастниковъ. Какъ скоро бездѣльники свѣдали, что поступокъ ихъ разгнѣ-

валъ Шаха, всѣ тотчасъ разсѣялись и скрылися по разнымъ частямъ города; а самъ Шейхъ, угрожаемый лишеніемъ жизни, спрятался въ мечети *Шахъ-Абдуръ-Арима* (*). Сіе неприкосновенное убѣжище находится разстояніемъ на одну съ половиною парасангу отъ Тегерана, и пока виноватый, даже убійца, скрывается въ семъ храмѣ, дотолѣ никто прикоснуться къ нему не смѣетъ. Бездѣльники долго были преслѣдуемы, и когда схаченные двѣнадцать изъ нихъ представлены были предъ лице Шаха, то Монархъ сей закричалъ грознымъ голосомъ, „Злодѣи! по чьему приказанію и по какому „праву дерзнули вы рѣшиться на столь „гнусный поступокъ? Развѣ *Шейху'л-Ис-„лама* почитаете своимъ Государемъ и само-„держцемъ Ирана, и не потому ли дерзнули „ему повиноваться? Вы нарушили уставы „отечества и священную волю вашего Шаха; „теперь тѣ же уставы требуютъ отъ васъ „должнаго возмездія.“ И въ ту же минуту далъ повелѣніе подвергнуть виновныхъ немедленной карѣ согласно съ законами, а для разоренныхъ Армянъ взыскать тысячу томановъ. Послѣ того, призвавъ къ себѣ Хрі-

(*) Мечеть сія такъ называется по имени одного Магометанскаго праведника, котораго гробъ въ ней хранится. Вообще каждая мечеть, въ которой находится гробъ одного изъ двенадцати Имамовъ, потомковъ Алія, можетъ служить мѣстомъ убѣжища. *Жирб.*

стіанскихъ начальниковъ и лучшихъ людей изъ ихъ однородцевъ, въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ имъ свои расположенія: „Вашъ „Государь желаетъ, чтобы всѣ обитатели „могущественнаго Царства Хозроевъ, какую „бы впрочемъ ни исповѣдывали они вѣру, „наслаждались полною свободою совѣсти и „тишиною. Строгое наказаніе Шейха будетъ свидѣтельствомъ попечительности „нашей о соблюденіи законовъ во всей ихъ „силѣ, равно какъ и предметомъ нашей „обязанности." Наконецъ, поручивъ себя ихъ молитвамъ, побуждаемый добротою своего сердца, Шахъ повелѣлъ изъ собственной казны выдать Армянамъ 5000 томановъ, въ пользу тѣхъ особенно фамилій, которыя болѣе другихъ потерпѣли; сверхъ того изъявилъ онъ свою волю, чтобы Христіанская церковь была возстановлена иждивеніемъ казны государственной, и чтобы всѣ истребленные или испорченные снаряды и сосуды были сдѣланы вновь или исправлены. Писалъ въ Парижѣ, въ мѣсяцъ Рамазана 1231 года отъ Магометова бѣгства, Кавалеръ Персидскаго Ордена Льва и Солнца *Миръ Давудъ Задуръ, сынъ Меликъ Шаръ Назиръ Задега.* — Съ Персидскаго переведено *Іосифомъ Сенковскимъ* въ Перѣ, предмѣстіи Константинополя, 27 Января 1820 (ст. с.).

Dz. W.

IV. СМѢСЬ.

Анекдотъ о Гаррикѣ.

Работы ваятеля, живописца, композитера доходятъ до потомства съ именами художниковъ; одна только игра драматическихъ артистовъ, даже знаменитѣйшихъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ ними: тѣмъ съ большимъ тщаніемъ и признательностію должно хранить всякую любопытную черту изъ жизни сихъ послѣднихъ. — Въ одномъ Французскомъ журналѣ помѣщенъ слѣдующій, мало извѣстный анекдотъ объ искусствѣ *Гаррика.*

У Герцога Д* въ Лондонѣ обѣдали многіе Французы. Въ числѣ гостей находился также и Гаррикъ. Зашла рѣчь о театрахъ. Англійскій актеръ сказалъ между прочимъ, что въ Парижскихъ много декламируютъ, но мало дѣйствуютъ. Самыя лучшія мысли автора, говорилъ онъ, никогда не сдѣлаютъ столь сильнаго впечатлѣнія въ зрителяхъ, какъ иногда мимика, и проч. Всѣ были противнаго мнѣнія, всѣ горячо заспорили. Тогда Гаррикъ, ухвативъ подушку съ креселъ, воскликнулъ: „Хорошо же; пред-

ставьте себѣ, что ето мое дитя, мой единственной малютка; а меня почтите за отца, которой любитъ его со всею нѣжностію." Гости улыбались.

Артистъ подходитъ къ окну, и отъ всего сердца занимается мнимымъ дитятею!.. Дамы смѣются сперва тихо, потомъ уже и въ слухъ; мущины, потерявши терпѣніе, также хохочутъ. Гаррикъ, незамѣчая ничего, продолжаетъ любоваться своимъ ребенкомъ — вдругъ етотъ дорогой малютка выпадаетъ у него изъ рукъ, въ окно на улицу. Вопль перваго ужаса раздался по залѣ и всѣ вздрогнули отъ страха. Черты, вся нарожность злосчастнаго отца показываютъ нѣмое отчаяніе. Хочетъ бѣжать къ дверямъ, къ окну, хочетъ броситься въ слѣдъ за любимцемъ души своей; остается наконецъ неподвижнымъ, устремивши глаза на улицу, на мертвое тѣло сердечнаго друга; онъ поблѣднѣлъ, дыханіе въ немъ остановилось, чувства одеревянѣли, только невольное движеніе нѣкоторыхъ мускуловъ показываетъ остатокъ жизни. Каждой изъ присутствующихъ почувствовалъ въ себѣ холодный трепетъ. Всѣ заняты были единственно тѣмъ, что видѣли передъ собою, и никто невспомнилъ о притворствѣ. Гаррикъ оживаетъ, но оживаетъ для того только, чтобы душа его изъ мерт-

венной безчувственности постепенно переходила къ отчаянію, къ горести неизъяснимой. Взоры, всѣ черты лица изображали чувство мучительнѣйшей скорби, и слезы катились изъ очей, поднятыхъ къ небу. Никто не смѣлъ прервать етой сцены: дамы плакали; мущины, блѣдные и пасмурные, насилу удерживались отъ плача — однако не на долго. Всѣ забыли о Гаррикѣ, всѣ видѣли передъ собою только горе отца осиротѣвшаго. Нѣкоторыя изъ дамъ безутѣшныхъ начали всхлипывать, и уходили въ другую комнату, чтобы тамъ выплакать слезы свои безъ свидѣтелей; другія безъ памяти почти рыдали отъ сострадания. Гаррикъ ничего неслышитъ, ничего невидитъ; казалось уже, что онъ непереживетъ смерти своего любимца. Смятеніе души безнадежной видно въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи. Тщетно Французы стараются преодолѣть въ себѣ чувства жалости: глаза ихъ наполняются слезами. Одни идутъ въ сторону; другіе, въ сильномъ смущеніи, бѣгутъ вонъ изъ комнаты, чтобы невидать столь плачевнаго позорища. . . .

„Но ради самаго Бога, господинъ Гаррикъ! вспомните, что ето вѣдь была только подушка" — восклицаетъ рыдающая Герцогиня Д*, обнимая артиста, какъ бы желая его утѣшить. Гаррикъ мгновенно принялъ

на себя прежній видъ, и съ пріятною улыб-кой взглянувъ на оставшихся въ комнатѣ, спросилъ: „Что? не правду ли я вамъ сказывалъ?“ —

G. W.

Шарада-анаграмма (*).

Когда часть *первую два раза* повторите,
То вдругъ изобразятся вамъ
Подземны пропасти — и тамъ
Вы ужасъ, гибель, страхъ найдете. Трепещите!
Пылаютъ рѣки — свистъ бичей
И фурій сонмъ — власы зміями —
И неисходными вратами
Туда идутъ толпы людей! . . .
Второе сыщете въ началѣ букварей. —
А если *первое* лишь *разъ* произнесете
И сложите съ *вторымъ* — то въ цѣломъ вы найдете
Сибирскій городокъ: — при Иртышѣ стоитъ. —
Переверни же *все* — героя грозный видъ,
Который шумное Еллады разрушенье

(*) Рекомендуемъ господамъ охотникамъ до шарадъ новое изобрѣтеніе по части въ литтературной промышленности. *Рдръ*.

Хотѣлъ остановить — но, тщетное стремленье! —
Онъ на главу свою погибель обратилъ. . . .
Увы! его тиранъ злодѣйски умертвилъ! . . .

Н. Брянцевъ.

Курскъ.

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Засѣданія Кортесовъ должны начаться весьма въ скоромъ времени. Между тѣмъ отъ Короля обнародована къ Американскимъ Испанцамъ прокламація, въ которой приглашаются они приступить къ конституціи, и гдѣ подробно изъясняются причины, побудившія Его В-во предварительно избрать депутатами областей своихъ въ Новомъ Свѣтѣ тридцать Американцовъ, находящихся нынѣ въ Испаніи. Сказано также, что послѣ шести лѣтъ страданія и бѣдствій раздался общій гласъ народа, и доказалъ Королю, что онъ долженъ пойти новой стезею. По сей причинѣ недлежало принять конституцію Кортесовъ 1812 года. Его Величество надѣется, что гласъ Испаніи услышанъ будетъ и въ Америкѣ, и что отвѣтомъ на оный будутъ слова: *свобода, дружба и миръ!*

Правительство принимаетъ дѣятельнѣйшія мѣры, для возстановленія морской силы. Король предписалъ учредить на высотахъ С-тъ Винцента и Санта-Маріи разъѣзд-

ныя станціи для защиты кораблей, приходящихъ изъ Америки и для удаленія морскихъ разбойниковъ. Отмѣнены многіе тягостные налоги, и въ томъ числѣ пошлина за перегонъ мериносовъ изъ одной области въ другую. Сборъ всѣхъ доходовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Королевскихъ, и уничтоженныхъ положеніемъ Кортесовъ въ 1813 году, вновь прекращенъ. Недоимки по сему предмету обращаются въ пользу жителей города Кадикса, пострадавшихъ отъ послѣднихъ происшествій. Между тѣмъ правительство приемлетъ дѣятельнѣйшія мѣры для поправленія финансовъ. Думаютъ, что многіе монастыри уничтожатся. Извѣстно, что духовенство имѣло нѣкогда въ рукахъ своихъ по крайней мѣрѣ третью долю всей земли въ Испаніи; но Короли еще и прежде, и даже съ согласія Папъ, присоединили къ казнѣ многія монастырскія помѣстья. — Еще въ 1814 году Кортесы опредѣлили составить народную милицію, которая должна быть выучена и устроена какъ и линейныя войска. Нынѣ Король подтвердилъ сіе опредѣленіе.

— Генералы Фрейръ, Кампанья и Вальдецъ отрѣшены отъ должностей своихъ, и преданы суду, какъ виновники смятенія и ужасовъ, происходившихъ въ Кадиксѣ 10 Марта. Король крайне разгнѣванъ ихъ поведеніемъ при семъ случаѣ, и они содержатся въ Порто-Санта-Марія. Напротивъ того Генералы Квирога и Ріего пользуются отличнѣйшимъ уваженіемъ всей націи. Съ первымъ изъ нихъ заключена капитуляція, за силою которой онъ будетъ оставаться съ войскомъ своимъ на островѣ Леонѣ, пока не соберутся Кортесы.

— Приверженцамъ Іосифа Буонапарта, которымъ запрещено было возвращаться въ отечество впредь до рѣшенія Кортесовъ, нынѣ Король даровалъ прощеніе, и они могутъ пользоваться всѣми правами наравнѣ съ прочими изгнанниками.

Франція.

Въ Парижѣ ожидаютъ прибытія Англійской Королевы, для которой и домъ уже нанятъ въ упомянутой столицѣ. Увѣряютъ даже, что Версаль предназначена быть мѣстомъ переговоровъ о дѣлахъ касательно сей Государыни и Августѣйшаго ея Супруга.

— Мирза-Абу Гассанъ-Ханъ, возвратившійся изъ Лондона Посланникъ Персидскій, находится нынѣ въ Парижѣ, и посѣщаетъ иногда Палату Депутатскую. Онъ въ скоромъ времени намѣренъ былъ отправиться далѣе въ обратный путь свой.

— Болѣе пятидесяти сочинителей и типографщиковъ въ теченія двухъ недѣль отдано подъ судъ за нарушеніе правилъ цензуры, между тѣмъ какъ злонамѣренные люди всячески распространяютъ ругательныя сочиненія. Полиція неуспѣваетъ срывать со стѣнъ пасквилей. Никому не могло придти въ голову, какимъ образомъ среди дня являлись по угламъ улицъ листки, приклеиваемые какъ бы чародѣйскою силою невидимки. Наконецъ открытъ виновный. Пожилыхъ лѣтъ человѣкъ ходилъ по улицамъ, нося за плечами оптическій ящикъ; онъ останавливался по угламъ и будто бы для отдыха опирался на столбъ спиною, а между тѣмъ спрятанное въ ящикѣ дитя прилѣпляло къ столбу пасквиль.

— Недавно около полуночи раздался ужасной громъ на карусельской площади близь дворца Тюллерійскаго. Тотчасъ караулъ сталъ въ ружье. Оказалось, что выстрѣлъ сдѣлался подъ вторóю калиткою площади, гдѣ найдены были и обломки разорванной петарды. Еще ненайденъ виновникъ сего злодѣйства, объ адской цѣли котораго догадаться не трудно.

— Парижскій Попечительный Комитетъ тюремъ опредѣлилъ завести образцовую темницу, въ которой преступники, постепенно будутъ приучаемы къ общественнымъ добродѣтелямъ.

Италія.

Терпимость вѣръ торжествуетъ нынѣ въ самой столицѣ нетерпимости Католической. Его Святѣйшество дозволилъ Кальвинистамъ отправлять въ Римѣ обряды ихъ богослуженія.

Германія.

Австрійскій Императоръ съ Императрицею и съ Ерцгерцогиней Клементиною отправились изъ Вѣны 1 числа Мая на первой случаи въ Брюннъ, потомъ далѣе. — Въ бытность Его Величества въ Гинцѣ, при освѣщеніи цѣлаго города по сему случаю, одинъ портной поставилъ въ окнѣ своего дома прозрачную картину, на которой изображены были фракъ и плащъ со слѣдующею надписью Нѣмецкими стихами: „На платье для Всемилостивѣйшаго Монарха возму вмѣсто сукна *Величіе*, подложу его *благоденствіемъ*, вмѣсто ваты употреблю *могущество*, выстегаю *вѣрностію подданныхъ*, вышью *блескомъ*, а вмѣсто перловыхъ пуговицъ поставлю *радостныя плицы народа*. Такая одежда, по моему мнѣнію, неизносится вовѣки.“

— По извѣстіямъ изъ Мангейма, смертный приговоръ Занду подписанъ. Но еще неизвѣстно, когда и какимъ образомъ онъ будетъ казненъ. Сей преступникъ такъ слабъ здоровьемъ, что не можетъ поворотиться на постели.

Англія.

По принесеніи торжественной присяги новыми Членами Парламента и по избраніи новаго Оратора, въ 27 день Апрѣля (н. с.) открыты засѣданія. Его Величество произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ между прочимъ, что чужестранныя Державы возобновляютъ увѣренія свои въ дружественномъ расположеніи къ Англіи и вмѣстѣ искреннѣйшія желанія о продолженіи всеобщаго мира и согласія, что настоящее положеніе государства не позволило еще отмѣнить увеличеніе военной силы, что первымъ предметомъ вниманія Нижняго Парламента должны быть необходимыя издержки государства. Далѣе Монархъ изъявилъ соболѣзнованіе о зловредныхъ покушеніяхъ мятежниковъ, и упомянулъ о мѣрахъ послѣдняго Парламента, которыми возстановлена довѣренность къ Правительству и отдалены пагубныя ученія безбожія и разврата, съ давняго уже времени посѣваемыя врагами всеобщаго спокойствія, и проч.

— Въ Тайномъ Совѣтѣ сдѣлано опредѣленіе, чтобы супруга Его Величества во все время пребыванія своего за границею получала пенсію, приличную ея сану. Сверхъ того будутъ отправлены къ Англійскимъ, при чужестранныхъ Дворахъ находящимся, посланникамъ повелѣнія о томъ, чтобы ей оказываемо было должное уваженіе, какъ Великобритан-

ской Королевѣ. Полагаютъ, что Ея Величество незамедлитъ прибыть въ Лондонъ.

— Въ одной изъ Лондонскихъ газетъ сказано, что Англійское правительство, по случаю воспослѣдовавшей нынѣ совершенной перемѣны обстоятельствъ, легко можетъ исполнить желаніе знаменитѣйшихъ своихъ негоціянтовъ, и незамедлитъ признать независимыми Буеносъ-Айресскую и Колумбійскую республики, къ чему имѣетъ оно по видимому еще и ту побудительную причину, что Сѣверо-Американскія области могутъ предупредить въ етомъ Англію и получить весьма важныя выгоды по торговлѣ. Увѣряютъ, что въ Тайномъ Совѣтѣ нѣсколько уже разъ было разсуждаемо о семъ дѣлѣ.

— Тистельвудъ и четыре изъ его соумышленниковъ уже казнены. Судъ присяжныхъ нашелъ ихъ виновными въ намѣреніи низпровергнуть конституцію и законное правительство земли отечественной, въ умыслѣ принудить Короля къ отмѣнѣ принятыхъ мѣръ и къ отдаленію отъ себя своихъ совѣтниковъ, наконецъ въ умыслѣ же лишить Монарха сана его и вѣнца Королевскаго. Приговоренные къ смерти преступники суть слѣдующіе: Тистельвудъ, Ингсъ, Бруитъ, Давидсонъ и Тиддъ. Первый изъ нихъ объявилъ приговоръ суда беззаконнымъ, и всячески старался оправдаться. Другіе спокойно выслушали опредѣленіе. Наконецъ тѣ изъ заговорщиковъ, надъ которыми слѣдствіе еще неначиналось, повинуяся совѣту своего адвоката, сами признали себя виновными, почему и не было надобности выслушивать свидѣтелей. За то объявлена имъ пощада: они будутъ только со-

сланы на вѣчное житье въ Ботани-Бей. — Изъ дѣла оказалось, что заговорщики имѣли планъ слѣдующій: умертвивши собранныхъ у Лорда Гарровби министровъ, зажечь нѣсколько зданій въ столицѣ; потомъ отправиться въ арсеналъ, овладѣть шестью пушками, и пришедши съ ними къ дому Лорда-Мера, учредить временное правительство. Потомъ надлежало посѣтить банкъ, забрать всѣ наличныя деньги, а книги спрятать, чтобы отвѣтственность пала на директоровъ. Упомянутые выше преступники казнены въ 1 день Мая (н. с.) въ 9мъ часу поутру. Въ четыре часа площадь была уже покрыта безчисленнымъ народомъ. Всѣ окна были откуплены — за нихъ платили по гинеѣ и болѣе. Правительство неизлишнимъ сочло окружить площадь сильными отрядами Королевской гвардіи и поставить не въ дальнемъ разстояніи восемь пушекъ. Болѣе семи сотъ полицейскихъ служителей ходили между народомъ около мѣста казни, которое сверхъ того еще окружено было двойнымъ полисадникомъ. Преступники сперва были повѣшены обыкновеннымъ исполнителемъ судебныхъ приговоровъ; черезъ полчаса велѣно было снять трупы. Вдругъ является нѣкто въ синемъ камзолѣ и панталонахъ того же цвѣта, съ черною маскою на лицѣ и съ нахлобученною до самые глаза шляпою, имѣя въ рукахъ ножъ, подобный хирургическому; отрѣзываетъ голову отъ одного трупа, которую палачъ поднимаетъ вверхъ при троекратномъ крикѣ: *вотъ голова измѣнника Артура Тистельвуда!* и такъ далѣе. По силѣ приговора надлежало бы тащить преступниковъ къ ешафоту на позорной тележ-

кѣ, и послѣ смертной казни еще въ добавокъ четвертовать ихъ: то и другое оставлено безъ исполненія.

Извѣстія.

Слѣдующее важное извѣстіе почерпнуто нами изъ достовѣрнаго источника. Знаменитый Меценатъ Россіи, ревностнѣйшій любитель отечественныхъ древностей, почиталъ весьма вѣроятнымъ, что славные *Медицисы*, богатые и щедрые собиратели сокровищъ учености, должны были имѣть коллекціи древнихъ картъ средняго времени, именно же начертаній Тавриды, береговъ Чернаго и Азовскаго моря. Счастливая сія догадка нынѣ оправдалась блистательнѣйшимъ образомъ. Безвѣстно хранившіяся въ разныхъ архивахъ Флоренціи карты отысканы, а съ пятьнадцати сняты уже и копіи для Его Сіятельства Графа Николая Петровича. Вотъ главнѣйшія: 1) *карта Сарматіи и Азіатской Скиѳіи* XIII вѣка; 2) *карта Таврическая*; 3) *карта Европейской Скиѳіи* того же вѣка; 4) *карта Россійская* того же XIII вѣка, прекрасно отдѣланная; 5) *карта Россіи*, сочиненная въ XV вѣкѣ Нѣмцомъ Гейнрихомъ Гортеліусомъ и посвященная Папѣ Александру Vму; 6) *карта Россіи*, Бер-

Айнгерiусомъ сочиненная въ 1480мъ году; далѣе *нѣсколько картъ Крыма, Скиѳiи, Азiатской Сарматiи и береговъ Каспiйскаго моря* XIV и XV *столѣтiй*, и *карта Черного моря*, очень любопытная, XV же вѣка, и проч. Отъ сихъ драгоцѣнныхъ находокъ ожидается богатой запасъ Географическихъ свѣдѣнiй о древней Россiи. Наконецъ изъ Флоренцiи пишутъ, что тамъ со всевозможнымъ тщанiемъ стараются также отыскать означенное въ одномъ изъ каталоговъ *собранiе морскихъ картъ* XII вѣка. „Всѣ любители Россiйскихъ древностей" сказано между прочимъ въ письмѣ изъ С. Петербурга „здѣсь много радуются сему прiобрѣтенiю, а Графъ съ нетерпѣнiемъ его ожидаетъ."

Прошлаго Февраля 13 числа, въ 11 часовъ по полуночи, произошло на Азовскомъ морѣ противъ стараго Темрюка, что на Таманскомъ островѣ, слѣдующее явленiе: при сильномъ ударѣ, подобномъ пушечному выстрѣлу, въ двухъ саженяхъ отъ берега, взорвало на воздухъ ледъ, въ аршинъ толщиною, коимъ Азовское море было тогда покрыто. Послѣ чего послѣдовало сильное вулканическое изверженiе въ видѣ огненнаго столба, который поднимался вверхъ на сто футовъ, будучи сопровождаемъ клубящимся густымъ дымомъ и сѣр-

нымъ чадомъ. Наконецъ, въ продолженіе одного часа, при сильномъ землетрясеніи, которое чувствуемо было почти во всѣхъ окрестностяхъ сей страны, и при постепенно-уменьшавшемся подземномъ звукѣ, образовался на томъ самомъ мѣстѣ изъ черносѣроватаго ила, состоявшаго изъ обыкновенныхъ морскихъ раковинъ и разной величины каменьевъ, островокъ, имѣющій до 150 саженей въ окружности. Подобныя вулканическія явленія происходили на семъ самомъ мѣстѣ 5 Сентября 1799 и 10 Мая 1814 годовъ, съ тою только разностію, что удары были тогда сильнѣе и продолжительнѣе, а насыпи больше, которыя однакожъ вскорѣ потомъ смывались водою. (*Соревн. просвѣщ.*)

Увѣдомленіе о сооруженіи храма Божія въ городѣ Рославлѣ (*).

(*Изъ Рускаго Вѣстника.*)

Въ любезномъ Отечествѣ нашемъ всѣ прошедшія торжества и побѣды воспоминаются теперь по одной только благодарности къ Богу. Никто у насъ не увѣряетъ, что мы все сдѣлали; но каждый сынъ Россіи вмѣстѣ съ Помазанникомъ Божіимъ все относитъ къ

(*) Помѣщается по прозьбѣ старосты сооружаемой церкви, купца Мукиника.

содѣйствію небеснаго Провидѣнія. Движимые симъ благоговѣйнымъ усердіемъ, жители Рославскіе предположили соорудить церковь во имя Казанскія Божія Матери. Вотъ объявленіе ихъ о семъ благочестивомъ предпріятіи:

,,Почтеннѣйшіе благодѣтели!

,,Мы нижеподписавшіеся Смоленской Гу-
,,берніи города Рославля жители по изгнаніи
,,неприятеля изъ предѣловъ нашихъ, въ знакъ
,,нашей благодарности поборнику и защити-
,,телю нашему Богу, положили намѣреніе въ
,,онομъ же городѣ, вмѣсто ветхой деревян-
,,ной Пятницкой церкви, устроить вновь ка-
,,менную во имя Казанскія Божія Матери съ
,,придѣломъ Великомученицы Параскевіи. На сей
,,предметъ и дѣлаемы были отъ насъ усерд-
,,нѣйшія пожертвованія. Но по смѣтѣ, сколь-
,,ко и на какую сумму требуется одного ма-
,,теріала и сколько по меньшей мѣрѣ должно
,,заплатить за работу, съ прискорбіемъ уви-
,,дѣли, что наши общія пожертвованія, хотя
,,по состоянію и усердію каждаго великія, но
,,на сооруженіе храма недостаточны, — по-
,,чему принуждены были, съ благословенія
,,нашего Архипастыря, испрашивать съ кни-
,,гою по Смоленской Губерніи; а какъ по
,,Смоленской Губерніи отъ неприятеля пре-
,,терпѣли крайнее разореніе, то и сіе
,,средство принесло очень малое пособіе:
,,а потому мы, жители города Рославля, къ
,,вамъ, жителямъ иныхъ губерній, но сочле-
,,намъ Церкви Хрістовой, взывая, просимъ:
,,подайте намъ въ предпріятомъ и уже нача-
,,томъ нашемъ дѣлѣ руку помощи! — Не по
,,имуществу, а по мѣрѣ усердія вашего

„къ Богу и къ прославленію имяни Божія Ма-
„тери ревности, не по достатку, а по мѣ-
„рѣ тщанія, каковое къ созиданію себѣ на
„небесахъ невещественной храмины вѣчнаго
„спасенія, прилагайте, и наконецъ по мѣрѣ
„той несомнѣнной на Хріста Спасителя на-
„дежды, каковую къ Нему, яко вѣрному за
„дѣла благія Мздовоздавателю, въ сердцахъ
„вашихъ ощутите. — Будьте заочно съ на-
„ми въ устроеніи храма Божія участниками
„вашими пожертвованіями, каковыя можетъ
„всякой изъ хрістолюбивыхъ подателей не-
„сомнѣнно адресовать въ городъ Рославль на
„имя Пятницкой церкви старосты купца Ѳе-
„дора Андреева Мукинина, или на какое-либо
„Присудственное Мѣсто для передачи ономужъ
„старостѣ.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 10.

МАЙ 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Урокъ любви.

(Продолженіе.)

Разговоръ дѣлался живѣе; но Волманъ спѣшилъ идти въ комнату. Его послушались, и старикъ съ улыбкою довѣренности къ своимъ талантамъ сѣлъ за клависинъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ игралъ гораздо лучше нежели можно было ожидать отъ деревенскаго виртуоза; правда и то, что голоса Лизы и Розы придавали игрѣ его много красоты и выразительности. Голосъ Розы, стройный, приятный, при каждомъ словѣ заставлялъ Адельстана невольно восхищаться: въ восторгѣ мечталъ онъ, что въ первый разъ отъ роду слышитъ такую прелестную гармонію. — Баронъ, обратяся къ старику, превозносилъ удивительный голосъ его племянницы. Волманъ улыбается. „Это

еще безделица, милостивый государь;" сказалЪ онЪ: „что тутЪ удивительнаго? . . . хорошее произношеніе словЪ, приятность выраженій, твердость — и только . . . . НѣтЪ! посмотрите-ка вЪ то время, когда я образую етотЪ голосЪ . . . тогда, надѣюсь, вы удивитесь . . ." — Да, я и теперь уже восхищенЪ ея искусствомЪ! —

„Похвалы не ведутЪ кЪ добру;" отвѣчалЪ старикЪ, снова улыбаясь: „Розѣ много еще надобно учиться. . . ."

ОнЪ поклонился и оставилЪ гостей своихЪ сЪ дочерью и племянницею часа на два; между тѣмЪ списывалЪ для Барона голосЪ и слова, чтобы ихЪ представить Двору на удивленіе всѣхЪ виртуозовЪ. — Ни слова о томЪ, замѣтилЪ ли БаронЪ его отсутствіе: онЪ удивился, увидя на стѣнныхЪ деревянныхЪ часахЪ, что ему давно пора быть дома. Прощаясь, БаронЪ утверждалЪ, что онЪ, какЪ женихЪ, имѣетЪ право требовать отЪ невѣсты своей поцѣлуя . . . . . Роза отказалась сЪ такою же твердостію, какЪ наканунѣ; но вЪ самомЪ ея отказѣ было столько добросердечія, столько милой невинности, что АдельстанЪ изумился: онЪ совсѣмЪ не понималЪ, куда дѣвалась у него та отвага, та рѣзвость, которыя такЪ легко доставляли ему побѣды не только вЪ деревнѣ, но даже и при Дворѣ; дивился, что простая сельская дѣвушка могла его совер-

шевно обезоружить. Но одинъ взглядъ на Розу, на ея милое, откровенное, прелестное лице, на ея непринужденные поступки, разрѣшалъ всѣ сомнѣнія и удерживалъ его въ границахъ почтительности.

Возвратились въ замокъ и безпрестанно говорили о Розѣ. Баронъ позабылъ, казалось, за чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Форштейнъ, ибо сперва-было онъ сказалъ Едмонду, что проживетъ тутъ не болѣе двухъ недѣль; но протекло девять дней, а онъ еще и не подумалъ разсмотрѣть плановъ новаго дома своего и сада. Едмондъ принужденъ былъ все это напомнить Барону. Адельстанъ отказался подъ предлогомъ головной боли; цѣлый день былъ задумчивъ, неговорилъ ни слова и сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ: можно ли описать безпорядокъ его мыслей! . . . На другой день занялись планами; Баронъ смотрѣлъ съ холодностію, безъ вниманія, какъ будто все это до него совсѣмъ не касалось. Дошло дѣло до комнатъ будущей его супруги: Баронъ тяжело вздохнулъ, при мысли что тамъ кончится роль прелестной Розы и что другая будетъ занимать ихъ. — Архитекторъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ: если бы Едмондъ заглянулъ въ собственное сердце и разсмотрѣлъ, что его самаго тревожило; то легко бы угадалъ причину Бароновой задумчивости — Едмондъ и

во снѣ и на яву мечталъ о Розѣ, забывая о чертежахъ своихъ и планахъ.

Наступилъ Троицынъ день. Баронъ условился съ Едмондомъ идти въ церковь, гдѣ въ етотъ день обыкновенно собирались всѣ деревенскія дѣвушки съ вѣнками изъ цвѣтовъ и букетами. По утру Баронъ былъ приятно удивленъ, видя, что сторона за́мка его къ саду была убрана цвѣточными гирляндами. Онъ вышелъ въ садъ, любовался отличнымъ вкусомъ, съ какимъ сдѣлано было украшеніе, и непонималъ, кто бы позаботился доставить ему ето удовольствіе. . . . — Вдругъ слышитъ смѣющихся людей въ ближней бесѣдкѣ; спѣшитъ туда, находитъ Лизу, Розу и Вернера: они держали въ рукахъ остатки цвѣтовъ, которыми убирали за́мокъ, и спрятались, услыша приближеніе Барона. — Обѣ дѣвушки неуспѣли оглянуться, какъ Адельстанъ схватилъ ихъ; но Роза увернулась. Адельстанъ едва слегка прикоснулся къ щекѣ ея — и, странное дѣло! — етотъ поцѣлуй показался ему несравненнымъ ни съ чѣмъ въ свѣтѣ. „Ахъ, милая Роза! теперь я вижу, что ты помнишь о своемъ женихѣ" сказалъ Баронъ, пожимая ея руку. — Ето долгъ мой; отвѣчала красавица улыбаясь: но почему же *мой Адельстанъ* не называетъ меня *своей Наталіей*? . . . Вѣдь я представляю *его* Наталію. . . . не такъ ли? — „*Твой*

Адельстанъ! . ." воскликнулъ Баронъ, и не могъ болѣе скрывать своей пламенной страсти: „такъ! навсегда твой, милая Роза!" Онъ съ жаромъ цѣловалъ руку ея, и ему показалось, будто Роза тихо пожимала его руку. — Бѣдная потеряла всю свою живость и очевидно была въ величайшемъ замѣшательствѣ... Какъ много выражало ея безмолвіе!.. Но видя Розу въ смущеніи, Баронъ не смѣлъ выговорить слова, боясь оскорбить *деревенскую дѣвушку*! . . Прежде одна суетность, или одинъ безпорядокъ чувствъ составляли то, что̀ онъ почиталъ любовію; теперь еще въ первый разъ въ жизни Адельстанъ почувствовалъ власть истинной любви — сдѣлался робокъ, нерѣшителенъ.

Раздался звонъ колокола, и всѣ пошли въ церковь. Какъ растроганъ былъ Адельстанъ, видя набожность и благочестіе Розы! Началось пѣніе; ему показалось оно ангельскимъ: онъ слышалъ голосъ Розы! .. Адельстанъ желалъ, чтобы служба продолжалась еще нѣсколько часовъ, ибо молясь вмѣстѣ съ Розою, могъ ли онъ замѣчать теченіе времени! Баронъ проводилъ обѣихъ сестеръ до Волманова жилища и приглашалъ ихъ къ вечеру для прогулки въ ближній садъ богатой Графини фонъ *Сальмъ*. Етотъ садъ славился великолѣпіемъ, цвѣтниками, статуями, фонтанами. Адельстанъ, немогши отговориться отъ

приглашенія, далъ слово обѣдать у Графини: считая день сей потерянным, онъ желалъ по крайней мѣрѣ увидѣть тамъ Розу, желалъ хоть одну минуту быть счастливымъ. Его ужасала мысль — цѣлый день невидать Розы!

Между тѣмъ шумное общество Графини фонъ Сальмъ съ нетерпѣніемъ ожидало Адельстана. Всѣ знали его любезность, ловкость, вкусъ: онъ недавно изъ столицы; онъ разскажетъ намъ о Дворѣ, о модахъ, о балахъ — вотъ какъ всѣ думали и говорили — и всѣ обманулись! Баронъ пріѣхалъ; но былъ задумчивъ, разсѣянъ; съ трудомъ отвѣчалъ, когда его спрашивали; во время стола думалъ только о томъ, какъ бы послѣ обѣда увернуться въ садъ и хоть нѣсколько словъ сказать Розѣ, которая, какъ полагалъ, не оставитъ безъ вниманія его прозьбы — быть въ саду Графини. — Всѣ гости изумлялись, видя странную перемѣну въ характерѣ Адельстана; толковали, смѣялись; наконецъ рѣшили, что юная невѣста свела его съ ума. — Другія говорили, что онъ въ отчаяніи, ибо предчувствуетъ уже всю тягость супружескихъ обязанностей; а молодые люди сказывали, что *благоразумная* Баронесса Ельменгорстъ взяла своего будущаго зятя подъ опеку и хочетъ обратить его на стезю мудрости. Впрочемъ, весе-

лость и шутки немогли занимать Адельстана — онъ думалъ о Розѣ, и кромѣ ее ничто не могло разсѣять задумчиваго Барона.

Столъ кончился — всѣ гости разошлись по обширнымъ аллеямъ. Адельстанъ спѣшилъ въ садъ, обѣгалъ всѣ мѣста, гдѣ обыкновенно болѣе собирались зрители, долго искалъ — наконецъ подлѣ одного темнаго грота увидѣлъ Волмана со всѣмъ семействомъ, Лизу, Вернера — и Розу, которая, казалось, чего-то искала, смотрѣла во всѣ стороны и задумывалась. Адельстанъ спѣшитъ къ ней, беретъ ея руку и послѣ изъявленія первой радости свиданія показываетъ Розѣ мѣстоположеніе и рѣдкости сада. Онъ удивился правильности сужденій и вкусу красавицы, по видимому, самой простосердечной. Какъ досадно показалось Адельстану, когда увидѣлъ толпу молодыхъ людей и дамъ, которыя къ нимъ приближались. Онъ желалъ бы скрыть Розу отъ взоровъ дерзкаго любопытства; раскаявался, что приглашалъ ее въ садъ Графини; боялся смѣлости, съ какою обыкновенно обходятся молодые свѣтскіе мущины, встрѣчая пригожихъ крестьянокъ; боялся гордости, какую въ подобныхъ случаяхъ оказываютъ имъ женщины большаго свѣта... Онъ вспомнилъ, что прежде самъ не одинъ разъ подавалъ соблазнительные примѣры. Могъ

ли бы выдержатъ Адельстанъ, еслибъ кто нибудь позволилъ себѣ вольность въ обхожденіи съ Розою? . . . И безпокойство изобразилось на лицѣ его. Роза умѣла отвратить всѣ непріятности: она просила Адельстана не отставать отъ своихъ собесѣдниковъ, освободила свою руку, засмѣялась и ушла съ Лизою. Адельстанъ не избѣжалъ насмѣшекъ вразсужденіи сельскихъ нимфъ, которыя такъ скоро отъ него убѣжали. . . Онъ смѣялся, или, лучше сказать, принужденъ былъ смѣяться вмѣстѣ съ прочими.

Съ давняго времени въ Форштейнѣ установленъ былъ особенный сельскій праздникъ спустя недѣлю послѣ Троицына дня: тутъ молодыя дѣвушки бѣгали въ запуски, а мущины стрѣляли въ цѣль изъ лука. Если въ это время бывалъ въ Форштейнѣ Адельстанъ, то праздникъ дѣлали весьма великолѣпный: всѣ окрестные дворяне и помѣщики съѣзжались. Старый Вернеръ и прочіе поселяне просили Барона на сей годъ сдѣлать торжество какъ можно великолѣпнѣе въ честь будущей своей супруги. — Онъ немогъ отговориться; но его сомнѣнія касательно Розы возобновились; ему не хотѣлось показать ее, и въ то же время онъ желалъ видѣть легкость ея въ бѣганьи, искусство въ танцахъ — желалъ увѣнчать ее, какъ первую между всѣми подругами! . . .

Наконецъ Баронъ рѣшился, и приказалъ позвать къ себѣ для совѣтовъ молодаго архитектора.

Его не было въ замкѣ. Послали искать; — чрезъ часъ Едмондъ явился. — Онъ извинялся, что не могъ никакъ оставить стараго Волмана, у котораго былъ въ гостяхъ. — „Вы сами испытали, Баронъ," прибавилъ Едмондъ „можно ли безъ сожалѣнія разстаться съ дѣвицею де Роше?" Адельстанъ внутренно завидовалъ, воображая, что Едмондъ провелъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ Розою.

На другой день Адельстанъ не могъ видѣть Розы: онъ было хотѣлъ идти къ Волману, какъ множество дворянъ пріѣхало къ нему съ визитомъ. Насилу могъ Адельстанъ скрыть свою досаду и принять учтиво скучныхъ посѣтителей; но чтобы помѣшать Едмонду быть себя счастливѣе, онъ нарочно заводилъ разговоры о новомъ своемъ строеніи, просилъ толковать съ посѣтителями о фасадахъ замка, о матеріалахъ для строенія, и радовался, примѣчая нетерпѣніе и досаду своего архитектора. — Къ несчастію, скучные посѣтители всего менѣе примѣчали скуку ими причиняемую, и Бароновы гости разъѣхались такъ поздно, что нѣкогда уже было думать о посѣщеніи Розы. За то на другой день, боясь подобныхъ препятствій, Адельстанъ поспѣшилъ ранѣе

обыкновеннаго и засталъ Розу въ садикѣ. Она сидѣла одна подъ тѣнью. Барону казалось, что Роза совершаетъ утреннюю молитву: руки ея сложены, глаза обращены къ небу... Адельстанъ не смѣетъ дышать. . . Но, судите о его чувствахъ, когда Роза, преклонивъ колѣна, въ полголоса начала читать молитву и нѣсколько разъ повторила его имя. . . . Растроганный, восхищенный Адельстанъ приближается къ ней. — „Милая Роза! за кого ты молишься съ такимъ усердіемъ?...“ сказалъ онъ и съ жаромъ поцѣловалъ ея руку. — Роза пугается, встаетъ, не знаетъ, что́ говорить. . . „Ахъ!“ воскликнулъ Баронъ съ сильнымъ выраженіемъ страсти: „если бы ты за меня помолилась! . . У меня столько прозьбъ . . . а молитвы твои вѣрно будутъ услышаны. . .“ Роза подняла свои большіе глаза, поглядѣла на него, и съ откровенностію сказала: — Для чегожъ мнѣ скрываться? . . . въ эту минуту — я за васъ молилась. . . — Адельстанъ крѣпко сжалъ ея руку. „Ангелъ небесный!“ воскликнулъ онъ: „ты желаешь мнѣ счастія? . . .“ — Отъ всего сердца, отвѣчала Роза со слезами на глазахъ: — единственное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть васъ благополучнымъ съ любезною вашею невѣстой. . . —

Это слово разсѣяло всѣ прелестныя мечты Адельстана: онъ совсѣмъ забылъ о

Наталіи, видѣлъ Розу, видѣлъ ее одну въ цѣлой вселенной; ему казалось, что все счастіе жизни заключалось въ ней одной — и Роза напоминаетъ ему Наталію!... „Но ты не знаешь дѣвицы Ельменгорстъ; какъ же можешь за нее молиться?...“ — Такъ точно какъ молюсь за васъ: — она будетъ вамъ подругою во всю жизнь, составитъ ваше счастіе — могу ли не любить ее?... Ахъ! только вѣчный союзъ двухъ сердецъ можетъ насъ сдѣлать счастливыми. — „Роза!“ воскликнулъ Адельстанъ, съ восторгомъ ее обнимая: „ты правду сказала: только вѣчный союзъ двухъ сердецъ сдѣлаетъ насъ счастливыми — любовь есть единственное благо въ жизни.... Но мы, рабы большаго свѣта, мы заключаемъ брачные союзы безъ любви!“ — Безъ любви?.. Напрасно же я молилась о вашемъ счастіи... Бракъ безъ любви — и вы хотите быть счастливы?... — „Нѣтъ! Роза, милая Роза!... я люблю, люблю страстно..“ — Я васъ не понимаю, господинъ Баронъ; кого же вы любите? —

Люблю тебя хотѣлъ сказать Адельстанъ; но одинъ взглядъ Розы, взглядъ кроткой, милой невинности остановилъ его. Могъ ли онъ оскорбить нескромностію эту любезную дѣвушку, которая такъ прямо смотрѣла на него, которой поступки, сло-

ва, взгляды показывали всю доверенность добродѣтели? — и признаніе умерло на устахъ Адельстана! — „Не уже ли ты думаешь," сказалъ онъ, помолчавши съ минуту „что знатные не умѣютъ любить? . . . Совсѣмъ нѣтъ; но приличія, связи общества часто заставляютъ насъ поступать совсѣмъ нетакъ, какъ бы мы хотѣли. Часто мы соединяемся навѣкъ съ такою особой, которую едва знаемъ." — Ахъ! какъ же несчастливы знатные! И ваши дѣвушки, при всемъ своемъ воспитаніи, съ благородными своими чувствами, могутъ переносить такія ужасныя бѣдствія? — „Нѣтъ! . . . часто мущины болѣе терпятъ при семъ случаѣ." — Какъ! и ваша невѣста? . . . Вы можете думать? — „Кто объ етомъ говоритъ? Нѣтъ правила безъ исключенія. Она такъ невинна, воспитана въ такомъ уединеніи. . . Но сдѣлай милость оставь етотъ разговоръ; онъ мнѣ въ тягость. . . Я желалъ бы знать, милая Роза, гдѣ получила ты такія прекрасныя понятія о любви! Ты говорила мнѣ, что только вѣчный союзъ двухъ сердецъ дѣлаетъ насъ счастливыми. . . Ты любишь. . . Кто етотъ счастливецъ?" Роза покраснѣла. — Съ чего взяли вы, господинъ Баронъ? — сказала она, запинаясь; — право, я не влюблена . . . божусь вамъ. — „Какъ! ты не знаешь любви и двумя словами умѣла такъ хорошо описать блажен-

ство ея? — Ты знаешь, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое счастіе . . . союзъ, вѣчный союзъ двухъ добрыхъ, пламенныхъ сердецъ . . . Ахъ, Роза! кто научилъ тебя такъ хорошо постигать блаженство земное?"

Въ это время Лиза и Вернеръ показались подлѣ садовой калитки. — Вотъ кто научилъ меня! — сказала Роза усмѣхнувшись и стрѣлою полетѣла къ своей подругѣ. Адельстанъ пригласилъ Лизу и Розу на праздникъ, который долженъ былъ начаться въ четыре часа по полудни, и чувствуя разстройство души своей, поспѣшилъ уединиться. Онъ ушелъ въ паркъ своего замка: тысячи мыслей пролетали; тысячи прелестныхъ и ужасныхъ картинъ представлялись его воображенію. Адельстанъ ясно видѣлъ, что влюбленъ страстно. И кто же предметъ его страсти? Деревенская дѣвушка! — Онъ понималъ, что любовь къ Розѣ совсѣмъ отлична отъ тѣхъ чувствъ, какія испытывалъ до сего времени: это было не то пламенное желаніе, которое скоро исчезаетъ; нѣтъ, онъ чувствовалъ, понималъ, что только вѣчная, пламенная, чистая любовь къ Розѣ можетъ составить его благополучіе . . . Но можно ли рѣшиться сдѣлать ее навѣкъ несчастливою! Адельстанъ примѣтилъ, что Роза, можетъ быть и сама еще незная, любитъ его — а онъ употре-

битъ власть, данную любовію, для обольщенія милой невинности. . . Что дѣлать? какъ поступить?... и собственныя чувства, желанія, надежды остались загадкою для Адельстана. Благоразуміе повелѣвало удалиться немедленно отъ опаснаго предмета; но уже поздно было думать о разлукѣ: гдѣ взять силы перенести ее? Ему казалось, что день прощанія съ Розою будетъ послѣднимъ днемъ его жизни. . . Адельстанъ возвратился въ замокъ съ унылою, мрачною душею, не зная, на что рѣшиться — безпрестанно думая о томъ, что ему надобно было забывать, и забывая то, о чемъ надобно было думать.

За столомъ Едмондъ говорилъ ему о Розѣ: казалось, сердце его было зеркаломъ Адельстанова сердца. Молодой человѣкъ съ жаромъ превозносилъ похвалами прелести Розы, говорилъ о ея ловкости, умѣ, чувствахъ; бился объ закладъ, что Роза одержитъ побѣду надъ всѣми своими соперницами. — Баронъ противорѣчилъ ему, нарочно для того чтобы долѣе продолжить разговоръ о любезномъ предметѣ; но Едмондъ наконецъ пришелъ въ такой восторгъ, что Адельстанъ принужденъ былъ угрюмымъ безмолвіемъ своимъ заставить молчать говоруна краснорѣчиваго.

Скоро загремѣли кареты Адельстановыхъ сосѣдей. Общество собралось большое

и блестящее; всѣ отправились на мѣсто, приготовленное для праздника: тамъ увидѣли толпу молодыхъ деревенскихъ мущинъ и дѣвушекъ. Немного подалѣе, въ тѣни, сидѣли отцы и матери. Роза, какъ мѣсяцъ между звѣздами, блистала между подругами и привлекла на себя вниманіе всѣхъ красотою и нарядомъ. Черная юбка съ алыми лентами отличала отъ другихъ красавицу; бѣлые чулки и башмаки черного цвѣта обрисовали формы прелестныхъ ножекъ; черный корсетъ показывалъ ея талію, придавалъ еще болѣе прелести, будучи застегнутъ напереди серебряной пряжкою и украшенъ букетомъ розъ, подаренныхъ Адельстаномъ. Сквозь батистовую, искусно сложенную рубашку видна была ослѣпительная бѣлизна рукъ, а соломенная шляпка, не закрывая лица, давала волю чернымъ локонамъ виться по плечамъ Розы. Не смотря на всеобщее вниманіе, она была такъ скромна, такъ тиха, что ни одна изъ подругъ не завидовала ей: всѣ онѣ гордились, что Роза украшаетъ собою ихъ общество; всѣ говорили: *она лучше насъ, она прелестнѣе насъ!* Одинъ Вернеръ старался всякаго увѣрить, что Лиза прекраснѣе Розы. — Мы и забыли сказать, что по ходатайству Барона старый Вернеръ согласился на бракъ сына своего съ Лизой. Адельстанъ желалъ дать ей отъ себя приданое; но молодый Вернеръ рѣшительно

отказался. Онъ зналъ, что конца не будетъ толкованьямъ и пересудамъ, если молодой Баронъ надѣлитъ приданымъ бѣдную, деревенскую дѣвушку — и благородство Вернера было награждено въ скоромъ времени: старая тетка Лизы, богатая содержательница какой-то мызы, узнавши, что препятства къ браку Вернера съ Лизою прекращены, дала ей въ приданое значительную сумму денегъ, которая, ни мало не повреждая доброму имени Лизы, удовлетворяла скупости стараго Вернера.

Праздникъ открылся бѣганьемъ въ запуски. Роза, легкая какъ зефиръ, едва дотрогивалась до земли маленькими своими ножками; взоры Адельстана слѣдовали за нею даже и тогда, какъ новая Аталанта скрылась изъ виду; но вскорѣ имя *Розы* было повторено толпою народа — всеобщій радостный крикъ возвѣстилъ ея побѣду! . . . . Наградой побѣдительницѣ обыкновенно бывалъ вѣнокъ изъ незабудокъ и кусокъ тонкой шелковой матеріи, которыя господинъ замка торжественно вручалъ при собраніи народа; другія, скорѣе прочихъ достигнувшія цѣли, получали отъ него же платки, ленты и т. д.

Роза подходила, окруженная толпою поселянъ и поселянокъ, къ возвышенному мѣсту, сдѣланному изъ дерна и украшенному цвѣтами,

гдѣ она должна была сидѣть какъ царица праздника. — Адельстанъ держалъ въ рукахъ вѣнокъ; сердце его сильно билось, когда воображалъ онъ, что самъ возложитъ его на прелестную голову Розы: онъ думалъ, что вправѣ за то выпросить у нее одинъ локонъ черныхъ, прекрасныхъ ея волосъ. При взглядѣ на Розу смятеніе Адельстана увеличилось. . . . — Но вотъ странность: Роза держитъ за руку молодую крестьянку лѣтъ пятнадцати, замѣтную только выраженіемъ невинности и дѣтской свободы, живо начертаннымъ на лицѣ ея. „Вотъ" сказала она, представляя маленькую Маріанну: „вотъ та, которую увѣнчать должно: она была впереди меня, первая добѣжала за мною, и конечно взяла бы верхъ, еслибъ етотъ букетъ не откололся у меня и не упалъ къ ея ногамъ. Посмотрите, какъ запылились цвѣточки; но сбереженіемъ букета я обязана Маріаннѣ: она остановилась, подняла его и — я перегнала ее въ ето мгновеніе. . . . Но могу ли гордиться тѣмъ, что́ нечаянный случай мнѣ доставилъ? Нѣтъ! Маріанна побѣдила: она будетъ главою праздника; ей принадлежитъ награда!" Всѣ желали, чтобы Роза была царицей и сидѣла на дерновомъ тронѣ, увѣнчанная незабудками: ни одна дѣвушка не позавидовала бы Розѣ. Многія предлагали раздѣлить награду: отдать вѣнокъ Розѣ, а шелковую матерію Маріаннѣ. Адель-

станъ колебался; но Роза твердо стояла въ своемъ словѣ, и когда юная царица, закраснѣвшись, въ смятеніи, цѣловала руки великодушной соперницы, рѣшительно говорила, что безъ нее не сядетъ на своемъ тронѣ, тогда только Роза согласилась занять мѣсто по лѣвую руку Маріанны. Всѣ остались довольны. — Роза сняла съ Маріанны шляпку, и Адельстанъ со вздохомъ отдалъ вѣнокъ царицѣ. Онъ оборотился къ Розѣ: „Ты лишила меня сладчайшей минуты истиннаго благополучія!“ сказалъ онъ: „неоткажись по крайней мѣрѣ принять отъ меня что нибудь, когда не приняла титула царицы. . . .“ Онъ взялъ съ груди своей золотую булавку, съ изображенною наверьху собачкою и съ надписью: *вѣрность*. Роза приняла ее, усмѣхнулась и спрятала въ платокъ.

Началось стрѣлянье въ цѣль изъ луковъ; потомъ открылся балъ сельскій, и все общество знатныхъ приняло въ немъ участіе. Молодая царица не могла танцовать столь искусно, чтобы стать въ первую пару и открыть балъ съ Барономъ Адельстаномъ, и Роза, *по неволѣ*, убѣжденная всеобщимъ желаніемъ, принуждена была занять ея мѣсто: громкія похвалы ея ловкости и искусству были ей наградою. Немного погодя, всѣ знатные, чтобы дать болѣе свободы поселянамъ, составили особый

балъ въ великолѣпной за́лѣ за́мка. Адельстанъ съ досадою принужденъ былъ послѣдовать примѣру другихъ, и тѣмъ досаднѣе для него было, что ему надлежало танцовать, казаться веселымъ, между тѣмъ какъ Едмондъ увернулся и ушелъ на сельскій, шумный пиръ, слѣдственно могъ тамъ видѣть Розу, могъ танцовать съ нею. Какъ завидовалъ ему Адельстанъ! . . . Но каково же было восхищеніе Барона, когда, черезъ нѣсколько минутъ, въ толпѣ зрителей, собравшихся у дверей, онъ увидѣлъ Розу! . . . . Красавица стояла прислонясь къ колоннѣ, неспускала глазъ съ Адельстана, и всѣ прозьбы Лизы, Вернера, Едмонда, попеременно приходившихъ звать ее на танцы, были тщетны: Роза дожидалась конца бала. Адельстанъ не въ силахъ былъ выдержать сердечнаго движенія, подошелъ къ ней, тихонько взялъ ея руку и сказалъ: „Ахъ, Роза! я тебя понимаю. . . . Благодарю тебя, милая! . . Какъ тяжко было бы мнѣ вообразить, что ты танцуешь — и не со мною!“

Роза глядѣла на него дружески; въ открытыхъ взорахъ ея изображалась радость. „Мнѣ гораздо пріятнѣе смотрѣть, когда вы танцуете, нежели танцовать самой,“ сказала она Барону. Наконецъ балъ кончился, всѣ разъѣхались, и Баронъ остался наединѣ съ Едмондомъ. Молодой архитекторъ

казался печальнымъ, долго не отвѣчалъ на вопросы Адельстана, и потомъ съ замѣшательствомъ признался, что онъ жестоко обиженъ дѣвицею де Роше. „Мало того, что она не захотѣла танцовать со мною — нѣтъ! она совсѣмъ оставила наше общество, и не безъ намѣренія. . ." — И такъ ты влюбленъ въ эту пригожую крестьянку? — спросилъ Адельстанъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — „Какъ будто вы не знаете, господинъ Баронъ!" отвѣчаетъ Едмондъ съ неудовольствіемъ: „если бы Роза подала мнѣ хоть слабую надежду; я предложилъ бы ей руку мою: но она такъ холодно со мною обходится. . ." — Ну, если это одно лишь ея притворство, чтобы тѣмъ болѣе привязать къ себѣ? — „Нѣтъ! нѣтъ! Роза не кокетка: ея сердце свободно отъ городскихъ пороковъ. Впрочемъ, кто знаетъ. . . Ваша мысль родила во мнѣ смѣлость. . . ." Едмондъ улыбнулся и вышелъ.

Оставшись одинъ, Адельстанъ перебиралъ въ головѣ своей все случившееся съ нимъ во Форштейнѣ: Роза была единственнымъ предметомъ его размышленій. Что, если она меня любитъ? думалъ Баронъ. Но чтожъ тебѣ въ любви Розы? . . Ахъ, нѣтъ! — одна мысль: *Роза любитъ меня* — одно это увѣреніе сдѣлало бы меня счастливымъ на всю жизнь мою. — Онъ

строго разбиралъ собственныя чувства, и увидѣлъ всю силу страсти своей къ Розѣ. А она? Правда, Адельстанъ всегда видался съ нею на самое короткое время; но какъ много выражали взоры и слова Розы! — Ахъ! воскликнулъ Адельстанъ: вотъ первая женщина, которая истинно меня любитъ! Но какъ могу открыть ей мои чувства? Дерзну ли сказать — *люблю тебя*, не оскорбляя ея добродѣтели? . . .

Въ подобныхъ размышленіяхъ прошло нѣсколько времени. Адельстанъ всякой день видался съ Розою, часъ отъ часу болѣе любилъ ее — и молчалъ. Въ одинъ вечеръ Едмондъ входитъ въ кабинетъ Барона, растроганный, печальный. „Жребій мой зависитъ отъ васъ, господинъ Баронъ!" съ жаромъ восклицаетъ архитекторъ. — Отъ меня, любезный Едмондъ? Ты такъ растроганъ! Объяснись, мой другъ! — „Я сей часъ отъ стараго Волмана. Я предлагалъ Розѣ руку мою и сердце." — Боже мой! и она. . . — „Она не сказала мнѣ ничего рѣшительнаго; но и не отняла надежды: *я объяснюсь съ Барономъ и сдѣлаю все, что́ онъ мнѣ присовѣтуетъ. Благодарю васъ за честь; будьте увѣрены въ совершенномъ моемъ почтеніи.* Вотъ слова Розы!" — Почтеніе — какое холодное слово! и ты можешь быть доволенъ? — „Вы знаете

скромность Розы: можетъ быть она не смѣла прямо сказать того, чтó въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ. Почтеніе ведетъ къ дружбѣ, а дружба къ любви. Ахъ! еслибъ она знала всю силу любви моей! Какая мнѣ нужда разбирать, что Роза дочь мѣльника... Помогите мнѣ, Баронъ: ваше заступленіе сдѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!" — Мнѣ заступиться за тебя!... Но знаешь ли ты, любезный Едмондъ, что я, самъ я, люблю, обожаю Розу? — „Любите?... нѣтъ, это не возможно! вы не можете предложить Розѣ руки и сердца; а употребить коварство.... Нѣтъ, нѣтъ! если вы любите ее, она должна быть моей супругою — она будетъ счастлива...."

Адельстанъ въ замѣшательствѣ ходилъ по комнатѣ. — Конечно, сказалъ онъ, запинаясь — я... я... долженъ бы... Уволь меня, любезный Едмондъ, отъ разговора съ Розою. — „Но я уже сказалъ ей, что буду васъ просить, и что вы возметесь..." — Чтожъ она отвѣчала? — „Она сама хочетъ объ етомъ съ вами совѣтоваться." — Теперь ничего не могу обѣщать вамъ. Завтра я подумаю. — Они разстались и оба въ цѣлую ночь не смыкали глазъ.

Адельстанъ не зналъ, чтó дѣлать: любовь и разсудокъ волновали его душу. Но разсудокъ побѣдилъ слѣпую страсть, и

Адельстанъ рѣшился говорить съ Розою въ пользу Едмонда. Чего не придумывалъ Баронъ въ ту и другую сторону! Едмондъ, молодой человѣкъ, благороднаго происхожденія, съ порядочнымъ достаткомъ, которой при талантахъ своихъ имѣлъ надежду значительно приумножить, Едмондъ предлагаетъ руку свою дочери простаго, деревенскаго мѣльника!. . . Можетъ ли быть для нее другой женихъ выгоднѣе Едмонда?. . . Но ея собственныя достоинства заслуживаютъ многое. . . А что можетъ предложить ей богатый, знатный Адельстанъ? Рука его обѣщана другой; но если бы онъ былъ и свободенъ, можетъ ли онъ, осмѣлится ли онъ отринуть всѣ предразсудки, разрушить всѣ препятствія? Съ другой стороны, осмѣлится ли требовать, чтобы Роза пожертвовала честію своею, добрымъ именемъ, спокойствіемъ всей жизни? — Такъ разсуждалъ Адельстанъ, а черезъ минуту думалъ опять другое: Что́, если она не любитъ Едмонда и любитъ тебя? кто далъ тебѣ право принуждать ее къ ненавистному союзу, который сдѣлаетъ ее несчастною? Какая нужда, что любовь ваша не будетъ освящена торжественною клятвою, если счастіе Розы отъ нее зависитъ! —

Рано поутру Адельстанъ вышелъ чрезъ садовую калитку изъ замка и отправился къ Волману. Онъ зналъ, что Роза всякое

утро выходила въ свой маленькой садикъ совершать обыкновенную молитву. Много разъ сказывала она Барону, что при взглядѣ на окружающіе предметы, на свидѣтельства премудрости Божіей, при взглядѣ на восходящее солнце, когда дышитъ она чистымъ утреннимъ воздухомъ, когда слушаетъ пѣсни легкаго жаворонка — сердце ея становится свободнѣе, молитва усерднѣе. И въ самомъ дѣлѣ, еще издалека, сквозь рѣшетку садика Адельстанъ видитъ Розу, стоящую на колѣняхъ подлѣ дерновой скамейки, гдѣ они прежде разговаривали. Роза непримѣтила его: она закрываетъ лице платкомъ, взоры ея не обращены къ небу, Роза плачетъ; встаетъ, садится унылая, задумчивая. Она невидитъ своего Адельстана, между тѣмъ какъ онъ осторожно приближается. „Не за меня ли опять молилась ты, Роза?“ спросилъ Баронъ: „нѣтъ? вѣрно за себя? Роза! ты плачешь? . . .“ — Мнѣ надобно удалиться отсюда, господинъ Баронъ: я скоро поѣду къ своему батюшкѣ . . . Мнѣ жаль разстаться съ Лизой, съ Вернеромъ . . . — „И съ молодымъ Едмондомъ!“ прибавилъ Адельстанъ, устремивъ на нее взглядъ недовѣрчивости: „но не бойся; вы разлучитесь не надолго: онъ любитъ тебя, Роза, любитъ страстно; и, можно ли любить тебя иначе? Онъ хочетъ соединить судьбу свою съ твоею, и . . .“ — Признаюсь я

худо повѣрила вчерашнему его предложенію: молодая, неопытная крестьянка не можетъ быть супругой свѣтскаго, блестящаго человѣка. Я негожусь для города; никогда не привыкну къ образу жизни, весьма далекому отъ сельскаго быту. — „Твоя красота, твои милыя качества сдѣлаютъ тебя украшеніемъ всякаго состоянія. Ты не знаешь цѣны своимъ достоинствамъ!“ воскликнулъ Адельстанъ въ восторгѣ; „молодой Едмондъ будетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, когда ты . . . согласишься отдать ему свое сердце.“ Баронъ замолчалъ, собрался съ духомъ и продолжалъ въ полголоса: „Едмондъ поручилъ мнѣ извѣстить тебя! . . .“

Роза поблѣднѣла, едва могла дышать. — И вы, господинъ Баронъ, желаете — сказала она трепещущимъ голосомъ — чтобы я согласилась на его предложеніе? — Она подняла большіе глаза свои на Барона, слезы въ нихъ заблистали. . . .

Адельстанъ былъ не въ состояніи болѣе выдерживать: въ нѣжномъ, кроткомъ взорѣ, на него обращенномъ, изображались всѣ чувства Розы. — Онъ упалъ предъ нею на колѣна, схватилъ ея руку: „Мнѣ желать, чтобы ты отдала сердце свое другому? Роза! и ты могла подумать! . . . Нѣтъ! я вижу, вижу, что ты любишь меня — и я заслуживаю любовь твою . . . ты моя, навсегда моя!“ — И Адельстанъ крѣпко прижалъ ее къ груди сво-

ей. — Твоя, твоя навсегда! повторила Роза, и слезы снова полились изъ ея очей. — Она скрыла пылающее лице свое на груди Адельстана. —

Какъ описать восторгъ, произведенный невольнымъ признаніемъ Розы! . . . „Она любитъ меня, она любитъ!“ повторялъ Адельстанъ. Смущенная Роза молчала; но не отнимала руки своей отъ устъ Адельстана. Чего еще оставалось желать Барону? Если бы въ сію минуту онъ могъ разсуждать; то конечно спросилъ бы самъ себя: тотъ ли это Адельстанъ, который, бывши такъ вѣтренъ и дерзокъ, теперь почитаетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и не желаетъ въ свѣтѣ ничего болѣе, кромѣ только любви Розы? — Онъ забылъ Наталію, Едмонда, свое баронство, свое богатство — помнилъ только, что любимъ Розою! А она? — Она забыла различіе состояній, свое намѣреніе удалиться; думала только о томъ, что Адельстанъ ее любитъ . . . — Садовая дверь отворилась, и пришедшій Едмондъ разсѣялъ ихъ мечтанія. Роза спряталась за дерева, и ушла въ домикъ; Адельстанъ также хотѣлъ скрыться отъ взоровъ Едмонда; но — нетерпѣливый молодой человѣкъ предупредилъ его: онъ хотѣлъ поскорѣе узнать рѣшеніе своего жребія — и одинъ взглядъ на Адельстана лишилъ бѣднаго любовника всей надежды. Смятеніе Барона,

радость, начертанная на лицѣ его, — все сказало Едмонду, что Баронъ былъ счастливымъ его соперникомъ. Роза потеряла въ глазахъ Едмонда половину своихъ прелестей, когда онъ размышлялъ горестно, что ета молодая дѣвушка, прежде столь благоразумная, скромная, предается порывамъ необузданной страсти и отвергаетъ законныя предложенія добраго человѣка. Какія слѣдствія можетъ имѣть любовь Адельстана и Розы? Самыя пагубныя! Потеря добраго имени Розы казалась Едмонду ужасною: онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ ея безразсудства, и просилъ Барона дозволить ему удалиться; даже не скрылъ предъ Адельстаномъ побудительныхъ причинъ своего удаленія. „Я недумаю болѣе о Розѣ;“ сказалъ Едмондъ: „она не любитъ меня; но, если я *не ошибаюсь*, то сердечно объ ней жалѣю — жалѣю и объ васъ, Баронъ: минутныя удовольствія будутъ имѣть слѣдствіемъ угрызенія совѣсти. . .“

Адельстанъ защищался; увѣрялъ, что онъ вовсе не думалъ воспользоваться отказомъ Розы, и въ то же время чувствовалъ тайную радость объ отъѣздѣ докучливаго соперника. — Едмондъ, рѣшившись на другой же день ѣхать, хотѣлъ тогда же проститься съ красавицей и напомнить ей объ опасномъ ея положеніи. Въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ съ Розою, которая совершенно от-

казала ему въ его предложеніи и даже объявила о любви своей къ Адельстану. Едмондъ не сказалъ ни слова, съ горестью возвратился въ замокъ и поѣхалъ путешествовать, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ сердцѣ его изгладился образъ Розы.

Адельстанъ думалъ, что теперь можетъ свободнѣе видѣться съ красавицей и даже уговоритъ ее отложить поѣздку. Лиза, озабоченная приготовленіями къ своей свадьбѣ, почти всегда оставляла ее одну. Но Баронъ могъ видѣть Розу только по утру и вечеромъ; днемъ же обыкновенно провождала она время съ больною своей теткою, и ни гдѣ неявлялась; за то Адельстанъ ни разу не упускалъ быть въ садикѣ Волмана поутру. Онъ велъ себя съ такою скромностью, такъ почтительно, что добрая Роза мало помалу привыкла видѣться съ нимъ, говорить и обходиться просто. Могъ ли Баронъ, любя истинно, могъ ли подумать оскорбить какою нибудь нескромностью свою обожаемую Розу!

Но онъ думалъ и о будущемъ. Его счастіе небыло совершеннымъ, и въ одинъ день Адельстанъ рѣшился откровенно говорить съ Розою. „Увѣряю тебя, милая Роза!" сказалъ онъ: „ты очень походишь на дѣвицу Ельменгорстъ; для чего ты не Наталія!... Съ какою бы радостью исполнилъ я мою обязанность!" Роза трепещетъ. — Наталія

Ельменгорстъ? Ахъ! я и забыла объ ней! Такъ, я не Наталія! Благодарю васъ, Баронъ: вы напомнили мнѣ мои обязанности. И вы также забыли долгъ свой. Я должна удалиться, а вы ѣхать къ ней...Забудьте Розу: вы меня болѣе не увидите. . . Но я всегда буду молиться Богу, чтобы содѣлалъ благополучнымъ васъ и вашу Наталію... — Сказавши, Роза хотѣла удалиться. „Остановись, Роза!..Не уже ли думаешь, что безъ тебя могу я быть благополучнымъ? Нѣтъ, нѣтъ! все мое счастіе — ты одна!...Ахъ! заклинаю тебя, побудь со мною еще нѣсколько дней.“ — Нѣсколько дней? Что же потомъ? Не должны ли мы разстаться? Адельстанъ! милый Адельстанъ! еще есть время. . . — „Нѣтъ! никогда, никогда. . . Роза! выслушай меня: на что намъ уважать мнѣнія свѣта: ты любишь меня — я тебя обожаю! Откажусь отъ руки Наталіи! это не будетъ для нее важнымъ урономъ: она едва меня знаетъ. . . Тогда-то я буду совершенно свободенъ, и посвящу тебѣ всю жизнь мою! Клянусь тебѣ неотдавать никогда и никому руки моей! Заключимъ *бракъ по совѣсти.* Ты будешь жить въ моемъ замкѣ, въ качествѣ управительницы; но будешь полною обладательницей всего моего имѣнія и самаго меня. . . . Роза! если ты согласна, если вѣришь моимъ обѣщаніямъ, моимъ клятвамъ — завтра же обязатель-

ства мои съ Наталіей расторгнутся и я буду твой навѣки.“

Роза слушала и молчала; непонимая, какъ видно, словъ Адельстана. — *Бракъ по совѣсти!* — наконецъ она сказала: — хотя я и непонимаю, что значитъ это; но совѣсть моя велитъ мнѣ согласиться только на бракъ обыкновенный. Богъ видитъ мое сердце, видитъ, какъ я люблю моего Адельстана. Не знаю, перенесу ли разлуку съ нимъ; но немогу согласиться на его предложеніе. Жить съ вами, Баронъ, и не быть законной вашею супругою — нѣтъ! лучше умереть въ грусти и печали, разлучась съ вами, нежели страшиться Божіяго суда, стыдиться цѣлаго свѣта и самой себя! А родители мои? Могу ли оскорбить ихъ подобнымъ поступкомъ? Перенесутъ ли они безславіе своей дочери? Адельстанъ! мы видимся въ послѣдній разъ — простите!—

Она хотѣла удалиться. Адельстанъ заклиналъ ее остаться на минуту, употреблялъ все краснорѣчіе любви пламенной; Роза была тронута, но неумолима. Она плакала, повторяла Барону о разлукѣ съ нимъ — и даже просила его не разрывать обязательствъ своихъ съ дѣвицею Ельменгорстъ. — Все, что могу обѣщать вамъ — прибавила Роза — состоитъ въ томъ, что я никогда не выйду замужъ. И могу ли отдать руку свою безъ сердца? Гдѣ взять

чувствъ для новой страсти? А вы, Баронъ, вы можете быть счастливы и безъ меня: вы неодинъ разъ мнѣ говорили, и начало брачныхъ обязательствъ вашихъ съ дѣвицею Ельменгорстъ доказываетъ, что знатные люди могутъ заключать браки безъ участія любви. — „Когда это говорилъ я тебѣ, Роза; въ то время я незналъ еще любви истинной: но теперь могу ли рѣшиться жертвовать ею призракамъ честолюбія? Если предразсудокъ, котораго я побѣдить не въ силахъ, запрещаетъ мнѣ предложить тебѣ мою руку; то чувство еще сильнѣйшее не допуститъ меня предложить ее другой дѣвицѣ, кто бы ни была она. . . . Нѣтъ, Роза! отвергни всѣ предложенія безмѣрной любви моей — но я не буду супругомъ Наталіи, не хочу сдѣлать ее несчастною, не хочу ее обманывать! Одно твое сходство съ нею было бы вѣчнымъ для меня мученіемъ: взглядъ на Наталію, напомнилъ бы мнѣ Розу и отвратилъ бы сердце отъ моей супруги.“ — Бѣдная Наталія! отвѣчала Роза: я разрушила твое благополучіе и сама сдѣлалась несчастною. Ахъ! еслибъ мы никогда не встрѣчались съ вами, Адельстанъ! Но нѣтъ! въ шумѣ большаго свѣта вы меня забудете; Наталія составитъ ваше счастіе . . . а я . . . возвращусь къ моей доброй матери, открою ей сердечную скорбь мою; она не отвергнетъ меня! Мы будемъ вмѣ-

стѣ плакать — и мнѣ будетъ легче! — Роза спѣшила удалиться. Остановившись подлѣ воротъ садика, она сказала: Адельстанъ! завтра увидимся *въ послѣдній разъ!* — Закрыла глаза платкомъ и скрылась.

Чувства Адельстана были неописанны. Весь день, всю ночь, онъ не могъ ни чѣмъ заниматься, и сраженіе любви съ остаткомъ предразсудка честолюбія было жестоко. Любовь говорила ему, что счастіе всей жизни зависитъ отъ обладанія Розою; но какъ перенести разрушеніе многихъ блестящихъ надеждъ, жениться на простой крестьянкѣ, видѣть негодованіе знатныхъ своихъ родственниковъ, презрѣніе всего дворянства?

Роза, блѣдная и печальная, дожидалась его на обыкновенномъ мѣстѣ. Адельстанъ возобновилъ свои предложенія — все было тщетно! Роза со слезами умоляла его не употребить во зло власти, которую любовь давала ему надъ ея чувствами. „Могу ли отвѣчать за себя?" сказала она: „могу ли ручаться, что любовь не побѣдитъ моего разсудка — что рано, или поздно не соглашусь на ваше ужасное предложеніе, что непожертвую честію моею, добрымъ именемъ, самою жизнію моихъ родителей любви моей? Адельстанъ! защитите меня — будьте моимъ ангеломъ-хранителемъ! будемъ несчастны, но добродѣтельны..." —

Роза! что говоришь ты? воскликнулъ Адельстанъ: развѣ взаимная любовь и вѣрность не суть добродѣтели, когда только не освящены торжественнымъ обрядомъ? Мы станемъ скрывать тайный союзъ нашъ отъ всего свѣта, отъ твоихъ родителей; они не будутъ тебя подозрѣвать; я изрѣдка буду видаться съ тобою... — „Вы въ заблужденіи, Баронъ! Такая добродѣтель была бы преступленіемъ. И могу ли скрыть что нибудь отъ моей матери? могу ли успокоить угрызенія моей совѣсти? гдѣ возьму силъ, смотрѣть прямо въ глаза моему почтенному родителю?" Тутъ Роза встала съ дерновой скамейки. „Намъ надобно разстаться!" прибавила она дрожащимъ голосомъ. — Разстаться?... Роза! остановись! ... Я рѣшился! я твой! Бракъ нашъ будетъ освященъ обрядами вѣры, и никто, кромѣ твоихъ родителей, неузнаетъ, что ты моя законная супруга. Довольно ли етаго? — „О мой Адельстанъ!" воскликнула Роза: „если ты, если мои родители будутъ увѣрены въ моей непорочности, какая мнѣ нужда въ сужденіи свѣта? Пусть говорятъ и думаютъ, что кому угодно. Ты побѣдилъ, мой Адельстанъ, милой супругъ мой! Прими клятву Розы! я твоя навѣки!" И Роза въ первый разъ въ жизни обняла, поцѣловала Адельстана. — Роза! поѣдемъ завтра же къ твоимъ родителямъ. Я хочу видѣть ихъ, хочу говорить съ ни-

ми. — „Нѣтъ, нѣтъ, Адельстанъ! ты долженъ прежде освободиться отъ обязательствъ твоихъ съ дѣвицею Ельменгорстъ, а потомъ уже счастливая Роза будетъ твоею невѣстой.“

И Адельстанъ упалъ къ ногамъ ея: тысячи клятвъ въ любви и вѣчной вѣрности были повторены съ обѣихъ сторонъ. Время летѣло непримѣтно. Вдругъ Адельстанъ видитъ бѣгущаго слугу; спрашиваетъ, и узнаетъ съ неудовольствіемъ, что Гофмаршалъ Ельменгорстъ дожидается его въ замкѣ. Адельстанъ взглянулъ на милую свою Розу, и ужаснулся смертельной блѣдности лица ея. „Ахъ, Адельстанъ! если ты оставишь меня, если тебѣ не льзя уже разорвать обязательствъ своихъ съ дѣвицею Ельменгорстъ. . . . Боже мой! что тогда будетъ съ бѣдною Розой!“ — Ничто въ свѣтѣ не разлучитъ насъ! Гофмаршалъ пріѣхалъ; тѣмъ для насъ лучше! *Твой навѣки!* Сего дня увидимся еще разъ! — И Баронъ поспѣшилъ въ замокъ.

(*Оконч. въ слѣд. книж.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н о ч ь.

Какой ужасный мракъ простертъ подъ
небесами!
Померкшій небосклонъ безмолвіемъ одѣтъ,
Лишь изрѣдка луны дрожащій, тусклый свѣтъ
Мелькаетъ по полямъ, гонимый облаками.
Вѣтръ спитъ; усталый прудъ, недвижимъ
какъ стекло,
Разлился свѣтлою въ долинѣ полосою,
И дремлютъ берега, насупясь, надъ водою.
Молчанье протекло! —
Вдали взнесенныя утесистой главою
Въ туманѣ грозныя громады тонутъ горъ!
А здѣсь встрѣчаетъ робкій взоръ
Кресты, гробницы и могилы;
За ними древній храмъ
Чернѣется по высотамъ,
Въ безмолвіи, унылый!
И тмой, и тишиной сводъ неба облеченъ!
Обширный рядъ гробовъ очами измѣряя,
На каждомъ шагѣ здѣсь прахъ мертвыхъ по-
пирая,
Я мыслю, въ грустное мечтанье погруженъ:
Ахъ! нѣкогда они тебѣ подобны были;

Ударитъ часъ — и ты подобенъ будешь имъ! —
Смотри: здѣсь тополи склонили
Густую тѣнь надъ камнемъ симъ —
Ахъ! камень сей унылый
Скрываетъ Юлію — и Юлія ужь прахъ!
Улыбка замерла на скованыхъ устахъ;
Исчезнулъ голосъ милый;
Сонъ вѣчной взоры помрачилъ
И смерть всю кровь оледенила!
Рокъ самой красотѣ конецъ опредѣлилъ!
Могила вѣчная въ себѣ любовь сокрыла!
Нѣтъ жизни, бренные остатки лишь одни. —
Надмѣнный властелинъ! приди сюда, взгляни,
Что смертному въ удѣлъ за гробомъ остается!
Что было — все прошло! что будетъ — все минется! —
И етотъ мраморный, огромный мавзолей
Надолго ль избѣжитъ отъ силы разрушенья?
Чтожъ намъ останется отъ нашего рожденья?
Вотъ плодъ могущества, богатства и честей,
Стараній всѣхъ, суетъ и славы насыщенья!...

Но чей несется гласъ изъ глубины могилъ? —
,,Когда рокъ смертнымъ присудилъ
,,Окончить жизнь моей косою —
,,О! какъ ихъ взоръ тогда смущенъ!
,,Безумцы мыслятъ, что со мною
,,Послѣдній часъ имъ возвѣщенъ. —
,,Не я ль имъ вѣчность отверзаю?

„Не я ль готовлю путь для них,
„И в пристань челн их провождаю,
„Где боле нет сует мирских,
„Где дух безсмертием живится,
„Где вечная любовь живет? —
„Все мною только изменится, —
„Но жизнь другая смертных ждет!“

Саларев.

Къ новорожденному сыну Поэта Владимиру.

Ты будешь добр, умен, любезен как отец,
И добродетелью твоя отгрянет лира;
Ты будешь друг чувствительных сер-
дец,
И как Поэт — *владетель мира.*

Н. И.-П. . . . в.

Отвѣтъ.

Растроганный отецъ любезнѣйшимъ проро-
комъ,
За предсказаніе въ плѣнительныхъ стихахъ
Благодаритъ слезы сердечной сладкимъ то-
комъ;
Но думаетъ тогдажъ — въ душѣ, не на сло-
вахъ —
Что будетъ сынъ его Владиміръ *Мономахъ*,
Какъ и отецъ — що есть *едоноборецъ* . . .
съ рокомъ!

К. Ш — въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О заслугахъ покойнаго Профессора Тимковскаго по части древней словесности.

(Отрывокъ изъ Латинскаго разсужденія Проф. И. И. Давыдова.)

Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, будучи еще Магистромъ въ здѣшнемъ Университетѣ, оказалъ любовь къ древней словесности, чему служитъ неоспоримымъ доказатель-

ствомъ его прекрасное изданіе *Федра*, которое можно почитать лучшимъ после изданія знаменитаго Бурмана. Разсужденіе о *трагическихъ диѳирамбахъ*, написанное для полученія степени Доктора, извѣстно между учеными. Бывъ посланъ отъ нашего Начальства въ Геттингенскій Университетъ, славнѣйшій особенно по части древней словесности, пріобрѣлъ онъ уваженіе ученыхъ; Гейне, Митшерлиха, Геерена, изъ коихъ первый, между новѣйшими Германцами законодатель въ наукѣ древности, отдавалъ полную справедливость глубокимъ его познаніямъ и всегда отзывался объ немъ съ великою похвалою. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, оправдалъ онъ совершенно надежду Московскаго Университета. По возвращеніи въ Отечество и вступивъ въ званіе Профессора, обширными свѣдѣніями по части изящныхъ наукъ заставилъ онъ забыть прежнюю потребность въ иностранныхъ Университетахъ по части древней словесности. Къ таковымъ свѣдѣніямъ присоединялъ онъ привлекательный способъ изъясненія Греческихъ и Римскихъ писателей, при чтеніи которыхъ обыкновенно научалъ и Латинскому слогу и вмѣстѣ искусству мыслить и писать, не говорю уже объ Исторіи и древностяхъ, въ чемъ онъ имѣлъ основательныя знанія, которыя безъ всякаго сомнѣнія почерпаются изъ древ-

нихъ писателей. — Вообще въ его критическихъ разборахъ видна была тонкость и основательность суждений и изящный вкусъ въ Археологіи, которая такъ тѣсно соединена съ науками филологическими. Сему служитъ доказательствомъ его Рѣчь, написанная на Латинскомъ языкѣ: *О различіи Греческаго и Римскаго просвѣщенія, проистекающемъ изъ особеннаго духа, нрава и образа жизни оныхъ народовъ*, отличающаяся полнотою, стройностью, точностью и красотою слога.

Многіе изъ ученыхъ, зная Греческій или Латинскій языкъ, не могутъ писать и говорить на оныхъ; но Пр. Тимковскій совершенно обладалъ Латинскимъ языкомъ, и говорилъ съ удивительною легкостію и краснорѣчіемъ; всякой испыталъ сіе при его изъясненіи древнихъ писателей. Симъ самымъ привлекалъ онъ къ древней словесности и возбуждалъ любовь къ симъ занятіямъ въ своихъ слушателяхъ.

Не льзя умолчать и о другихъ похвальныхъ качествахъ сего ученаго мужа, о его трудолюбіи, неутомимости, о его добрыхъ свойствахъ сердца и образѣ жизни, всегда одинаковомъ; сему свидѣтели всѣ пользовавшіеся его уроками. Сему свидѣтели вы сами, знавшіе его обширныя свѣдѣнія, сіе

свидѣтельствуетъ весь Университетъ, который полагалъ въ немъ многія надежды.... Жизнь ученыхъ людей по большей части неблистательна и проходитъ въ неизвѣстности. Не смотря на то, человѣкъ твердый въ правилахъ, непоколебимый въ честности; истинно образовавшій свой умъ, уже симъ самымъ оказываетъ услуги своему Отечеству. Почести и отличія имѣютъ цѣлію возбуждать насъ къ добродѣтели. Но истинно любящій долгъ свой имѣетъ ли нужду въ поощреніяхъ? Не великъ ли уже онъ самъ въ себѣ? Не самъ ли въ себѣ находитъ онъ врачеваніе для исцѣленія горестей своихъ—особенно тотъ, кто денно и нощно видитъ передъ собой образцы доблестей; кто изучаетъ древность, столь богатую наставительными примѣрами, кто всегда имѣетъ передъ собой Брутовъ и Катоновъ? Тутъ виденъ и характеръ и образъ мыслей. — Покойный не тщетно занимался древними. Мнѣ случалось много разъ заставать его, когда онъ почти плакалъ, читая Ксенофонта, Цицерона и Виргилія, любимыхъ писателей своихъ, и благоговѣя предъ высокимъ умомъ, изящной красотою, величіемъ духа. Нравы и мнѣнія писателей составляютъ какъ бы пищу нашу: и потерянъ бы трудъ былъ, еслибъ человѣкъ отъ превосходнѣйшихъ писателей не напитался ихъ чувствами и мыслями. Но кому изъ насъ не извѣстно, что

жизнь покойнаго ознаменована благоразуміемъ, умѣренностію и трудолюбіемъ?

Преждевременная смерть похитила его отъ насъ; но познанія его будутъ памятны для тѣхъ, которые пользовались его наставленіями. Если справедливо, какъ говоритъ Историкъ-философъ, что изображеніе лица отъ времени или другихъ обстоятельствъ изглаживается; изображеніе же ума остается незабвенно: то я почту себя счастливымъ, если сохраню память достойнаго мужа исполненіемъ должности, послѣдуя его примѣрамъ. . . . .

Новгородскій.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Послѣдніе часы жизни Дюка Беррійскаго (*).

Уже не въ первый разъ пролилась кровь христіянская на сихъ позорищахъ, кото-

(*) Изъ новѣйшаго сочиненія Шатобріана: Les Mémoires, Lettres et pièces authentiques touchant la vie et la mort de Mgr. le Duc de Berry. Многія тысячи его екземпляровъ раскуплены въ самое короткое время. *Рдръ.*

рыя церковь называетъ языческими, и въ сіи *дни невоздержности, посвященные старику, носящему косу*(*) . . .

Въ Воскресенье, Февраля 13го, Ихъ Высочества Дюкъ и Дюшесса Беррійскіе поѣхали въ Оперу, гдѣ представляемы были игры и танцы, присвоенныя веселостямъ сей поры года. Между актами они посѣтили Дюка Орлеанскаго и его супругу, находившихся въ своей ложѣ. Дюкъ Беррійскій ласкалъ дѣтей, забавлялся съ маленькимъ Дюкомъ Шартрскимъ, и публика, свидѣтельница такого согласія между Принцами, нѣсколько разъ принималась изъявлять рукоплесканіемъ чувство своего удовольствія.

Ея В—о Дюшесса Беррійская, возвращаясь къ себѣ въ ложу, была ушибена отворившеюся дверью другой ложи. Она почувствовала усталость, и рѣшилась уѣхать: было одиннадцать часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ. Дюкъ Беррійскій проводилъ ее до кареты, съ тѣмъ чтобы опять возвратиться въ Оперу.

Карету Дюшессы подали. Караульные солдаты не выходили къ ружью: Принцъ съ давняго уже времени отказывался отъ сей почести; одинъ только часовой сдѣлалъ на караулъ, стоя спиною къ Ришельевской

(*) Unctis falciferi senis diebus, *Martial. Epigr.*

улицѣ. Графъ Шуазель, Адъютантъ Его В—а, находился въ правой сторонѣ отъ часоваго, въ углу дверей входа, стоя также спиною къ Ришельевской улицѣ.

Графъ Менаръ, Оберъ-Шталмейстеръ Принцессы, подалъ лѣвую руку Ея В—у, когда она входила въ карету, равнымъ образомъ и Графинѣ Бетизи; Дюкъ подавалъ имъ правую руку. Графъ Клермонъ-Лодевъ, Каммеръ-юнкеръ Принца, стоялъ за Принцемъ, съ тѣмъ чтобы при возвращеніи Его В—а слѣдовать за нимъ, или же ему предшествовать.

Въ сіе время какой-то человѣкъ, идущій со стороны Ришельевской улицы, поспѣшно проходитъ мимо часоваго и лакея, поднимающаго ступеньки у кареты. Онъ толкаетъ сего послѣдняго, и бросается на Принца въ ту самую минуту, когда Его В—во, поворачиваясь, чтобъ идти въ обратной путь, говорилъ своей супругѣ: „Adieu, nous nous reverrons bientôt (прости, мы опять скоро увидимся).“ Убійца, оперщись лѣвою рукою на лѣвое плечо Принца, другою поражаетъ его въ правой бокъ, нѣсколько пониже груди. Графъ Шуазель сперва было почелъ гнусную тварь за такого человѣка, которой бѣжитъ прямо на другаго и не думаетъ сторониться; онъ отталкиваетъ изверга, говоря ему: „Смотри, что ты дѣлаешь!“ Но онъ уже сдѣлалъ!

Дюкъ, при нанесенномъ ударѣ склонясь на Графа Менара, ухватился рукою за бокъ, въ которомъ, какъ ему казалось, почувствовалъ только лишь контузію, и вдругъ вскрикнулъ: „Я умерщвленъ! Етотъ человѣкъ убилъ меня!“ — Какъ! Ваше В— о ранены? восклицаетъ Графъ Менаръ. Принцъ отвѣчаетъ громко: „Je suis mort, je suis mort, je tiens le poignard! (Я погибъ, я погибъ! въ рукѣ моей кинжалъ!)“

При первомъ воплѣ Принца г-да Клермонъ, Шуазель, стоявшій на часахъ Дебье, одинъ лакей и многіе другіе люди бросились въ слѣдъ за убійцей, которой побѣжалъ въ Ришельевскую улицу. Карета Принцессы еще недвинулась съ мѣста, и Ея В—о, слыша голосъ своего супруга, хочетъ броситься въ дверцы, которыя въ то время отворяли. Графиня Бетизи удерживаетъ Принцессу за платье; одинъ изъ двухъ лакеевъ, останавливаетъ ее и хочетъ помочь ей выдти. Но Принцесса кричитъ: „Оставьте! я вамъ приказываю не держать меня!“ и бросается съ кареты прямо на землю, недумая объ очевидной опасности. Принцъ усиливался кричать ей издали: „не сходите!“ Принцесса, Графиней Бетизи сопровождаемая, бѣжитъ къ супругу, котораго поддерживали Графъ Менаръ, Графъ Клермонъ и многіе служители. Принцъ вытащилъ ножъ

изъ своего бока и подалъ Менару, товарищу странической жизни своей въ изгнаніи.

У караульни находилась лавка: на ней посадили Дюка Беррійскаго; голову его прислонили къ стѣнѣ каменной; разстегнули платье на немъ, чтобъ открыть рану, изъ которой текло много крови. Тогда Принцъ сказалъ снова: „Я погибъ! Священника! Ко мнѣ, жена моя! пусть я умру въ твоихъ объятіяхъ!“

Убійца, уже схваченный служителемъ кофейнаго дома Помьеромъ, стоявшимъ на часахъ егеремъ 4 полку Королевской гвардіи Дебье и наконецъ подоспѣвшими жандармами Давидомъ, Лавинемъ и Воландомъ, приведенъ былъ къ тѣмъ дверямъ, при которыхъ совершилъ онъ свое злодѣйство. Солдаты окружили его; по всему казалось, что они лишатъ его жизни. Графъ Менаръ кричитъ солдатамъ, чтобы его нетрогали; Графъ Клермонъ приказываетъ вести его въ караульню, и самъ идетъ туда же. Его обыскали: нашли при немъ еще одинъ кинжалъ съ ножнами и ножны отъ кинжала, оставленнаго въ ранѣ. Вещи сіи представлены были Графу Клермону, которой отдалъ ихъ Графу Менару.

Между тѣмъ какъ Дюкъ Беррійскій сидѣлъ на лавкѣ у караульни, Графъ Шуазель,

одинъ лакей и одинъ служитель Оперы побѣжали искать медика. Имъ сказано было о жившемъ поблизости Докторѣ Бланшетонѣ, которой и явился въ одну минуту. Еще до него пришелъ Хирургъ Дрогаръ. Сіи врачи нашли уже Дюка Беррійскаго въ примыкающей къ ложѣ его комнатѣ, куда былъ онъ перенесенъ съ прежняго мѣста. Находясь въ етой комнатѣ, Принцъ опамятовался и спросилъ, не чужестранецъ ли былъ виновникомъ злодѣянія. Получивъ отвѣтъ отрицательный, сынъ Франціи прибавилъ: „Горько умирать отъ руки Француза!“

Ея В — о Дюшесса Беррійская обратилась къ Доктору Бланшетону съ желаніемъ узнать отъ него истину, обѣщаясь все перенести мужественно. Онъ сказалъ въ отвѣтъ, что у Принца непоказывалась кровь изо рта, и что ето служитъ благопріятнымъ знакомъ. Бланшетонъ сперва было подумалъ, что рана находилась въ нижней части брюха, гдѣ увидѣлъ онъ большое количество излившейся крови; но скоро потомъ увѣрился, что ударъ былъ нанесенъ пониже правой стороны груди. Докторъ очистилъ рану отъ сгустившейся крови, и заставилъ г-на Дрогара отворить Принцу на правой рукѣ жилу. Силы Его Высочества столько подкрѣпились, что онъ могъ сказать обоимъ медикамъ: „Меня весьма трогаютъ ваши старанія; но они без-

полезны: я погибъ." Г. Бланшетонъ пытался увѣрить Принца, что рана его не глубока. „Я необманываюсь;" отвѣчалъ Принцъ: „увѣряю васъ, что кинжалъ вошелъ по самой черенъ." Ея Высочество сорвала съ себя поясъ, чтобъ употребить его при перевязкѣ. Она одна сохранила присутствіе духа въ сію ужасную минуту, и показала характеръ свой, превышающій все обыкновенное. Принцъ, у котораго глаза уже омрачались, повторялъ нѣсколько разъ: „Здѣсь ли ты, любезная супруга?" — Здѣсь! отвѣчала Принцесса, отирая слезы: я здѣсь, и никогда тебя непокину. —

Г. Бужонъ, главный Хирургъ Его Высочества, Королевскаго Брата, увѣдомленный о случившемся несчастіи, прибѣгаетъ къ Дюку Беррійскому; Докторъ Лакруа является въ то же время. Принцъ узналъ Бужона, который нѣкогда сопутствовалъ Его Высочеству до Гента, въ чаяніи оказать ему свои услуги на полѣ сраженія совсѣмъ другаго рода. „Любезной мой Бужонъ!" сказалъ Принцъ: „я раненъ смертельно." Въ ожиданіи кровососныхъ банокъ, сей усердный служитель нѣсколько разъ принимался высасывать кровь изъ раны своего добраго господина. „Что ты дѣлаешь, другъ мой!" сказалъ царственный страдалецъ: „можетъ быть рана заражена ядомъ!"

Дюкъ Беррійскій часто требовалъ Священника. Графъ Клермонъ съѣздилъ въ Тюйльерійскій замокъ и привезъ оттуда Епископа Шартрскаго, повѣреннаго такой совѣсти, которой ничего уже неоставалось таить отъ здѣшняго міра. Прелатъ, обыкшій взирать съ удивленіемъ на отца, притекъ учиться отъ сына. Принцъ сидѣлъ въ креслахъ, поддерживаемый своими служителями, окруженный хирургами; онъ былъ въ полномъ умѣ и въ памяти. Его В-о простираетъ руку къ почтенному Епископу, проситъ пособій религіи, изъявляетъ живѣйшія чувства вѣры, раскаянія и упованія. Епископъ Шартрскій убѣждаетъ Дюка положиться во всемъ на Бога; требуетъ отъ него общаго покаянія, съ тѣмъ чтобъ дать ему отпущеніе, утишить безпокойство совѣсти, а потомъ ждать минуты, благопріятной для подробной исповѣди.

Графъ Менаръ, все еще утѣшаясь надеждою, что рана была несмертельна, отправился къ Дюку Ангулемскому. Принцъ сей лежалъ уже въ постели; онъ одѣлся наскоро и поскакалъ къ мѣсту скорби. Невозможно изобразить свиданія двухъ братьевъ. Дюкъ Ангулемскій бросился на рану Его В-а, цѣловалъ ее, омывалъ своими слезами; вздохи, рыданіе захватывали духъ въ немъ: несчастный братъ его также не могъ промолвить ни слова.

Все сіе происходило, въ комнатѣ ложи. Признано за нужное перенести Принца въ другую ближнюю комнату, гдѣ сперва положили его на стульяхъ, а потомъ на кровати съ ремнями.

Дюкъ Ангулемскій, боясь новой опасности, недозволилъ своей супругѣ ѣхать съ собою въ домъ Оперы; но Ея Высочество, несмотря ни на что, за нимъ тотчасъ послѣдовала. Что для нее опасность? Есть ли горести, которымъ бы она не была причастна? Есть ли несчастіе, которое бы ее остановило? Ея В—о привыкла смотрѣть прямо въ лицо революціи, ието уже не въ первой разъ Дщери Лудовика XVI и Маріи-Антуанетты довелось имѣть попеченіе объ умирающемъ Братѣ..

Вскорѣ явился и Братъ Королевскій. Надобно знать доброту, нѣжность, сердце родительское сего Принца, дабы имѣть понятіе о томъ, что ему вытерпѣть надлежало. Его Высочество непремѣнно хотѣлъ ѣхать одинъ; но онъ не зналъ, что одинъ изъ лучшихъ слугъ его, Дюкъ Малье, нашелъ средство ему сопутствовать; сей Дюкъ облагородствовалъ собою мѣсто совсѣмъ неблагородное. Дюкъ Беррійскій изъявилъ желаніе благословить дочь свою; Виконтесса Гонто поднесла къ нему Принцессу. Тогда Принцъ, положивъ на нее свою слабѣющую руку, про-

казнеоѣ: „Бѣдное дитя! дай Богъ, чтобы ты была менѣе несчастна изъ всѣхъ въ нашей фамиліи!" Дюкъ Орлеанскій, супруга и дщерь его, бывшіе въ театрѣ, неоставляли Принца; отецъ Дюка Енгіенскаго пріѣхалъ.

Пытались отворять жилы на ногахъ почти безъ успѣха; но повторяемое употребленіе кровососныхъ банокъ нѣсколько помогло Принцу. Пульсъ сдѣлался живѣе, лице освѣжилось, кровь потекла изъ отворенныхъ жилъ: и сія текущая кровь представляла тогда утѣшительное зрѣлище!

Дюкъ Малье и Графъ Доденардъ отправились искать г-на Дюпюйтреня. Славный хирургъ сей явился въ часъ послѣ полуночи. Принцъ лежалъ тогда на правомъ боку; его блѣдность, его черты измѣнившіяся, его короткое дыханіе, вырывающіеся изъ груди его стоны, холодный потъ на челѣ его, безпорядочныя движенія, неустройство постели покрытой кровію и нечистотою, ужасная рана — все сіе потрясло душу въ такомъ даже человѣкѣ, которой привыкъ быть свидѣтелемъ человѣческихъ бѣдствій. Принцъ, незнавшій Дюпюйтреня, благосклонно протянулъ къ нему руку и сказалъ, что чувствуетъ боль нестерпимую. Г. Дюпюйтрень осматриваетъ

рану; потомъ уклоняется въ сторону для совѣщанія съ другими врачами. Здѣсь находились Бланшетовъ, Дрогаръ, Вужовъ, Лакруа, Терсенъ, Казеневъ, Дюбо, Баронъ, Ру и Фурнье, молодой хирургъ, особенно отличившійся своимъ усердіемъ. Положено разширить рану, и ето признано единственнымъ средствомъ дать исходъ крови, разлившейся въ грудной полости.

Г. Дюпюйтренъ, приближась къ Принцу, спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ, но не могъ получить отвѣта. Онъ предложилъ Ея Высочеству Дюшессѣ Беррійской сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ. Принцесса наклоняется къ постели и говоритъ своему супругу: „Я прошу тебя, другъ мой, укажи мнѣ на мѣсто, гдѣ болитъ у тебя.“ Страдалецъ ободрился при семъ любезномъ голосѣ; онъ взялъ руку супруги и положилъ на грудь свою. „Тутъ болитъ у тебя?“ спросила Ея Высочество. — Да; отвѣчалъ Принцъ: я насилу дышу. —

Братъ Королевскій желалъ удалить невѣстку свою на время операціи. „Батюшка!“ сказала она: „непринуждайте меня сдѣлаться ослушною передъ вами;“ и обратившись ко врачамъ, продолжала: „Господа! исполняйте свою должность.“ Во все время операціи она стояла на колѣнахъ,

держа Принца лѣвою рукою. Лишь только вложили инструментъ въ рану, Его В-о воскликнулъ: „Оставьте меня, ибо я долженъ умереть!" — Другъ мой! сказала ему плачущая супруга: изъ любви ко мнѣ потерпи! — Одно слово сей юной, удивительной Принцессы утишило боль въ ея супругѣ; а когда Епископъ Шартрскій говорилъ о вѣрѣ, тогда все существо несчастнаго Принца превращалось въ упованіе на Бога и въ покорность Его святѣйшей волѣ.

Послѣ операціи Дюкъ Беррійскій повелъ рукою по волосамъ Принцессы и сказалъ ей: „Бѣдная жена моя, о, какъ ты несчастна!" При операціи оказалась вся глубина раны. Ножъ, которымъ нанесенъ ударъ Принцу, былъ длиною въ семь дюймовъ; полоса его была тонка, узка, съ двумя остреями какъ ножъ Равальяка, и съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно острая.

Слѣдствіемъ расширенія раны было минутное спокойствіе. Всѣ умирающіе, незадолго передъ концемъ своимъ, обыкновенно ощущаютъ нѣкоторое облегченіе, которое даетъ имъ время въ послѣдній разъ взглянуть на жизнь свою: такъ путешественникъ останавливается на одну минуту, чтобы съ высоты взглянуть на мѣста знакомыя, потомъ опускается подъ гору, навсегда закрывающую видѣнные имъ предметы. Принцъ

держалъ Дюпюйтреня за руку и просилъ его увѣдомлять о всякомъ перемѣнномъ движеніи пульса. Бодрый военачальникъ поставилъ опытнаго стража, чтобы не быть внезапно настигнутымъ смертію и чтобы мужественно стать противу сего грознаго непріятеля. *О смерть! гдѣ твоя побѣда?*

Въ сіе краткое время спокойствія Его В—о слѣдующія слова произнесъ къ Принцессѣ, своей Супругѣ: „Другъ мой! не изнемоги подъ бременемъ скорби; сбереги себя для младенца, котораго носишь въ утробѣ.“ Немногія слова сіи произвели чудесное впечатлѣніе въ собраніи: въ присутствіи скорби каждой ощущаетъ въ себѣ невольное движеніе радости; въ каждомъ увеличивается соболѣзнованіе о Принцѣ, которой оставляетъ отечеству послѣднюю надежду, какъ послѣднее благодѣяніе. Сей Принцъ отходитъ отъ насъ; онъ, кажется, уноситъ съ собою всю Монархію, и въ ту же минуту обѣщаетъ намъ даровать другую. О Боже! не уже ли святой волѣ твоей угодно изъ самой гибели нашей извести намъ спасеніе? во гнѣвѣ ли своемъ, или въ милосердіи опредѣлилъ ты смерть лютую Сыну Франціи? Послѣднее ли въ ней возстановленіе законнаго престола или паденіе Кловисова государства? Избѣгаетъ ли ею будущей судьбы Принцъ нашъ, или идетъ умолять о милосердіи къ намъ Того,

Который иногда допускаетъ смягчаться праведному своему гнѣву?

Вездѣ, куда только Принцъ ни обращалъ угасающіе взоры, вездѣ оставлялъ онъ слѣды доброты своей или признательности: между тѣмъ какъ Бланшетонъ сжималъ ему голову для утоленія нестерпимой боли, Принцъ замѣтилъ стоящихъ у ногъ постели въ нѣкоторомъ отдѣленіи своихъ служителей, проливающихъ слезы. „Батюшка!" сказалъ онъ своему родителю: „поручаю милостямъ вашимъ етихъ честныхъ людей и весь домъ мой."

Началась продолжительная рвота. Принцъ нѣсколько разъ повторялъ, что кинжалъ былъ съ ядомъ. За нѣсколько времени прежде онъ изъявлялъ желаніе видѣть своего убійцу. „Что я сдѣлалъ етому человѣку?" говорилъ онъ: „можетъ быть етаго человѣка оскорбилъ я безъ всякаго намѣренія." — Нѣтъ, сынъ мой! сказалъ Братъ Королевскій: нѣтъ, ты никогда невидалъ и неоскорблялъ етаго человѣка; онъ совсѣмъ неимѣетъ личной къ тебѣ ненависти. — „И такъ онъ безумный!" былъ отвѣтъ Принца. О достойное чадо Евангелія! ты на самомъ дѣлѣ исполняешь послѣдній завѣтъ Святаго Короля Франціи къ его сыну: *если Богъ пошлетъ къ тебѣ несчастіе, пріими его съ благоговѣйною покорностію.*

Дюкъ часто освѣдомлялся о прибытіи Монарха. „Я не успѣю" говорилъ онъ „испросить помилованіе *тому человѣку.*" Потомъ прибавилъ, обращаясь къ родителю своему и къ брату: „обѣщайте мнѣ, батюшка и вы, братецъ, просить Короля, чтобы даровалъ жизнь *етому человѣку.*"

Было уже говорено, что Дюкъ Беррійскій, живучи въ Англіи свободнымъ, имѣлъ одну изъ тѣхъ связей, которыя запрещаются религіею, но которыя извиняются слабостію естества человѣческаго. О немъ то же можно сказать, что̀ говоритъ одинъ историкъ объ Генрихѣ IV: „Онъ бывалъ часто слабымъ; но всегда былъ благочестивымъ, и никто не замѣтилъ, чтобы страсти ослабили въ немъ религію." Его В—о, тщетно искавши въ совѣсти своей важныхъ преступленій, и находя въ ней однѣ лишь слабости, захотѣлъ, такъ изъясняюсь, собрать ихъ около смертнаго одра своего, дабы показать свѣту всю великость своего раскаянія и всю строгость покаянія. Онъ столько зналъ добродѣтели своей супруги, что неусумнился открыться ей въ своихъ погрѣшностяхъ и объявить о желаніи своемъ проститься съ двумя невинными созданіями, дочерями долговременнаго своего изгнанія. „Пускай привезутъ ихъ!" воскликнула Принцесса: „онѣ также и мои дѣти!"

Через три четверти часа являются двѣ маленькія чужестранки; рыдая, падают онѣ на колѣна при одрѣ господина своего; руки их сложены, лице омыто слезами. Принц сказал к ним нѣсколько нѣжных слов на Англійском языкѣ; говорил им о близком концѣ своей жизни, приказывал любить Бога, быть добрыми, и помнить о несчастном своем родителѣ. Он благословил их, велѣл им встать, поцѣловал их и сказал, обратясь к Ея Высочеству, своей супругѣ: „Будешь ли ты столь великодушна, возмешь ли на себя попеченіе о сих бѣдных сиротках?“ Принцесса простерла объятія свои к обѣим дѣвочкам, прижала их к сердцу, и приказав подать дочь свою, сказала им: „Поцѣлуйте сестру вашу!“ — Бѣдная Луиза! воскликнул Дюк Беррійскій к маленькой Принцессѣ: ты неувидишь болѣе своего родителя! — Присутствующіе предавались разным чувствам: то болѣзновали о Принцѣ, то удивлялись Принцессѣ. Виконтесса Гонто, ни о чем не предъувѣдомленная, была в изумленіи. Дюшесса Ангулемская, замѣтив это, сказала Виконтессѣ: „Ей все извѣстно; в ней характер необыкновенный!“

Между тѣм Принца положили на полу на матрацѣ, и поправляли его постелю.

Въ сію время Его В—о сперва частно исповѣдался передъ Епископомъ Шартрскимъ, потомъ исповѣдалъ вслухъ передъ всѣми грѣхи свои, и присутствующимъ казалось, что видятъ Святаго Лудовика, умирающаго на одрѣ покаянія. Онъ просилъ у Бога отпущенія грѣхамъ своимъ и тѣмъ соблазнамъ, которые случалось ему подавать въ своей жизни. „Боже мой!" прибавилъ умирающій: „прости меня, прости и того, кто лишилъ меня жизни!"

Принцъ попросилъ благословенія у своего родителя. *Тогда кроткій отецъ отпустилъ и простилъ проступки и опрометчивости сына, и съ удивительнымъ благоговѣніемъ сердца далъ ему свое благословеніе, и между святыми лобызаніями своими привѣтствовалъ его и поручалъ Богу* (*). Сіи Принцы находили всѣ примѣры въ своей фамиліи.

Умирающаго положили на постелю по прежнему, и Дюкъ Ангулемскій занялъ при немъ свое мѣсто, ставъ на колѣни. „О братъ мой!" сказалъ Маккавей христіянскій: „о ты, земный ангелъ! думаешь ли, что Богъ простилъ меня?" — Тебя простилъ? отвѣчалъ Дюкъ Ангулемскій: онъ сдѣлалъ тебя мученикомъ! — Лучь радости

(*) Слова Историка Рено изъ жизни *Филиппа Пригожаго.*

блеснулъ на лицѣ умирающаго Принца; онъ не сомнѣвался, что намѣренія Промысла должны быть извѣстны столь благочестивому Брату, и успокоился.

Тогда Священникъ церкви Св. Рока, за которымъ ѣздилъ Графъ Клермонъ, явился со святымъ Елеемъ: во всякомъ мѣстѣ скорби всегда встрѣтите христіанскаго Священика. Дюкъ Беррійскій просилъ Святыхъ Таинъ; но Епископъ Шартрскій съ живѣйшимъ соболѣзнованіемъ объявилъ, что продолжающаяся рвота препятствуетъ ему удостоиться Причащенія. Принцъ предалъ себя въ волю Божію, сотворилъ крестное знаменіе и ожидалъ помазанія Елеемъ. Онъ читалъ молитву исповѣди, и какъ преступникъ, ударялъ рукою въ кающуюся грудь свою, въ ту грудь, которая отверзта была ножемъ злодѣйскимъ какъ бы для того, чтобы дать средство невиннымъ тайнамъ изъ нее выдти, въ ту грудь, изъ которой вмѣстѣ съ кровію Святаго Лудовика истекли одни лишь добродѣтели.

Принцъ видѣлъ приближеніе своей кончины; онъ чувствовалъ муку ужасную и каждую минуту лишался памяти; часто повторялъ онъ тихимъ голосомъ: „Какъ я страдаю! какъ долга ночь эта! ѣдетъ ли Король?“ Часто звалъ своего родителя, и

рыдающій отецЪ откликался: „Я здѣсь, другЪ мой!" Страдальцу обЪявляютЪ о пришедшихЪ Маршалахъ. „Я надѣялся" отвѣчалЪ онъ „между ними проливать кровь свою за Францію." Мучимый пламенною жаждою, ПринцЪ пилЪ весьма неохотно, и то единственно чтобы дожить до прибытія Королевскаго. Его В—у сказали о г-нѣ Нантулье. „Сюда, мой добрый Нантулье!" воскликнулЪ ПринцЪ съ усиліемЪ: „дай мнѣ еще разЪ обнять себя!" И *старый другъ* упалЪ на руку Принца; сЪ тяжкимЪ прискорбіемЪ почувствовалЪ онЪ вЪ сію минуту всю невозможность человѣка жизнію своею искупить жизнь другаго. . .

Явились и товарищи г-на Нантулье: ГрафЪ Шабо, МаркизЪ Куаньи, ГрафЪ БриссакЪ, ВиконтЪ Монтележье, ГрафЪ БофремонЪ. Они тѣснились около умирающаго Принца, какЪ нѣкогда окружали бы его на полѣ чести. Скорбь ихЪ раздѣляли и другіе вѣрные слуги Королевскаго Дома. МаркизЪ ЛатурЪ-МобургЪ во все время стоялЪ при постели у ногЪ Его Высочества: воинЪ сей, одну часть своего тѣла оставившій на поляхЪ брани, былЪ какЪ бы свидѣтелемЪ, отЪ лица всей арміи присланнымЪ находиться при послѣдней борьбѣ Героя. . . . . .

О ночь ужаса и сладости сердца! ночь добродѣтелей и злодѣяній! Когда сынЪ Франціи, пораженный смертнымЪ ударомЪ, былЪ несенЪ вЪ комнату ложи, зрѣлище все

еще продолжалось. Съ одной стороны раздавались голоса музыки, съ другой слышны были стоны умирающаго Принца; одна только занавѣсь раздѣляла мірскія веселости отъ разрушенія цѣлаго государства. Служитель вѣры, со святымъ Елеемъ въ рукахъ, проходилъ черезъ толпу людей, закрытыхъ масками! Воинъ Хрістовъ, вооруженный Богомъ, проникаетъ въ мѣсто, запрещенное для него церковію, и съ Распятіемъ въ рукѣ идетъ освободить узника изъ вражеской темницы!

Недалеко оттуда происходила сцена другаго рода: допрашивали убійцу. Онъ объявилъ свое имя и восхищался своимъ злодѣйствомъ; говорилъ, что нанесъ ударъ Дюку Беррійскому, дабы въ немъ истребить все его поколѣніе; что если бы ему, убійцѣ, посчастливилось уйти, онъ *легъ бы спать*, и на другой день повторилъ бы сатанинской поступокъ свой надъ особою Дюка Ангулемскаго. *Легъ бы спать!* Извергъ! твоя человѣколюбивая жертва нарушала ли когда нибудь твое спокойствіе? Въ продолженіе допроса лютый звѣрь изрыгалъ хулу на самаго Бога и жалѣлъ о томъ единственно, что не можетъ истребить всей фамиліи Королевской. А умирающій Принцъ, исполненный любви и благости, жалѣетъ о томъ единственно, что не можетъ спасти жизни своему убійцѣ! Онъ никого не обвиняетъ, онъ

строгъ только къ себѣ самому! Сей Принцъ, благоговѣющій предъ Богомъ, страшится стать предъ Его судилищемъ! Смерть мученическая отверзаетъ ему двери неба, а онъ все еще непочитаетъ себя довольно чистымъ; не льститъ себя надеждою соединиться со Святымъ Королемъ и съ Королемъ мученикомъ! Въ своей невинности онъ не можетъ найти того оправданія, которое убійца находитъ въ своемъ злодѣйствѣ! Вотъ люди, какихъ произвела революція, и люди, какихъ нѣкогда творила религія!

Толпа разошлась изъ театра, и забавы уступили мѣсто скорби. Улицы опустѣли, молчаніе распространялось. Небыло слышно никакого шума, кромѣ окликовъ сторожей и стука екипажей придворныхъ, спѣшившихъ къ мѣсту скорби: одни, которыхъ плачевная вѣсть нашла среди забавъ, входили въ праздничныхъ одеждахъ; другіе, пробужденные среди ночи, являлись въ величайшемъ безпорядкѣ. Тамъ и здѣсь продирались какіе нибудь безвѣстные друзья Бурбоновъ, которыхъ нигдѣ невидно во времена благополучія, и которые, невѣдомо какъ, появляются въ годину злоключеній. Коридоръ, ведущій къ комнатѣ Принца, наполненъ былъ народомъ; толпа тѣснилась у тѣхъ самыхъ дверей, гдѣ обыкновенно тѣснится она, чтобы плакать или чтобы смѣяться вымысламъ сценическимъ. Лишь отворялась дверь, каждой

старался узнать что нибудь новое; одинъ у другаго спрашивалъ; изъ устъ въ уста переходили вѣсти утвердительныя, отрицательныя, и въ душахъ боязнь смѣнялась надеждою, надежда боязнію.

Уже три раза посланы были въ Тюльерійскій дворецъ записки. Въ пять часовъ пріѣхалъ Король; Его Величеству доставлялись ободрительныя извѣстія о состояніи Принца. Умирающій, услышавъ топотъ лошадей на улицѣ, ощутилъ нѣкоторую крѣпость въ изнемогшихъ своихъ силахъ! Король входитъ. „Дядюшка!" тотчасъ произнесъ Принцъ къ Его Величеству: „дайте мнѣ вашу руку; въ послѣдній разъ ее облобызаю." Король приближается; на лицѣ его изображена была скорбь величественная, подобная той, какую чувствовалъ Лудовикъ XIV, когда видѣлъ всю надежду монархіи почивающую на главѣ одного только младенца. Онъ далъ поцѣловать руку своему племяннику, и самъ также облобызалъ руку несчастнаго Принца. Тогда Его Высочество Принцъ Беррійскій сказалъ Монарху: „Дядюшка! я прошу васъ, даруйте жизнь етому человѣку." Король сильно растроганный отвѣчалъ ему: — Любезный племянникъ! состояніе ваше не такъ худо, какъ вы думаете; объ етомъ поговоримъ въ другое время. — „Король неизъявилъ своего согласія;" сказалъ Его Высочество: „даруйте ему жизнь,

по крайней мѣрѣ чтобы я могъ умереть спокойно.“

Принцъ еще возвращался къ тому же предмету. „Пощада жизни человѣку“ говорилъ онъ „смягчила бы послѣднія мои минуты.“ Наконецъ, не могши уже говорить иначе какъ прерывающимся голосомъ, и съ разстановкою за каждымъ словомъ, онъ все еще продолжалъ: „по крайней мѣрѣ еслибъ я понесъ съ собою мысль . . . что кровь человѣческая . . . не прольется за меня послѣ моей смерти! . . .“

Король спросилъ на Латинскомъ языкѣ у г-на Дюпюйтреня, какихъ онъ мыслей о состояніи Принца. Врачь сдѣлалъ знакъ, по которому Его Величество увидѣлъ, что не остается никакой надежды.

Дюкъ Беррійскій собралъ однако же весь остатокъ силъ въ присутствіи главы Августѣйшаго своего Дома. Пульсъ его оживился, рѣчь сдѣлалась свободнѣе, удушья не столь часты. Принцъ безпокоился, что нарушилъ отдыхъ Его Величества, и просилъ Короля идти почивать. „Я отдохнулъ уже, сынъ мой!“ отвѣчалъ Король: „уже пять часовъ. Я тебя не оставлю болѣе.“ День въ самомъ дѣлѣ наступалъ, чтобъ озарить сіе трогательное зрѣлище: Принцъ готовъ уже былъ проснуться между Ангелами въ ту самую минуту, въ которую онъ имѣлъ обыкновеніе просыпаться въ здѣшнемъ мірѣ.

Его Высочество непредался тщетной надеждѣ, ощутивъ облегченіе въ присутствіи Короля, въ присутствіи, которымъ ободряется каждое Французское сердце. Онъ почувствовалъ изнеможеніе и сказалъ: „Умираю!"

Принцесса Беррійская долго удерживала жестокую свою горесть: наконецъ она зарыдала. „Ея стоны убиваютъ меня;" воскликнулъ Принцъ: „удалите ее, батюшка!" И Принцессу тотчасъ увели въ ближнюю комнату. При ней находились всѣ дамы Двора ея: Дюшесса Реджіо, Графиня Бетизи, Графиня Готфоръ, Графиня Нуаль, Графиня Буйлье, Виконтесса Гонто. Слезы нѣсколько облегчили душу Ея Высочества; она обѣщалась неплакать болѣе, и возвратилась въ комнату къ Принцу.

Еслибъ, въ какой нибудь странѣ просвѣщенной Европы, еслибъ какому нибудь человѣку, сколько нибудь приобыкшему къ дѣламъ житейскимъ, предложенъ былъ такой вопросъ: что въ етотъ часъ дѣлаетъ Королевская фамилія Франціи? Безъ всякаго сомнѣнія онъ отвѣчалъ бы, что она спитъ спокойно во дворцѣ своемъ, или же что постигнутая внезапною революціей находится она посреди мятежнаго народа. Совсѣмъ нѣтъ! весь етотъ народъ спалъ подъ защитою Короля своего, между тѣмъ какъ бодрствовалъ одинъ Король съ своею фамиліей! Послѣ всѣхъ сценъ, послѣ всѣхъ слѣдствій революціи, никому

не пришло бы въ голову искать Бурбоновъ на разсвѣтѣ дня собранныхъ въ опустѣвшей залѣ театра, около одра послѣдняго ихъ сына, умерщвленнаго злодѣйской рукою. Счастливъ человѣкъ, безвѣстный въ мірѣ, просыпающійся въ своей хижинѣ, посреди милыхъ дѣтей своихъ; несгонимыхъ ненавистію, всегда готовыхъ быть въ родительскихъ объятіяхъ! И какою цѣною покупается нынѣ корона? И что значитъ нынѣ санъ Королевскій?

Надежда совсѣмъ исчезала; признаки самые плачевные возобновлялись. Врачи немогли уже скрывать своего унынія: смерть приближалась. Принцъ потребовалъ, чтобы его положили на другую сторону; врачи несоглашались: Принцъ желалъ того непремѣнно. Онъ произнесъ тихимъ голосомъ: „Пресвятая Дѣва! умилосердись надо мною!" потомъ прибавилъ еще нѣсколько словъ, которыя сокрылись въ могилѣ. Тогда перевернули его на лѣвую сторону, какъ онъ желалъ того: вдругъ душевныя способности его исчезли. Братъ Королевскій вторично исторгъ невѣстку свою отъ ужасовъ этой послѣдней минуты.

Удаленная отъ присутствія супруга своего, Принцесса предалась ужасному отчаянію. Обратясь къ Виконтессѣ Гонто, она кричала: „Вамъ поручаю дочь мою! мужъ мой умеръ, и я не хочу жить на свѣтѣ!"

Вдругъ вырывается она изъ рукъ придворныхъ дамъ своихъ, возвращается въ храмину сѣтованія, все опрокидываетъ на пути своемъ, достигаетъ до одра смерти, издаетъ громкій вопль и съ распущенными волосами бросается на тѣло супруга. Его Высочество только лишь скончался. Подносятъ къ устамъ его стекло Королевской табатерки; тщетно: на стеклѣ невидно пара жизни. Ищутъ дыханія Принца, но его дыханіе уже возвратилось къ Богу. Всѣ падаютъ на колѣна; стоны и молитвы возносятся къ небу. Слезные звуки сообщаются толпѣ внѣшней, и болѣзненный ропотъ распространяется по окрестности.

Вопли уступаютъ мѣсто мрачному ужасу. Безмолвіе смерти объемлетъ всѣхъ окружающихъ одръ почившаго. Ея Высочество Дюшесса Беррійская прежде всѣхъ расторгла узы молчанія. Она встаетъ, обращается къ Королю и произноситъ: „Государь! прошу одной милости у Вашего Величества; вы мнѣ въ ней не откажете." Король слушаетъ; Принцесса въ изступленіи горести продолжаетъ: „Дозвольте мнѣ возвратиться въ Сицилію; я не могу жить здѣсь послѣ смерти мужа." Король старается успокоить безутѣшную; ее, почти въ безпамятствѣ, несутъ въ карету и отправляютъ домой.

Принцы просили Короля удалиться. „Я не страшуся зрѣлища смерти;“ отвѣчаетъ Его Величество: „Я долженъ воздать послѣдній долгъ моему сыну.“ И поддерживаемый г-мъ Дюпюйтренемъ, Монархъ подходитъ къ ложу, закрываетъ глаза и уста Принцу, лобызаетъ его руку и выходитъ, непроизнесши ни слова. Всѣ другіе удаляются въ молчаніи, какъ бы опасаясь разбудить уснувшаго Сына Франціи. Г. Бужонъ остался на стражѣ при тѣлѣ. . . .

По вскрытіи трупа оказалось, что ножъ коснулся даже самаго сердца Принцъ долженъбы умереть гораздо скорѣе, и можно сказать, что Богъ всемогуществомъ своимъ продлилъ на нѣсколько часовъ жизнь его, дабы явить предъ нами все величіе страдальца и представить міру одинъ изъ превосходнѣйшихъ уроковъ.

Потомокъ Святаго Лудовика, послѣдняя отрасль старшей вѣтви въ своей фамиліи, освобождается отъ бѣдствій. долговременнаго изгнанія и вступаетъ въ свое отечество. Онъ уже начинаетъ вкушать счастіе; онъ ласкаетъ себя надеждою видѣть свое возрожденіе, видѣть возрожденіе Монархіи въ дѣтяхъ, обѣщаемыхъ ему Небомъ. Вдругъ, среди надеждъ сихъ, онъ поражается ударомъ смертнымъ почти въ объятіяхъ своей супруги. Еще неисполненъ дней, онъ уже умираетъ! Не могъ ли возроптать онъ, не

могъ ли вопросить Небо, за что караетъ его съ такою строгостію? Ибо, какое онъ зло намъ сдѣлалъ? Онъ жилъ между нами дружелюбно и въ простотѣ совершенной; онъ бралъ участіе въ нашихъ удовольствіяхъ и облегчалъ скорби наши; въ награду за свои благодѣянія онъ просилъ только, чтобы мы дали ему жить въ спокойной неизвѣстности, пока еще не наступило время быть великимъ Королемъ нашимъ и добрымъ Государемъ. Уже шестеро изъ кровныхъ его погибло; почто гибнуть и ему? почто и его преслѣдовать, невиннаго, столь далекаго отъ трона, двадцать семь лѣтъ спустя послѣ смерти Лудовика XVI? Да познаемъ же лучше сердце одного изъ Бурбоновъ! Сіе сердце, пронзенное кинжаломъ, пощадило насъ отъ малѣйшаго ропота. Ни сожалѣніе о жизни, ни укоризненное слово неисторглось изъ устъ удивительнаго Принца. Будучи супругомъ, сыномъ, отцемъ, братомъ, терпя всѣ муки души и тѣла, онъ убѣдительно проситъ помилованія *человѣку*, котораго неназываетъ даже и своимъ убійцей! Характеръ чрезвычайно пылкій вдругъ превращается въ самую кротость. Человѣкъ съ сильными страстями, привязанный къ жизни всѣми узами сердца, — Принцъ, наслѣдникъ прекраснѣйшаго въ мірѣ Королевства, во цвѣтѣ лѣтъ разстается съ жизнію точно какъ бы какой несчастли-

вецъ, которому вовсе нечего терять въ здѣшнемъ свѣтѣ! . . . Провидѣніе восхотѣло показать намъ, каковы были герои древней фамиліи Королей нашихъ, каковы были при смерти древніе рыцари наши, о которыхъ преданіе изгладилось между нами. . . .

Съ Франц.

IV. СМѢСЬ.

Письмо къ Лужницкому Старцу.

Появленіе ваше на свѣтъ побудило братьевъ *Терпѣловыхъ* отнестися къ вамъ съ разными дѣлами. Позвольте же и мнѣ быть въ числѣ вашихъ корреспондентовъ и служить вамъ моими наблюденіями. Находя въ Вѣстникѣ описанные вами, или кѣмъ другимъ, достопримѣчательные характеры, каковы на примѣръ *Алоцкихъ*, *Троиловыхъ* и проч., признаюсь, я сомнѣвался въ существованіи чудаковъ такого рода; но теперь исчезли мои сомнѣнія, и я отъ чистаго сердца вѣрю, что свѣтъ, и въ особенности большой свѣтъ, никогда не будетъ имѣть недостатка въ людяхъ, отличающихся какою нибудь рѣдкою оригинальностію въ своихъ поступкахъ.

Къ сему числу можно по всей справедливости отнести г-на *Причудина*, который ничѣмъ не походитъ на чудаковъ, описанныхъ въ Вѣстникѣ; но также и странностями своими ни которому изъ нихъ не уступаетъ.

Не говоря о званіи, чинѣ и связяхъ г. *Причудина*, скажу просто, что онъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, видный собою, имѣетъ посредственное состояніе, веселый въ обществѣ и пріятенъ въ кругу семейства. Такія качества даютъ ему право на всеобщее уваженіе, которымъ бы онъ безъ сомнѣнія и пользовался, еслибъ удивительныя странности и причуды, посредствомъ которыхъ надѣется пріобрѣсти оное, не дѣлали его въ глазахъ другихъ смѣшнымъ, а иногда даже и несноснымъ.

Подите въ Кремль, или въ Китай-городъ — на Ильинку, Никольскую, въ Ножевую линію — вездѣ встрѣтите почти въ одно и то же время довольно толстаго человѣка въ кожаномъ картузѣ, въ лѣтнемъ платьѣ лѣтомъ, а зимою въ зеленой бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, съ большимъ сверткомъ бумагъ въ одной рукѣ и съ палкою въ другой — это г. *Причудинъ*. Но берегитесь быть имъ замѣчены! Если вы хорошо одѣты, если наружность ваша даетъ нѣкоторое понятіе о хорошемъ состояніи вашего кармана; то онъ

непремѣнно васъ остановитъ, безъ всякихъ околичностей объявитъ свою фамилію, званіе, чинъ, и не зная совершенно не только свойствъ вашихъ, но даже и имени, начнетъ упрекать въ нечувствительности и хладнокровіи къ несчастіямъ ближ яго, будетъ убѣждать васъ быть человѣколюбивымъ и сострадательнымъ, стараться о построеніи благодѣтельныхъ заведеній и обращать вниманіе на велелѣпіе церквей и въ особенности по селеніямъ. Проговоря такимъ образомъ довольно пространную рѣчь, исполненную украшеній и фигуръ *канцелярскаго слога*, предложитъ вамъ подписку, которую сдѣлалъ онъ самъ: или для сооруженія колокольни въ собственной его деревнѣ, которую однакожъ онъ никакъ своею не называетъ; или для покупки колокола, лещедокъ, кирпича, или для приданаго какой нибудь деревенской красавицѣ, для бѣднаго семейства, желающаго переселиться изъ одного города въ другой и т. п. —

Здѣсь совѣтую вамъ скорѣй вынуть кошелекъ и удовлетворить желанію сего человѣколюбца новаго рода; въ противномъ случаѣ вамъ предстоитъ опасность снова выслушать трогательныя увѣщанія и строгіе упреки въ жестокосердіи и нечувствительности.

Г. *Бричудинъ*, для распространенія большей молвы о своихъ благотвореніяхъ, о рвеніи

на пользу ближняго, и чтобы сдѣлаться болѣе извѣстнымъ, неограничиваетъ себя сими средствами, но употребляетъ другія, по мнѣнію его, гораздо лучшія и надежнѣйшія. Онъ пріѣзжаетъ въ домы (въ знакомые и незнакомые), или разсылаетъ слугъ съ большими конвертами, въ которыхъ заключаются многоразличныя подписки на разные случаи и предметы, съ трогательными увѣщаніями и униженными прозьбами. Всякой, имѣющій собственной домъ, прекрасный екипажъ, хорошихъ лошадей, или даже хорошее платье, долженъ опасаться посѣщенія г. *Причудина* или слуги его. Для бо́льшаго успѣха въ своихъ предприятіяхъ старается онъ со всею точностію узнать о положеніи дѣлъ, связяхъ и состояніи всякаго, обратившаго на себя его вниманіе, и благодаря счастливой памяти, знаетъ имена всѣхъ людей хорошаго круга, знаетъ, въ какое время встаетъ изъ нихъ каждый въ особенности, въ какое ложится спать, когда его можно застать дома и когда нѣтъ. Столь рѣдкія познанія доставили ему способъ получить отъ своихъ приверженцовъ названіе всевѣдущаго, тонкаго человѣка, знающаго свѣтъ, умѣющаго обращаться съ людьми и одареннаго отъ Природы *счастливымъ характеромъ и развязностію.*

Но вы безъ сомнѣнія желаете знать истинную причину, заставляющую г. *Причуди-*

на быть оригиналомъ, единственнымъ въ цѣломъ городѣ, а, можетъ быть, и во всемъ Государствѣ. — Я угадываю мысль вашу: — можетъ статься, говорите вы, похвальное желаніе быть полезнымъ страждущему человѣчеству, или благородное рвеніе къ распространенію богоугодныхъ заведеній дѣлаютъ его въ глазахъ празднолюбцовъ страннымъ, между тѣмъ какъ люди благомыслящіе видятъ въ немъ человѣка, достойнаго подражанія. — Мнѣ не трудно отвѣчать вамъ: г. *Причудинъ* самъ подаетъ способъ къ удовлетворительному отвѣту. Мнѣ случалось спрашивать у него, для чего онъ дѣлаетъ такія странности? — И, вотъ его всегдашніе отвѣты: „Какъ для чего? Я хочу, чтобы меня почитали не простымъ человѣкомъ, но дѣятельнымъ и занимающимся должностію; хочу себя прославить, сдѣлаться извѣстнымъ, какъ и другіе.“

Скажите, можно ли изъ сихъ словъ заключить о похвальномъ желаніи г. *Причудина* быть полезнымъ страждущему человѣчеству, или о рвеніи его къ распространенію богоугодныхъ зеведеній? Не одно ли только неумѣренное честолюбіе и суетное желаніе прослыть благотворителемъ, другомъ страждущихъ и защитникомъ гонимыхъ (на чужой счетъ!) заставляетъ его дѣлать поступки, которые въ существѣ своемъ

были бы достойны уваженія, если бы не сопровождались способами весьма странными и причудами необыкновенными. Желая быть полезнымЪ обществу и творя добро неимущимЪ, мы должны имѣть цѣлію истинную добродѣтель и самодовольствіе; а не тщеславное намѣреніе прослыть благотворительнымЪ вЪ кругу людей хорошаго тона. — ТаковЪ ли г. ПричудинЪ?

1. — .

Шарады (*).

1.

Кто Рускимъ городъ здалъ, славнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ? . . .
Вотъ *первое*; въ *другомЪ* предметѣ
Увидишь дерево; а *цѣлое* — Поетъ;
Въ разсказѣ повѣстей ему подобныхъ нѣтъ.

2.

Когда Французъ къ чему презрѣнье изъявляетъ,
Онъ *голову* мою тогда употребляетъ;
Второе — въ Библіи извѣстный ароматъ;
А буква *третіе*; но *цѣлымЪ*, говорятъ,

(*) Слово *Шарады-анаграммы*, помѣщенной въ предшедшемъ нумерѣ: *Тар-а*.

Предметъ заморскій назывался:
Онъ прыгалъ и скакалъ, коверкался, кривлялся,
Москву довольно забавлялъ
И — деньги бралъ!....

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Дѣятельность на Пиринейскомъ полуостровѣ продолжается съ одинакою неутомимостію. Король повелѣлъ немедленно собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находится нынѣ армія и какія суммы потребны на содержаніе оной; также, начертать военный уставъ, который совершенно соотвѣтствовалъ бы гражданскимъ узаконеніямъ. Въ слѣдствіе того военный Министръ нарядилъ особливую военную Юнту изъ Генераловъ и Штабъ-офицеровъ, которой и поручилъ составить штатъ Испанской военной силы въ Европѣ и Америкѣ, равнымъ образомъ сдѣлать примѣрное исчисленіе суммъ, потребныхъ для содержанія оной. Въ силу другаго Королевскаго повелѣнія, войска въ Андалузіи соединены въ одинъ корпусъ подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Капитана сей провинціи, Донъ Ж. Одоною. Генералъ Донъ Антоніо Квирога назначенъ вторымъ главнокомандующимъ сего корпуса, а г. Арко - Аргверо начальникомъ главнаго штаба.

Сей Арко-Аргверо, недавно пожалованный въ Генералъ - Маіоры, былъ однимъ изъ тѣхъ четырехъ начальниковъ, которые подняли

знамя свободы. Когда пріѣхалъ онъ въ Мадритъ; то народъ на другой день пришелъ къ нему въ домъ, заставилъ его сѣсть въ великолѣпную торжественную колесницу, запряженную въ шесть бѣлыхъ лошадей, и сопровождалъ его съ музыкою и пѣснями до Королевскаго дворца. Аргверо извинялся передъ Королемъ, что почесть сія сдѣлана ему противъ его воли. Его Величество отвѣчалъ: ,,Я приказываю вамъ не противиться желанію сего храбраго народа.'' Бывъ представленъ къ Королевѣ, онъ произнесъ: ,,Всемилостивѣйшая Государыня! Великодушный характеръ и доблести Испанцевъ должны служить вѣрною порукою для Вашего Величества; что статья священной конституціи нашей о неприкосновенности особы Королевской напечатлѣна глубоко въ сердцахъ нашихъ. Вы счастливы, обладая любовію народа; ибо кто лучше можетъ чувствовать счастіе Монарха, какъ не особа, союзомъ супружества съ нимъ соединенная?'' Королева отвѣчала ему въ благосклоннѣйшихъ выраженіяхъ.

— Кромѣ клубовъ Лоренцини и Сентъ-Себастіана, открытъ въ Мадритѣ еще третій клубъ Каноникомъ Навасомъ. Въ ежедневныхъ собраніяхъ сихъ клубовъ читаются извѣстія изъ провинцій, и произносятся рѣчи съ каѳедры вдохновенными членами.

— Около половины Апрѣля въ Мадритѣ взяты подъ стражу многія духовныя особы и нѣкоторые подкупленные солдаты, которые покушались низпровергнуть конституцію.

Франція.

Въ Палатѣ Депутатовъ происходятъ весьма шумныя пренія касательно новаго за-

кона о выборахъ. Коммиссія, наряженная для разсмотрѣнія проекта, объявила, что она его одобряетъ. Тотчасъ тридцать три депутата Министерской и роялистской стороны вызвались говорить въ пользу, а восемдесятъ четыре члена либеральной партіи записались въ ораторы противъ онаго. Основаніемъ сего новаго закона полагается, чтобы депутаты выбирались изъ людей зажиточныхъ.

— Въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій Депутатской Палаты г. Манюель предлагалъ поднести адрессъ Королю съ изображеніемъ нынѣшняго затруднительнаго состоянія Франціи и тѣхъ опасностей, которымъ подвергаютъ ее ошибки и заблужденія Министровъ.

— Въ Коммиссіи Палаты Перовъ по дѣлу Лувеля процессъ продолжается ежедневно. Полагали, что черезъ нѣсколько дней назначится общее собраніе Перовъ, для произнесенія приговора какъ Лувелю, такъ и нѣкоторымъ другимъ злоумышленникамъ, обличеннымъ въ подобныхъ намѣреніяхъ.

— Спустя десять дней послѣ злодѣйскаго покушенія испугать Принцессу Беррійскую разрывомъ петарды (покушенія, котораго виновникъ тогда не отысканъ), неизвѣстный злодѣй вздумалъ было повторить адскую свою шутку. Префектъ полиціи Графъ Англесъ, бывъ предувѣдомленъ о злодѣйскомъ умыслѣ, принялъ всѣ нужныя мѣры предосторожности, и виновный схваченъ въ самое то время, какъ засвѣтилъ уже фитиль къ мѣшечку съ двумя фунтами пороху, положенному имъ передъ входомъ новой Луврской галлереи. Сей преступникъ, по имени Гравье, служилъ при Буонапартѣ полицейскимъ шпіономъ, и, какъ

теперь открывается, былъ уже замѣшанъ въ измѣнническихъ затѣяхъ противъ своего отечества. Въ послѣдовавшіе дни схвачены и пятьнадцать его соумышленниковъ. Изъ показаній ихъ открывается, что они знали о мятежѣ, которому надлежало вспыхнуть во Франшъ-Конте. Извѣстно, что путешествующій нынѣ по Франціи, и вездѣ оставляющій по себѣ слѣды благотворительности, Дюкъ Ангулемскій, намѣренъ былъ посѣтить и сію провинцію.

— Увѣряютъ, что Королева Англійская находится въ Парижѣ инкогнито. Ея Величество проѣхала чрезъ Маконъ въ то самое время, когда Герцогъ Ангулемскій былъ въ семъ городѣ.

Англія.

Алдерманъ Вудъ представлялъ Нижнему Парламенту, что Министры употребили шпіона Едвардса для открытія заговора Тистлевудова. Онъ утверждалъ, что Едвардсъ самъ составилъ сей заговоръ и побудилъ другихъ приступить къ оному, для полученія за то денежной награды. Но Каннингъ доказалъ, что въ опасныхъ обстоятельствахъ Министры не только могутъ, да еще и должны употреблять шпіоновъ, и представленіе Вуда было отринуто.

— Королевской судъ подтвердилъ обвиненія уголовныхъ судовъ Іоркскаго и Честерскаго за возмутительныя слова и поступки. Гунтъ приговоренъ просидѣть два года съ половиною въ Ильчестерской тюрьмѣ, и потомъ въ обезпеченіе добраго своего поведенія на будущія пять лѣтъ представить отъ себя

1000 и отъ каждаго изъ двухъ поручителей по 500 фун. стерлинговъ. Другіе политическіе удальцы равнымъ образомъ приговорены къ соразмѣрному винѣ ихъ наказанію. Гунтъ защищался хладнокровно и съ увѣренностію въ правомъ своемъ дѣлѣ. Выслушавъ приговоръ, онъ спросилъ судью, будетъ ли находиться въ уединенномъ заключеніи. Судья отвѣчалъ, что нѣтъ, и прибавилъ, что обвиненнымъ оказываемо будетъ всевозможное снисхожденіе.

Турція.

Значительность пожаровъ и другихъ достопамятностей Константинопольскихъ исчезаетъ передъ ожидаемыми происшествіями. Порта дѣлаетъ немаловажныя приготовленія, чтобы положить предѣлъ обширнымъ замысламъ и остановить мятежническія покушенія предпріимчиваго Паши Яннинскаго. Сынъ его, бывшій Губернаторомъ въ Наупактѣ, лишенъ мѣста. Въ разные города Албаніи и Ѳессаліи назначены правителями Паши, неприязненные сему властолюбивому подданному. Полагаютъ за вѣрное, что Али-Паша не захочетъ добровольно покориться столь невыгоднымъ для себя распоряженіемъ, и что Албанія вскорѣ сдѣлается позорищемъ войны кровопролитной.

Извѣстіе объ изданіи книги: Походныя Записки Русскаго офицера.

Издавая нынѣ мои Записки, сталъ бы я напрасно, въ извиненіе ихъ неисправностей, представлять, что я писалъ ихъ на походахъ, при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, на барабанахъ и не рѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго рядомъ со мною войска. Все ето могло служить извиненіемъ тѣмъ сочинителямъ, которые — такъ сказать — на горячемъ слѣду прошедшей войны издавали свои походныя замѣчанія. Въ четыре мирные года долженъ я былъ имѣть время исправить погрѣшности моего творенія; и если читатели сдѣлаютъ надъ нимъ строгій приговоръ, то виноватъ одинъ авторъ, а не обстоятельства. Въ утѣшеніе себя и въ облегченіе страха, которое чувствуетъ издатель, готовясь предстать предъ общій судъ, скажу, что большая часть моихъ Записокъ помѣщена была въ извѣстнѣйшихъ нашихъ Журналахъ, что онѣ заслужили одобреніе многихъ почтенныхъ Литтераторовъ и что наконецъ онѣ же приобрѣли мнѣ лестное званіе Члена первѣйшихъ нашихъ Ученыхъ Обществъ. — Осталось мнѣ сожалѣть (можетъ быть одному мнѣ) о невозвратной потерѣ, которую я потерпѣлъ, лишившись, во время курьерской поѣздки 1817 года, цѣлой огромной тетради съ Походными Записками. Нынѣ издаю только тѣ, которыя уцѣлѣли отъ сего кораблекрушенія, и потому съ 16 го Мая 1813 года предлагаются онѣ отрывками. Съ начала думалъ я замѣнить мою потерю, предпринявъ написать новыя Записки въ кабинетѣ моемъ; но память мнѣ измѣняла — и для

того принужденъ я былъ разстаться съ начатымъ трудомъ. — Еще долженъ я предупредить читателя, чтобъ онъ не ожидалъ найти въ сей книгѣ подробное описаніе маршей и сраженій, тактическія замѣчанія и наблюденія, однимъ словомъ полные источники для бытописателя прошедшей кампаніи. Авторъ не посвящалъ себя совершенно военному дѣлу, и для того не принималъ на себя труднѣйшихъ обязанностей военнаго историка. Онъ издаетъ нынѣ свои Записки въ видѣ замѣчаній простаго походнаго наблюдателя, описывавшаго единственно то, что̀ было *близко* къ нему, что онъ видѣлъ, слышалъ достойнаго примѣчанія и что̀ находилъ, въ кругу своемъ, великаго и прекраснаго въ подвигахъ Русскаго *гражданина* и *воина.* Почти всѣ *знаменитые* герои прошедшей войны дѣйствуютъ (мало или много, съ той стороны, съ которой я ихъ видѣлъ) въ моихъ Запискахъ; — и *мало извѣстные* въ нихъ также являются! Счастливымъ почту себя, когда тѣ и другіе найдутъ себя съ удовольствіемъ въ моей книгѣ, когда мои соотечественники, слушая у меня о подвигахъ *великихъ*, скажутъ съ благородною гордостію: „И я Руской! и величіе имени моего не умретъ въ потомствѣ!“

Приступивъ нынѣ къ изданію моихъ *Походныхъ Записокъ*, приглашаю къ подпискѣ на оныя любителей чтенія, особенно бывшихъ военныхъ собратовъ моихъ и почтеннѣйшихъ Начальниковъ. — Книга состоять будетъ изъ 300 страницъ (съ небольшимъ) и украсится приличнымъ заглавнымъ виньетомъ и двумя эстампами, изображающими *смерть Енгельгарда* и *Кульмскую битву*, рисованными г.

Ивановымъ и гравируемыми г. *Чесскимъ.* — Подписка принимается въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Плавильщикова, находящимся у Синяго моста, у книгопродавцевъ братьевъ Слениныхъ на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, и въ книжныхъ лавкахъ Ивана и Матвѣя Глазуновыхъ, Заикина и Тюленева; въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки г. Ширяева и у Ивана и Матвѣя Глазуновыхъ; въ Казани у послѣдняго. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Експедицію С. П. Бургскаго Почтамта, или въ Москву къ г. Ширяеву, прилагая вѣсовыхъ денегъ за 1 фунтъ. Подписная цѣна на бѣл. Любской бумагѣ 10 рублей, на веленевой 13, въ кожаномъ переплетѣ 15.

И. Лажечниковъ.

Къ Благотворителямъ.

Бѣдный, протягивающій руку къ прохожему, безъ сомнѣнія въ уголъ свой никогда не возвращается съ пустою сумою. Но есть другой родъ бѣдныхъ, которыхъ никто не видитъ, никто не знаетъ, и которыхъ открываетъ намъ только нечаянный случай. Сіи-то бѣдные, чувствительные и посреди жестокихъ недостатковъ, безмолвные и при страшномъ воплѣ первыхъ нуждъ, сіи-то бѣдные. . . Но кому неизвѣстны свои обязанности? . . . Я спѣшу подать утѣшительный

случай вамъ, получившіе отъ Провидѣнія счастливую возможность къ благотворенію, — оказать его тому, который по всей справедливости принадлежитъ къ числу бѣдныхъ, достойнѣйшихъ всего вашего сострадания, всего хрістіянскаго милосердія.

Въ приходѣ Воздвиженія на Пометномъ Вражкѣ у дьячка живетъ чиновникъ 9го класса *Василій Григорьевичь Чичеринъ*, непричастный никакому пороку, человѣкъ еще нестарый, — безъ мѣста и безъ куска хлѣба, вопреки *обѣщаніямъ*, часто ему даваемымъ, и надеждѣ, всегда его обманывавшей, имѣя на рукахъ своихъ взрослую дочь, отъ которой, къ сильнѣйшему еще мученію сердца, по отцовской нѣжности, скрываетъ всеминутно сокрушеніе свое, и которую хранитъ подъ спасительнымъ щитомъ благочестивой нравственности.

Нужно ли еще что нибудь прибавить къ простому описанію сего ужаснаго состоянія? Для васъ не нужно, сердца добродѣтельныя!

Князь Шаликовъ.

Москва.

19 Мая 1820.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 11.

ІЮНЬ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Урокъ любви.

(Окончаніе.)

Съ улыбкой встрѣтилъ Гофмаршалъ Адельстана, и смѣясь говорилъ ему, что будущая теща и невѣста чрезвычайно недовольны его поведеніемъ, именно же тѣмъ, что онъ вовсе забылъ ихъ. „Вамъ извѣстны романическія причуды жены моей и дочери;“ прибавилъ Гофмаршалъ: „въ уединеніи своемъ онѣ сдѣлались еще причудливѣе. Представьте, что ко мнѣ пишутъ! Бракъ не можетъ быть счастливъ, если онъ не основанъ на взаимной любви, на взаимномъ почтеніи: а какъ Адельстанъ не любитъ Наталіи, ни она Адельстана; то надобно уничтожить наши предположенія. Онѣ даже требуютъ етаго; но я не слушаю пустяковъ, и вы можете на меня положиться —

все будетъ хорошо." Потомъ Гофмаршалъ разсказывалъ, что путешествуя съ Принцемъ, онъ выпросился на нѣсколько часовъ для свиданія съ будущимъ своимъ зятемъ. „Поспѣшите же въ Ельменгорстъ, любезный Баронъ, поспѣшите утишить бурю. Философствуйте съ маменькой, забавляйте дочку, и все устроится какъ не льзя лучше. Вы тотчасъ поладите съ моей женою, когда исполните ея странныя требованія . . ." — Признаюсь — сказалъ Адельстанъ — они не кажутся мнѣ странными. Теперь я самъ вѣрю г-жѣ Ельменгорстъ, что бракъ безъ взаимной любви не можетъ быть счастливымъ, и потому соглашаюсь отказаться отъ моего требованія. Дочь ваша достойна любви благороднаго сердца, и могу ли перенести мысль, что она будетъ несчастлива со мною? . . . — „Что ты поешь мнѣ, любезный Баронъ?" прервалъ рѣчь его Гофмаршалъ: „или ты не понимаешь дѣла? Вотъ повтореніе романическихъ бредней жены моей! Кажется, ты и я довольно знаемъ, что одна свобода въ бракѣ дѣлаетъ насъ счастливыми. Съ чего тебѣ вздумалось говорить о любви, и неужели ты непремѣнно *долженъ любить* Наталію? До свадьбы, разумѣется, пылай къ ней самою нѣжною страстію; а тамъ, я увѣренъ, и безъ сантиментальностей дочь моя будетъ съ тобою счастлива. Довольно быть учтиву, ласкову, снизходительну

любезной своей половинѣ. Но любить жену . . . . fi donc! на что ето похоже! . . . Я тебѣ живой примѣрЪ: жена моя хороша, любезна. Будь она чужая мнѣ — я обожалЪ бы ее. Теперь же . . . дѣло совсѣмЪ другое; но кЪ несчастію, я не могу растолковать етаго моей пастушкѣ. ОтЪ тебя, какЪ отЪ жениха, требуютЪ любви; но ты постарайся вразумить свою Наталію: можетЪ быть ты будешь меня счастливѣе. Надобно начать обманомЪ, и трудно ли шестнадцати - лѣтнюю дѣвушку увѣрить вЪ самой нѣжной страсти? Я думаю, тебѣ ето не вЪ первый разЪ. Allons, courage! забудь на короткое время, что она будетЪ твоей женою. . . ."

Напрасно АдельстанЪ старался противорѣчить: языкЪ придворнаго гибокЪ, и ГофмаршалЪ не далЪ ему выговорить слова. АхЪ! сЪ какимЪ ужасомЪ слушалЪ молодой человѣкЪ, исправленный любовію, правила моднаго, легкомысленнаго свѣта, правила, подрывающія всѣ связи родства и дружбы! АдельстанЪ краснѣлЪ, вспоминая, что нѣкогда и онЪ такЪ же чувствовалЪ, что даже осмѣливался говорить подобныя слова милой своей Розѣ; но онЪ видѣлЪ, что человѣка состарѣвшагося вЪ ложныхЪ правилахЪ большаго свѣта весьма трудно переувѣрить, и что слѣдовательно напрасно

бы было говорить съ нимъ о нѣжныхъ чувствахъ благороднаго сердца. Баронъ мысленно рѣшился писать къ г-жѣ Ельменгорстъ, открыть ей любовь свою, не называя только предмета; сказать, что сердце его отдано другой и что слѣдовательно бракъ его съ Наталіей сдѣлалъ бы ее на всю жизнь несчастною: онъ былъ увѣренъ, что г-жа Ельменгорстъ, какъ мать добрая и нѣжная, согласится освободить его отъ предположеннаго союза. Гофмаршалъ до самаго отъѣзда повторялъ Адельстану, что надобно ѣхать въ Ельменгорстъ, что молодой пригожій мущина легко увѣритъ женщинъ въ любви своей и что, возвратившись изъ путешествія, онъ постарается все кончить.

Адельстанъ, проводивъ Гофмаршала до кареты, поспѣшилъ въ садикъ, гдѣ надѣялся еще увидѣть Розу: ее тамъ не было. Лиза объявила ему, что она въ комнатѣ своей и собирается въ дорогу. Боясь обезпокоить больную тетку Розы, Баронъ проситъ Лизу выслать подругу свою къ нему въ садикъ. Чрезъ минуту является Роза — съ заплаканными глазами. Баронъ смотритъ на нее съ нѣжностію, спѣшитъ ее успокоить: „Небойся ничего, милая! Гофмаршалъ уѣхалъ. Еще я не совсѣмъ свободенъ; но завтра же увѣдомлю г-жу Ельменгорстъ, что не могу быть супругомъ ея

дочери, не могу составить ея счастія." — И завтра же, сказала Роза, добрая мать моя узнаетъ, что Адельстанъ сдѣлаетъ счастливою любимую дочь ея. Ахъ! — продолжала она, взявши руку Барона: ты дѣлаешь меня счастливою на всю жизнь мою, жертвуешь мнѣ многимъ, и эта жертва такъ велика, что изъ страха я должна бы отъ нее отказаться; но не въ моей волѣ... Адельстанъ! (и голосъ ея сдѣлался величественнѣе: она казалась выше своего состоянія) я чувствую, что *мы* будемъ счастливы. Хочу и буду стараться, чтобы мой супругъ благословлялъ до конца жизни блаженную минуту, когда сердце мое въ первой разъ открылось предъ его взорами...— Баронъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на свою Розу: казалось, любовь столь же пламенная, какъ и невинная, чистая, возвысила душу прелестной его подруги, хотя и вообще она превосходила образованностію ума не только Лизу, но и всѣхъ подругъ своихъ; при отличнѣйшемъ воспитаніи, Роза была бы украшеніемъ большаго свѣта; казалось, натура сама внушила ей такія понятія, дала такія чувства, которыхъ не льзя было ожидать отъ простой деревенской дѣвушки: она судила прекрасно, съ большимъ вкусомъ, выражалась съ необыкновенною тонкостію. И прежде Адельстанъ замѣтилъ, что кромѣ природныхъ дарованій Роза имѣла

нѣкоторыя познанія въ наукахъ и искусствахъ; казалось, она была воспитана съ нѣкоторымъ особеннымъ раченіемъ. Теперь Адельстанъ нескрылъ наблюденій своихъ отъ Розы, и просилъ ее изъясниться: Роза, краснѣя, призналась, что мать ея была кормилицею Баронессы Оберштейнъ; что въ малолѣтствѣ она сама не рѣдко живала въ замкѣ, присутствовала при ученіи молодой Баронессы, иногда училась и читала нѣкоторыя книги. „Теперь весьма жалѣю,“ прибавила Роза „что нестаралась болѣе образовать себя; но если вы, любезный Адельстанъ, будете моимъ учителемъ; то я ручаюсь за успѣхи: всѣми силами постараюсь сдѣлаться достойною моего будущаго званія.“

Надлежало разстаться. Роза объявила, что ей должно провести послѣдній вечеръ съ больною теткою, вырвалась изъ объятій Адельстана, хотѣла идти; Баронъ, остановивъ ее, изъявляетъ желаніе ѣхать вмѣстѣ съ нею къ ея родителямъ. „Еще вы не освободились отъ обѣщанія своего дѣвицѣ Ельменгорстъ, а я неполучила согласія моихъ родителей,“ сказала Роза „слѣдственно я не могу ѣхать съ вами. Любезный Адельстанъ! разлучившись со мною, вы будете имѣть время размыслить о пожертвованіи, какое для меня дѣлаете. . . . Можетъ быть,“ прибавила она со вздохомъ

„можетъ быть, не видя бѣдной Розы, вы будете хладнокровно разсуждать о моемъ состояніи, о вашемъ богатствѣ, даже о безразсудствѣ поступка, который вы дѣлаете, предлагая мнѣ руку. . . . Ахъ, Адельстанъ! если вы почувствуете хоть слабое раскаяніе, если встрѣтите хотя легкое затрудненіе; скажите мнѣ: пусть я одна останусь несчастливою — вы свободны. . . . Размыслите лучше, достанетъ ли у васъ силъ, достанетъ ли вашей любви, чтобы побѣдить всѣ предразсудки, всѣ препятствія, насъ разлучающія. . . .“

И снова Адельстанъ клялся милой мечтательницѣ въ непоколебимой своей рѣшимости, хотя въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, какъ много потребно силъ къ побѣжденію всѣхъ предразсудковъ. Правда, онъ находилъ ихъ въ любви Розы; онъ предположилъ тотчасъ послѣ брака сокрыться въ какой нибудь странѣ отдаленной, прожить тамъ нѣсколько лѣтъ, даже навсегда оставить отечество, если обстоятельства того потребуютъ. Адельстанъ надѣялся однакожъ, что душевныя и тѣлесныя красоты его подруги заставятъ модный свѣтъ забыть ея происхожденіе.

Роза обѣщалась любезному своему Адельстану увѣдомить его съ своимъ младшимъ братомъ о согласіи родителей; Адельстанъ долженъ былъ со своей стороны написать

къ ней о дѣлахъ своихъ съ фамиліею прежней невѣсты. „Когда все будетъ устроено," сказала Роза „мы увидимся — и не разстанемся болѣе. . . ." Какъ много выражалъ взглядъ Розы въ эту минуту!

Адельстанъ на другой день рано по утру спѣшитъ къ Волману, надѣясь еще разъ увидѣть Розу; но уже тщетно... она уѣхала съ своимъ дядею. — Баронъ засталъ Лизу въ слезахъ и горевалъ вмѣстѣ съ нею объ отъѣздѣ Розы; но услыша, что передъ самымъ отъѣздомъ Роза ходила въ садикъ молиться Богу близь любимой бесѣдки своей, онъ поспѣшилъ туда. Какъ трогало Адельстана воспоминаніе блаженныхъ часовъ, съ Розою здѣсь проведенныхъ! какъ занимался онъ всякою безделкой, напоминавшею ему Розу! Приближается къ бесѣдкѣ — о радость! . . . одинъ сучекъ дерева наклонился къ дерновой скамейкѣ; букетъ цвѣтовъ виситъ на немъ; съ жаромъ срываетъ его Адельстанъ и прижимаетъ къ губамъ своимъ: это была искуственная роза, которою нѣкогда украшалась шляпка милой его подруги. . . Сама Роза дѣлала этотъ цвѣтокъ — незабудки окружали его; внизу была приколота бумажка и на ней написано рукою Розы:

Пускай меня весь свѣтъ позабываетъ;
На что мнѣ онъ? . . . Тобой любима я —
И Роза быть царицей не желаетъ:
Кто можетъ быть счастливѣе меня! . . .

Стихи самые посредственные; но чего жъ и требовать отъ Розы, деревенской дѣвушки, дочери мѣльника? Адельстанъ, знатокъ въ Поэзіи, которому многіе досужіе поэты писывали оды и посланія, который самъ сочиняетъ мадригалы и тріолеты, до небесъ превозносимые людьми, у него обѣдающими, — Адельстанъ нашелъ стихи превосходными. Онъ прячетъ свое сокровище, спѣшитъ въ замокъ и садится писать къ г-жѣ Ельменгорстъ. — Говорено было много, но главное дѣло состояло въ томъ, что „онъ не можетъ предложить Наталіи сердца, занятаго другимъ предметомъ; не желаетъ обманывать благородной, любезной дѣвицы, имѣющей право требовать совершенной любви отъ жениха своего, и совершенно согласенъ съ доброю, нѣжною матерью, что счастіе брака зависитъ отъ взаимной любви двухъ юныхъ сердецъ. . . .“

Письмо было отправлено съ нарочнымъ, и Адельстанъ сдѣлался веселѣе: казалось, онъ освободился отъ тяжкой обязанности. Онъ все обдумалъ: страшился вѣчной разлуки съ Розою; не опасался перемѣны въ ея чувствахъ; зналъ ея нѣжное, великодушное сердце; зналъ, что малѣйшее затрудненіе навсегда разлучитъ ихъ. Конечно, Роза понимала всю великость Адельстанова пожертвованія; но можетъ быть для того только и

удалилась она, что видѣла трудности и не имѣла силъ противиться любви своей, когда разсудокъ говорилъ ей о невозможности союза съ знатнымъ и богатымъ Адельстаномъ. Но разрывъ съ дочерью Гофмаршала сдѣлаетъ много шуму: Роза все узнаетъ, увѣрится, что ея удаленіе не препятствовало Барону жертвовать всѣмъ нѣжной любви своей — и тогда самая благодарность заставитъ Розу согласиться на предложеніе своего Адельстана. . . Но что скажетъ г-жа Ельменгорстъ? Какъ приметъ это Гофмаршалъ?

Нѣсколько дней протекло между страхомъ и надеждою. Разлука съ Розою ясно показала Барону, что только съ нею можетъ онъ быть счастливъ: все казалось пусто, все неприятно Адельстану; никто не могъ угодить ему. Онъ терялъ уже терпѣніе, когда пришли къ нему сказать, что какой-то молодой крестьянинъ желаетъ съ нимъ видѣться. Это былъ Августинъ, младшій братъ Розы, миловидный мальчикъ, но ни умомъ, ни наружностію непохожій на сестру свою; онъ подаетъ Барону письмо. „Это отъ Розы!" — воскликнулъ Адельстанъ, прижалъ къ губамъ своимъ бумагу и началъ читать съ нетерпѣніемъ.

„Милый мой Адельстанъ!" писала Роза: „подруга твоя въ грусти считаетъ всѣ

минуты ужасной разлуки и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ рѣшенія судьбы своей. Какъ ни нетерпѣливо желаю тебя видѣть; но прошу еще помедлить и не спѣшить свиданіемъ со мною. Чувствую, какъ ето тяжело, милый другъ мой! .. Я ввѣрила нашу тайну доброй моей матушкѣ; она радуется моему благополучію и желаетъ исполненія надеждъ моихъ: но страшится затрудненій и великой жертвы, приносимой тобою любви. Матушка знаетъ твою невѣсту, и признается, что она и умомъ и красотою столько же превосходитъ меня, какъ богатствомъ и знатною породой. Но могу ли ей завидовать, когда Адельстанъ любитъ меня, а не ее? Матушка говоритъ, что я въ самомъ дѣлѣ похожа на Наталію, сколько можетъ быть похожею смуглая, безвѣстная крестьянка на прекрасную, знатную барышню. Ахъ, Адельстанъ! если одна только наружность заставляетъ любить меня, если ты находишь во мнѣ сходство съ дѣвицею Ельменгоромъ — спѣши къ ней! Наталія съ красотою соединяетъ отличное воспитаніе и большія знанія; она далеко превосходитъ бѣдную Розу, и она любитъ тебя. Ты долженъ еще разъ испытать свое сердце, любезный Адельстанъ — требую етаго испытанія: отъ него зависитъ благополучіе обоихъ насъ. Одна мысль о позднемъ раскаяніи приводитъ меня въ трепетъ. Если

ты будешь счастливъ безъ меня, если Наталія можетъ сдѣлать тебя счастливымъ — довольно! Исполни мою прозьбу, поѣзжай въ Ельменгорстъ, проведи нѣсколько времени съ Наталіею. Ежели и послѣ такого испытанія возвратишься ко мнѣ — Боже мой! какая будетъ радость, какое блаженство Розы! . . Но когда Наталія возстановитъ власть свою надъ твоимъ сердцемъ, если ты . . . тогда ни слова о Розѣ, тогда не услышишь болѣе обо мнѣ. . . Будь счастливъ ты — и Роза . . . останется довольною: благополучіе твое сдѣлается моимъ утѣшеніемъ. . .

„Еще разъ прошу тебя ѣхать въ Ельменгорстъ. Напрасно будешь искать меня, прежде нежели исполнишь мое желаніе: я удалилась отъ моихъ родителей; — ты не долженъ знать мѣста моего пребыванія — страшусь тебя, страшусь самой себя, любви своей. . . Прости, милый Адельстанъ — прости навсегда. . . или до радостной минуты свиданія — и мы не разлучимся вовѣки. . . Вѣрь, что Роза всегда любитъ тебя по прежнему. . .“

Адельстанъ едва могъ кончить! . . . . „Гдѣ Роза?“ вскричалъ онъ, приближаясь къ молодому крестьянину: „гдѣ Роза? гдѣ сестра твоя? . . . хочу, непремѣнно хочу знать. . .“ — Пожалуйте несердитесь, господинъ Ба-

ронъ! отвѣчалъ молодой Дероше: мнѣ, правду сказать, накрѣпко приказывали не говорить вамъ ни словечка . . . Ну, да чтожъ мнѣ съ вами дѣлать? . . . Матушка и сестрица вчера уѣхали къ Баронщѣ Оберштейнъ, у которой матушка прежде была кормилицей: насъ всегда тамъ принимаютъ какъ родныхъ, даже и меня, хоть и не я былъ молочнымъ братомъ молодой Баронщѣ, а моя сестра Роза. . . Ну, за то ее больше и любятъ . . . — „И ты можешь проводить меня?" — Для чегожъ не такъ, баринъ! вѣдь я провожалъ туда матушку и сестрицу; — только ты мнѣ обѣщайся никому не сказывать, что я открылъ тебѣ, куда онѣ спрятались. Побожись же напередъ, баринъ, а тамъ и поѣдемъ. —

Адельстанъ улыбался, слушая простосердечнаго Августина; между тѣмъ безпрестачно думалъ о письмѣ Розы: онъ не можетъ исполнить ея желанія; письмо въ Ельменгорстъ уже отправлено; и что́ ему дѣлать въ Ельменгорстѣ? Пускай Наталія и походитъ на Розу, пускай она лучше ее красотою; можно ли оставить милую, любимую Розу, безъ которой жизнь становится ему въ тягость? Рѣшено: онъ поѣдетъ въ Оберштейнъ, откроетъ тайну свою добродѣтельной покровительницѣ Розы, соединится навѣки съ милою своей по-

другою, потомъ удалится въ Швейцарію. И чего искать ему здѣсь? Можно ли дорожить пустыми знакомствами, когда все счастіе жизни найдетъ онъ въ кругу своего семейства? —

Баронъ призываетъ стараго Вернера, извѣщаетъ его о намѣреніи своемъ путешествовать, даетъ полную власть управлять помѣстьями и приказываетъ высылать къ нему доходы. Въ тотъ же вечеръ посланный возвратился изъ Ельменгорста съ отвѣтомъ. Вотъ что писала къ Барону добродѣтельная мать Натальи:

„Откровенность ваша, Баронъ, и довѣренность ко мнѣ радуетъ меня несказанно. Я не удивляюсь вашей перемѣнѣ, ибо давно ее предвидѣла: нѣжная мать рѣдко ошибается, когда дѣло идетъ о благополучіи ея дочери, а я знаю, что вы и прежде не любили Наталіи. Предложеніе ваше уничтожить взаимныя наши обязанности охотно принимаю, будучи совершенно увѣрена, что бракъ безъ любви не сдѣлаетъ счастливою моей Наталіи, а тѣмъ болѣе когда сердце ваше принадлежитъ другой особѣ. Впрочемъ, я не могу располагать теперь судьбою дочери, ибо супругъ мой въ отсутствіи. Еще вчера получила я письмо, въ которомъ онъ *приказываетъ* мнѣ пригласить васъ въ Ельменгорстъ. Насказавши вамъ слишкомъ

много (какъ пишетъ мужъ мой) о моихъ жалобахъ и досадѣ на невнимательность вашу, онъ боится, что вы безъ приглашенія не поѣдете къ своей невѣстѣ. Мнѣ кажется, онъ примѣтилъ перемѣну вашу вразсужденіи предположеннаго союза. Чтобы не подать ему причины думать, будто я виною вашего отреченія, прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ Ельменгорстъ. Здѣсь, какъ добрые друзья, постараемся окончить дѣла наши.

„Ваша довѣренность достойна и съ моей стороны равной откровенности; а потому я должна известить васъ, что дочь моя, невидя такъ долго жениха своего, примѣчая холодность и равнодушіе ваше, отдала сердце свое другому достойному человѣку, который заслуживаетъ совершенно мое одобреніе: письмо ваше дѣлаетъ счастіе двухъ юныхъ сердецъ. Прошу васъ, какъ друга, пріѣхать къ намъ; можете быть увѣрены, что никакой непріятности здѣсь вамъ не встрѣтится. Супругъ мой увѣдомляетъ меня о скоромъ своемъ пріѣздѣ, слѣдовательно вы застанете его здѣсь.“

Какъ обрадовался Адельстанъ пріятному извѣстію о перемѣнѣ расположеній Наталіи и о согласіи г жи Ельменгорстъ! Ему казалось, что тяжелая ноша свалилась съ груди его: Адельстанъ свободенъ, Наталія

счастлива — ничто не мѣшаетъ благополучію Розы. Такъ! онъ поѣдетъ въ Ельменгорстъ, просто какъ другъ, но уже заключивши вѣчный союзъ съ Розою: тогда и Гофмаршалу ничего говорить неостанется, и онъ долженъ будетъ согласиться на бракъ Наталіи съ человѣкомъ, котораго выбрало ея сердце. Какъ все хорошо обдумано! Адельстанъ спѣшитъ, бросается въ коляску, скачетъ: ему хотѣлось бы долетѣть на крыльяхъ до Оберштейна! . . . Августинъ сидитъ съ нимъ въ коляскѣ, и Баронъ дружески разговариваетъ съ простосердечнымъ крестьяниномъ; заставляетъ его пересказывать всѣ подробности о Розѣ, восхищается добродушіемъ его, смотритъ на него, какъ на брата. Оберштейнъ отстоитъ на три дня ѣзды отъ Форштейна; надобно останавливаться для перемѣны лошадей: новое удовольствіе для Адельстана! Хозяева постоялыхъ домовъ знаютъ Августина, знаютъ отца его, спрашиваютъ объ Розѣ. „Ахъ, какая ето милая, прекрасная дѣвушка!“ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ: „она пригожѣе всѣхъ въ деревнѣ, умна и воспитана какъ дочь знатнаго барина; а со всѣмъ тѣмъ какъ она тиха, скромна, ласкова! . . . Счастливъ, кому Богъ опредѣлитъ быть ея супругомъ! . . .“ — Августинъ краснѣетъ отъ радости, слыша похвалы сестрѣ своей, любимой, милой Розѣ;

а восхищенный Адельстанъ готовъ обнимать добродушныхъ разскащиковъ, готовъ къ нимъ воскликнуть: „Друзья мои! я етотъ счастливецъ — Роза будетъ моей женою!" Онъ щедро награждаетъ за похвалы Розѣ и спѣшитъ, спѣшитъ . . . Счастливецъ! . . . Какая сила въ очарованіи любви: она дѣлаетъ совсѣмъ другимъ человѣка; даетъ новыя чувства, кажется, новую душу и сердце! . . . . Любовникъ Розы совсѣмъ непоходитъ на жениха Наталіи!

Начало смеркаться, когда показалась изъ за лѣса крышка дома и потомъ аллеи сада. — „Не Оберштейнъ ли ето?" спрашиваетъ нетерпѣливый Баронъ. — И вѣдомо! Чему же быть другому: не ужели сердце не предвѣщаетъ вамъ, что вы здѣсь найдете свою Розу? Но остановимся, господинъ Баронъ! дорога пойдетъ лѣсомъ и очень дурная: выйдемъ изъ коляски; я васъ проведу тропинкою. — Они выходятъ изъ коляски, вступаютъ въ лѣсъ, и ночь сдѣлалась такая темная, что почти не видать было дороги.

„Ну! вотъ мы и пришли!" говоритъ Августинъ, указывая на свѣтъ, который мелькнулъ между деревами. Входятъ въ аллеи сада. Вообразите удивленіе Барона! Широкая улица ведетъ къ великолѣпному сельскому павильону, освѣщенному невиди-

мыми лампами (онѣ скрыты были между вѣтвями); яркость лучей сливается съ зеленью; всѣ дерева аллеи увѣшаны гирляндами, вѣнками; вездѣ прозрачныя картины, девизы; верьхъ павильона горитъ разноцвѣтными огнями; множество цвѣтовъ, лимонныя и померанцовыя дерева разливаютъ приятнѣйшее благоуханіе.

„Гдѣ я?" спрашивалъ Адельстанъ: ему мечталось, что все читанное въ волшебныхъ сказкахъ видитъ теперь своими глазами; роща казалась очарованною. Вдругъ слышится звукъ охотничьяго рога: ему отвѣчаетъ огромный хоръ духовой музыки; приятные голоса сливаются съ тихою ея гармоніей. Изумленный, восхищенный Адельстанъ останавливается, идетъ, опять останавливается. „Что ето значитъ?" спрашиваетъ онъ Августина: „куда ведешь меня? Не даетъ ли г-нъ Оберштейнъ праздника по какому нибудь случаю?" — Да, теперь и я вспомнилъ! — сказалъ Августинъ улыбаясь: сего дня празднуютъ свадьбу: г-нъ Оберштейнъ выдаетъ дочь свою; то-то мы попируемъ! Радуйтесь, господинъ Баронъ, здѣсь будетъ намъ весело! —

Адельстанъ остановился — нѣсколько шаговъ оставалось до павильона. Онъ видитъ великолѣпное освѣщеніе, слышитъ

огромную музыку — и незнаетъ, что дѣлать. — Онъ спѣшилъ къ Розѣ, хотѣлъ видѣть ее въ простомъ сельскомъ уединеніи, говорить съ нею, открыть ей свое сердце; но теперь будетъ въ кругу блестящаго общества, долженъ таить свои чувства, дѣлать новыя знакомства, рекомендоваться, быть среди толпы неизвѣстныхъ ему людей. . . Какъ это неприятно! Всѣ прелестныя мечты его разсѣяны; онъ раскаевается, что пріѣхалъ такъ не кстати. — „За чѣмъ ты привелъ меня сюда?" говоритъ онъ Августину: „я вовсе не хочу быть на свадьбѣ дѣвицы Оберштейнъ; пойдемъ лучше въ деревню." — Августинъ смѣется — слышенъ громкій хоръ: поютъ гимнъ, упоминаютъ имена Адельстана и Наталіи. . . . Что за странность! Вдругъ растворяются широкія двери павильона: множество дѣвушекъ и мущинъ выходятъ; двѣ нимфы, одѣтыя точно какъ нѣкогда были одѣты Лиза и Роза, приближаются къ Адельстану, несутъ цвѣточную гирлянду; лица ихъ закрыты богатыми ѳуалями. Такъ! Адельстанъ необманывается: это Роза! это она! Какъ не узнать ея прелестной таліи, ея милаго, знакомаго голоса! . . . И могъ ли Адельстанъ въ эту минуту думать, кто такова была другая — пускай будетъ это сама дѣвица Оберштейнъ. . . . Онъ видитъ одну Розу! . . . . Новое удивленіе! Роза поетъ

тотъ же самый куплетъ, который въ Форштейнѣ пѣла съ Лизою — и Адельстанъ не въ силахъ удерживать своего восторга: „Полно, полно, милая Роза! за чѣмъ упоминать Наталію? Ты, ты одна составляешь все мое блаженство. . . Жестокая! ты знала, что я не исполню твоего требованія; ты ждала меня сюда, хотѣла напомнить мнѣ о счастливомъ днѣ, когда я въ первый разъ тебя увидѣлъ, хотѣла снова очаровать меня — къ чему же упоминать объ Наталіи? Я увижу ее, но не прежде какъ уже сдѣлаюсь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. . . Но для чего скрываешь себя отъ моихъ взоровъ?". . Онъ хочетъ снять покрывало. . . Роза останавливаетъ его, начинаетъ говорить, и голосъ ея дрожитъ: — Адельстанъ! ты не хочешь видѣть Наталіи. . . а я просила тебя. . . Скажи мнѣ, простишь ли ты свою Розу? „Въ чемъ простить тебя, милая?" — Я Наталія Ельменгорстъ! — восклицаетъ Роза, сбрасывая вуаль и едва держась на ногахъ. — „Боже! что я вижу! какъ . . . ты моя Роза? не сонъ ли это? О моя Наталія! о моя Роза! существо небесное. . ." — Въ самомъ дѣлѣ онъ видитъ Розу, но она была гораздо прекраснѣе: вмѣсто черныхъ локоновъ русые волосы вьются и падаютъ вокругъ прелестной шеи, бѣлой какъ снѣгъ Альпійскій; большіе черные глаза дѣлаютъ красоту ея очаровательною — и Адельстанъ

бросается къ ногамъ ея, цѣлуетъ прелестную руку, омочаетъ ее слезами. „Наталія, Роза. . . нѣтъ! ты существо выше смертнаго!“ восклицаетъ онъ: „Не ты, я долженъ умолять тебя — прости меня, милая! . . Ахъ! еслибъ я не показалъ къ тебѣ холодности, могъ ли бы узнать, къ чему способно нѣжное твое сердце? Могъ ли бы узнать, какъ любишь ты неблагодарнаго Адельстана? Я твой, навсегда твой. . . . И какъ благодарить тебя. . .“ Но Наталія была уже въ его объятіяхъ, плакала, не могла выговорить ни слова. Какъ много выражало это молчаніе!

— Благодарите материнскую любовь, которая выдумала превращеніе Наталіи — сказала другая дама, поднимая свое покрывало, — это была г-жа Ельменгорстъ, нѣжная мать Наталіи: простите нашъ обманъ: любовь материнская послужитъ мнѣ извиненіемъ. Съ самаго начала примѣтила я равнодушіе ваше къ моей дочери, и никогда бы не согласилась на этотъ союзъ, если бы Наталія не открыла мнѣ пламенной любви своей. Вашъ характеръ обратилъ на себя все мое вниманіе, и мнѣ захотѣлось узнать васъ покороче. Случай представился, и мнѣ пришла въ голову странная выдумка: жена мѣльника Дероше, бывшая прежде кормилицею моей дочери, имѣла двухъ дѣтей:

Августина и прелестную дѣвушку, которую мы вамъ представимъ какъ настоящую Розу, ибо она только на время ссудила дочери моей свое имя. Старый Волманъ, свойкъ добраго Дероше, привезъ къ намъ свою Лизу; я видѣла ее и знала множество подробностей, на которыхъ основано было мое предпріятіе. Мы согласились съ любезнымъ моимъ мѣльникомъ и добрымъ виртуозомъ. Едмондъ, котораго я давно уже знаю, потому что онъ строилъ етотъ павильонъ, былъ въ заговорѣ съ нами, представлялъ вашего соперника, и теперь сдѣлалъ всѣ распоряженія для вашей встрѣчи. Я сама не выпускала изъ виду моей Наталіи. Тетка, безпрестанно больная, съ которою Роза ваша провождала всѣ дни, была — я. Г-жа Волманъ уступила мнѣ свою комнатку, изъ которой я видѣла все, что́ дѣлается въ садикѣ; видѣла всѣ ваши свиданія и почти слышала самые разговоры. . . . . Ахъ! какъ пріятно было мнѣ смотрѣть на любовь, отчасу болѣе возгаравшуюся въ вашемъ сердцѣ! Она послужитъ основаніемъ благополучному союзу. Любезные друзья мои! Наталія сохранитъ свои черные локоны, будетъ Розою когда вамъ угодно; я только боялась, что вы, Адельстанъ, примѣтите сходство Розы съ вашею невѣстою; но деревенская одежда, перемѣна лица, бровей намъ пособили . . . . и для чегожъ не при-

знаться? . . . Вы были такъ равнодушны къ бѣдной своей Наталіи, такъ мало знали ее, что встрѣтившись съ нею въ толпѣ, конечно съ трудомъ отличили бы ее отъ прочихъ: одно сердце дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на память, а ваше сердце прежде неучаствовало въ выборѣ супруги. — „И я былъ такъ слѣпъ, и я не зналъ цѣны собственному моему счастію!“ — повторялъ Адельстанъ: „и съ самой первой минуты сердце мое не узнало цѣны етому Ангелу! . . .“ — Ето потому, что мода, обычаи большаго свѣта, и все окружавшее избаловало васъ; но доброе сердце ваше способно къ любви и къ благороднымъ чувствамъ. Перемѣня наружность, Наталія не перемѣнила самой себя, и показалась вамъ такою, какова она въ самомъ дѣлѣ: простою, доброю, искреннею; вы полюбили ее въ непритворномъ видѣ, и всегда будете любить, ибо она никогда неперемѣнится. Вы видѣли ее не въ блескѣ моднаго свѣта, гдѣ часто разныя отношенія препятствуютъ намъ узнавать истину. . . . О мой сынъ! можемъ ли мы забыть, какую жертву хотѣлъ ты принести своей Розѣ! можемъ ли не любить тебя! — „А я“ говорилъ счастливый Адельстанъ! „могу ли забыть, что для меня милая моя Наталія сдѣлалась дочерью деревенскаго мѣльника!“ — Онъ разсказывалъ о своемъ удивленіи, когда совсѣмъ неожиданно

очутился въ прекрасномъ саду, увидѣлъ великолѣпную иллюминацію, услышалъ огромную музыку... „Мнѣ казалось," прибавилъ онъ „что я перенесенъ въ царство Фей; и теперь еще не знаю, гдѣ я? Меня увѣрили, что Роза удалилась къ Баронессѣ Оберштейнъ." — Вы теперь въ гостяхъ у этой Баронессы. Именемъ Оберштейнъ называется деревня, принадлежащая къ Баронству Ельменгорстъ, и всѣ окрестные жители привыкли называть меня такимъ образомъ. Надобно же было употребить хитрость, когда, несмотря на прозьбы Розы своей, вы нехотѣли ѣхать въ Ельменгорстъ. Вотъ Августинъ и заманилъ васъ сюда. — „Но мнѣ на дорогѣ говорили объ Розѣ; ее хвалили..." — Тутъ случай весьма кстати помогъ намъ; хозяинъ постоялаго двора могъ хвалить вамъ настоящую Розу, въ самомъ дѣлѣ прекрасную дѣвушку, которую мы всѣ очень любимъ. — „А Гофмаршалъ? Если и онъ зналъ вашу тайну, то сыгралъ роль свою прекрасно." — Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ. Гофмаршалъ по несчастію не вѣритъ любви: мы скрывали отъ него наши предпріятія. Онъ писалъ ко мнѣ о путешествіи своемъ съ Принцемъ; въ отвѣтѣ моемъ я старалась казаться сердитою на васъ, напередъ зная, что онъ все вамъ разскажетъ — такъ и сдѣлалось! Наталія въ самомъ дѣлѣ была тронута, услышавъ, что

отецъ ея такъ близко отъ нашего жилища; но онъ и теперь ничего не подозрѣваетъ — мы ждемъ его сюда, и онъ увидитъ всѣхъ насъ въ совершенномъ согласіи. Любовь, на зло моднымъ обычаямъ, сдѣлала свое дѣло! — „И составила мое благополучіе!" воскликнулъ Адельстанъ, обнимая милую свою Наталію. Тутъ онъ примѣтилъ, что платье Наталіи сдѣлано изъ той самой матеріи, которая подарена была Розѣ на праздникѣ въ Форштейнѣ. „Теперь понимаю, почему не хотѣла ты быть увѣнчанною за твою побѣду." — О! иначе ты могъ бы примѣтить, что черные локоны были поддѣльные, и что я вся была *искуственная*, а не настоящая Роза. —

Входитъ Едмондъ, держа за руку прекрасную дѣвушку. „Вотъ настоящая Роза!" говоритъ онъ Адельстану: „я не обманывалъ васъ, когда увѣрялъ, что люблю Розу Дероше: я познакомился съ нею, когда строилъ етотъ павильонъ — теперь ея родители согласны; добродѣтельная покровительница наша осыпала насъ своими благодѣяніями: позвольте, господинъ Баронъ, чтобы одинъ день сдѣлалъ насъ всѣхъ счастливыми!" Баронъ обнялъ Едмонда и совершенно примирился съ любезнымъ своимъ соперникомъ.

А моя *сестрица Лиза и другъ мой* Вернеръ — сказала Наталія — скоро ли пріѣдутъ сюда веселиться вмѣстѣ съ нами? — „Завтра, сударыня;" отвѣчалъ Едмондъ. Само собою разумѣется, что добрая родственница, которая дала Лизѣ приданое, была г-жа Ельменгорстъ.

Быстро пролетѣли часы вечера въ семейственныхъ удовольствіяхъ любви и дружбы. На другой день пріѣхалъ Гофмаршалъ, и сердечно обрадовался, видя, что Адельстанъ исполнилъ его требованіе, что супруга и дочь его не наглядятся на Адельстана. „Ты послушался моихъ совѣтовъ," сказалъ Гофмаршалъ будущему своему зятю „и сдѣлалъ очень хорошо: вижу самъ, роль твоя сыграна прекрасно! Наталія говоритъ, что ты любишь ее, какъ любили древніе рыцари своихъ красавицъ; а романтическая моя супруга не нахвалится тобою. Продолжай такъ до свадьбы, и вѣрь, что я тайны твоей не открою." — Адельстанъ улыбался, неговорилъ Гофмаршалу ни слова о томъ, чтó было, и приписывалъ весь успѣхъ не чему иному какъ расчетливости стараго придворнаго. Адельстанъ зналъ, что Гофмаршалъ готовъ осердиться, услышавъ о преимуществахъ мѣльниковой дочери, которая сдѣлала бы то, чего не могла сдѣлать дочь знатнаго и богатаго Ельменгорста. На зло

модѣ и нынѣшнимъ понятіямъ о любви, Адельстанъ всю жизнь любилъ, любилъ страстно свою милую подругу, которая то подъ видомъ рѣзвой Розы, то въ качествѣ скромной Наталіи была украшеніемъ и своего семейства и цѣлаго общества.

Съ Франц. Н. П—й.

21 Мая 1820.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вертеръ къ Шарлоттѣ.

Уже спустилась ночь, и грустно проглянула
Въ послѣдній разъ ко мнѣ луна сквозь облака. —
Шарлотта! можетъ быть — ты сладкимъ сномъ заснула,
Тогда какъ грудь мою жметъ лютая тоска.

*

Все тихо, все молчитъ въ обители Природы;
Недвижимъ дремлетъ боръ, покоенъ видъ полей,
Въ зеленыхъ урнахъ спятъ сребрящіяся воды:
Шарлотта! буря лишь въ одной душѣ моей.

*

Такъ, должно умереть — Албертъ тобой владѣетъ;
А я. . . я только самъ принадлежу тебѣ.

Албертъ?... При мысли сей кровь въ жилахъ
пламенѣетъ;
Но должно уступить враждующей судьбѣ.

*

Съ того ужасна дня, какъ счастливой рукою
Повлекъ онъ, милая, тебя ко олтарю, —
Я лишній въ мірѣ сталъ... Терзаемый тоскою
Повсюду мракъ одинъ и образъ смерти зрю.

*

Но ты — *моя!* любовь въ очахъ твоихъ сіяла,
Когда съ тобою я бывалъ уединенъ.
Ахъ! помнишь ли, когда *люблю* ты мнѣ сказала?
Довольно за мои я муки награжденъ!

*

Когда взойдетъ заря, я болѣе не буду
Любви и горести уже принадлежать.
Ахъ! скоро и тебя, и цѣлый свѣтъ забуду;
И хладенъ, какъ земля, въ землѣ буду лежать!

*

Коль жизнь моя съ твоимъ покоемъ не совмѣстна;
И саму жизнь тебѣ я въ жертву приношу.
О вѣчность! о страна таинственна, безвѣстна!
Въ тебѣ одной я страсть несчастну погашу.

*

Когда вечернею, иль утренней порою,
Шарлотта! памятникъ ты скромной узришь
мой,

Покрытый мхомъ сѣдымъ, иль дикою травою;—
Уже ли не почтишь его твоей слезой? —

К.

Вятка.

Къ равнодушной.

Быть можетъ, я видалъ прекрасныхъ,
И сердцу милыхъ, и опасныхъ, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ сравнялися съ тобою,
Душей, умомъ и красотою —
Не можетъ быть.

*

Прельстить собой ты можешь многихъ,
И ихъ держать въ оковахъ строгихъ, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ другой любилъ такъ страстно,
Какъ я, томилсябъ ежечасно, —
Не можетъ быть.

*

Красавицы, какъ ты, жестоки,
Въ любви сердцамъ даютъ уроки, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ, какъ ты, уму послушны,
Холодныбъ были, равнодушны, —
Не можетъ быть.

*

Плѣненные къ тебѣ въ неволю
Свою оплакиваютъ долю, —

Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ они такъ жалки были,
Страдалибъ такъ, какъ я, любили, —
Не можетъ быть.

*

Кому за вѣрность награжденье,
Усердно служитъ тотъ въ терпѣньѣ, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ любить, утративъ вѣру
Любимымъ быть, какъ я, примѣру
Не можетъ быть.

*

И на мое лице веселье
Придетъ на часъ на новоселье, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобы время чувства новы
Могло дать сердцу, снять оковы, —
Не можетъ быть.

*

Суровостью твоей сраженный,
Умру тоскою удрученный, —
Такъ! можетъ быть;
Но чтобъ въ послѣдній часъ упреки
Тебѣ я произнесъ, — вовѣки
Не можетъ быть.

А. Козляниновъ.

I. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Библіографическія поправки.

(Письмо къ Редактору.)

Съ благодарностію возвращаю вамъ первую книжку *Отечественныхъ записокъ.* Любя славу роднаго края и Русскую старину, я, при первомъ взглядѣ, хотѣлъ было совершенно уклониться отъ скользкаго пути рецензентовъ и порадоваться вмѣстѣ съ вами новому, пріятному произведенію, которымъ даритъ публику извѣстный нашъ Литтераторъ. Но прочитавъ нѣсколько страницъ *Перваго письма изъ Москвы*, употребленныхъ на поверхностное обозрѣніе знаменитой библіотеки почтеннаго собирателя Русскихъ древностей, Графа Ѳедора Андреевича Толстова, рѣшился въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ исправить и дополнить свѣдѣнія, бѣгло взятыя изъ каталога, еще неизвѣстнаго публикѣ и составляемаго мною около трехъ лѣтъ съ ревностнымъ моимъ сотрудникомъ г. Строевымъ

Не мое дѣло возражать противъ *трехъ епохъ, бывшихъ*, по словамъ Сочинителя, *самыми пагубными для отечественныхъ нашихъ лѣтописей и хранилищъ наукъ и художествъ*, изъ коихъ въ одну только знаменитую послѣднюю епоху превращены въ пепелъ наши достоянія и упомянутыя хранилища; но зарево сихъ пожаровъ было предвѣстникомъ будущаго величія столицы, а съ нею и чудеснаго спасенія Россіи. — Истребленіе *мѣстническихъ книгъ* Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ существѣ своемъ принесло болѣе пользы, нежели вреда Отечеству. Огонь, пожракшій въ сіе время *розряды*, не коснулся лѣтописей, ибо самъ Царь любилъ знанія и покровительствовалъ наукамъ. Мы лишились большаго количества означенныхъ книгъ; но за то Россія охранялась совершеннымъ спокойствіемъ въ рѣшительное время войны. Тогда только истинная, хотя и не отличенная древностію благородства предковъ, заслуга, смѣло предводительствовала полками; ибо прекратились мѣстническія права доказывать свое старшинство и по сему единственно похищать власть начальства у достойныхъ. За сей подвигъ Царь Ѳеодоръ заслужилъ славу, а не укоризну. Также гибельное свирѣпство нѣкогда бывшей въ Москвѣ *чумы*, похитивъ многія жертвы

не лишило насъ лѣтописей и другихъ источниковъ народнаго образованія.

Извините за отступленіе; оно здѣсь нелишнее. Я хотѣлъ только исправить извѣстія о нѣкоторыхъ книгахъ, замѣченныхъ сочинителемъ Отечественныхъ записокъ.

Библіотека Графа Толстова нами расположена въ трехъ отдѣленіяхъ: 1е. содержитъ писменные памятники съ XII по исходъ XVII вѣка; 2е. новѣйшія рукописи, къ прошедшему столѣтію принадлежащія, и 3е. печатныя книги съ 1491 по 1700 годъ.

Въ первомъ отдѣленіи могло бы почесться древнѣйшимъ памятникомъ *Евангеліе*, расположенное по днямъ, начиная съ Св. Пасхи, если бы извѣстіе, на оборотѣ 143 листа, о написаніи онаго ҂ЅФП (*) (1072) году благословеніемъ Кіевскаго Митрополита Георгія при Игуменѣ Печерскомъ Ѳеодосіи, могло безъ всякихъ сомнѣній почтено быть за достовѣрное. Но явное отличіе сей приписки по почерку и черниламъ отъ всей рукописи; употребленіе десятеричнаго *І* вмѣсто *И* (чего нѣтъ во всей книгѣ); написанная и потомъ зачеркнутая буква *І* въ словѣ:

(*) Послѣ числительной буквы *П* была еще какая-то литера, но оная изглажена. *Соч.*

Роусіи (*); сокращеніе литеры Ъ посредствомъ двухъ вкось поставленныхъ палочекъ, и замѣченная въ мѣсяцословѣ, къ сему Евангелію присовокупленномъ, подъ 24 числомъ Іюля, память Св. Мучениковъ Бориса и Глѣба: всѣ сіи признаки, принадлежащіе послѣдующему времени, заставляютъ въ припискѣ подозрѣвать новѣйшую поддѣлку, а древность сего Евангелія относить не старѣе XIII вѣка. Сіе ни мало не уменьшаетъ достоинства библіотеки, въ которой хранятся рукописи важнѣйшія.

Къ числу таковыхъ относится *Діоптра* или *зерцало*, сочиненная, слѣдуя Воскресенской лѣтописи, издаваемой содѣйствіемъ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, въ 1095, а по словамъ Морери (Dictionaire Historique) около 1105 года, философомъ *Филиппомъ*, по прозванію *Пустынникомъ*, на Греческомъ языкѣ стихами, по желанію и убѣжденію духовнаго отца его Каллиника, жившаго въ Смоленскихъ предѣлахъ (*εἰς μέρη τῶν Σμολένων*). Греческій подлинникъ, въ спискѣ XV вѣка, хранится въ Синодальной Библіотекѣ. Профессоръ Маттеи несправедливо называетъ Діоптру сочиненіемъ *Михаила Пселла*; сей ученый Грекъ написалъ къ

(*) *Русіи* стали уже писать поздно, а въ древности всегда: *Руси*. *Соч.*

оной только предисловіе; а нѣкто *Константинъ Кевестъ* (во всѣхъ спискахъ переводовъ *Ивестъ*) *Гранатъ* сообщилъ намъ свѣдѣніе объ имени сочинителя онаго Филиппа, сокрывъ сіе имя въ числѣ 980 ть. Діоптра предложена въ разговорѣ души съ плотію. Переводчикъ оной, кажется, житель Ростовскій (*), неизвѣстенъ по имени; знаемъ только, что она переложена по прозьбѣ друга его *Зиновія*. Пергаминный списокъ сего Славянскаго перевода въ библіотекѣ Графа Толстова принадлежитъ къ XV, а не къ XIII вѣку. Изслѣдованіемъ сего предмета я обязанъ счастливой догадкѣ Его Сіятельства Государственнаго Канцлера.

Несравненною драгоцѣнностію могутъ считаться *Поучительныя слова* знаменитаго Русскаго Витіи Св. *Кирилла*, Епископа Туровскаго, современника В. К. Андрея Боголюбскаго, котораго кончину должно полагать во второй половинѣ XII вѣка. Въ пер-

(*) Ибо онъ говоритъ, что не въ силахъ составить похвалу написавшему *Діоптру*, *нашею же, рекше Ростовьскою рѣчию зерцало*. Откуда взято сочинителемъ Отечественныхъ записокъ извѣстіе, что сія книга переведена *въ Раховѣ*, не понимаю. Сего страннаго слова нѣтъ ни въ рукописи, ни въ нашемъ каталогѣ. Въ послѣднемъ написано: *въ Ростовѣ. Соч.*

гаминномъ спискѣ XIII столѣтія, содержащемъ сіи поученія, всенародно произнесенныя Кирилломъ, *семь* сочиненій сего Святителя слѣдуютъ подъ его именемъ, а въ *двухъ* послѣднихъ оное не означено. Благородная, свойственная духу времени простота, богатство въ мысляхъ и витійственное украшеніе оныхъ, при рѣдкой чистотѣ языка, отличаютъ сіи произведенія отъ прочихъ. Хотя сочинитель Отечественныхъ записокъ и говоритъ, что оныя никому неизвѣстны изъ историковъ и Славянскихъ литтераторовъ; но описаніе сей рукописи, давно уже мною замѣченной, дало возможность и г-ну наблюдателю сказать о ней свое, хотя невѣрное, мнѣніе. Содѣйствіемъ нашего Мецената Графа Николая Петровича Румянцова теперь приготовляется богатый подарокъ любителямъ древней словесности изданіемъ сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ.

Рукопись XVI вѣка, содержащая переводъ книгъ *Іова*, *Притчей Соломона*, *Екклезіаста*, *Пѣсни Пѣсней*, *Молитвы Царя Манассіи*, *Іисуса Сираха и Премудрости Соломоновой*, хотя и названа *переводомъ*, *небывшимъ доселѣ никому извѣстнымъ*, *сдѣланнымъ въ Вулгатѣ* (вм. съ Вулгаты) *въ 1568 году Василіемъ Жугавичемъ*; но Жугаевичь, или Жугаевъ сынъ (какъ онъ себя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именуетъ),

объявляя себя переводчикомъ означенныхъ книгъ въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, совершеннымъ сходствомъ перевода его съ извѣстнымъ Скорининымъ обнаруживаетъ въ себѣ только затѣйливаго переписчика оныхъ; ибо вмѣсто имени Франциска Скорины онъ поставилъ свое собственное, назвавъ себя также *Докторомъ лѣкарскихъ наукъ*; а вмѣсто города *Праги*, гдѣ Скорина напечаталъ свои книги, Жугаевичь вставилъ городъ *Ярославль*!

Софійскій Времянникъ, писанный въ началѣ XVI вѣка, отличается новыми статьями Правды Русской, извѣстными по другимъ спискамъ г-ну Исторіографу.

Я долженъ бы упомянуть о другихъ драгоцѣнностяхъ библіотеки Графа Толстова: о двухъ рѣдкихъ спискахъ Волынской и многихъ другихъ лѣтописей, о примѣчательныхъ хронографахъ, родословныхъ, дипломатическихъ посылкахъ, разрядахъ, синодикахъ, книгахъ вкладныхъ и о большомъ количествѣ древнихъ списковъ книгъ богослужебныхъ; но на сей разъ уклоняясь отъ труда сего, еще замѣчу, что рукописи, пріобрѣтенныя Графомъ Толстымъ изъ извѣстной Архангельской библіотеки Князя Димитрія Михайловича Голицына, которою пользовался Татищевъ, большею частію

относятся ко II отделенію прошедшаго вѣка и не составляютъ отличнаго достоянія, и что *Житіе Св. Антонія Сійскаго* сочинено и, можетъ быть, писано собственноручно сыномъ Царя (у наблюдателя В. К.) Іоанна Васильевича, 1580, на 23 году его жизни (*).

Умалчиваю также о богатѣйшемъ собраніи книгъ печатныхъ, рѣдкихъ для Библіографовъ, которыя во многомъ могутъ пояснить исторію типографій, о Краковскомъ Часословѣ 1491 года Швайпольта Феоля и еще о двухъ книгахъ, имъ тиснутыхъ: Тріоди постной и цвѣтной; о преимущественномъ предъ всѣми библіотеками собраніи Библейскихъ книгъ Франциска Скорины; о Голландскомъ изданіи Новаго Завѣта съ напечатаннымъ въ Петербургѣ Славянскимъ текстомъ;

(*) Сочинитель Житія часто говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Въ началѣ книги онъ называетъ себя *многогрѣшнымъ Иваномъ Русиномъ, родомъ отъ племени Варяжска, колѣна Августова Кесаря Римскаго*; а въ заключеніи Житія, открывая любопытныя извѣстія о трудѣ своемъ, прямо именуетъ себя сыномъ Царя Іоанна, и свидѣтельствуетъ, что онъ многое слышалъ отъ отца своего и матери о Св. Антоніи Сійскомъ, котораго весьма любили и уважали его родители. *Соч.*

о рѣдкомъ остаткѣ Тубингенской, Глаголической типографіи, и проч. и проч.

Вообще замѣчу, что число рукописей въ I отдѣленіи простирается свыше 600, гдѣ однихъ писанныхъ на пергаминѣ находится до 30, во II около 200 и въ III до 300.

Между тѣмъ почтенный любитель отечественныхъ древностей не перестаетъ новыми пріобрѣтеніями умножать свои сокровища (*), исторгая памятники просвѣщенія изъ рукъ невѣжества. Хвала ревностному собирателю, который, вопреки многимъ библіотафамъ, отверзаетъ свою библіотеку для каждаго, водимаго любопытствомъ и знаніемъ и ищущаго въ оной новыхъ открытій.

Если вы, милостивый государь, найдете письмо мое дѣльнымъ, то можете сдѣ-

(*) Въ недавнихъ пріобрѣтеніяхъ въ числѣ многихъ рукописей замѣчательны три важнѣйшія: 1) Дѣяніе собора 1501 года; 2) *Слова о Данилѣ заточникѣ*, жившемъ въ XII вѣкѣ., и 3) Обличительныя *бесѣды* монаха Зиновія на ересь Ѳеодосія Косого, въ собственноручномъ спискѣ сочинителя. Изъ двухъ первыхъ сообщилъ выписку Н. М. Карамзинъ, въ прибавленіяхъ, къ 8 Тому 2 изд. Исторіи присоединенныхъ. *Соч.*

лать изъ него употребленіе, какое вамъ угодно; а если увидите противное, то оставьте у себя сіи замѣчанія, какъ свидѣтельство того вниманія, съ какимъ прочелъ я первую книжку Отечественныхъ записокъ. Имѣю честь *и проч.*

Константинъ Калайдовичъ.

Іюня 3 го,
1820 года.

Критика.

(Письмо къ Редактору В. Е.)

Позвольте, г. Редакторъ старѣйшаго изъ множества нашихъ журналовъ (разумѣется литтературныхъ, ибо Историческій Журналъ *современенъ* (*) свѣту), позвольте отнять у васъ и у вашихъ читателей часъ того времени, которое всѣ называютъ *драгоцѣннымъ* — и не менѣе того продаютъ за весьма дешевую цѣну, на примѣръ: за пулю бостона и проч. Надѣюсь, что если вамъ не понравится форма моего письма, то вы все-таки обратите вниманіе на матерію: я буду говорить о предметѣ литтературномъ, слѣдовательно вамъ любезномъ.

(*) Такъ я сужу по заглавію сего Журнала. Соч.

Сколько разъ восклицалъ я съ молодымъ Поэтомъ, надеждою нашего Парнасса:

Увы! прошли тѣ дни златые —

когда въ Вѣстникѣ Европы отдавалась справедливость хорошимъ писателямъ (которые теперь вездѣ перевелись; ибо все въ мірѣ становится, говорятъ анти-оптимисты, часъ отъ часу хуже), когда Вѣстникъ Европы критикою научалъ молодыхъ писателей, которыхъ вездѣ много! Но. . . .

Des Lebens May blueht einmahl und nicht wieder!

То же и съ журналами! Ето не вина Редактора; ибо журналъ можно сравнить съ лотереею: сначала всѣ кладутъ въ одну; а послѣ обращаются къ другой. Что же вышло? И въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (cela a le mérite de la nouveauté!) судятъ о новой Поемѣ *Освобожденная Москва*, и свое сужденіе печатаютъ рядомъ съ наставленіями о дѣланіи фаянсовой посуды!!

Явленіе Епической Поемы (такъ названа *Москва*) важно вездѣ; каково же оно должно быть для бѣдной нашей литтературы, наводненной романами, мелодрамами, балетами, журналами (*), романтическими *піесками* и другими новѣйшими изобрѣтеніями

(*) Виноватъ! . . . *Соч.* Богъ съ вами. *Рдр.*

вѣковъ просвѣщенныхъ? . . . Первое литтературное Общество въ нашемъ Отечествѣ (извините, г-нъ Академикъ, что я его такъ называю) читало лучшіе отрывки сего феномена въ засѣданіяхъ своихъ, и по этому еще досаднѣе, что никто не вооружился критикою и не предложилъ почтеннѣйшей публикѣ мыслей своихъ о новой Поемѣ. Уже ли утомилось мастерское перо, показавшее Хераскову его истинное мѣсто на Русскомъ Парнассѣ? . . .

Я раздѣляю мое письмо на двѣ части: одна посвящена безъимянному (*) Критику Поемы; а другая — почтенному Автору оной. Я говорю *почтенному*; ибо хорошее намѣреніе (а сочиненіе Епической Поемы не предполагаетъ другаго) и часто хорошее исполненіе (мы увидимъ это во второй половинѣ письма) достойны всего нашего уваженія.

Начало критики весьма пріятно; Аристархъ говоритъ что-то о *литтературныхъ горизонтахъ* и отъ этой астрономіи

. . . беретъ такую онъ отвагу,

что прямо атакуетъ Вольтера *грудь съ грудью и рука съ рукой*, говоря, что онъ

(*) Le nom ne fait rien à la chose! . . . *Сач.*

негодовалъ противъ правилъ и имѣлъ на то право; ибо, *волею или неволею*, отступилъ отъ нихъ. — Гдѣ истина, почтеннѣйшій Критикъ? Негодовалъ ли когда нибудь Вольтеръ противъ піитикъ, разумѣется хорошихъ? Если бы онъ родился въ наше время, то вѣрно гордился бы критикою мужей опытныхъ, а развѣ обидился бы, увидѣвъ себя опубликованнымъ въ газетахъ наряду съ фаянсовымъ работникомъ. „Онъ погрѣшилъ противъ единства предмета.“ Новая неправда! Но можетъ быть на вашемъ языкѣ *предметъ* значитъ *дѣйствіе;* тогда я согласенъ! Далѣе, вы говорите, что „Вольтеръ погрѣшилъ, давши властелина герою.“ Правда; но онъ поправилъ свою погрѣшность, и вы сами невольно доказываете это, говоря, что *властелинъ былъ недостоинъ*. Вы правы, что *чудесное слабо въ Генріадѣ;* но можно бы выразиться лучше. Мы всѣ говоримъ: пружина, двигающая машину; но вѣрно никто не скажетъ: *машина, двигающая пружины*. Наконецъ, вспомня стихъ Пирона:

Hercule a-t-il péri sous l'effort de Pygmée?

и видя, что Вольтеръ не заступается за себя, вы, *волею или неволею*, обращаетесь къ нашему Поэту. Во первыхъ никто не согласится, чтобы „Авторъ новой Поэмы не подвергался тѣмъ же нареканіямъ,

какимъ и Вольтеръ;“ ибо тогда онъ былъ бы лучше Вольтера, въ чемъ онъ, я думаю, и самъ, не смотря на авторское самолюбіе, сомнѣвается. „Г-нъ Волковъ соблюлъ . . . и единство времени.“ Помилуйте, почтенный Критикъ, въ какой изъ Піитикъ вы, защитникъ ихъ противъ злодѣя Вольтера, нашли, чтобы единство времени было нужно въ Епопеѣ? . . . Прочтите Лагарпа, Блера, Батте: — увидите, что оно требуется въ драмѣ. „Пожарской является вездѣ въ надлежащее время и возвышается надъ прочими.“ На первую фразу я буду отвѣчать во второй половинѣ письма; а на вторую скажу, что Пожарской, хотя и неслишкомъ возвышенъ, но все затмѣваетъ Минина, который ему *исторически* равенъ. За симъ слѣдуетъ реестръ героевъ Иліады, Енеиды, Іерусалима и, вопреки зависти, етотъ реестръ показываетъ обширную начитанность г-на Критика. Я замѣчу однако же нѣчто объ именахъ: *Турнусъ* у насъ *Турнъ*; *Мезансъ* — *Мезентій*, или *Мезенцій*; *Камилла* есть женщина: почтенному Критику показалось приятнѣе и милѣе перемѣнить полъ ея; *Арганъ* у насъ *Аргантъ*: такъ называетъ его А. Ѳ. Мерзляковъ въ прекрасномъ своемъ переводѣ Тасса. Впрочемъ въ критикѣ много такихъ *опечатокъ*. Позвольте, г-нъ Критикъ, не го-

ворить съ вами о характерахъ; ибо вы утверждаете, что *характеры Заруцкаго и Трубецкаго начертаны и выдержаны хорошо* — въ чемъ никто съ вами несогласится. Вамъ ненравится аллегорія Гарпій въ Енеидѣ, какъ *ненужная*; етотъ упрекъ можно сдѣлать чудесному и нашей Поемы: во второй половинѣ письма моего увидимъ, употреблено ли оно хоть разъ кстати. Однакожъ вы свое сужденіе о сей важной части Епопеи ограничиваете словомъ *кажется*: благодаримъ за осторожность. Вы неправы говоря, будто бы *всѣ части новой Поемы хорошо связаны*. Въ етомъ-то она и нуждается. Вамъ извѣстно, что Поема не пѣсенникъ, гдѣ собраны пѣсни несвязанныя одна съ другою, хотя впрочемъ хорошія. Такимъ образомъ не трудно бы сдѣлаться и Гомеромъ: сочинилъ полсотни прекрасныхъ пѣсень, далъ етому pot-pourri громкое названіе: Иваніада, Петріада — да и ожидай безсмертія! Нѣтъ, почтеннѣйшій Критикъ, вспомните, что

Критика легка, а мудрено искусство (*).

„Въ новой Поемѣ составъ каждой пѣсни достоинъ одобренія." Согласенъ на все, кромѣ слова: *каждой*. Тогда бы наша Поема была лучше Иліады, авторъ ея первый изъ

(*) Но вы сами развѣ не критикуете? *Рдръ.*

епическихъ поетовъ, а наша литтература, имѣющая такую Поему и такого автора, первая въ мірѣ. Къ чему быть Панглосомъ, г. Критикъ? Я не вѣрю оптимизму и несоглашусь, чтобы нѣкоторыя рецензіи были къ лучшему. Что значитъ ваше выраженіе: „механизмъ стиховъ очень хорошъ?" Наша *версификація* (ето непорусски, но . . . on hurle avec les loups!) отлична отъ Французской; ея *механизмъ* состоитъ въ хорошемъ слогѣ, въ хорошихъ мысляхъ и, если можно, въ гармоніи. Я говорю: *если можно*, ибо у насъ гармонія размѣра можетъ замѣнить гармонію словъ. „Есть стихи блестящіе." Нѣтъ, и не стихи, а цѣлыя страницы написаны не *блестящимъ* (*), но превосходнымъ образомъ: во второй половинѣ письма мы покажемъ ихъ. „Есть выраженія, неприличныя Поемѣ:"

. . . Le diable m'emporte
Si tu n'as dit vrai cette fois!

скажу я съ Колленъ-д'Арльвиллемъ. Вы могли бы, почтеннѣйшій Критикъ, привесть въ доказательство стихи:

(*) Вы, знатокъ языка Французовъ (ето видно изъ вашего слога), должны помнить, что слогъ *блестящій* у нихъ въ немилости; они говорятъ: style brilianté, faux brillant и clinquant. . . *Соч*.

Межъ тѣмъ, какъ Θеодоръ звонилъ въ колокола
(Любимая его охота въ томъ была).

De gustibus non est disputandum! Однако признаюсь, что я не рѣшился бы дать мѣсто этимъ стихамъ даже и въ сатирѣ, которую я собираюсь написать на нѣкоторыхъ критиковъ (*), напоминающихъ звонъ колокольный. Но

On fait ce qu'on peut
Et non ce qu'on veut;

„Есть гіятюсы, амфибологіи, какофоніи. . . .“ Cher et respectable critique!

De grace en français mettez-moi cet hébreu!

Уже ли для этихъ словъ нѣтъ Русскихъ équivalents? Еще бы можно спросить: что такое *гіятюсъ?* Мы не Французы, и въ лучшихъ нашихъ писателяхъ найдутся *гіятюсы*, или *зѣвки*, которые ни мало не портятъ ихъ стиховъ, кромѣ развѣ гдѣ сходятся двѣ гласныя одинакія; да и наши буквы Ѣ, Ю, Я не суть ли вѣчные *гіятюсы?* Въ слѣдующей вашей фразѣ я не замѣчу логически, риторически и всячески невозможнаго выраженія: *почеркъ кисти;* это малость! Но откуда взяли вы новое опредѣленіе слога? Вы называете его: „нѣкоторая связь оборотовъ и реченій, не прерывающаяся

(*) А вы развѣ не критикъ нѣкоторый? *Рдръ.*

въ цѣломъ сочиненіи:" самая непріятная новость! Что же послѣ етаго будетъ слогъ отрывистый, которымъ сосѣдъ мой Вѣтрогоновъ написалъ множество прекрасныхъ піесокъ à l'eau de rose? — Я, напротивъ, привыкъ слогомъ называть: *особенный образъ выраженія, зависящій отъ предмета описываемаго, отъ рода сочиненія и отъ характера писателя;* не знаю, понравится ли вамъ ета моя привычка! . . . „Поема не исторія." Важное открытіе! Поема также и не собраніе Китайскихъ тѣней, не связанныхъ между собою; если не происшествія, то (по крайней мѣрѣ) характеры должны быть вѣрны съ Исторіей. Увидимъ, то ли въ нашей Поемѣ!

Здѣсь я оканчиваю первую половину письма. Перейдемъ къ самой Поемѣ.

(*Оконч. обѣщано.*)

Еще критика.

(*Письмо къ Редактору.*)

Прошу дать мѣстечко въ вашемъ Вѣстникѣ моему письму: дѣло, о которомъ хочу говорить съ вами, немаловажно, ибо касается до нашей литтературы. Скажу вамъ, м. г., что я старикъ, живу здѣсь въ Москвѣ, или, что все равно, въ Бутырской слободѣ, и неимѣя почти никакихъ дѣлъ, безпрестанно читаю. Въ старину я и самъ кое-что писывалъ; но *кто старое помянетъ, тому глазъ вонь*, говоритъ пословица. Много, много на моемъ вѣку случилось перемѣнъ въ нашей словесности! Но бесѣда моя клонится не къ тому, что было, а къ тому, что теперь есть. Нашимъ старикамъ, Ломоносову, Сумарокову, Петрову, Державину, Хемницеру, Богдановичу, даже во снѣ невидѣлись такая замысловатость, такой свободной полетъ генія, такой обширной разгулъ фантазіи, такая очаровательная дикость, какими щеголяетъ нынѣшняя наша Поезія.

Признаюсь вамъ, я было сперва порадовался новому приобрѣтенію въ нашей словесности. Но теперь ужасъ обнимаетъ меня, когда подумаю, что надѣлали новѣйшіе преобразователи. Посмотрите на нашъ Парнассъ: это кладбище, гдѣ валяются черепы,

кости, полуразвалившіяся гробницы и кресты могильные; гдѣ бродятъ духи, привидѣнія, мертвецы въ саванахъ и безъ савановъ; гдѣ слышны крики врановъ, шипѣніе змѣй, вой волковъ. . . Что же касается до языка, какимъ все это выражается, то я уже и не знаю право, что́ мнѣ сказать должно. — Примѣры убѣждаютъ лучше всего; позвольте мнѣ что нибудь вамъ представить, самое *новѣйшее*.

Изъ множества вотъ одинъ примѣръ. Нѣкто смастерилъ *Балладу* (ужасную, какъ водится) и помѣстилъ ее въ 17 No. *Сына Отечества*. Что́ за баллада! Сокровище!

Могильщикъ *осеннею порою* пошелъ копать могилу, и разсуждалъ самъ съ собою: долго ли мнѣ работать?

Въ теплыхъ избахъ богачи безъ заботы
Спятъ на перинахъ теперь;

а мнѣ надобно трудиться, хлопотать, рыть могилы, или *таскаться* съ сумою

. . . И въ холодъ *и въ темь* нѣтъ покою;
Что́ же несчастнѣй другихъ я родился?
Что́ бы и жизнь мнѣ давать?

Словомъ, онъ наскучилъ бѣдностью, не боится ада и рѣшается:

Дай, *схороненнымъ* хоть разъ поживлюся!
Дай, на остаткѣ дней повеселюся!

Потомъ отбиваетъ гробъ, крадетъ алмазы, жемчугъ, и когда хочетъ похитить перстень, *мертвый очнулся* (замѣтьте: *мертвый!!*), *стиснулъ* преступникову руку; *синія губы роптали безъ звуку* (мудрено!!...) Но что же воръ?

Смотритъ на мертваго воръ...
Мутные взоры ужь дня не узрѣли:
Только на мертваго страшно глядѣли!

И конецъ!! — Замѣчать ли, что порусски не говорится: что бы и жизнь? вмѣсто: *на что бы и жизнь?* или *темь* вмѣсто *темнота*. — Ето бездѣлица! Бездѣлица и то, что *воръ смотритъ на мертваго*, а взоры дня *неузрѣли* и только на мертваго *глядѣли*; но я желалъ бы спросить всякаго здравомыслящаго человѣка: что за цѣль етой баллады? Гдѣ польза? гдѣ удовольствіе? Ето ли языкъ боговъ?.. И такую балладу помѣщаютъ въ одномъ изъ лучшихъ Журналовъ нашихъ, для того только, что она подходитъ къ модному стихотворству; для того, что въ ней есть могила, мертвецъ и проч. и проч.

Какой счастливый вѣкъ! И какъ легко писать!
Бумага лишь нужна, наборщикъ и — печать...

А такихъ ужасныхъ, мистическихъ выродковъ вы найдете премножество. Другія

не столь страшны, за то ужь такъ *кудреевато изукрашены*, что подлинно

. . . . не хитрому уму
Невыдумать бы въ вѣкъ. . . .

На примѣръ, у насъ есть: *позывъ* къ уединенію, гдѣ вы узнаете, что авторъ *не боленъ* сердцемъ; въ другомъ мѣстѣ сыщете, что „*съ утраченнымъ грядущее слилось: грядущее со мною разочлось, и новый искъ на немъ мой былъ бы тщетенъ;*" что *обманъ надеждъ разжигаетъ тоску заснувшихъ ранъ*; еще въ одной балладѣ. . . Но прошу прочитать ее всю сполна: она *право* етаго стоитъ (С. От. No 13 стр. 35)! Я только замѣчу: у насъ въ такой модѣ *смертность*, что даже *лучь солнечный* трепетенъ и блѣденъ *умираетъ на горѣ*. . . Ни слова о рыцаряхъ, которые безпрестанно прощаются съ красавицами и погибаютъ; ни слова о *чашахъ* пѣннистаго вина, о *тайномъ шепотѣ невидимаго*, о *туманномъ небосклонѣ полей*, о *лазурномъ кровѣ безоблачнаго приюта*, о *пустынной тиши дубравъ*, о *зыбучихъ берегахъ*, *гдѣ плачутъ красныя дѣвицы* и проч. и проч.

Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый, ужасный предметъ, который, какъ у Камоенса Мысъ бурь, вы-

ходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди Океана Россійской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются — и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода Русскихъ сочиненій.

Дѣло вотъ въ чемъ: Вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литтературы, т. е. *сказки и пѣсни* народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ воспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Русскихъ сказокъ и пѣсень; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на Нѣмецкой языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ *сказки и пѣсни*, что въ стихо-

твореніяхЪ XIXго вѣка заблистали *Еруcланы* и *Бовы* на новый манерЪ; то я вамЪ слуга покорный!

Чего добраго ждать отЪ повторенія болѣе жалкихЪ нежели смѣшныхЪ лепетаній?... чего ждать, когда наши поэты начинаютЪ пародировать *Киршу Данилова?*

Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютЪ новую поэму, писанную вЪ подражаніе *Еруслану Лазаревичу?* Изволь-те же заглянуть вЪ 15 и 16 No *Сына Отечества*. ТамЪ неизвѣстный піитЪ *на образчикЪ* выставляетЪ намЪ отрывокЪ изЪ поэмы своей *Людмилла и РусланЪ* (не ЕрусланЪ ли?). Незнаю, что будетЪ содержать цѣлая поэма; но образчикЪ хоть кого выведетЪ изЪ терпѣнія. ПіитЪ оживляетЪ *мужичка самЪ сЪ ноготь*, *а борода сЪ локоть*, придаетЪ ему еще *безконечные усы* (С. От. стр. 121), показываетЪ намЪ вѣдьму, шапочку невидимку и проч. Но вотЪ что всего драгоцѣннѣе: РусланЪ наѣзжаетЪ вЪ полѣ на побитую рать, видитЪ богатырскую голову, подЪ которою лежитЪ мечь-кладенецЪ; *голова* сЪ нимЪ разглагольствуетЪ, сражается.... Живо помню, какЪ все это, бывало, я слушалЪ отЪ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать отЪ поэтовЪ нынѣш-

няго времени! . . . Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *стариннаго* нашего пѣснословія, Поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову разсказсчику, на примѣръ:

. . . . Шутите вы со мною —
Всѣхъ *удавлю* васъ бородою! . . . .
Каково? —
. . . Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ . . . .

Картина, достойная Кирши Данилова! Далѣе: чихнула голова, за нею и ехо *чихаетъ*. . . . Вотъ что говоритъ рыцарь:

Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу. . . .

Потомъ витязь ударяетъ голову *въ щеку* тяжкой *рукавицей*. . . Но увольте меня, отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово ребята!* Не уже ли бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ старику сказать публикѣ, посредствомъ вашего Журнала, чтобы она каждой разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. За чѣмъ

допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi.

Житель Бутырской слободы.

30· *Мая.*

И еще критика.

(Письмо къ Редактору.)

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ новыхъ изобрѣтеній, открытій, и, сказать правду, многія изъ нихъ удачны! Какъ не порадоваться, на примѣръ, прочитавши въ VI книжкѣ *Благонамѣреннаго* о счастливой выдумкѣ г. Марлинскаго? Всеобщая хвала и присылка матеріаловъ для его *литтературной* кунсткамеры доказываютъ, что Публика поняла важность предпріятія, обнародованнаго почтеннымъ собирателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ спорить, чѣмъ писать рецензіи на нѣкоторыя книги, чѣмъ ломать голову надъ такими произведеніями, которыя говорятъ сами за себя передъ цѣлымъ свѣтомъ, не лучше ли поставить ихъ въ кунсткамеру?

Желая съ моей стороны ободрить господина собирателя, спѣшу служить ему не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, и услуга моя

довольно значительна. До сихъ поръ, если не ошибаюсь, только маленькіе уродцы поступали къ г. Марлинскому; пускай же онъ вѣдаетъ, что я могу указать ему на огромное чудовище, которое, надѣюсь, займетъ первое мѣсто въ его коллекціи. Monstrum horrendum!

Вотъ оно: *Наполеонъ въ Россіи, епическая поема Н... Т... Москва въ типографіи С. Селивановскаго.* 1813. Это книга, которая, утративъ прелесть новизны, безъ литтературной кунсткамеры могла бы остаться въ забвеніи. Какая же была бы потеря для современниковъ и потомства! Благоволите прочесть начало достопамятной поемы:

Настрой мое *перо*, величественна Муза!
Хочу *пѣть хищника* всеобщаго союза,
Рушителя всѣхъ благъ, ужаснаго злодѣя, —
Который варварству предѣловъ не имѣя,
Изъ *безднъ ничтожества* взошедъ на высоту,
Собою помрачилъ природы красоту,
Града опустошилъ, *вселенную разграбилъ*
И имя царское собою обезславилъ.
Цѣны *кто дружеству* и честности не знавъ,
Имѣя лютость лишь и злохитрѣйшій нравъ,
Возмня, что можешъ быть одинъ Царемъ всѣхъ царствъ,
Повсюду успѣвалъ злыхъ *сѣти класть* коварствъ. . .

Очень можетъ случиться, что зависть вздумаетъ оспоривать достоинство нашей епической поемы, вздумаетъ доказывать, что сочинитель, какъ истый Славянинъ, умышленно и съ обдуманнымъ намѣреніемъ билъ Наполеона самыми *тяжелыми, негладкими, мучительными стихами*; но мы укажемъ завистникамъ на нѣкоторыя нечаянныя, неумышленныя погрѣшности, на незнаніе различія между мужескими и женскими рифмами, и правое дѣло восторжествуетъ!

Много, много уродливыхъ, достойныхъ кунсткамеры, красотъ въ етой поемѣ! Какъ не плѣнишься слѣдующимъ мѣстомъ изъ 1й пѣсни:

Съ ужасной ревностью Испанцы раздраженны
Чинятъ отпоръ врагамъ, *пардоновъ* ихъ не знаютъ,
Рѣшившись умирать, обѣтъ свой исполняютъ;
И если гдѣ стоять ихъ силъ недостаетъ,
Гдѣ ненадѣются, что *ихняя* возьметъ:
Сжигаютъ *сданья лавръ, Французскіихъ побѣдъ.*
Въ поляхъ растущій хлѣбъ повсюду пламень сжетъ;
Колодьзы ядомъ всѣ смертельнымъ упоенны...

Довольно и сихъ примѣровъ! Кто же хочетъ имѣть полное и совершенное понятіе о знаменитой поемѣ, тому предлежитъ подвигъ прочитать всю книгу. Какія наслажденія для читателя! Чего онъ тамъ не найдетъ? Онъ увидитъ даже, что при взорваніи Кремлевской стѣны *разтлилъ огнь небеса*. . . .

Смѣло можемъ сказать, что мы отмстили Наполеону: побили его, согнали съ престола и сочинили на него поему, которая конечно заставила бы Наполеона почувствовать все свое униженіе, еслибъ только онъ умѣлъ прочесть ее порусски.

Ф. Ф. Ф.

IV. СМѢСЬ.

Письмо къ Лужницкому Старцу.

Имѣя до васъ покорнѣйшую прозьбу, но не пользуясь честію личнаго съ вами знакомства, прежде всего за нужное почитаю дать вамъ нѣкоторое о себѣ понятіе.

Отецъ мой, служившій Стряпчимъ въ Губернскомъ городѣ * * * *, часто мнѣ говари-

валЪ, что я родился вЪ самой тотЪ день, когда тамЪ получено было вновь строгое запрещеніе игрЪ азартныхЪ. Не могу сказать вамЪ рѣшительно, это ли обстоятельство, или общій старымЪ людямЪ предразсудокЪ, или же то и другое вмѣстѣ побудили простодушныхЪ родителей моихЪ произнести обѣтЪ: всячески предохранять единородное свое дѣтище отЪ пристрастія кЪ игрѣ. Строгость ихЪ простиралась до того, что мнѣ запрещено было участвовать даже вЪ невинныхЪ забавахЪ дѣтскаго возраста: я не каталЪ яицЪ на Святой недѣлѣ, не игралЪ вЪ городки лѣтомЪ, не гонялЪ шаровЪ осенью, не занимался шашками по вечерамЪ зимнимЪ. Такая несносная неволя разъѣдала только вЪ душѣ моей тайное желаніе неизвѣстнаго мнѣ удовольствія; оно не укрылось отЪ наблюдательныхЪ родительскихЪ взоровЪ, и отецЪ мой, желая истребить раждающуюся склонность при самомЪ ея началѣ, отдалЪ меня на руки школьному мастеру, который во все время, свободное отЪ класса, не спускалЪ меня сЪ глазЪ, и занималЪ единственно переписываніемЪ на бѣло своихЪ сочиненій. Не было конца сей мучительной для меня работѣ; ибо автору моему никакЪ не удавалось достигнуть желаемой степени совершенства, и я почти каждой день получалЪ отЪ него перемаранныя тетради. Еще и теперь вЪ

ушахъ моихъ отзываются слова какого-то заморскаго стихотворца, которыя учитель мой читалъ наизусть, пѣлъ и ставилъ въ заглавія своихъ тетрадей:

Corrigez vos écrits et les recorrigez,
Ajouttez quelquefois et souvent effacez.

Судите сами, почтенный Лужницкій Старецъ, моглиль такія скучныя упражненія, продолжаемыя безъ малѣйшей передышки, умертвить во мнѣ охоту къ веселому провожденію времени, моглиль они возродить во мнѣ страсть къ угрюмой учености? — Еще за долго до смерти родителей моихъ (послѣдовавшей во время непріятельскаго нашествія) крайне опостылѣли мнѣ книги и тетради; а по кончинѣ ихъ я нашелъ даже необходимымъ, чтобы разсѣять свою горесть, поскорѣе оставить все мозголомное и предаться однимъ лишь пріятнымъ занятіямъ. Благодареніе счастливой звѣздѣ, моей путеводительницѣ! Карты, кости, билліардъ совершенно излѣчили меня отъ ипохондріи, и новое поприще моей дѣятельности очень скоро доставило мнѣ дешевыя средства жить гораздо лучше, нежели какъ позволяло надѣяться родительское наслѣдство. Какое-то симпатическое влеченіе сблизило меня съ обществомъ друзей, которые, по первымъ опытамъ судя о послѣдующихъ успѣхахъ, не щадили стараній своихъ усо-

вершенствовать природную способность мою къ игрѣ въ карты и во все, чѣмъ ни играютъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. При великодушномъ ихъ пособіи, собственная моя ловкость и прилѣжаніе доставляли мнѣ ежедневно новые способы къ приятной жизни, а съ ними нечувствительно распространялся и кругъ моего знакомства. Блестящій екипажъ, модной фракъ и набитой деньгами карманъ наконецъ отворили мнѣ лучшіе домы въ нашемъ городѣ; въ нѣкоторыхъ — скажу вамъ безъ хвастовства — стали принимать меня съ одинакимъ уваженіемъ, какъ и людей заслуженныхъ или же отличныхъ по своимъ знаніямъ и качествамъ. Ко всему тому прибавлю, что здоровье мое пришло въ такое цвѣтущее состояніе, о какомъ ни вамъ, почтенный Старецъ, ни Редактору Журнала, о которомъ сей часъ говорить съ вами буду, и ни одному изъ ученыхъ простаковъ, убивающихъ себя безполезными трудами, невозможно имѣть точнаго понятія. Короче, теперь мнѣ такъ хорошо, что непростительно было думать о какой-либо другой профессіи. Такія благодѣянія игры съ давняго уже времени побуждаютъ меня торжественно воздать ей достодолжную жертву хвалы и благодаренія. Съ другой стороны колкая клевета завистниковъ и кривыя сужденія сухихъ моралистовъ слишкомъ уже часто оскорбляютъ все наше сословіе любимцевъ Фор-

шуны, и заставляютъ подумать о справедливой оборонѣ неприкосновенныхъ правъ нашихъ. А какъ я и всѣ клевреты мои вообще люди занятые своими дѣлами, и въ счастiю не большiе грамотѣи (честь, которою весьма охотно предоставляемъ другимъ пользоваться); то намъ остается желать того единственно, чтобы какой нибудь молодой литтераторъ испыталъ силы свои надъ сочиненiемъ похвальнаго слова изящному нашему художеству — такого похвальнаго слова, въ которомъ бы всѣми логическими изворотами и ораторскими выходками, примѣрами изъ Исторiи и ссылками на авторовъ древнихъ и новѣйшихъ, Европейскихъ и Азiятскихъ, достаточно доказана была подвергаемая сомнѣнiю истина, что можно *жить одною игрою, и вмѣстѣ быть дѣйствительно честнымъ и благороднымъ человѣкомъ*. За сей трудъ я съ своей стороны предлагаю почтенному панегиристу весь выигрышъ, который достанется мнѣ на часть въ дружеской нашей компанiи на будущей Лебедянской ярмаркѣ. А чтобъ человѣкъ, выхваляющiй дѣло, сопряженное съ рискомъ, какъ нибудь не подвергнулся его капризамъ, вѣрные товарищи мои, усердные ревнители доброй своей славы, опредѣлили, въ обезпеченiе предполагаемой награды, взимать съ каждаго новаго сочлена по червонцу до тѣхъ поръ,

пока не соберется достаточная сумма на выбитіе въ честь сочинителю золотой медали съ приличною на одной сторонѣ надписью и съ изображеніемъ на другой благодѣющаго намъ Меркурія, сего божка торговли и всякой промышленности, котораго братство наше избрало въ свои патроны.

Вѣстникъ Европы, удостоенный быть архивомъ замѣчаній и переписки Лужницкаго Старца, по причинѣ разнообразія своихъ статей, имѣетъ у насъ многихъ читателей. Журналъ сей разсылается и по городамъ, и по уѣздамъ; его видишь и въ кабинетѣ ученаго и въ будуарѣ красавицы; его находишь и въ литтературныхъ обществахъ и въ разнохарактерныхъ клубахъ. Вотъ почему я считаю посредство его лучшимъ способомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія вышеобъясненное положеніе нашего братства, чтобы устрашить завистливыхъ порицателей и дать поприще генію нужнаго намъ апологиста. Благоволите, почтенный Лужницкій Старецъ, явить милость одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей: неисключите сего письма изъ вашей корреспонденціи, печатаемой въ Вѣстникѣ Европы. Критиковать слогъ мой было бы весьма несправедливо; ибо я, слава Богу, не писатель: изъ вступленія моего вы уже

видѣли, что звѣзда, моя путеводительница, указала мнѣ другую дорогу. Вашъ и проч.

А. Шестеркинъ.

Городъ Т.
2 Апрѣля 1820 года.

Мысли изъ Шатобріана.

Все во вселенной закрыто, все неизвѣстно человѣку; самой человѣкъ не представляетъ ли намъ непроницаемой тайны? Гдѣ начало мгновеннаго блеска, который мы называемъ *жизнію?* — Въ какой безмѣрной безднѣ исчезаетъ сей блескъ? — Предвѣчный поставилъ *рожденіе* и *смерть*, какъ два колосса, закрытые мрачною завѣсой, при началѣ и при концѣ нашего поприща.

*

Человѣкъ брошенъ въ *настоящее* между *прошедшимъ* и *будущимъ*, какъ будто на гранитную скалу, стоящую среди пропастей. Впереди, назади, повсюду вокругъ его тма и безмолвіе; только иногда изъ безднъ мрака мелькаютъ туманныя привидѣнія, носятся нѣсколько времени предъ глазами изумленнаго, и *навсегда* исчезаютъ, прежде нежели онъ могъ разсмотрѣть ихъ.

*

Человѣкъ чувствуетъ, что его предопредѣленіе есть — *безсмертіе*, чувствуетъ, и какъ будто стыдится краткости своей жизни. Воздвигая гробницы на гробницахъ, онъ думаетъ сокрыть ничтожество бытія своего на землѣ: ему кажется, что соединяя ничтожество съ ничтожествомъ, онъ *нѣчто* выигрываетъ въ вѣчности; но человѣкъ обманываетъ самъ себя — чѣмъ выше огромный мавзолей надъ прахомъ героя, тѣмъ менѣе кажется статуя его, поставленная на верьху пирамиды.

*

Гробницы между живущими суть листы великой лѣтописи минувшихъ поколѣній.

*

Люди по природѣ любятъ *ограниченное*. Когда я вижу все, что́ вокругъ меня находится, тогда смѣло смотрю и на то, что́ внѣ моего круга. — Чувства человѣческія укрѣпляются въ маломъ и теряются въ безмѣрномъ. Когда Римская республика ограничивалась Авентинскою горою, Римляне съ радостію умирали за отечество; но они разлюбили свое отечество, когда границы міра сдѣлались границами Римскихъ владѣній.

*

Гордость препятствуетъ обыкновеннымъ людямъ знать *истинную* цѣну своихъ свѣдѣній. Невѣжду не увѣришь, что онъ ни-

чего не знаетъ, когда онъ самъ о себѣ думаетъ, будто знаетъ все: одни великіе люди понимаютъ ету крайность человѣческихъ познаній, которой достигши, мы видимъ всѣ нами собранныя сокровища исчезнувшими, а себя находимъ въ прежнемъ невѣжествѣ. — Всѣ мудрецы истинные согласны въ томъ, что человѣческія знанія кажутся чрезвычайными только *для толпы*. Локкъ наполнилъ три первыя главы четвертой книги творенія своего *Опытъ о познаніяхъ человѣческихъ*, изъясненіемъ, гдѣ кончатся предѣлы нашихъ знаній — и не льзя не ужасаться, видя, какъ близки они отъ первобытнаго невѣжества, видя, какъ мало мы знаемъ!

(*Съ Франц. П.*)

Шарады (*).

1.

Находимъ *первое* въ началѣ громкой оды;
Оно почти теперь выводится изъ моды.
Второе — воевъ рядъ; съ нимъ *первое* сложа,
Составимъ епитетъ ума, или ножа.

(*) Слова Шарадъ, напечатанныхъ въ предшедшей книжкѣ: 1. *Мармонт—ель;* 2. *Фи—нард—к.*

2.

Я часто *первое* у *цѣлаго* встрѣчаю;
Какъ спорить не хочу, *послѣднимъ* отвѣчаю;
А громомъ *цѣлаго* у насъ
Надутовъ оглушилъ Парнассъ.

3.

Начальнымъ *первое* въ хору изъ голосовъ;
Второе отъ бровей граничитъ до усовъ;
При *третьемъ* дѣйствуемъ ружьемъ, сѣтьми, стрѣлами;
А *цѣлое*, между дѣлами,
Съ Овидіемъ разсказываетъ намъ
Проказы, чудеса, приличны лишь богамъ.

4.

Мое *начальное* стоитъ при той рѣкѣ,
Которая поля Шампаньи орошаетъ;
Послѣднее — народъ, который обитаетъ
Отъ насъ невдалекѣ;
Безъ *цѣлагожъ* ни до порогу!
Оно есть отношенье къ Богу.

5.

Скажу вамъ: *первое* полезно смертныхъ роду: —
Оно и выходу и входу,
И пребыванью кораблей
Удобства многи доставляетъ;
Сокровища всѣхъ странъ въ себѣ совокупляетъ
И шлетъ повсюду ихъ морями и землей.
Второе — плаватель былъ нѣкогда чудесный

На морѣ безъ бреговъ,
Безъ веселъ, кормчаго, безъ парусовъ,
Для міра цѣлаго имѣвъ корабль не тѣсный.
Быть долженъ *цѣлому* я часто за модель,
Когда хочу имѣть сюртукъ, или шинель.

6.

Начальное послѣдни веселятъ;
Отъ *цѣлаго* въ древахъ слоевъ начался рядъ.

7.

Начальное есть горькое растѣнье,
И для настойки намъ годится иногда;
Послѣднее — мѣстоименье;
А *цѣлое* въ началѣ зимъ всегда!
На всѣхъ почти рѣкахъ бываетъ;
Оно есть мѣсто, гдѣ вода не замерзаетъ.

Ив. В—въ.

Тобольскъ.

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Предстоящее собраніе Кортесовъ служитъ нынѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Для засѣданій ихъ въ Мадритѣ приготовляется великолѣпная зала.

— Съ Марта мѣсяца столичный городъ Испанскаго Королевства представляетъ совсѣмъ новое зрѣлище Никогда еще Король небылъ столько любимъ народомъ , какъ нынѣ. Каж-

дой разъ при появленіи Его Величества жители привѣтствуютъ его радостными кликами. Книгопродавцы и типографщики день и ночь заняты работою. Изъ Франціи ожидается большое количество готовыхъ литтеръ, ибо въ Испаніи недостаетъ словолитцовъ.

— Въ официальной газетѣ помѣщаются отвѣтныя грамапы къ Его Католическому Величеству отъ разныхъ Государей, получившихъ извѣщенія о принятіи Королемъ Испанскимъ Конституціи Кортесовъ. Всѣ они изъявляютъ живѣйшее свое удовольствіе. Даже Его Святѣйшество Папа признаетъ полезною сію государственную перемѣну.

— Газеты Мадритскія весьма недовольны тѣмъ, что бывшимъ приверженцамъ Іосифа Буонапарта позволено оставаться только за рѣкою Ебромъ; въ нихъ изъявляется желаніе, чтобъ и симъ людямъ даровано было совершенное помилованіе.

— Супруга Королевскаго брата Инфанта Дона Франциска (сестра Дюшессы Беррійской) разрѣшилась отъ бремени Принцемъ, который получилъ отъ Короля титулъ Дюка Кадикскаго. Замѣчаютъ по сему поводу, что прежде одинъ только Принцъ *Астурійскій* имѣлъ особый титулъ; всѣ же прочіе Принцы назывались просто *Инфантами*.

Франція.

Въ Палатѣ Депутатовъ продолжаются весьма шумные споры о законѣ выборовъ. Въ короткое время ораторы успѣли уже сказать многое въ пользу онаго и въ опроверженіе. Обѣ главныя партіи, роялистская и либеральная, какъ видно, недовольны симъ за-

кономъ: первая находитъ его слишкомъ демократическимъ и грозитъ ужасами Конвента; послѣдняя называя законъ сей орудіемъ аристократовъ, и говоритъ, что посредствомъ его возстановлено будетъ прежнее неограниченное правленіе. — Министры стараются держаться средины; но перевѣсъ очевидно склоняется на сторону роялистовъ.

— Въ дѣлѣ Лувеля по изслѣдованію оказались замѣшаны пять человѣкъ. Судъ надъ нимъ уже производится въ Палатѣ Перовъ. По прочтеніи обвинительнаго акта преступнику предоставлено было избрать себѣ адвоката. Онъ не хотѣлъ сего сдѣлать, и потому назначенъ ему адвокатъ отъ правительства. Публичное производство суда воспослѣдуетъ въ непродолжительномъ времени.

— По дошедшимъ въ Парижъ телеграфическимъ извѣстіямъ видно, что Дюкъ Ангулемскій 25го Мая (н. с.) прибылъ въ Стразбургъ. Его Высочество принятъ былъ жителями съ изъявленіемъ живѣйшей радости; отъ Саверны до Стразбурга провожалъ его двухъ-тысячный отрядъ обывательской конницы.

Англія.

Въ Лондонѣ продолжаютъ заниматься приготовленіями къ коронованію Георгія IV. Окна въ домахъ, вокругъ Вестминстерскаго Аббатства, отдаются въ наемъ за 2000, 2500 и даже 8000 ф. ст. — Новую корону, которую Монархъ возложитъ на себя въ день торжественнаго обряда, цѣнятъ около 54.000 ф. ст. Въ числѣ украшающихъ оную драгоцѣнныхъ камней, находится алмазъ необыкновенной ве-

личины, цѣною въ 14,000 ф. ст. — Корона покойнаго Короля стоила, какъ сказываютъ, не болѣе 1000 ф. ст. — Королевскою прокламаціей 1 е число будущаго Августа назначено днемъ коронованія Его Величества. Она была напечатана сперва въ Придворныхъ Вѣдомостяхъ, а потомъ повторена во всѣхъ публичныхъ листкахъ и прибита на всѣхъ углахъ улицъ.

— Кавалеръ Вассали, Шталмейстеръ Королевы, прибывшій въ Лондонъ съ депешами отъ Ея Величества изъ Женевы на самое короткое время, по исполненіи своихъ порученій поспѣшно отправился въ обратный путь, желая застать Королеву еще на дорогѣ. — Мая 17 го, въ день рожденія сей Государыни, всѣ присудственныя мѣста были закрыты.

— Уголовный Судъ въ Мидлесексѣ выслушалъ доносъ на шпіона Едвардса въ государственной измѣнѣ, и принялъ показанія многихъ свидѣтелей, между прочими дочери казненнаго Тидда, что онъ, Едвардсъ, снабжалъ заговорщиковъ порохомъ и оружіемъ. Послѣ сего объявлено, что дано будетъ 100 ф. ст. за голову Едвардса, которой однакоже успѣлъ убѣжать во Францію. Алдерманъ Вудъ отправился въ Кале, чтобъ отыскать его, схватить и представить въ судъ.

Германія.

Вѣнскій Конгрессъ Германскихъ Министровъ прекратился 34мъ и послѣднимъ засѣданіемъ. Сіи конференціи, подъ предсѣдательствомъ Князя *Меттерниха* продолжавшіяся около полугода, замѣчательны по важности своего предмета, равно какъ и по усердію Министровъ ко благу всей Германіи. — Слѣд-

ствія ихъ совѣщаній будутъ обнародованы для всеобщаго свѣдѣнія. Нынѣ же по крайней мѣрѣ извѣстно, что на бывшемъ Конгрессѣ между прочимъ трактовано о мѣрахъ ко внутреннему благосостоянію Германіи, какъ на примѣръ, о свободномъ провозѣ главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, хлѣба, скота, и проч. изъ одного владѣнія Германіи въ другое, включая Австрію и Пруссію.

— Австрійскій Императоръ и Императрица отправились изъ Брюнна въ Прагу. Возвращенія Ихъ Величествъ ожидали въ Вѣнѣ къ половинѣ Іюня.

— Убійца господина Коцебу, злобный Зандъ, восприялъ достойную казнь въ Мангеймѣ 17го Мая (н. с.) въ 5 часовъ по утру. Онъ лишился головы на ешафотѣ.

— Въ Вѣнѣ разсказываютъ, по полученному извѣстію чрезъ Константинополь, что Персидскій Шахъ нынѣ опасно болѣнъ, и что въ случаѣ смерти сего Монарха не безъ причины опасаются внутренней войны между старшимъ его сыномъ Али-Мирзою, который лишенъ права наслѣдства, и Аббасъ-Мирзою, назначеннымъ въ переемники Шаху.

Америка.

Конгрессъ Соединенныхъ Областей Сѣверной Америки принялъ и утвердилъ предложенный ему новой актъ о мореплаваніи, которымъ *всякаго рода торговля между Соединенными и Британскими островами прекращается.*

— Новый Испанскій Министръ, Генералъ Вивесъ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Вашингтонъ сообщилъ правительству трактатъ

объ уступкѣ Флоридъ, подтвержденный ратификаціею Короля Фердинанда во всѣхъ онаго пунктахъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Въ Парижѣ вышло полное собраніе сочиненій Лорда Бейрона въ переводѣ на Французскомъ языкѣ. Французскіе критики отдаютъ справедливость *оригинальному* таланту сего знаменитаго Писателя; но видятъ въ немъ также и весьма много странностей, много недостатковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не льзя неудивляться силѣ и блеску его слога, равно какъ и рѣдкой чувствительности сердца; за то уже сочиненія Бейрона со стороны плана и согласнаго расположенія частей вообще весьма недостаточны. Впрочемъ такое сужденіе критиковъ относилось единственно къ поэмамъ Лорда; прозаическія же его повѣсти и романы приняты въ Парижѣ очень благосклонно, а особливо прекраснымъ поломъ.

— „Одинъ здѣшній врачь и испытатель Природы" такъ сказано въ нѣкоторомъ Парижскомъ журналѣ „недавно въ веселомъ расположеніи духа сдѣлалъ замѣчаніе, что съ тѣхъ поръ какъ началъ вѣять изъ Испаніи новый политическій вѣтеръ, милліоны Испан-

скихъ (*Шпанскихъ*) мухъ перелетаютъ черезъ Пиренеи и размножаются въ разныхъ странахъ Европы; густые рои оныхъ клубятся около тѣхъ людей, которые не слишкомъ благоприятствуютъ конституціи, особливо же надоѣдаютъ они ультра-роялистамъ во Франціи. *Шпанскія мухи*, употребляемыя какъ внутренее и какъ внѣшнее лѣкарство, имѣютъ силу весьма раздражительную, и съ ними поступать надобно крайне осторожно. Упомянутый врачь полагаетъ, что Испанскія мухи прилетаютъ въ безчисленномъ множествѣ для того, дабы въ ослабѣвшихъ конституціяхъ возбудить духъ жизни и надлежащей дѣятельности.“

— Аббатъ Прадтъ, бывшій Архіепископъ Мехельнскій, въ новомъ своемъ сочиненіи о нынѣшней перемѣнѣ въ Испанскомъ Королевствѣ, между прочимъ пишетъ: „Вовсе ничего опасаться не должно при нынѣшней перемѣнѣ въ Испаніи; она спокойно достигнетъ вождѣлѣнной цѣли. Тамъ нѣтъ тѣхъ побудительныхъ причинъ къ смятеніямъ, какія во время Французской революціи произвели столько бѣдствій. Новый порядокъ вещей въ обоихъ государствахъ совершенно отличенъ одинъ отъ другаго. Въ Испаніи конституція принята Королемъ, Дворомъ, правительствомъ, чиновниками; во Франціи половина людей была про-

тивнаго мнѣнія, отъ чего и произошла война междоусобная. Революція Испанская представляетъ важный примѣръ свѣту, что нѣтъ надобности призывать чужестранное войско и мѣшать его въ споръ между Монархомъ и народомъ."

— Нѣкоторые отрывки и цѣлыя письма Дюка Беррійскаго печатаются теперь во Французскихъ журналахъ. Вотъ что покойный Дюкъ писалъ къ своей невѣстѣ, когда она была на пути въ Парижъ: „И такъ, черезъ шесть дней я васъ увижу! Меня все страшитъ мысль, что вы ненайдете во мнѣ пригожаго мущину; ибо наши Парижскіе живописцы не то, что̀ ваши Палермскіе: они льстецы. Съ какимъ удовольствіемъ буду пожимать вашу руку! А вы смѣло жмите мою, если только я не буду слишкомъ для васъ противенъ. . . Милая Каролина! я буду заботиться о вашемъ счастіи, объ удовольствіяхъ вашихъ. Такъ, милостивая государыня, я постараюсь сдѣлать васъ благополучною, и надѣюсь успѣть въ своемъ предпріятіи. Если вѣрить всѣмъ тѣмъ, которые васъ видали, вы имѣете прекрасныя качества: вы добры, умны и веселаго нрава. Чего же лучше? Но мы станемъ находить въ себѣ и недостатки. Тогда *нѣжное снисхожденіе* будетъ нашимъ девизомъ."

— Незадолго передъ симъ вышла въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ первая Часть сочиненія, которое должно быть весьма любопытнымъ для многихъ изъ нашихъ читателей; вотъ переводъ заглавія: *Изслѣдованія о Татарскихъ языкахъ, или Записки о разныхъ предметахъ Грамматики и Литтературы Манджуровъ, Монголовъ, Уйгуровъ (ето восточные Турки) и Тибетянъ, сочиненіе Авеля Ремюзата* (Remusat). Въ превосходномъ введеніи предлагается новое методическое наставленіе, какъ изъ языковъ извлекать свѣдѣніе объ историческихъ происшествіяхъ, даже о происхожденіи народовъ, если бы неоставалось никакихъ положительныхъ преданій. Въ самой книгѣ авторъ предлагаетъ четыре сокращенныя грамматики малоизвѣстныхъ нарѣчій Татарскихъ. Кромѣ того въ ней находится много предметовъ касательно древностей, ученой Исторіи и вѣроисповѣданій народовъ верхней Азіи, и все ето въ первый еще разъ извлечено изъ Китайскихъ сочиненій. Второй Томъ будетъ содержать въ себѣ словари, разныя выписки, изображенія монетъ, памятниковъ и проч.

— Чудный Паша Египетскій, отъ котораго Портѣ будетъ по крайней мѣрѣ столько же хлопотъ, какъ и отъ Паши Яннинскаго, чрезъ посредство Гибралтаръ - Бея завелъ

училище въ Медіоланѣ. Оно теперь подъ управленіемъ г-на Морозія, приходитъ въ цвѣтущее состояніе. Египетскіе юноши, живучи въ Италіянскомъ городѣ, между прочимъ занимаются переводомъ Медіоланской газеты на Арабской языкъ; переводъ ихъ печатается вмѣстѣ съ Италіянскимъ текстомъ и потомъ отправляется къ Пашѣ въ Египетъ. Въ Диванѣ Константинопольскомъ смотрятъ на дѣла сего Паши неслишкомъ благосклонно, хотя впрочемъ онъ оказалъ Портѣ весьма важныя услуги.

— Ашанты, народъ внутренней Африки, живутъ разстояніемъ на 15 дней пути отъ Золотаго берега, и только въ 1817 году сдѣлались хорошо извѣстны Англичанамъ, которые отправляли посольство свое въ Комассинъ, ихъ столичный городъ. У нихъ въ употребленіи слѣдующая военная пѣсня: *когда сражаюсь, могу погибнуть; обратившись въ бѣгство, также могу погибнуть: и такъ лучше погибать идучи впередъ.* Земля Ашантовъ заключаетъ въ себѣ такія богатства, что рудокопни въ Соко даютъ на каждой мѣсяцъ отъ 700 до 2000 унцій золота. Столица Комассинъ имѣетъ въ окружности четыре Англійскія мили и около 100,000 жителей.

Объявленія о книгахъ.

1. *Епическія творенія М. М. Хераскова, два Тома, съ портретомъ Автора.* Москва, въ Универс. Тип. 1820 года. — Въ семъ изданіи помѣщены: 1) Краткое описаніе жизни его и сочиненій; 2) стихи, писанные въ честь его, какъ дань усердія извѣстнѣйшихъ нашихъ Поетовъ; 3) историческое предисловіе, и 4) подробное изложеніе содержанія Россіяды и Владиміра. Касательно текста и порядка принято здѣсь второе изданіе, подъ руководствомъ самаго Сочинителя въ 1787 году печатанное и одобреніе отъ знатоковъ заслужившее. Первый Томъ заключаетъ въ себѣ *Россіяду* и *Чесмесскій бой*, а вторый *Владиміра* и *Плоды Наукъ*, Дидактическую Поему. Цѣна на хорошей бѣлой бумагѣ въ цвѣтной оберткѣ 13 руб., въ пер. 15 руб. Продается въ Москвѣ у *А. С. Ширяева*, въ книжныхъ его лавкахъ, въ 1 й Университетской, состоящей въ домѣ Типографіи онаго между Дмитровкою и Петровкою, на валу, и во 2й на Ильинкѣ, въ домѣ Троицкаго подворья, на углу, противъ Гостинаго двора.

2. *Идилліи Владиміра Панаева*, съ виньетомъ и тремя картинками. С. П. Б. въ тип. Н. Греча. Вновь исправленное и дополненное разсужденіе *о пастушеской* или *сельской Поезіи* помѣщено въ началѣ книги *вмѣсто предисловія.* За нимъ слѣдуетъ посвященіе Сочинителя сестрѣ своей и потомъ 25 Идиллій, писанныхъ разными размѣрами стиховъ и разною формою, т. е. *повѣствовательною*, *драмматическою* и *смѣшанною.* Книгу сію, съ отличнымъ раченіемъ напечатанную лучшимъ шрифтомъ и на лучшей Любской бумагѣ, получать можно въ С. Петербургѣ у Из-

дателя *Благонамѣреннаго* по 10 руб. ек. въ цвѣтной обертке. За пересылку во всѣ другіе города прилагается 50 коп серебромъ.

3. *Жилблазъ де Сантиллана, сочиненіе Лесажа.* С. П. Б. Въ Морской Типографіи. Подписка на сію книгу принимается въ С. Петербургѣ у Переводчика *Аполлона Александровича Никольскаго*, живущаго Литейной Части 4 квартала, въ переулкѣ за церквою Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ No 400, и у Издателя *Благонамѣреннаго*, также у книгопродавцевъ: *Глазунова, Плавильщикова, Свѣтникова* и *братьевъ Сленинымъ*. Цѣна за восемь Частей, съ портретомъ Автора и съ гравированными картинками при каждой Части, въ С. Петербургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 р. Три Части выдаются.

Г. Ефимъ Кушнеренко, двумя письмами непремѣнно требующіи отъ меня высылки къ нему въ с. Богородское нѣкоторыхъ недошедшихъ до него книжекъ Вѣстника Европы и угрожающій въ противномъ случаѣ присылкою ко мнѣ полученныхъ уже имъ книжекъ сего Журнала и взысканіемъ съ меня же, нижеподписавшагося, денегъ, внесенныхъ имъ при подпискѣ, симъ *почтеннѣйше* приглашается взглянуть на внутреннюю сторону красной обертки (съ правой руки) на каждой книжкѣ, гдѣ сказано, что пересылка сего Журнала, какъ издаваемаго отъ Типографіи Университета, вовсе независитъ отъ Редактора Г *К—о*, не подвергая себя хлопотамъ и издержкамъ, совершенно безполезнымъ, можетъ, если ему будетъ угодно, съ требованіемъ своимъ отнестись въ то мѣсто, куда взнесены имъ были деньги при подпискѣ.

Каченовскій.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 12.

ІЮНЬ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Міръ Фантазіи.

*(Посвящено N***.)*

Другъ и нѣги и мечтаній,
Вѣрный Музѣ съ юныхъ лѣтъ,
Я въ страну очарованій
Направляю свой полетъ!
Тамъ свѣтлѣе день весенній,
И съ безоблачныхъ небесъ
Сладострастнѣй ночи тѣни
Покрываютъ долъ и лѣсъ!

*

Тамъ источника журчанье
Слаще съ ехомъ говоритъ;
Легче Цинтіи сіянье
Миртъ прибрежный серебритъ;
Воздухъ въ грудь вливаетъ сладость,
Какъ амврозія боговъ,

И зефиры вѣютъ радость
Съ разцвѣтающихъ холмовъ.

*

Все, что сердцу счастьемъ льстило
Съ легковѣрныхъ юныхъ дней,
Тамъ свой образъ сохранило
Въ прежней свѣжести своей:
Всѣ надежды обѣщанья,
Сердца первая любовь,
И погибшія мечтанья
Воскресаютъ тамо вновь.

*

Нѣтъ ни вздоха тамъ, ни стона,
Ни заботъ, ни страха нѣтъ;
Для желаній — нѣтъ закона:
Исполненье — имъ во слѣдъ!
Все восторгъ, все наслажденье!
Не замѣтенъ бѣгъ часовъ!
Прошлыхъ горестей — забвенье,
И на будущемъ — покровъ!

*

О Фантазія-богиня!
Ты царица сей страны!
Съ небосклона темносиня
Лишь заблещетъ ликъ луны,
Ты повсюду разсылаешь
Легкокрылый Сильфовъ рой,
И любимцевъ похищаешь
Тайно въ свѣтлый теремъ свой.

*

Но никто, вѣковъ съ начала,
Не открылъ туда путей;
Лишь пѣвцовъ ты допускала
Искони къ странѣ своей!
Чаще всѣхъ сей міръ забвенья
Посѣщалъ Анакреонъ,
И все дней его теченье
Было . . . легкой, сладкой сонъ.

Мих. Дмитріевъ.

6 Октября 1818. С.

Надежда.

(*Изъ Шиллера.*)

Довольно о лучшихъ, о будущихъ дняхъ
Всѣ люди твердятъ и мечтаютъ:
Бѣгутъ, и плывутъ, и летятъ на крылахъ,
И къ цѣли златой поспѣшаютъ!
Старѣетъ, и вновь молодѣетъ сей свѣтъ;
А смертный съ надеждой все лучшаго ждетъ.

*

Въ путь жизненный входитъ съ надеждою онъ;
Съ ней отрокъ веселый играетъ;
И юноша свѣтомъ ея оживленъ;
И старца она провождаетъ:
Въ могилу вступая усталой стопой,
У гроба онъ видитъ ее предъ собой!

Ахъ, нѣтъ! то не льстивый и тщетный обманъ,
Въ главѣ безразсудныхъ рожденный;
То громкой гласъ сердца, вѣщающій намъ,
Что *къ лучшему* мы сотворенны. —
Чтожъ внутренній голосъ душѣ говоритъ,
То ей не мечтою незбыточной льститъ.

Мих. Дмитріевъ.

18 Декабря 1818. С.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Къ Издателю Украинскаго Вѣстника (*).

Петропавловскій Портъ, 5 го *Ноября* 1819.

Не могу вамъ описать моей благодарности, м. г. м., за исправное доставленіе ко мнѣ интереснѣйшаго для меня вашего Вѣстника. Не берусь не за с... хвалю его за прекрасныя статьи; я затрудняюсь даже выразить и то, сколь восхитительно для меня самое названіе его! Я здѣсь встрѣчаю

(*) Письмо сіе не могло войти въ составъ *Украинскаго Вѣстника*, котораго изданіе прекратилось. *Рдръ.*

его какъ выходца изъ одной со мною стороны, и услаждаясь его, какъ знакомца своего, бесѣдою, не разлучаюся съ нимъ. Отдаленнѣйшая страна, мною теперь обитаемая, даетъ мнѣ довольно достаточное также право, чтобы не молчать о моей за полученіе вашихъ книгъ благодарности, или въ противномъ случаѣ о моихъ на васъ жалобахъ.

Въ нынѣшній просвѣщенный свѣтомъ Евангелія вѣкъ вѣроятно найдутся многіе, кои въ удачныхъ и неудачныхъ, въ счастливыхъ и несчастныхъ переворотахъ жизни благоговѣйно вмѣстѣ со мною признаютъ высочайшій Промыслъ. Я никогда не думала промѣнять цвѣтущихъ равнинъ своей любезной родимой стороны ни на самый живописный край Швейцаріи. Но при желаніи моемъ всегда въ ней оставаться, жребій мой увлекъ меня отъ нея на едва измѣримое пространство, въ страну для всѣхъ ужасную, въ страну, которую таинственная Природа, какъ будто желая сохранить въ безвѣстности, оградила отъ обитаемыхъ странъ снѣжными пустынями и бурнымъ океаномъ: разбиваясь о крутые кремнистые берега полуострова, вливается онъ, какъ будто для отдохновенія, внутрь его и образуетъ между высокими холмами пространный заливъ. Не многимъ извѣстно, можетъ

быть, въ ничтожности пребывающее имя сего залива: онъ называется *Авача* — имя, которое однакожъ первымъ стоитъ въ алфавитной росписи мѣстъ Россійскаго Государства.

По непроницаемому ли какому нибудь закону, или по странности Природа вмѣстила въ сей обширной морской заливъ, коего окружность считаютъ до 60 верстъ, три единственныя своею безопасностію на пространныхъ берегахъ Сибири гавани. Всѣ онѣ для мореходцевъ превосходны и заманчивы; но привыкшій видѣть прекрасные ландшафты кроткой Природы при первомъ на мѣста сіи взглядѣ пожелаетъ отъ нихъ удалиться. При одной изъ сихъ гаваней, въ которой бурныя воды океана являются какъ будто ртутнымъ озеромъ, находится въ глубокой разсѣлинѣ многихъ между собою сросшихся горъ почти непримѣтно обитаемое мѣстечко. Ето, м. г., есть тотъ *Петропавловскій Портъ*, изъ котораго отзывается къ вамъ непритворная благодарность Украинки за вашъ Украинскій Вѣстникъ. Сіе-то избранное мѣсто населяютъ вздымающіяся одна поверхъ другой цѣпи каменныхъ горъ, которыя служатъ незыблемымъ подножіемъ еще высочайшихъ волкановъ (*);

(*) Изъ пяти сопокъ, находящихся около Петропавловска, три у насъ всегда предъ глазами. *Соч.*

ихъ отлогости по временамъ застилаютъ облака, — и тогда картина дѣлается еще восхитительнѣе: тогда кажется, будто сіи земные великаны покоятся на облакахъ. Ихъ вершины, упирающіяся въ лазурный сводъ неба, не изрыгая болѣе пламени, испускаютъ иногда только слабое, какъ бы замирающее дыханіе дыма, едва для глазъ примѣтное. Такое зрѣлище вторится отраженіемъ въ зеркальной водѣ здѣшней гавани. Но чтобъ изъ моего слабаго о чрезвычайнѣйшихъ предметахъ описанія воображеніе ваше представило идею, превосходящую самые предметы; то я должна вамъ напомнить, что это картина *Камчатки*. Вотъ страна моего жилища, извѣстная одними ужасами! Не стану терять словъ — которыми я не богата — чтобы убѣдить другихъ, поставивъ въ равновѣсіе мнѣнія о ней способность человѣка, могущаго ко всему приучить себя, привыкнуть, приглядѣться. Непреодолимое однакожъ желаніе влечетъ меня дать отчетъ моимъ знакомымъ посредствомъ васъ, м. г., и разувѣрить ихъ въ томъ, что они при каждомъ воспоминаніи обо мнѣ, переносясь мыслію чрезъ такое пространство, всегда подвергаются непріятному чувствованію, встрѣчая въ моемъ жилищѣ предѣлъ пріятному ихъ воображенію. Одно, говорю, стремленіе къ сему заставило меня съ такимъ мѣлочнымъ описаніемъ явиться

предъ читателей, которое въ глазахъ ихъ одно будетъ имѣть достоинство — точность.

Снѣжная Камчатская зима еще съ половины Августа вступаетъ уже на высокія здѣшнія сопки (*). Когда мы наслаждаемся еще прекрасною погодой, теплыми и жаркими даже днями; когда прогулки составляютъ приятнѣйшее и главное наше занятіе; однимъ словомъ, когда я забываю, что нахожусь не подъ благословеннымъ небомъ Украйны: тогда каждый небольшой дождь, обновляя вокругъ насъ замирающую зелень, покрываетъ горы наши снѣгомъ; и мы, не преставая наслаждаться благорастворенностію воздуха теплыхъ осеннихъ дней, на высокомъ горизонтѣ своемъ видимъ, какъ бы на картинѣ, недалеко отъ насъ отстоящую зиму. Наконецъ, послѣ такого очевиднаго и постепеннаго приближенія, въ первыхъ числахъ Ноября досягаетъ зима до низшихъ горъ и притомъ до глубокихъ ложбинъ ихъ: тогда начинается господство ея; тогда заноситъ она свои оковы на неукротимаго противника своего, и заливъ океана покорствуетъ ея уставу. Но это не прежде случается Января; а иногда Авача

(*) Одинъ только мѣсяцъ онѣ остаются безъ снѣга. *Соч.*

и вовсе не замерзаетъ. Я здѣсь провожу третью зиму: въ первую изъ нихъ самая большая стужа одинъ разъ 14 го Декабря доходила по Реомюрову термометру до 25 градусовъ, — здѣшніе жители такую зиму называли холодною; во вторую холодъ не превышалъ 20 градусовъ. И такъ здѣшняя зима ужасна и нестерпима не стужею или морозами, не вьюгами и мятелями, но однимъ своимъ продолженіемъ, отъ котораго глубина снѣга бываетъ больше сажени, хижины жителей дѣлаются едва примѣтными; изъ нихъ люди появляются, какъ изъ снѣжныхъ могилъ. А малолюдность здѣшняя причиной тому, что между самыми жилищами толь узкая пролегаетъ тропинка, что двое пѣшеходцевъ на ней встрѣтясь, съ трудомъ могутъ разойтися. И тогда-то появляется для васъ шутовской, а для здѣшнихъ благодѣтельный екипажъ: тогда запряженные цугомъ въ *санку*, похожую на ваши сани однимъ только именемъ, рѣзвыя собачки мелькаютъ мимо оконъ, оборачивая назадъ рыльца свои и поглядывая на хозяина. Тогда малорослый, безбородый, женоподобный, ничего выразительнаго въ лицѣ неимѣющій Камчадалъ, въ своей *кухлянкѣ* изъ звѣриной кожи шерстью вверьхъ, съ такимъ же голову закрывающимъ капишономъ, представляетъ звѣриное туловище на двухъ

тонкихъ ногахъ; одною изъ нихъ стоитъ онъ на *лыжѣ*, другою на полозѣ *санки;* въ рукѣ держитъ съ гремушками палку — *оштолъ* — и ею упираетъ въ снѣгъ, удерживаетъ стремительный съ горы полетъ своихъ пегасовъ, или звучитъ ею, постукивая объ ихъ головы и побуждая къ бѣгу — и такимъ образомъ перебѣгаетъ необитаемыя снѣжныя пространства. Видя такой екипажъ, легко признаешься, что для сей мало необитаемой страны — гдѣ проѣзжихъ бываетъ столь немного и гдѣ надлежало бы имъ быть безпрерывно, чтобъ сдѣлать по глубокимъ снѣгамъ битую дорогу — не льзя придумать удобнѣйшаго для проѣзда средства. Легкую санку съ сѣдокомъ везутъ безостановочно четыре собаки. Дѣлаютъ и зимнія кибитки (*нарта*); но для нихъ и съ однимъ сѣдокомъ потребно болѣе 20 собакъ. Сказываютъ, что одинъ изъ бывшихъ здѣсь начальниковъ имѣлъ нѣчто похожее на двумѣстную зимнюю карету, въ которую запрягали до 100 собакъ. Не забывайте, что ихъ всегда запрягаютъ только по двѣ въ рядъ. Я въ щеголеватомъ своемъ екипажѣ разъѣзжаю на 8 собакахъ. Въ хорошіе зимніе дни мы выѣзжаемъ въ поле и останавливаемся надъ журчащимъ уныло между снѣгомъ и извивающимся по бѣлой долинѣ ручейкомъ; любуемся дикими снѣжными холмами. Намъ разстилаютъ мѣдвѣжью кожу,

вмѣсто ковровъ, здѣсь на санкахъ употребляемую, раскладываютъ яркой огонекъ, и мы въ такомъ раздольѣ пьемъ душистый чай; вокругъ насъ собаки — иныя, свернувшись клубкомъ и зарывшись глубоко въ снѣгъ, спятъ; иныя, сидя на заднихъ лапкахъ и поднявъ рыльца, составляютъ музыку воемъ; иныя грызутся за брошенный имъ кусокъ рыбы; иныя, увидя свои санки порожними, поспѣшно убѣгаютъ домой и оставляютъ хозяина въ весьма трудномъ положеніи.

Обоего пола наше общество не превышаетъ 20 особъ; мы часто бываемъ вмѣстѣ, всѣ дружны, всѣ откровенны, всѣ говорливы. Играемъ въ бостонъ на одинъ, иногда и на два стола. Въ зиму два или три раза бываетъ у насъ театръ, коего представленія всѣ комическія. Провождая такимъ образомъ безъ скуки время, съ необыкновенной радостію мы встрѣчаемъ Февраль мѣсяцъ, которой у васъ въ Украйнѣ начинаетъ уже пробуждать уснувшую зимнимъ сномъ Природу; а здѣсь она все еще спитъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. За то мы тогда обновляемся своимъ образомъ: въ етомъ мѣсяцѣ наши идеи, предметы, до сего занимавшіе насъ, смѣняются иными: однимъ словомъ, въ Февралѣ приходитъ

къ намъ первая послѣ Сентября почта (*). Проходитъ Мартъ — и толщина снѣга не перестаетъ еще значительно по временамъ нарастать. Наступаетъ Апрѣль – и солнце съ большой высоты своей весенними горячими лучами перестаетъ уже скользить по стекловидной снѣжной поверхности; но пронзая толщину оной, сообщаетъ животворную силу свою оледенѣлой землѣ. Она еще подъ снѣгомъ растворяется и напоется подъ снѣгомъ еще журчащею водою: тогда, свойственныя здѣшней почвѣ растѣнія, напр. дикой чеснокъ (I) *черемша*, подъ снѣгомъ еще оживаютъ и растутъ. Удивительное дѣло таинственной Природы! Иногда въ одинъ день снѣгъ понизится растаявъ на поларшина — а въ ночь опять выпадетъ растаявшее онаго количество.

Дожди прежде Іюня здѣсь не начинаются; а громъ въ три проведенные здѣсь мною лѣта я слышала только одинъ разъ. Въ пріятнѣйшіе весенніе мѣсяцы восхищаетъ животворность солнечной теплоты, отъ которой зима здѣсь переходитъ прямо въ лѣто. Не вездѣ еще исчезнетъ снѣжная

(*) Въ Камчатку приходитъ два раза въ годъ, въ Февралѣ и Маѣ, береговая почта; а лѣтомъ одинъ и два раза привозится она на здѣшнихъ транспортныхъ судахъ изъ Охотска. *Соч.*

оболочка земли, а березки уже распустились, малиновки поютъ — и пристрастные къ чаю жители пируютъ уже на зеленыхъ проталинахъ за самоваромъ. Въ послѣднихъ числахъ Мая гавань очищается отъ льда; и когда нечего уже страшиться вредныхъ для молодаго растѣнія заморозковъ, то начинается здѣсь воздѣлываніе огородовъ, что лѣнивый здѣшній народъ откладываетъ иногда до послѣднихъ чиселъ Іюня. Извѣстныя у насъ огородныя овощи суть: картофель, рѣдька, рѣпа. Я ознакомила жителей съ неменѣе полезными: свеклою, капустой и морковью, которыя здѣсь безъ удобренія земли растутъ также хорошо.

Горы, по измѣренію бывшаго здѣсь въ прошломъ году извѣстнаго натуралиста Вормскіольда (*), отъ 900 до 100 футовъ, подошвами своими отстоя неболѣе 100 саженей одна отъ другой, окружаютъ собою какъ стѣнами наши жилища. На сихъ горахъ растетъ кедровникъ, сланецъ, береза каменная, рябина, во множествѣ вкусная малина и преимуществующій передъ Украинскимъ величиною цвѣтка и ароматностію

(*) Который, удовлетворяя своему любопытству изыскивать новые роды растѣній, прогуливался по снѣгу на лыжахъ и приносилъ мнѣ въ исходѣ Апрѣля букеты Камчатскихъ цвѣтовъ. *Соч.*

шиповникъ. Изъ сихъ кустарниковъ я сдѣлала небольшой садикъ, въ которомъ грядамъ и цвѣтникамъ ввѣряю чуждыя имъ сѣмяна Украинскихъ растѣній. Съ какимъ восторгомъ встрѣчаю выходящихъ изъ земли Камчатской Украинскихъ земляковъ своихъ! Власть наша надъ нашими страстями не простирается, кажется, на святое чувство къ родинѣ и роднымъ своимъ: сколько ни счастливо живемъ въ разлукѣ съ ними, но при видѣ даже и неодушевленныхъ существъ, кои напоминаютъ о нихъ собою, счастіе наше увеличивается. Обратимся опять къ любимому огороду моему. Всѣ въ немъ, небывалыя здѣсь, огородныя растѣнія, какъ-то: пустарнакъ, салатъ, шпинатъ, портулакъ, укропъ, настурцы, чеберъ и васильки, на удобренной нѣсколько землѣ хорошо растутъ и цвѣтутъ; но сѣмяна ни на одномъ изъ нихъ невызрѣваютъ. Растѣнія, живущія многіе годы — шалфей, мелисса, заря, колокольчики, гвоздики и рожа — выросши, прозимовали, на другую весну обрадовали меня своимъ появленіемъ и цвѣли; но сѣмянъ также и на нихъ не было. На землѣ хорошо удобренной горохъ приноситъ стручья, цвѣтная капуста вызрѣваетъ для употребленія; выходятъ, хотя и не въ настоящую величину, огурцы. Цвѣтокъ *ноготки* здѣшняя земля совершенно себѣ присвоила; сѣмяна на немъ вызрѣваютъ, ихъ разноситъ вѣтромъ,

и они уже повсюду сами растутъ. Самая большая теплота бываетъ здѣсь въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ. Въ тѣни по Реомюрову термометру показывается тогда выше 20 град. теплоты; а 26 Іюня сего года возвышалась оная до 25 градусовъ. Въ парникѣ растутъ настоящей величины огурцы и вызрѣваютъ совершенно дыни; на открытомъ же воздухѣ всѣмъ нѣжнымъ растѣніямъ вредитъ ночной холодъ. Вишни и тернъ, изъ посаженныхъ косточекъ въ обыкновенную землю, выросли въ одно лѣто до трехъ четвертей аршина; а извѣстный въ Украйнѣ кустарникъ *персикъ* на одну четверть аршина. Надѣюсь, что зиму они выдержатъ; и ежели сіи деревца здѣсь будутъ только цвѣсти, то оправдаютъ уже меня въ моихъ затѣяхъ. Все здѣсь мною сказанное относится единственно къ Петропавловскому Порту, отъ коего прочія мѣста полуострова климатомъ и произведеніями земли отличны. Около Верхнекамчатска производится небольшое хлѣбопашество; сѣютъ ячмень и коноплю. Сказываютъ, что снѣга тамъ не такъ глубоки, но морозы жесточе.

Въ эту осень я ѣздила на горячіе удивительные ключи, — которые по описанію, сдѣланному весьма искуснымъ здѣшнимъ лѣкаремъ г-мъ Любарскимъ и помѣщенному

въ Сѣверной Почтѣ, вѣроятно вамъ извѣстны. Вообще сія страна внѣ устройства находится по одной только своей малонаселенности. Лѣтомъ проѣзжающихъ бываетъ меньше, нежели зимою, почему *дорога* здѣсь такъ сказать есть имя прилагательное; но Камчадалъ по примѣтамъ своимъ и чутью собакъ не теряется и зимою отъ бездорожья. Отъ Петропавловска до горячихъ ключей около 200 верстъ; мы ѣхали на лошадяхъ верьхами, а часть пути нашего была водою: весьма быстрыя рѣки несли наши челны чрезвычайно стремительно. Не льзя не подивиться при семъ проворству Камчадаловъ: они стоятъ въ лодкѣ съ шестомъ въ рукѣ и смѣючись летятъ черезъ пороги, увертываются отъ каменьевъ; пригибаются безпрестанно, чтобъ не зацѣпиться за навислыя надъ водою деревья. Потомъ чуть примѣтная тропинка вела насъ довольно пріятными мѣстами, которыхъ красоты по мѣрѣ удаленія нашего отъ Порта увеличивались. Послѣ довольно утомительнаго пути въѣзжали мы не въ Украинскую съ бѣлыми домиками деревеньку; но признаюсь - я была поражена увидѣвъ, что Камчадальскій *остроженъ* съ небольшою отмѣною похожъ на Русскую деревню, да и въ образѣ жизни Камчадалъ почти Руской. Праздничная одежда женщинъ есть шелковая рубашка, юбка,

тѣлогрѣя и платокъ на головѣ, хотя сверьхъ такого наряда всегда онѣ надѣваютъ еще свою національную *парку*. Всѣ они хрістіяне, всѣ говорятъ съ Рускими порусски. Они довольно вѣжливы, добры, гостепріимны. *Тôонши*, или старостихи деревни, даже обходительны; но всѣ вообще лѣнивы, неопрятны, бѣдны; всѣ почти больны, пристрастны къ чаю, къ горячимъ напиткамъ и табаку. Табакъ и чай замѣняютъ здѣсь ходячую монету. На вопросъ: за сколько ты это продалъ? отвѣчаютъ: за столько-то фунтовъ чаю, или табаку. — Что тебѣ дать за работу? — столько-то папушъ табаку, или *засыпки* двѣ чаю.

Каждая губернія Россійская соединяется съ другой неразрывною цѣпью людскихъ связей; но сія часть Русской же земли за отдаленностію остается для прочихъ какъ бы неоуществующею. За то необходимое для мореплавателя, времянное отдохновеніе завлекаетъ его въ здѣшнюю спокойную гавань. Одинъ или два изъ иностранныхъ кораблей заходятъ сюда каждое лѣто и завозятъ произведенія тропическихъ странъ: кокосы, ароматами и удивительной сладости картофель, тыквы, лимоны, ананасы, а сего лѣта съ Сандвичевыхъ острововъ завезены сюда сто арбузовъ. За это мы угощаемъ взаимно мореходцевъ свѣжею изъ породы

семгъ рыбою, а особливо деликатными ихъ головками. Такая рыба, будучи просолена или высушена на солнцѣ, составляетъ годовое продовольствіе здѣшняго жителя и его собакъ; почему, по вскрытіи морскаго залива, берега дѣлаются обиталищемъ рыбаковъ: тогда рыба плещется въ водѣ, кучами сребрится на берегу. Вытаскивая съ рыбою сѣти, рыбакъ безошибочно выбираетъ лучшую; отрываетъ голову и услаждаетъ ею прихотливый свой вкусъ. Нѣкоторые изъ морскихъ офицеровъ, охотниковъ до устрицъ, находятъ во вкусѣ здѣшней рыбьей головы большое съ оными сходство.

Здѣсь нѣтъ никакого рода дворовыхъ птицъ и скота, выключая собаку, кошку, лошадь и корову, которыя однакожъ рѣдко бываютъ достояніемъ одного хозяина. Изобиліе жирныхъ дикихъ гусей, утокъ и лебедей замѣняетъ недостатокъ здоровыхъ птицъ; а превосходное мясо дикихъ оленей и барановъ уничтожаетъ необходимость скота. По неимѣнію здѣсь достаточнаго количества рогатой скотины говядина продается отъ 20 до 25 руб. пудъ; но никакая пирушка или обѣдъ не можетъ быть въ совершенномъ благополучіи безъ жареной говядины, и хозяева, чтобы кто-нибудь изъ гостей по ошибкѣ взять не отказался, обыкновенно прибавляютъ: *ето скотинье!*

Оно же бываетъ всегда и послѣднимъ блюдомъ. Ржаная мука здѣсь продаетпся отъ 8 до 10 руб. пудъ; пшеничная и крупичатая отъ 15 до 20 руб. пудъ. Слово *мука* здѣсь неупотребительно; *черной*, *бѣлой*, *крупичатой провіантъ* означаетъ ржаную, пшеничную, крупичатую муку. Простой спиртъ и ромъ стоитъ 50 руб. ведро; чай простой черной отъ 10 до 15 руб. фунтъ; сахаръ головами до 5 руб. фунтъ; сальныя свѣчи 50 руб. пудъ; мыло 90 руб. пудъ; всякой красный товаръ продается соразмѣрно дороговизнѣ вышеупомянутыхъ вещей. Бѣдный житель, имѣя въ продолженіе цѣлаго года пищею своей одну только рыбу, непреминетъ праздновать день имянинъ своихъ роскошнѣйшимъ по здѣшнему образомъ: нерѣдко на канунѣ своего тезоименитства имянинникъ ходитъ по домамъ *попрошайкою;* и чтобъ сдѣлать свою прозьбу убѣдительнѣе, онъ прибавляетъ: *завтра мои имянины.* Жители ѣдятъ мясо и морскихъ звѣрей — сивучей, тюленей; также они большіе охотники до китоваго жиру; съ которымъ перемѣшиваютъ даже и ягоды (*), когда захотятъ придать имъ вкусу большую пріятность. Китовъ въ здѣшнемъ

(*) Малина, черница, жимолость, брусника, морощка и клюква растутъ здѣсь во множествѣ. *Соч.*

океанѣ великое множество: не рѣдко изъ оконъ своихъ домовъ мы любуемся, когда они, высовываясь изъ воды горою, громко фыркаютъ и мещутъ на воздухъ фонтаны. Каждый почти годъ выбрасывается нѣсколько мертвыхъ китовъ на берега Камчатки: тогда жители стекаются со всѣхъ сторонъ и подбираютъ сію для нихъ брошенную океаномъ манну. Сего лѣта мнѣ удалось видѣть одного изъ таковыхъ китовъ длиною въ 62, а шириною въ 16 футовъ: онъ почти до половины толщины своей тяжестію врылся въ песокъ, и все еще на него всходить можно было только съ хвоста. Пренебрегши отвращеніе свое, я не могла отказать себѣ въ удовольствіи прогуляться нѣсколько разъ вдоль и поперегъ по сей еластической массѣ.

Черезъ експедицію, отправленную для открытій вокругъ свѣта подъ начальствомъ извѣстнаго мореходца В. М. Головнина, чрезвычайно насъ обрадовавшаго своимъ прибытіемъ, Милосердый нашъ Монархъ, съ отеческою любовію пекущійся о благѣ здѣшнихъ подданныхъ Своихъ, щедро снабдилъ край сей многими для общественной жизни потребностями, чрезъ что пребываніе здѣсь чиновниковъ сдѣлалось совершенно довольнымъ и пріятнымъ; въ особенности же домъ начальника Камчатки снабженъ всею

нужною, и можно сказать роскошною, мебелью. Осмѣливаясь причислить себя къ любительницамъ музыки, не могу умолчать о томъ, что почтеннѣйшій В. М. Головнинъ, по дружбѣ своей къ моему мужу, привезъ съ собою для меня фортепіано. Предоставляю каждому судить о дѣйствіи гармоническихъ звуковъ сего фортепіано на чувства наши.

Вотъ весь отчетъ слабаго, простаго пера моего, который сообщая вамъ, не знаю, успѣю ли даже въ своемъ намѣреніи: нѣсколько перемѣнить въ васъ темныя и большею частію невѣрныя мысли на счетъ здѣшняго края. Но думай всякъ, кто что хочетъ: это не убавитъ у меня ни довольства, ни даже счастія; они остаются при мнѣ, — и я не вижу въ томъ никакой пользы, чтобы притворно подтверждать мнѣніе, будто жить въ Камчаткѣ страшно. —

Людмила Рикордъ.

Критика (*).

Ciel! que lui vais-je dire et par où commencer?...

Позвольте сперва обратить вниманіе ваше на выборъ предмета, а послѣ сказать нѣсколько словъ (les plus courtes folies sont toujours les meilleures!) объ отдѣлкѣ онаго, или составѣ Поемы.

Предметъ епической долженъ имѣть три достоинства: величіе, занимательность, единство. Въ *Освобожденіи Москвы* исполнены два первыя требованія; ибо въ сей Поемѣ видимъ бореніе народа знаменитаго и многочисленнаго со врагами внѣшними и еще опаснѣйшими внутренними мятежниками, возведеніе на престолъ сѣверныой династіи, съ именемъ которой соединены великія имена Петра, Екатерины, АЛЕКСАНДРА, священныя имена славы, могущества и просвѣщенія — предметъ великій и занимательный! Но два героя разрушаютъ единство и нарушаютъ главное правило Изящныхъ Искусствъ, къ которымъ можно примѣнить слова Александра Македонскаго: два солнца не могутъ быть въ одномъ мірѣ. Пожарской и Мининъ *исторически* равны, и потому должно было или нарушить един-

(*) Окончаніе письма къ Редактору В. Е. См. предшедшую книжку стран. 204—212.

ство, или подчинить одного другому; изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, и Авторъ Поемы рѣшился унизить Минина. Что дѣлать! г-нъ Критикъ насъ увѣряетъ, что Поема не Исторія!

Послѣ выбора предмета должно расположить *дѣйствіе*, которое также требуетъ единства (не мѣста и не времени, вопреки почтенному Аристарху, который драму называетъ Епопеею). Наша Поема начинается епизодомъ — важная ошибка! Ни Король Шведскій, ни Исидоръ, ни Князь Одоевскій, ни Послы не являются послѣ; кажется, что двѣ первыя пѣсни написаны въ подражаніе Вольтеру, у котораго поѣздка Генриха IV въ Англію излишняя, и только напоминаетъ слова Хемницера:

Отецъ одинъ слыхалъ . . . .
. . . .
. . . что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.

Во первыхъ не должно подражать худому; во вторыхъ, Вольтерова ошибка простительна, ибо мы не теряемъ героя изъ вида, и онъ говоритъ лучше нашихъ Пословъ. Въ нашей Поемѣ Пожарскаго не видно въ продолженіе трехъ Пѣсней и Послы только намѣкаютъ объ немъ. Объ рѣчи Всевышняго, въ началѣ третьей Пѣсни, замѣчу: 1 е. я не вижу

слушателей, а она слишкомЪ длинна, чтобЪ быть монологомЪ. 2 е. Если бы ПоэтЪ вложилЪ начало ея вЪ уста человѣку, то это составило бы очень хорошую молитву и по мыслямЪ и по слогу; здѣсь же похвалы самому себѣ не у мѣста. 3 е. ВЪ ней рѣшительно предсказывается побѣда РускимЪ и слѣдственно отнимается вся занимательность, какой мы были бы вЪ правѣ требовать отЪ Поэмы. Еще замѣчу здѣсь круглую поруку: Сергій *идетЪ* кЪ Палицыну, ПалицынЪ *идетЪ* кЪ Минину, МининЪ *идетЪ* кЪ Пожарскому, Пожарской оканчиваетЪ это perpetuum mobile, ибо ему не кЪ кому *идти*. Свиданіе Минина сЪ ПожарскимЪ и прощаніе послѣдняго сЪ супругой вообще хорошо обдуманы и написаны; но жаль, что вЪ послѣднемЪ вижу я совершенный hors-d'oeuvre, ибо слезы Ольги ничего не перемѣняютЪ вЪ Поэмѣ, и она скрывается . . . .

Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи.

Вопреки почтенному Аристарху (je reviens toujours à mes moutons!) это не весьма счастливое подражаніе Гомеру; ГекторЪ идетЪ на смерть неизбѣжную, а Пожарской на побѣду. . . . ТассЪ, МильтонЪ, КлопштокЪ имѣли свой адЪ; нашЪ ПоэтЪ не захотѣлЪ лишиться случая подражать имЪ, какЪ онЪ уже подражалЪ Гомеру и Вольтеру. ВЪ его Поэмѣ не видите ни превосходныхЪ описа-

ній, ни изображеній характеровъ, которыми украшенъ адъ у сихъ великихъ геніевъ. — Сатана *посылаетъ* Веліала обольстить Заруцкаго, Заруцкій *посылаетъ* воина убить Пожарскаго, и все ето кончится прощеніемъ убійцы. Спрошу: какая цѣль всѣхъ етихъ посланій? Если Поетъ хотѣлъ выказать великодушіе Пожарскаго, то могъ бы найти другое средство. Герой долженъ быть великодушенъ съ равными себѣ; такъ Александръ Македонскій хотѣлъ имѣть одяихъ Царей соперниками. Авторъ нашъ снова употребляетъ чудесное, и не весьма кстати. Читая явленіе отца Пожарскому, я сперва думалъ, что ето какая-нибудь хитрость Сатаны, чтобы на время удалить Героя; ничего не бывало! Сатана такъ простъ, что и не догадался сдѣлать етаго, и епизодъ, впрочемъ хорошо написанный, не можетъ нравиться, ибо совершенно лишній и не имѣетъ никакого отношенія къ главному предмету. За симъ видимъ опять картину зноя, заимобразно взятую у Тасса; но копія далеко не доходитъ до подлинника. 1 е. Зной не продолжителенъ; 2 е довольно *холодно* описанъ; 3 е не дѣлаетъ ни малѣйшаго препятствія героямъ; ибо Палицыну стоило сказать нѣсколько словъ, пролить нѣсколько слезъ, и вода (*волею, или неволею*) является для утоленія жажды. Ето *чудесно!* Но вотъ нѣчто чудеснѣйшее: *вдругъ*

небо потемнѣло и хлынулъ дождь рѣкой, между тѣмъ какъ не было ни одного облачка; что болѣе нежели чудесно, что сверхъестественно! Является на сцену Московское воинство (*). Характеры вождей описаны хорошо; но жаль, что немного однообразны: всѣ они презираютъ свистъ пуль и летаютъ на стѣны. Замѣчу еще общую имъ черту:

Всѣ остраго ума. . . . . . .

Тѣмъ веселѣе съ ними драться! . . . Вся седьмая Пѣсня лишняя. Что за существо эта *богиня радости*? Мы не найдемъ ее ни въ одной религіи и должны отнести къ риторическимъ фигурамъ, за которыя самъ же Авторъ Москвы осуждаетъ Автора Генріады. Я не замѣчу, согласно ли ослѣпленіе Пожарскаго съ его лѣтами, саномъ, характеромъ, любовію къ супругѣ. Чѣмъ же кончится эта фантасмагорія? :

Et le songe a fini par un coup de tonnerre.

Пожарскій раскаевается — и дѣльно! Ему стыдно не брать примѣра съ Готфреда, Гамы, Енея и другихъ героевъ. Я далекъ отъ того, чтобы охуждать нашего Поэта; напротивъ хвалю его за то, что онъ, прочитавши IX пѣснь Генріады, хотѣлъ пода-

---

(*) Желающіе знать, гдѣ оно было и чѣмъ занималось, могутъ обо всемъ подробно освѣдомиться отъ Аристарха. Т.

рить соотчичей своихъ подражанiемъ оной. VIII Пѣснь начинается утромъ, и мы видимъ солнце четвернею, подобно древнему Аполлону. . . . Это немного далеко отъ религiознаго духа Поэмы. Мининъ является для того, чтобы отправить человѣка въ Москву, и опять исчезаетъ. Начинается буря, изрядно описанная, которая опять проходитъ послѣ нѣсколька словъ Пожарскаго. Гонецъ приноситъ извѣстiе о прибытiи Польскаго войска въ Москву. Трубецкой, котораго мы знали только по слуху, или, какъ говорятъ, шапочно, грозится на Пожарскаго. Вотъ уже восемь Пѣсней ! ни слова о избавленiи Россiи, ни слова о Романовыхъ; герою нѣтъ ни малѣйшаго препятствiя, и все идетъ какъ по маслу; это хорошо для него, но худо для читателей, ибо отнимаетъ занимательность. Девятая Пѣснь открывается Авророю (!!); хорошо описано унынiе Москвы; войска готовятся къ сраженiю, и Трубецкой спѣшитъ исполнить свой умыселъ: онъ присылаетъ просить у Пожарскаго пятьсотъ воиновъ. Довольно остроумная выдумка! Мудрено, что Трубецкой, будучи остраго ума подобно прочимъ вождямъ, не нашелъ лучшаго средства отомстить Пожарскому. Битва описана прекрасно; это дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести г-ну Волкову, что трудно идти по слѣдамъ Гомера и Тасса, столь превосход-

нихъ въ етомъ отношеніи. Десятая Пѣснь опять начинается утромъ (die Morgenstunde hoch Gold im Munde!); Авраамій идетъ увѣщевать Трубецкаго, и етотъ добрый человѣкъ соединяется съ Пожарскимъ. Рускіе идутъ на приступъ; но Димитрій Донской, неизвѣстно для чего, является Пожарскому и велитъ отступить подъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы присутствіе Россіянъ осквернитъ св. мѣста, неоскверненныя врагами. Пожарской, который имѣетъ большое уваженіе къ тѣнямъ, немедленно велитъ бить отбой и облегаетъ городъ. Тутъ прекрасно описанъ гладъ; если не ошибаюсь, нашъ Поетъ ни откуда не почерпнулъ сего описанія. Москва сдается сама, и Михаилъ восходитъ на престолъ.

Вотъ вся Поема! . . . Г. Критикъ воленъ утверждать, что она имѣетъ планъ: не всякой съ нимъ согласится. Характеры также далеки отъ того совершенства, которое онъ имъ приписываетъ: Пожарскій болѣе говоритъ, нежели дѣлаетъ; Мининъ, Трубецкой и Заруцкой являются только на минуту. Одинъ Палицынъ имѣетъ характеръ: етотъ старикъ дѣльнѣе всѣхъ; его можно назвать le factotum Поемы. Слогъ вообще довольно чистъ; но въ немъ нѣтъ той силы, того богатства, которое необходимо въ Епопеѣ, и кажется, что у насъ одинъ только Пѣвецъ Громобоя и Вадима,

столь недостойно окритикованный въ одномъ журналѣ, достигъ истинно епическаго тона и сими прелестными твореніями положилъ начало нашему примиренію съ Каллíопой.

Можно ожидать отъ времени, что если *Москва* и несравнится съ *Іерусалимомъ*, то по крайней мѣрѣ мало уступитъ *Фарсаліи* Лукана: и это будетъ не послѣднимъ для нее мѣстомъ на Парнассѣ! Лучше написать (хотя изрядно) Поему (хотя историческую), нежели начать и окончить литтературное поприще свое сонетами, мадригалами, надписями къ портретамъ, бюстамъ, людямъ, книгамъ и проч. и проч. и проч.

Извините, г. Редакторъ! Поспѣшный мой отъѣздъ отсюда причиною краткости етаго разбора. Изъ деревни можетъ быть отправлю къ вамъ дополненіе.

Георовъ.

Задонскъ.

Отъ Доктора Кораи къ Грекамъ, его соотчичамъ.

(Передъ симъ лѣтъ за двадцать оказалась необыкновенная дѣятельность въ умахъ Грековъ. Они гордились уже своимъ Евгеніемъ Булгаромъ, своимъ Никифоромъ Өеотоки; но ни сіи ученые Архіепископы, ниже кто-либо изъ писателей не говорилъ къ нынѣшнимъ Грекамъ столь ясно, краснорѣчиво и убѣдительно, никто непредлагалъ имъ на ихъ природномъ, всѣми употребляемомъ языкѣ столь драгоцѣнныхъ истинъ, какъ знаменитый соотечественникъ ихъ, Докторъ Кораи, живущій нынѣ въ Парижѣ. Имя его ежедневно повторяется всѣми Греками просвѣщенными, или благомыслящими; его по справедливости называютъ *отцемъ словесности новѣйшихъ Грековъ.* Въ 1802 году Кораи напечаталъ въ Парижѣ переводъ свой извѣстнаго Беккаріева трактата *о преступленіяхъ и наказаніяхъ*, обогативъ его собственными, чрезвычайно любопытными примѣчаніями, и приложивши къ началу книги предувѣдомленіе отъ переводившаго къ читающимъ Грекамъ. Послѣ того издалъ онъ Геліодора, и нѣсколько томовъ *Греческой Вивліоѳики*, напечатанныхъ въ Парижѣ иждивеніемъ благотворительныхъ братьевъ *Зосимъ*, и заключающихъ въ себѣ творенія нѣкоторыхъ классиковъ.

въ своихъ къ нимъ примѣчаніяхъ г. Кораи показалъ рѣдкую ученость, вкусъ необыкновеннаго критика, и приобрѣлъ ими отличное уваженіе въ ученомъ свѣтѣ. Каждой томъ сверхъ того украшается еще и собственнымъ разсужденіемъ знаменитаго Издателя, и сіи-то разсужденія теперь восхищаютъ всю Греческую публику, за исключеніемъ однакожъ тѣхъ людей, которымъ не нравится *ничто новое*. Насъ увѣряли, что все написанное г-мъ Кораи, разбросанное въ разныхъ томахъ при изданныхъ имъ классическихъ авторахъ древнихъ, собрано въ одну книгу и напечатано уже вторымъ тисненіемъ. Не нужно, кажется, исчислять причинъ, по которымъ возникающая словесность нынѣшнихъ Грековъ должна быть занимательна для каждаго умнаго человѣка. На первой случай мы сообщаемъ здѣсь выписку изъ упомянутаго предувѣдомленія г-на Кораи къ Беккаріеву трактату. Отъ времени до времени читатели наши будутъ находить въ Вѣстникѣ извлеченія или отрывки изъ другихъ сочиненій сего знаменитаго Грека, или же иногда выписки изъ Греческихъ авторовъ, которыхъ число со дня на день примѣтно увеличивается. Встрѣчая въ писаніяхъ Кораи зрѣлость мыслей, богатство познаній, силу ума и чувствительность сердца, многіе читатели (знающіе Автора на его природномъ языкѣ) могутъ

пожалѣть о томъ только, что въ переводѣ не найдутъ нѣжныхъ звуковъ, раждающихъ сладостнѣйшія воспоминанія въ душѣ истиннаго литтератора, ненайдутъ словъ, исходившихъ нѣкогда изъ устъ Димосѳена и Софокла, и показывающихъ, до какой степени образованности удобно достигнуть нарѣчіе новое, происшедшее отъ древняго языка, которому нѣтъ и не было подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. *Рдръ.*)

. . . Въ моихъ примѣчаніяхъ (къ Беккаріи) предложилъ я и мнѣнія политическія многихъ древнихъ философовъ и законодателей, не столько для объясненія словъ Автора, сколько для того чтобы въ юношахъ народа Греческаго возбудить ревность ко славѣ ихъ прародителей. Пускай они увидятъ, что первыя сѣмяна и начала тѣхъ наукъ, которыми нынѣ озаряется Европа, произрасли въ ихъ отечествѣ и сохраняются въ твореніяхъ писателей Греческихъ. Намъ стыдно, что, между тѣмъ какъ чужестранцы насаждаютъ ихъ, ростятъ, превращаютъ ихъ въ высокія деревья и пользуются плодами ихъ, мы даже невѣдаемъ, что они суть прародительское наше наслѣдство.

Ни сіи примѣры, ни мой слабой голосъ не могли бы въ народѣ нашемъ возбудить охоты къ подражанію благимъ подвигамъ,

если бы по несчастію Греки все еще жили въ тѣ достойныя плача времена, когда . . . Но за чѣмъ воспоминать о минувшихъ бѣдствіяхъ? Наступилъ наконецъ вѣкъ, котораго тщетно желали несчастные отцы наши. Греки нынѣшніе, впрочемъ весьма далекіе отъ славы знаменитыхъ своихъ предковъ, просвѣщены однакожъ гораздо болѣе, нежели какими быть могли бы многіе другіе народы, если бы претерпѣли хотя нѣсколько изъ тѣхъ случайностей, какія постигли наше отечество. При естественныхъ преимуществахъ, при болѣе тщательномъ воспитаніи, которое отчасу распространяется, Греки служатъ очевиднымъ примѣромъ для каждаго наблюдателя безпристрастнаго, что бѣдственныя обстоятельства могутъ совсѣмъ опустошить плодоносную землю, но не могутъ ее лишить природныхъ качествъ: дождь небесный и труды рукъ человѣческихъ снова украсятъ ее изобиліемъ.

Нынѣшніе Греки очень хорошо знаютъ, что кромѣ свѣта наукъ для нихъ нѣтъ другаго врачеванія; несмотря на всѣ неудобства и препятствія, презирая всѣ опасности, они отвсюду стремятся въ области Европы, дабы насладиться тѣмъ просвѣщеніемъ, которымъ знаменитые ихъ предки при жизни своей озаряли современныхъ и нынѣ по смерти еще озаряютъ потомство

другихъ народовъ. Честь и слава богатымъ одноземцамъ нашимъ, которые ускоряютъ исцѣленіе немощнаго отечества, охотно удѣляя свои избытки на заведеніе училищь, на собираніе книгъ, на изданіе въ свѣтъ многихъ полезныхъ сочиненій! Честь и слава тѣмъ юношамъ благоразумнымъ, которые, путешествуя по Европѣ, собираютъ цвѣты полезные и плетутъ вѣнцы для украшенія себя самихъ и своего отечества!

Достаточные изъ Грековъ, любящихъ благо народное, нынѣ увѣрены въ той истинѣ, что золото и серебро сами по себѣ суть обыкновенные металлы; но что они становятся подлиннымъ богатствомъ въ рукахъ тѣхъ только людей, которымъ извѣстны и существенная польза ихъ и употребленіе. Они увѣрены, что богатство безъ ученія и добродѣтели не только не украшаетъ своего обладателя, но еще болѣе открываетъ наготу его; увѣрены, что, стяжавши Крезовы сокровища, даже научившись превращать камни въ золото, они тѣмъ нисколько неприобрѣтутъ себѣ уваженія отъ другихъ народовъ, если отечество ихъ бѣдствуетъ и терпитъ безславіе; они, наконецъ, увѣрены, что честь, которою стараются прикрыть наготу отечества, ихъ самихъ озаритъ яркимъ блескомъ.

Равнымъ образомъ и юные любители наукъ чѣмъ съ бóльшимъ тщаніемъ распро-

странять будутъ сѣмена познаній, тѣмъ болѣе приобрѣтутъ мудрыхъ цѣнителей своимъ успѣхамъ, и тѣмъ большую признательность явитъ имъ облагодѣтельствованное отечество. Ибо что̀ пользы имъ въ похвалахъ отъ невѣжественной черни, которая хвалитъ то, чего неразумѣетъ, и порицаетъ то, въ чемъ страсти ея ненаходятъ удовольствія? Что̀ имъ пользы въ приобрѣтенной мудрости, когда омраченное отечество не можетъ ни видѣть трудовъ ихъ, ни опредѣлить справедливой награды ихъ подвигамъ?

Напрягайте же, о вы, юные питомцы Музъ, напрягайте свое усердіе, просвѣтите отечество, возвратите ему древнюю славу нашихъ предковъ! Памятуйте, что вы потомки Гомеровъ, Аристотелей, Платоновъ, Демосѳеновъ, Ѳукидидовъ, Софокловъ и многихъ другихъ мужей, имъ подобныхъ. Помыслите, какихъ трудовъ стоило симъ чудеснымъ людямъ приобрѣсти честь своему отечеству, какою славою увѣнчались они при жизни, и какое имѣютъ имя по смерти у просвѣщенныхъ народовъ Европы. Многіе изъ нихъ странствовали, какъ нынѣ вы странствуете, чтобы собирать все полезное, что̀ могли находить у разныхъ народовъ, и дабы такимъ образомъ обогатить собственное отечество. Особливо же да предостерегается молодость ваша отъ оболь-

щеній, когда будете выбирать хорошее; берегитесь, чтобы, понесши труды великіе, не возвратиться съ пустыми руками (*), или же не принести съ собой чужестранныхъ пороковъ. Есть очень много хорошаго въ Европѣ; но есть также въ ней и много поводовъ къ разврату, множество сѣтей для уловленія неопытнаго юношества. Подражайте пчеламъ, которыя берутъ съ цвѣтовъ одно лишь полезное, а не мухамъ, которыя садятся на все нечистое. Умѣренное употребленіе дозволенныхъ удовольствій служитъ послѣ трудовъ пріятнымъ отдыхомъ и даетъ силы для новыхъ; но излишнее отводитъ отъ трудовъ необходимыхъ, изнѣживаетъ тѣло, мало помалу ослабляетъ душевныя способности, и наконецъ совершенно ослѣпляетъ разумъ. Берегитесь, чтобы любовь къ удовольствіямъ не превратила васъ, какъ Цирцея друзей Улиссовыхъ, въ презрительныхъ животныхъ. Читайте удивительную притчу Продика о юности Геркулеса, и послѣдуйте оной цѣломудренной женѣ, въ которой представляется Добродѣтель, а не безстыдной Сиренѣ, дерзающей называться Благополучіемъ (**). Отече-

---

(*) *Αἰσχρόν τοι δηρ'ν τε μένειν κενέον τε νέεσθαι.* Стыдно промедлить долго, и ни съ чѣмъ возвратиться. *Иліад. II*, 298. *Соч.*

(**) Притча сія находится во второй книгѣ *Достопамятныхъ изреченій*, у Ксенофонта;

ство не требуетъ отъ васъ ни безчувствія стоиковъ, ни отшельническаго изнуренія или страданій; оно требуетъ свѣта наукъ, дабы уврачевать слѣпоту, требуетъ одежды для прикрытія наготы своей. Но вы не будете въ состояніи ни озарить ее свѣтомъ, ни покрыть одеждою, если не умѣете, какъ философы, управлять движеніями своего сердца.

Подражайте же благоразумнымъ предкамъ нашимъ, которые, воспылавши любовію къ наукамъ, отовсюду стремились въ Аѳины наслаждаться истинными благами Философіи. Тамъ являлися юные, какъ вы, Греки, и бѣдностію многимъ изъ васъ также подобные: днемъ приходили они въ училища Философовъ, а ночью работали изъ платы, чтобы имѣть необходимо потребное для жизни (*). Въ нынѣшнее время неимѣюще

ее предлагаетъ самъ Сократъ юношамъ Аѳинскимъ. Кто изъ Грековъ, будучи въ состояніи читать ее на томъ языкѣ, на которомъ писалъ Ксенофонтъ, неплѣнится ни изяществомъ вымысла, ни неподражаемою сладостію Ксенофонтова слога; того несчастная душа или начала ожесточаться, или совсѣмъ уже окаменѣла. *Соч.*

(*) Менедемъ и Асклепіадъ, бѣдные Философы, неимѣя необходимаго для жизни и ученія, каждую ночь работали на мѣльницѣ за двѣ драхмы. Узнавши о томъ судьи

причины опасаться такой бѣдности: имѣйте лишь ревность къ просвѣщенію, и отечество готово снабдить васъ всѣмъ нужнымъ для жизни и для упражненія въ наукахъ.

Все, что я сказалъ доселѣ, отнюдь не есть отступленіе отъ главнаго предмета; напротивъ, оно служитъ введеніемъ къ трактату Беккаріи. Вы теперь наставники, вы просвѣтители Греціи, и будетъ время, когда отечество потребуетъ отъ васъ законовъ. Какимъ же образомъ научите вы другихъ правосудію и добродѣтели, какъ научите ихъ обязанностямъ честнаго гражданина, повиновенію законамъ политическаго общества, какъ наведете ихъ на путь сча-

Ареопага, щедро наградили юношей, чтобы на будущее время избавить ихъ отъ мѣльничной работы (*Ἀθην. Βιβλ. Δ, κεφ. ιδ*). Клеантъ, славный Философъ и ученикъ Зенона, получилъ названіе *φρεάντλης* отъ того, что, пришедши въ Аѳины съ четырьмя только драхмами, и не имѣя другихъ средствъ слушать Философовъ, по ночамъ *доставалъ воду изъ колодязей*, и за малую плату работалъ въ садахъ, или же у хлѣбниковъ. И онъ удостоенъ былъ той же чести отъ Ареопагитовъ. Царь Антигонъ, который также наградилъ щедро Клеанта, спросилъ его, за чѣмъ онъ *таскаетъ воду*. „Только ли это я дѣлаю?“ возразилъ юноша: „нѣтъ, я рою землю, поливаю гряды, и все для Философіи!“ (*Διογ. Λαερτ.*) *Соч.*

стія, когда сами будете блуждать въ мрачномъ лабиринтѣ безпорядковъ? Изъ обвиняемыхъ законами очень многіе наказываются по той единственно причинѣ, что нестарались обуздывать страстей въ лѣта своей молодости. Ни одинъ человѣкъ неделается злымъ внезапно, и страсти сначала бываютъ не иное что́ какъ малѣйшія искры. Управляемыя разумомъ, онѣ превращаются въ свѣтъ, озаряющій всѣ дѣйствія юноши и распространяющій лучи свой на цѣлое отечество. Оставленныя самимъ себѣ, онѣ производятъ бѣдственный пожаръ, котораго ничѣмъ уже потушить не можно, кромѣ только силою карающихъ законовъ. Но для чего дерзаю упоминать о законахъ? Они ужасны только душамъ низкимъ. У васъ Греческія души, о юноши Греціи! вамъ очень хорошо извѣстно; что вы неугодите законамъ чрезъ то е́динственно, когда непредпріимете ничего имъ противнаго; нѣтъ, они потребуютъ отъ васъ отчета, за чѣмъ пренебрегли сдѣлать доброе, когда имѣли возможность. Того недовольно, что вы не предали отечества; виновенъ и тотъ, кто не принесъ ему пользы. Не одинъ тотъ предатель отечества, кто отворяетъ врата для враговъ его, но и кто неболѣзнуетъ объ его убожествѣ, не одѣваетъ наготы его, не служитъ ему всѣми трудами своими. Отнюдь нестранно, если рабы

ведутъ жизнь рабскую; но чувства Грековъ должны быть чувствами людей свободныхъ. Слухъ вашъ наполненъ такимъ множествомъ примѣровъ и сказаній о доблести прародительской, что вы подвергаетесь опасности быть ниже рабовъ самихъ, если не рѣшитесь подражать оной. Окиньте всѣ страны взоромъ своимъ, о юноши! и посмотрите, имѣетъ ли хотя одинъ изъ нынѣшнихъ народовъ Европы такихъ предковъ, какихъ мы имѣемъ, такіе примѣры мужества, добродѣтели, какіе находимъ въ писаніяхъ прародителей нашихъ. Помыслите, честно ли, хорошо ли намъ будетъ хвалиться сими наслѣдственными преимуществами, когда не покажемъ въ себѣ собственныхъ доблестей? Надобно ли, чтобы другія племена Европы называли насъ недостойными благородства и славы нашихъ предковъ, народомъ глупымъ, *безполезнымъ земли бременемъ* (*)? Помыслите, о вы, юные потомки Грековъ! будете ли достойны Греческаго имени, если, имѣя возможность

(*) Глупымъ народомъ называетъ насъ Вейкардъ, Нѣмецкіи Докторъ; безполезнымъ бременемъ земли назвалъ насъ Павій, Философъ Нѣмецкіи. Достоино примѣчанія, что послѣдняя фраза, очень извѣстная, взята слово въ слово изъ Гомера (*ἐτώσιον ἄχθος ἀρούρης*. Ето значитъ, что Европейцы воюютъ противъ бѣдныхъ Грековъ ихъ же Греческимъ оружіемъ. *Соч.*

просвѣтить отечество и, какъ новые Геркулесы, отразить обиды враговъ его, вмѣсто сего вы, подобно Сарданапалу, устремитесь во слѣдъ оной женѣ безстыдной, въ подобномъ же заблужденіи ума принявъ ее за истинное Благополучіе. Слово мое клонится здѣсь къ тѣмъ юношамъ, которымъ труды страшны, если только есть такіе юноши къ несчастію Греціи. А какъ очень можетъ статься, что не всѣ богатые Греки въ усердіи своемъ походятъ на тѣхъ, которымъ я выше воздалъ хвалу справедливую; то неизлишнимъ почитаю и къ нимъ обратить мое слово. Говорю не къ сребролюбцамъ; ибо они столь же безчувственны, какъ и металлъ, ими боготворимый. Стараться обратить сихъ людей было бы то же, что говорить къ золоту: будь серебромъ; или къ серебру: будь золотомъ. Рѣчь моя относится къ тѣмъ единственно, которые охотно издерживаютъ часть своихъ избытковъ, но которымъ никто еще не сказалъ, гдѣ, когда и какъ издерживать должно.

И ничтожнаго раба, любезные богачи, нерѣдко надѣляетъ Фортуна великими сокровищами; но только душа благородная умѣетъ сдѣлать надлежащее употребленіе изъ богатства. Въ нынѣшнее время справедливость требуетъ, чтобъ вы издерживали деньги на врачеваніе уязвленнаго и бо-

лящаго отечества, чтобы покупали лѣкарства и платили бы врачамъ за труды ихъ. Лѣкарства — науки; врачи — ученые и умные люди. Что́ пользы вамъ въ богатствѣ, если не умѣете употребить его на воспитаніе и обученіе дѣтей вашихъ? Что́ пользы оставлять сокровища наслѣдникамъ-невѣждамъ, для которыхъ богатство послужитъ средствомъ дѣлать злое, а не доброе (*)? Какого добра ожидаете отъ богатства, съ которымъ не соединено истинное достоинство? Не уже ли одно золото можетъ избавить васъ отъ стыда слыть невѣждами-отцами дѣтей невоспитанныхъ, или погрязшаго въ варварствѣ отечества гражданами, варварами же въ превосходной степени? Вы охотно подаете милостыню; но не во сто ли кратъ лучшая милостыня будетъ, когда,

(*) Надобно, говорилъ Кратесъ, Философъ, чтобы кто нибудь взошелъ, если можно, на самое высокое мѣсто въ городѣ, и оттуда произнесъ бы слѣдующія слова ко всѣмъ богатымъ отцамъ, которые нерадятъ о воспитаніи дѣтей своихъ: *Ὦ ἄνθρωποι, ποῖ φέρεσθε, οἵτινες χρημάτων μὲν κτήσεως πέρι πᾶσαν ποιεῖσθε σπουδὴν, τῶν δ' υἱέων, οἷς ταῦτα καταλείψετε, μικρὰ φροντίζετε.* (*Πλουτάρχ. περὶ παίδ. ἀγωγ.*) Т. е. Куда стремитесь вы, о граждане, со всевозможнымъ рвеніемъ стараясь о приобрѣтеніи богатства, и мало заботясь о дѣтяхъ, которымъ его оставите! *Соч.*

вмѣсто того чтобы кормить бѣдныхъ, вы отдалите самую причину бѣдности? Нищета нерѣдко бываетъ слѣдствіемъ праздности своевольной, или же тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство: лѣнивыхъ и бѣдныхъ вообще бываетъ много тамъ, гдѣ нѣтъ ни искусствъ, ни наукъ, и гдѣ нѣтъ хорошихъ законовъ (*).

Присоединитесь же и вы къ ревнителямъ общаго блага, ради имени отечества нашего, ради любви къ нему! Принесите каждый по своимъ силамъ; ибо отечество, находясь въ несчастіи, неимѣетъ казны народной для учрежденія воспитательныхъ заведеній и училищь въ пользу бѣдныхъ юношей. Производить учителямъ плату изъ казны общественной есть также изобрѣтеніе и законоположеніе тѣхъ Гре-

(*) Въ Аѳинахъ небыло ни нищихъ, ни просящихъ милостыни, пока Аѳины управлялись хорошими законами, пока въ нихъ старались о хорошемъ воспитаніи и обученіи юношества, пока уважаемы были искусства и художники, а праздность наказывалась наравнѣ съ важными проступками. Но пренебреженіе благихъ Солоновыхъ законовъ и нерадѣніе о надлежащемъ обученіи юношества въ послѣдствіи времени (какъ говоритъ Исократъ) обременило Аѳины бѣдняками, просящими хлѣба. . . *Соч.*

ковъ (*), которыхъ вы потомками называетесь. Размножьте по всей Греціи училища и библіотеки; пошлите благонравныхъ юношей въ Европу на общественномъ иждивеніи, да принесутъ они къ вамъ блага Европы: имъ вверите вы образованіе возрастающаго поколѣнія. Но не медлите соединиться, ибо Греція имѣетъ нужду въ помощи; не медлите, если хотите заслужить признательность Греціи. Друзья вѣрные спѣшатъ къ бѣдствующему другу; льстецы являются непрежде, какъ уже прошла опасность. Не сѣтовать должно по поводу сихъ полезныхъ и благихъ издержекъ, а благодарить промыслъ Божій, назначившій вамъ жить въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда, благоразумно употребляя только избытки своего имущества, вы можете стяжать безсмертную себѣ память и заслужить имя *благотворителей Греціи*. И безъ особенной проницательности разума каждому должно быть примѣтно, что началась перемѣна Греціи къ лучшему.

(*) Вотъ что говоритъ Діодоръ Сицилійскій о Харондѣ, законодателѣ Ѳуріянъ: „Онъ постановилъ, чтобы всѣ сыновья гражданъ учились грамотѣ, и чтобы отъ города производилась плата учителямъ; ибо предвидѣлъ, что бѣдные, не въ состояніи будучи платить, не моглибы воспользоваться превосходнѣйшими выгодами образованія (*Библ. IB. кеф. iβ*)". *Соч.*

Отъ васъ не далеко время, когда отечество будетъ отвращать взоры свои отъ всѣхъ даровъ тѣхъ богачей неблагоразумныхъ, которые не спѣшили къ нему съ помощію въ нуждѣ. Ежели бѣдность отечества не возбуждаетъ въ васъ ни стыда, ни сострадания; то попеченіе о собственныхъ дѣтяхъ пускай подѣйствуетъ надъ вами. Когда Греція просвѣтится, вы небудете уже имѣть нужды отправлять ихъ для путешествія въ чужіе краи: у себя дома будете наслаждаться плодами ихъ ученія, будете свидѣтелями ихъ сыновней преданности; ибо съ образованіемъ ума и сердца сопряжены также и обязанности дѣтей къ родителямъ. Отъ немедленнаго соединенія благомыслящихъ богачей съ учеными зависятъ и честь и спасеніе Греціи. Вообще намъ всѣмъ отыдно быть предметомъ униженія для прочихъ народовъ, не занимать между ними „ни третьяго мѣста, ни четвертаго, ниже двѣнадцатаго," какъ произнесъ древній оракулъ у Мегарянъ, не считаться даже народомъ на земномъ шарѣ! И кому же? Намъ, потомкамъ націи, первой мудростію и величіемъ! И въ какое время? Когда имѣемъ возможность избавить общее отечество наше отъ порицаній за невѣжество!

Все, что говорилъ я къ вамъ, богатые сыны Греціи, и къ вамъ, о юноши, ищущіе

познаній, о общемъ для всѣхъ насъ долгѣ — говорилъ единственно побуждаемый тою любовію къ отечеству, которая и васъ нынѣ ведетъ къ благой цѣли; не имѣю другой причины, недостойной Греческаго сердца. Если бы нашлись люди (а я надѣюсь, что ненайдется ни одного человѣка), которые сказанное мною приняли бы въ дурную сторону, потому только что имъ мало нужды, будетъ ли вновь счастливою Греція, будетъ ли она украшаться прародительскими доблестями, науками, хорошими законами, древнею славой; къ такимъ людямъ я повторю слова, сказанныя Исократомъ къ подобнымъ слушателямъ и судіямъ: „О „такихъ слушателяхъ я никогда незаботился, равно какъ и никто изъ благомыслящихъ; но мнѣ дороги тѣ, которые все „предлагаемое мною помнятъ и нескучаютъ „обиліемъ предмета . . . особливо же, которымъ всего пріятнѣе слушать о доблестяхъ мужей знаменитыхъ, или о средствахъ жить хорошо въ обществѣ. Которые захотятъ и могутъ подражать имъ; „тѣ славно проведутъ жизнь, и содѣлаютъ отечественные города свои благополучными.“ (*Ἰσοκρ Παναθην.*)

Съ Гречес. К.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Судъ надъ Лувелемъ въ Палатѣ Перовъ Франціи.

Собраніе публики было весьма многолюдное. Въ числѣ знатныхъ особъ находился также и Посолъ Персидскій съ Секретаремъ своимъ и съ г-мъ Кифферомъ, Профессоромъ Турецкаго языка во Французской Коллегіи. Свидѣтели заняли мѣста при канцелярскомъ столѣ Генералъ-Прокурора. Ровно въ 10 часовъ (4 Іюня н. ст) Перы введены были въ залу предсѣдателемъ своимъ Канцлеромъ Франціи, г-мъ Дамбре. Г-да Аршамбо и Бонне, должностные адвокаты обвиняемаго, сидѣли уже при своихъ столикахъ, близъ мѣста назначеннаго для Лувеля. Наконецъ является *етотъ человѣкъ*... Называемъ его такъ изъ уваженія къ словамъ Августѣйшей жертвы . . . Мы не въ силахъ описать впечатлѣнія, какое произведено было присутствіемъ *сего человѣка*.

Немедленно произнесены были имена присутствующихъ Перовъ. Лувеля посадили

на томъ самомъ мѣстѣ, которое въ 1815 году занималъ первый преступникъ, подвергнутый верховному суди ищу Папапы. Онъ былъ въ сюртукѣ темнаго цвѣта, и одѣтъ довольно опрятно; лобъ у него высокой, лицо безъ всякаго выраженія, глаза впалые и тусклые.

Президентъ вопрошаетъ обвиняемаго объ его имени и проч. Послѣдній отвѣчаетъ, что онъ называется Петръ Лудовикъ Лувель, имѣетъ тридцать семь лѣтъ, родомъ изъ Версальи, ремесломъ сѣдельникъ.

Президентъ. Адвокаты очень хорошо знаютъ обязанности благороднаго своего званія, и потому излишнимъ почитаю напоминать имъ, что они не могутъ говорить ничего противнаго своей совѣсти, или несовмѣстнаго съ достодолжнымъ уваженіемъ передъ законами, и что въ рѣчахъ своихъ они должны наблюдать благопристойность и умѣренность.

Послѣ того прочитанъ былъ актъ обвинительный. Представить себѣ не льзя ужаснаго равнодушія, съ какимъ *етотъ человѣкъ* слушалъ чтеніе.

Президентъ. Лудовикъ - Петръ Лувель! ты выслушалъ обвинительный актъ. Ты обвиняешься въ мерзкомъ злодѣяніи, которое

13 го Февраля ночью повергло всю Францію въ безпредѣльную горесть. Если бы натура иногда не производила чудовищъ; то вовѣки никто бы не повѣрилъ, что Французъ могъ питать въ себѣ столь ужасное намѣреніе. Предлагай безъ страха и недовѣрчивости все, что почитаешь полезнымъ къ своему оправданію. Г. Генералъ-Прокуроръ объявитъ статьи обвиненія.

Г. *Белларъ* (Генералъ-Прокуроръ). Ужаснѣйшее злодѣяніе, предоставленное сужденію Палаты, столь немногосложно и обстоятельствъ обвиненія такъ мало, что послѣ прочтенія выслушаннаго вами обвинительнаго акта едва ли позволено терять драгоцѣнное время. Мнѣ ничего прибавить не остается, кромѣ того только, что Дюкъ Беллунскій, считающійся въ спискѣ свидѣтелей, не можетъ явиться здѣсь по причинѣ жестокой своей болѣзни, и что г. Леду-Дежене, другой свидѣтель, ненуженъ, потому что показаніе его не заключаетъ въ себѣ никакой важности.

Непосредственно за тѣмъ начался допросъ обвиняемому.

Вопросъ. Узнаешь ли ты ножъ, служившій орудіемъ преступленія? (Показываютъ ножъ обвиняемому; публика вздрогнула отъ ужаса.)

Отвѣтъ. Такъ, милостивый государь! (Oui, monsieur!)

Вопросъ. Узнаешь ли еще кинжалъ, найденный при тебѣ, когда тебя схватили.

Отвѣтъ. Такъ, м. г.

В. Кому заказывалъ ты сдѣлать ножь?

О. Ножевщику въ Рошели.

В. По какой побудительной причинѣ ты закололъ Е. В-о Дюка Беррійскаго?

О. Я лишилъ его жизни въ намѣреніи истребить родъ Бурбоновъ, который, по моему мнѣнію, пагубенъ для націи.

В. Не имѣлъ ли ты какой нибудь личной ненависти?

О. Совсѣмъ никакой.

В. Почему изо всѣхъ членовъ Королевской фамиліи выборъ твой прежде всего палъ на Принца, не самаго близкаго къ трону?

О. Потому что онъ родоначальникъ будущаго поколѣнія. (Движеніе ужаса въ публикѣ.)

В. Какъ давно возъимѣлъ ты сіе гнусное намѣреніе?

О. Съ 1814 года.

В. Ты объявилъ при допросахъ, что въ 1814 году предпринималъ путешествіе

въ Кале, чтобы совершить злодѣйской свой умыселъ надъ особою Короля, или надъ Принцами; стоишь ли ты въ своемъ показаніи?

О. Да, я былъ въ Кале.

В. Съ намѣреніемъ умертвить Короля?

О. Нѣтъ, сударь; Король былъ тогда въ Парижѣ; но я надѣялся въ правой или въ лѣвой сторонѣ найти кого нибудь изъ фамиліи Королевской, возвратившейся во Францію съ войскомъ чужестраннымъ.

В. Ежели ты еще въ 1814 году имѣлъ такой умыселъ; то, возвращаясь изъ Меца, вмѣсто того чтобы остаться въ Парижѣ, гдѣ могъ бы ты найти случай къ исполненію своихъ адскихъ намѣреній, ты отправился въ Фонтенебло, и потомъ на островъ Ельбу. . . . Что дѣлалъ ты на островѣ Ельбѣ?

О. Я путешествовалъ для работы по своему ремеслу.

В. На островѣ Ельбѣ имѣлъ ли ты сношенія съ Наполеономъ или съ кѣмъ нибудь изъ принадлежащихъ къ его дому?

О. Совсѣмъ нѣтъ.

В. Открывалъ ли ты кому-либо свои злодѣйскія намѣренія?

О. Никому.

В. Не давалъ ли тебѣ кто нибудь совѣтовъ, не ободрялъ ли тебя кто нибудь къ поспѣшному исполненію?

О. Нѣтъ.

В. За чѣмъ оставилъ ты островъ Ельбу?

О. Я туда ѣздилъ единственно для работы.

В. Почему, оставивши островъ Ельбу, ты не приближался къ Парижу, гдѣ находилось твое семейство, и за чѣмъ жилъ ты въ Шамбери до самаго того дня, какъ Буонапартъ прибылъ во Францію?

О. Я немогъ всегда быть въ дорогѣ; надлежало останавливаться, чтобы выработывать себѣ пропитаніе. Пяти или шести сотъ миль я немогъ проѣхать безъ работы.

В. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что ты возвратился въ Парижъ съ придворнымъ штатомъ Буонапарта, съ которымъ ты повстрѣчался въ Ліонѣ; ты работалъ съ его сѣдельниками, и былъ съ ними въ походѣ; какими средствами послѣ стодневнаго правленія удалось тебѣ получить мѣсто въ Королевской сѣдельнѣ?

О. При помощи одного изъ моихъ родственниковъ, которой управлялъ ею.

В. Какимъ образомъ, находясь даже въ службѣ Королевской, ты не оставилъ своихъ ужасныхъ намѣреній?

О. Я твердо рѣшился.

В. Не вѣроломные ли совѣты, не пагубное ли ученіе, не ядовитыя ли книги (Лувель кричитъ: нѣтъ, нѣтъ!) были поводомъ къ злодѣйскимъ твоимъ умысламъ?

О. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ объ нихъ.

В. Еслибъ не управлялъ тобою политическій фанатизмъ, привязавшій тебя къ Буонапарту, то какъ не удержало бы тебя чувство чести и религіи? Не уже ли ты неслѣдуешь никакимъ правиламъ вѣры? Какой ты религіи?

О. Я родился въ 1783 году и въ католической вѣрѣ; но я перемѣнялъ ее, смотря по обстоятельствамъ, и былъ иногда *ѳеофилантропомъ*, иногда католикомъ.

В. Если ты, по несчастію, не вѣруешь въ правосудіе Божеское; то все ты долженъ вѣровать въ человѣческое правосудіе. Не уже ли не зналъ ты, чему подвергаешь жизнь свою?

О. Напротивъ; во мнѣ надобно видѣть Француза, которой самъ себя обрекъ на жертву.

В. Для чего же ты употреблялъ столько усилій, чтобъ укрыться?

О. Я не надолго укрылся.

В. Не обѣщано ли кѣмъ нибудь помочь тебѣ скрыться?

О. Никѣмъ.

В. Что бы ты сдѣлалъ, еслибъ удалось тебѣ избѣжать рукъ правосудія?

О. Я сердился на всѣхъ Французовъ, которые воевали противъ своего отечества.

В. И такъ ты непремѣнилъ бы своихъ убійственныхъ намѣреній?

О. Да, вразсужденіи всѣхъ Французовъ, измѣнившихъ своему отечеству.

В. Не уже ли зрѣлище послѣднихъ минутъ Дюка Беррійскаго непоказало тебѣ всей великости твоего злодѣянія?

О. Нѣтъ, сударь.

В. И тебя не смягчили болѣзненные вопли Принца, которой, умирая какъ истинный Христіянинъ, молился за тебя, прощалъ тебя, испрашивалъ помилованія тебѣ, не изъявилъ ни малѣйшей жалобы, не произнесъ ниже одного слова ропота? Тебя ничто не тронуло?

О. Въ етомъ прошу извинить меня.

В. Слѣдственно ты не желаешь обратиться къ той религіи, въ которой ты родился, которая озарила лучами славы кончину твоей жертвы и которая можетъ облегчить смерть даже для величайшаго злодѣя?

О. Религія непоможетъ при такомъ преступленіи, какое я сдѣлалъ.

Президентъ. Не будетъ ли угодно кому-либо изъ господъ Перовъ предложить свои вопросы?

Графъ Сенъ-Романъ. Обвиняемый говоритъ, что былъ въ Кале. Пускай же онъ скажетъ намъ, въ какомъ именно мѣстѣ находится монументъ, воздвигнутый въ память прибытія Его Величества на берегъ Франціи?

Лувель объявляетъ.

Г. Лалли-Толандаль. Какими книгами обвиняемый преимущественно занимался въ своей молодости, и послѣ?

Лувель. Я читывалъ о правахъ человѣка и конституцію.

Вопросъ. Какую?

Отвѣтъ. 1789 Года, или другія, для меня было все равно.

Г. Лалли-Толандаль. Какіе журналы читалъ онъ въ сіи послѣдніе годы?

Отвѣтъ. Никакихъ.

Графъ Дезезъ. Мы слышали при чтеніи слѣдствія, что обвиняемаго спрашивали, для чего хотѣлъ онъ умертвить и Дюка Ангулемскаго. Онъ отвѣчалъ, что обязанъ былъ это сдѣлать. Спросили: почему? онъ далъ пространной отвѣтъ, изъ котораго видно, что ему казалось нужнымъ отклонить подозрѣніе въ соучастіи отъ нѣкоторыхъ людей, на которыхъ оно могло бы падать. Къ сожалѣнію, допросъ на этомъ остановился, и Лувель не объяснилъ, на кого именно, могло бы падать подозрѣніе.

Лувель. Еслибъ мнѣ посчастливилось убѣжать, то моя удача была бы несчастіемъ для Франціи: полиція дѣлала бы поиски; многіе люди попали бы въ бѣду; цѣлыя тысячи взяты были бы подъ стражу. А какъ я сердился на всѣхъ тѣхъ, которые поднимали оружіе противъ Франціи и измѣняли своему отечеству; то мнѣ было бы весьма прискорбно видѣть себя одного чуждымъ подозрѣній. Вотъ я и хотѣлъ посягнуть на новое злодѣйство, чтобъ освободить тѣхъ, которые были бы задержаны. . . . Дѣло сбыточное, что послѣ я перемѣнилъ бы свои мысли; но таково было тогда мое намѣреніе, буде я неускользнулъ бы, или не лишилъ бы себя жизни.

Вопросъ. Но тебѣ должно бы явиться добровольно передъ правительствомъ и сказать: я тотъ человѣкъ, котораго вы ищете.

Отвѣтъ. Я поступилъ бы лучше.

Виконтъ Дюбошажъ. Какихъ именно людей нехотѣлъ бы ты ввести въ бѣду?

Лувель. Всѣхъ тѣхъ, на которыхъ могло бы пасть подозрѣніе. Вы видѣли, что́ случилось: многіе посажены по тюрмамъ, и даже одинъ офицеръ, сказавшій нѣкоторыя слова у цвѣточницы; я слышалъ объ етомъ въ тюрмѣ.

Генералъ Прокуроръ объявилъ, что во время слѣдствія обвиняемому дѣланы были вопросы по сему предмету, но что онъ не показалъ ничего удовлетворительнаго.

Президентъ. Заклинаю тебя объявить передъ Богомъ, передъ душею и совѣстію твоею: зналъ ли кто нибудь объ ужасномъ твоемъ умыслѣ?

Лувель. Правда, что онъ ужасенъ; но въ немъ никто не былъ соучастникомъ.

Вопросъ. Въ какомъ отношеніи находишь ты преступленіе свое ужаснымъ?

Отвѣтъ Въ такомъ, что ужасно идти за кѣмъ бы то ни было, чтобы зако-

лоть его сзади. (Пропускаемъ вопросы предложенные отъ Президента свидѣтелямъ, незаключающіе въ себѣ особливой важности.)

На другой день ровно въ десять часовъ преступника ввели въ Палату. Вошедши, онъ поклонился судьямъ своимъ. Когда провозглашены были имена присутствующихъ Перовъ, и Генералъ-Прокуроръ, по дозволенію отъ Президента, изложивъ существо дѣла, упомянулъ, по какому закону и какой именно казни подлежитъ виновный; тогда г. Бонне, адвокатъ, защищалъ своего кліента слѣдующимъ образомъ.

„Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ мы преисполнились бы чувствомъ признательности, гордились бы дарованнымъ намъ правомъ, гордились бы даже обязанностію своею говорить предъ симъ величественнымъ собраніемъ первостепенныхъ вельможъ государства; мы гордились бы исполнять долгъ званія своего передъ симъ высокимъ судилищемъ! Но въ сію минуту, о Небо! какъ мало мѣста остается для подобныхъ чувствъ въ сердцахъ нашихъ, изнуренныхъ плачевными воспоминаніями! Уже четыре мѣсяца Франція носитъ одежду сѣтованія глубокаго.

„Со всѣмъ тѣмъ ваше, милостивые государи, благоразуміе произнесетъ къ са-

мимъ вамъ священную истину: не намъ, не при нынѣшнемъ положеніи нашемъ должно предаваться симъ горестнымъ мыслямъ, симъ справедливымъ сожалѣніямъ объ нашей утратѣ. Довѣренность господина Канцлера, высокаго Президента вашего, возложила на насъ долгъ, еще болѣе трудный, нежели почтенный долгъ изыскать возможныя средства въ пользу обвиняемаго, и мы должны были, мы должны и теперь, въ сію самую минуту удержать стремленіе чувствъ нашихъ, и единственно заняться спокойнымъ изслѣдованіемъ: нѣтъ ли какъ въ формѣ судопроизводства, такъ и въ существѣ дѣла чего-либо такого, что̀ служило бы къ облегченію судьбы несчастнаго, которой теперь передъ вами. Сіе спокойствіе, сіе хладнокровіе, принятыя въ непремѣнную обязанность двумя адвокатами, истинными Французами, при своихъ изысканіяхъ, и самыя сіи изслѣдованія суть плодъ такихъ усилій, которыя можетъ быть заслужатъ ваше вниманіе.“

За симъ Ораторъ съ неменьшимъ благородствомъ какъ и осторожностію разсматривалъ, принадлежитъ ли дѣло объ убійствѣ Принца Беррійскаго судилищу Перовъ, приводитъ законы и старается доказать, что высшей Палатѣ Королевства не слѣдовало производить судъ надъ преступленіемъ Лувеля.

„Поступокъ Лувеля ужасенъ!“ продолжаетъ Ораторъ, возвысивъ свой голосъ: „самъ обвиняемый шакимъ его называетъ: не въ семъ отношеніи буду я его оправдывать: но дозвольте мнѣ, милостивые государи, разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится разсудокъ сего человѣка.

„Никакого преступленія не можетъ быть безъ произвола; а произволу непремѣнно должна быть причина. Если же обвиняемый при совершеніи своего поступка находился въ такомъ состояніи, въ которомъ невозможно не видѣть сумасшествія или даже самаго бѣшенства; то разсудите, дѣйствовалъ ли онъ съ тою независимостію воли, которая одна признается виновною.

„Вамъ извѣстно, милостивые государи, что врачи, именно же врачи нынѣшніе, въ числѣ разныхъ родовъ сумасшествія находятъ одинъ подъ названіемъ *мономаніи*. Человѣкъ ею одержимый во всѣхъ прочихъ пунктахъ бываетъ разсудителенъ, кромѣ только одного, на которомъ онъ помѣшанъ: такой человѣкъ мгновенно впадаетъ въ сумасшествіе, когда всѣ его мысли сосредоточиваются на одномъ предметѣ и имъ поглощаются. Есть люди, въ которыхъ оказывается безуміе, когда заспорите съ ними; съ однимъ, на примѣръ, объ его полѣ, съ другимъ объ его званіи, и такъ далѣе. Не говорите

съ ними о пунктѣ, на которомъ они помѣшаны, и они покажутся вамъ такими же людьми какъ и другіе. Кажется, что Лувель принадлежитъ къ числу ихъ по особливому образу его мыслей вразсужденіи Августѣйшей фамиліи, по гнусному и безумному понятію, которое имъ овладѣло. Можно бы сказать, что духъ адскій, носясь надъ его головою, покорялъ его желѣзнымъ своимъ скипетромъ (??), и что сей ненавистный призракъ безпрестанно представлялъ его взорамъ кинжалъ, которымъ онъ долженъ былъ поражать Бурбоновъ.

,,Происходило ли сіе богопротивное мечтаніе отъ его характера, печальнаго, мрачнаго, задумчиваго, или же оно было слѣдствіемъ чтенія тѣхъ ядовитыхъ сочиненій, которыя необузданное своевольство распространяетъ нынѣ весьма удобно; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что разсудокъ Лувеля помѣшался на етомъ пунктѣ, и что етотъ человѣкъ, котораго по другимъ отношеніямъ, можетъ быть, ни въ чемъ обвинять не можно, конечно дѣйствовалъ не въ полномъ присутствіи всѣхъ душевныхъ способностей.

,,Разсудите, милостивые государи, въ полномъ ли умѣ тотъ, кто могъ подвергнуть правиламъ логики и даже самой мо-

рали умствованія свои о качествѣ проклящаго умысла? Хорошо ли я сдѣлаю, или дурно? такъ онъ спрашивалъ самъ себя: правъ ли я или виноватъ, посягая на жизнь такого Принца, на котораго неимѣю ни малѣйшей причины жаловаться, и которой несдѣлалъ никакого зла ни мнѣ, ни моимъ ближнимъ (*)? Такъ, милостивые государи! Человѣкъ, которой могъ предаваться подобнымъ недоумѣніямъ, есть конечно съумасшедшій. Вы взвѣсите сіе замѣчаніе, предлагаемое мною неиначе какъ съ достодолжнымъ къ вамъ почтеніемъ и съ недовѣрчивостію къ собственному моему открытію: вы сами назначите ему цѣну. Ахъ! сколь вожделѣннымъ утѣшеніемъ было бы для васъ, для Франціи, для Европы, для человѣчества, если бы мы возмогли въ семъ несчастномъ увидѣть не что иное, какъ непроизвольное орудіе грознаго удара, которымъ Небу угодно было посѣтить насъ *послѣднимъ* несчастіемъ, повергнувъ въ горесть нашего Короля, нашихъ Принцевъ и наше отечество (??)...

„Статься можетъ уже порицаютъ насъ, что мы пропустили самое важнѣйшее въ пользу обвиняемаго, или даже что мы неудовольствовались симъ однимъ пунктомъ

(*) Сіе показаніе *Лувеля* выше было пропущено, для краткости. *Рдръ*.

для его оправданія. Вы предупреждаете слова мои, милостивые государи, и вамЪ кажется, что вЪ сію минуту слышите послѣдніе вопли Принца-мученика. . . *Ето безумецЪ* ! . . . Помилованіе! помилованіе *человѣку* ! МонархЪ, по сердцу родитель несчастной жертвы, отецЪ всѣхЪ своихЪ подданныхЪ, долго неявляется, а ПринцЪ единственно думаетЪ о спасеніи жизни своему убійцѣ. Исполненный нетерпѣливости хрістіанина, среди мучительнѣйшихЪ страданій, онЪ почти исключительно занимается жребіемЪ самаго виновника сихЪ страданій. Здѣсь, вовсе неимѣя намѣренія обременять судьбу обвиняемаго, но даже ему вЪ пользу, именно желая покрыть его егидою защиты, мы должны изЪявить все удивленіе наше кЪ несчастной жертвѣ. Болѣзненно утѣшенный слезами своей мужественной супруги, умѣющей владѣть собственнымЪ отчаяніемЪ, утѣшенный присутствіемЪ юной и невинной своей дщери, великодушный ПринцЪ нѣкоторымЪ образомЪ дѣлитЪ заботы свои между высокими предметами своей нѣжности и несчастнымЪ *безумцемЪ*, поднявшимЪ на него убійственную руку. Неслыханный союзЪ мыслей, столь несовмѣстныхЪ! Противуположность, для одной только великой души возможная! ИзЪ послѣднихЪ минутЪ, которыя сей любезный ПринцЪ могЪ бы посвятить нѣжнѣй-

ннимъ чувствамъ сердца, онъ удѣляетъ нѣсколько на ходатайство за своего убійцу! Помилованіе *человѣку*! Какая разборчивость при употребленіи слова, впрочемъ весьма обыкновеннаго! Помилованіе *человѣку*! Милостивые государи! человѣкъ сей передъ вами. Послѣднія слова жертвы его не уже ли останутся геройствомъ, для нее безполезнымъ? Ежели сей вопль о помилованіи, вопль, изшедшій изъ устъ умирающаго Принца, не силенъ подѣйствовать надъ судіями; то прибавьте къ нему еще приговоръ . . . самою жертвою произнесенный: это *безумецъ*. Пускай оба сіи слова, которыя сильнѣе тщетныхъ умствованій и доказательствъ нашихъ, пускай они совокупно подѣйствуютъ надъ вами въ пользу судимаго вами *человѣка*. И для чего быть намъ болѣе строгими, нежели самъ тотъ, кого мы оплакиваемъ? Пускай сіи слова послужатъ ему единственною обороной, единственнымъ убѣжищемъ. Такъ, онъ безумецъ! безумецъ тотъ, кто принялъ и въ теченіе шести лѣтъ могъ питать въ себѣ адское намѣреніе истребить знаменитѣйшій, милосерднѣйшій, чадолюбивѣйшій родъ государей, достойнѣйшій управлять народомъ усерднымъ, свободнымъ и великодушнымъ.“

Когда Адвокатъ окончилъ рѣчь свою съ сильнымъ движеніемъ, въ которомъ и вся публика

брала примѣтное участіе, Президентъ объявилъ Лувелю, что ему дозволяется къ словамъ защитника своего прибавить и отъ себя, если находитъ въ томъ нужду. Лувель, ничего не отвѣчая, встаетъ, вынимаетъ изъ кармана два листочка бумаги, исписанные своей рукою, и голосомъ нечувствительности самой холодной читаетъ. Ужасъ и негодованіе (сказано во Французскомъ журналѣ) запрещаютъ намъ повторить слова его. По назначенію Президента, Генералъ-Прокуроръ долженъ былъ опровергать оправданіе. Послѣ короткаго вступленія, гдѣ упомянулъ о возможномъ съ одной стороны снисхожденіи къ обвиняемому, надъ которымъ не произнесено еще приговора, а съ другой о всѣхъ предосторожностяхъ, требуемыхъ порядкомъ общественнымъ, Ораторъ прибавилъ: „Какой прекрасной видѣли мы примѣръ въ оборонѣ тяжкаго преступника двумя защитниками, и какъ пріятно мнѣ объявить, что вы, исполняя трудную свою должность, неудалились отъ обязанностей добраго гражданина! Пріятно мнѣ также имѣть нынѣ противниками своими особъ, во всякое другое время соперниковъ моихъ по искусству, — людей, которыхъ дружба драгоцѣнна мнѣ даже и тогда, какъ я обязанъ говорить противное ихъ доводамъ.

„Отдавая справедливость дарованіямъ и благоразумной умѣренности защитниковъ, я однакожъ обязанъ опровергнуть ихъ возраженія.“

Здѣсь Генералъ-Прокуроръ по порядку доказываетъ недѣйствительность защитительныхъ пунктовъ: *во первыхъ*, за силою Хартіи посягнувшій на жизнь Короля и Принцевъ его фамиліи точно подлежитъ суду Палаты Перовъ; *во вторыхъ*, Лувель конечно безумецъ, но безумецъ какъ и всѣ злодѣи, которые умышленно нарушаютъ общественное спокойствіе; *въ третьихъ*, Принцъ Беррійскій, умирая какъ христіянинъ, прощалъ врага своего, но законы остаются непреклонными. „Виновный можетъ взывать къ одному только Богу;“ симъ г. Белларъ заключилъ рѣчь свою: „отъ васъ же, милостивые государи, требуется правосудія неумолимаго, и вы предохраните себя отъ преступной жалости къ такому человѣку, которой дерзнулъ поднять убійственную руку свою на Принца, надежду Престола и отечества.“

Г. Бонне еще разъ старался подкрѣпить свои возраженія; но это ни къ чему неслужило, и Канцлеръ обьявилъ производство суда оконченнымъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ публика вышла изъ залы; остались одни только Перы. Въ два съ половиною часа двери отворились, публика входитъ въ

залу, и Канцлеръ произносишъ сочиненный и уже подписанный приговоръ, по кошорому Лувель осужденъ къ смершной казни.

(*Сокращ. изъ Жур. Преній.*)

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Члены извѣсшнаго Мадришскаго клуба Лоренцини вздумали сочинишь адрессъ Комишешу Министровъ объ удаленіи отъ службы военнаго Министра Ласъ Амарильяса (пошому что онъ племянникъ Касшаньоса) и ошправили оный съ шремя депушашами въ два часа ночью. Многіе изъ членовъ рѣшились дождашься ихъ возвращенія, и говорили, что всѣ пойдушъ къ Королю, если просьба ихъ не будешъ уважена. Между шѣмъ военный Минисшръ самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и всѣ Минисшры сдѣлали шо же. Но Король вмѣсто ошвѣша на дерзкое шребованіе членовъ ошправилъ въ клубъ военную команду съ повелѣніемъ аресшовашь шроихъ главнѣйшихъ крикуновъ (Феррера, Коудеро, Гарро) и предашь ихъ суду за своевольные поступки. Всѣ войска были въ гошовносши дѣйсшвовашь прошивъ возмушишелей порядка, и вновь увѣрили Короля въ своей вѣрносши и преданносши. Народъ былъ нѣсколько времени безпокоенъ; но скоро все пришло опяшь въ прежній порядокъ. Это происходило 17 числа Мая (н. сш.). Скоро послѣ упомянушаго происшесшвія нѣкоторые безпокойные члены шого же клуба вздумали освободишь шрехъ своихъ шоварищей; но собранныя войска, кошо-

рымъ велѣно было произвести огонь по первому сигналу, заставили ихъ отложить свое намѣреніе. Еще другіе члены сего же общества представили правительству новую прозьбу, въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ и съ бо́льшимъ числомъ подписей. Они имѣли ту же самую участь, какъ и сочинители перваго адресса, т. е. взяты были подъ стражу. Послѣ сихъ неудачь буйныя головы смирились, да и самый клубъ, почти совсѣмъ опустѣвшій, скоро послѣ того закрытъ по повелѣнію Его Величества.

Почти въ то же время въ Сарагоссѣ произошли значительныя безпокойства. Маркизъ Лазанъ не хотѣлъ сдать команды Генералу Гаро, назначенному отъ правительства его преемникомъ. Приверженцы стараго порядка вещей, отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, по большей части люди низкаго состоянія, вознамѣрились разрушить *конституціонный столбъ*, воздвигнутый въ память принятія конституціи. Офицеръ, хотѣвшій разсѣять толпу, встрѣченъ былъ восклицаніями: „Да здравствуетъ Религія! Да здравствуетъ Король! Долой конституцію!“ Тогда Генералъ Гаро принялъ начальство надъ собраннымъ гарнизономъ и артиллеріею, и былъ наконецъ принужденъ производить огонь по мятежникамъ. Около 20 человѣкъ убито, а еще болѣе ранено. Либералы приписывали все возмущеніе духовенству; въ слѣдствіе чего къ Архіепископу приставленъ былъ караулъ, а нѣкоторые изъ духовныхъ взяты подъ стражу. Между тѣмъ Лазанъ спасся бѣгствомъ. По требованію Генерала Гаро присланъ Астурійскій полкъ въ Сарагоссу, и спокойствіе въ семъ городѣ возстановлено.

Епископу возвращена свобода; но трое изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ и три Доминиканскіе монаха все еще находятся подъ стражею.

—Выборы депутатовъ, происходившіе въ провинціяхъ, заслужили въ Мадритѣ единогласное одобреніе, ибо пали вообще на людей благоразумныхъ и достойно уважаемыхъ.

Франція.

Лувель казненъ гильотиною на Гревской площади 7го Іюня (н. ст.) въ 6 часовъ утра. Два легіона стояли въ боевомъ порядкѣ на мѣстѣ; сверхъ того по всей дорогѣ отъ тюрьмы до площади поставлены были въ два ряда гвардейскіе кирасиры и жандармы. Зрителей было, по увѣренію публичныхъ листковъ, до 200,000. Идучи къ мѣсту казни, Лувель былъ очень блѣденъ; но впрочемъ весьма спокойно смотрѣлъ на всѣ стороны. Приближась къ подножію эшафота, не могъ онъ скрывать внутренняго безпокойства: сталъ на колѣни и произнесъ краткую молитву. Спустя минуту, голова его отдѣлена была отъ тѣла. Народъ сохранялъ глубокую тишину, и разсѣялся довольно спокойно.

Но спокойство Парижа нарушено было по другой причинѣ. Долго и съ великимъ жаромъ происходившіе въ Палатѣ Депутатовъ споры о законѣ новыхъ выборовъ, очевидно склонялись на сторону роялистовъ. Зрители, находившіеся въ галлереѣ, услышавъ, что перемѣны, предложенныя Камиль-Журданомъ, не были приняты, изъявили горесть свою сперва глубокимъ молчаніемъ, а потомъ громкимъ и дерзостнымъ ропотомъ. Извѣстіе сіе распространилось внѣ залы и повергло

въ отчаяніе многочисленныя толпы либераловъ, тѣснившихся предъ входомъ. Мало помалу онѣ разсѣялись, и осталось только человѣкъ пятьдесять, непремѣнно хотѣвщихъ сопровождать портшезъ, въ которомъ понесутъ Маркиза Шовеленя. При появленіи сего депутата снова раздались восклицанія: „Да здравствуетъ Шовелень! Да здравствуетъ нація! Не надобно аристократовъ!“ Одинъ изъ зрителей, не принадлежавшій къ либеральной шайкѣ, прервалъ оныя другимъ восклицаніемъ, и къ нему тотчасъ присоединилось множество предстоявшихъ: „Да здравствуетъ Король! Не надобно революціи!“ Слова сіи имѣли нѣкоторую волшебную силу. Неистовые либералы разсѣялись, и Маркизъ остался одинъ съ своими носильщиками! Это происходило 2 Іюня. На другой день появились вокругъ Бурбонскаго дворца (въ которомъ происходятъ засѣданія депутатовъ) многочисленныя толпы обѣихъ партіи. Одна сторона кричала: да зравствуетъ хартія! другая: да здравствуетъ Король! Въ числѣ первыхъ были молодые купцы, студенты и отставные офицеры; въ числѣ послѣднихъ извѣстные роялисты и офицеры гвардіи во фракахъ. Послѣдніе окружили всѣ выходы изъ Палаты и дожидались ненавистныхъ имъ Членовъ, чтобъ принудить ихъ покориться; особенно хотѣлось имъ постращать Лафайета; но они его не дождались, а напали на другихъ; на депутатахъ Лесеньерѣ и Жирарденѣ изорвали кафтаны; преслѣдовали карету Бенжамень-Констана, прибили его слугу и пр. Людей, которые кричали: да зравствуетъ хартія! били безъ пощады палками. Правительство приказало военной силѣ разс-

гнать сихъ буяновъ. Ескадронъ конныхъ егерей полку Герцога Беррійскаго разсѣялъ толпы, и при семъ случаѣ убитъ выстрѣломъ изъ ружья одинъ студентъ юриспруденціи. Безпорядки продолжались и въ слѣдующіе дни. Толпы ходили по бульварамъ, произнося восклицаніе своей партіи; онѣ разсѣвались по приближеніи патрулей, но потомъ опять сбирались. Многіе кофейные домы и всѣ лавки въ Пале-Роялѣ были закрыты. Подъ арестъ взято въ сіи дни до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ Генералы Фресинетъ и Салиньякъ, Полковникъ Барбье-Дюфе и Ротмистръ Дювержье. Префектъ полиціи издавалъ два раза прокламаціи о соблюденіи тишины, и напоминалъ о наказаніяхъ, какими угрожаютъ законы нарушителямъ общественнаго порядка. Взяты были всѣ возможныя мѣры осторожности, и новые полки призваны въ столицу. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, тишина совершенно возстановлена въ Парижѣ.

— Законъ о выборахъ, принятый большинствомъ голосовъ Палатою Депутатовъ, уже представленъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ Палатѣ Перовъ. Отсюда поступитъ онъ къ Королю на утвержденіе.

— Разныя особы, открывшія подписку въ пользу тѣхъ людей, которые постраждутъ отъ новыхъ законовъ о цензурѣ и личной свободѣ, приговорены уголовнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьму на пять лѣтъ и къ уплатѣ пени по 6000 фр. Редакторы шести журналовъ приговорены къ такому же заключенію и къ уплатѣ 12,000 фр., а издатель Исторической Библіотеки, вторично преступившій предписанія законовъ, къ наказанію

вдвое. Сіи люди оскорбили власть Короля и Палатъ, приглашая подданныхъ къ неповиновенію законамъ. Подсудимые подали апелляцію.

Англія.

Въ 6 день Іюня (н. ст.) Королева Англійская прибыла изъ Кале въ Дувръ на обыкновенномъ пакетботѣ, въ сопровожденіи г-жи Гамильтонъ и Лондонскаго Алдермана Вуда, который отправлялся къ ней на встрѣчу. Еще въ Сентъ-Омерѣ, когда Королева была на пути въ Англію, посланный отъ Короля Георгія Лордъ Гутчинсонъ объявлялъ ей черезъ повѣреннаго ея, г-на Бруггама, что Министры предлагаютъ производить ей по смерть ежегодно по 50,000 ф. ст. (вмѣсто прежнихъ 35 т.), если она рѣшится отречься отъ титла Королевы Англійской и жить въ чужихъ краяхъ, и что въ случаѣ отказа, она, по прибытіи въ Англію, подвергнетъ себя великимъ непріятностямъ. Королева отринула сіи предложенія съ негодованіемъ, и въ тотъ же часъ отправилась въ Англію, оставивъ Гг. Гутчинсона и Бруггама въ Сентъ-Омерѣ, а Италіянскихъ своихъ Кавалеровъ, Графовъ Бергами и Вазали, въ Кале. Кромѣ помянутыхъ спутниковъ были съ нею усыновленные ею молодой Августинъ и трехлѣтняя дѣвочка. Г-жа Гамильтонъ требовала, чтобы Лордъ Адмиралтейства прислалъ за Королевою яхту; но получила въ отвѣтъ, что онъ сего, за отсутствіемъ Короля, сдѣлать не можетъ. Во Франціи не оказывали Королевѣ никакихъ почестей, и даже не скоро давали на станціяхъ лошадей. Въ Кале сѣла она на пакетботъ, и прибыла въ Дувръ при пушечныхъ выстрѣлахъ съ

крѣпости и радостныхъ восклицаніяхъ народа, который выпрягъ лошадей изъ ея коляски и на себѣ повезъ въ трактиръ. 7го Іюня вечеромъ прибыла она въ Лондонъ и остановилась въ домѣ Вуда. Министры, узнавъ о ея прибытіи, составили совѣтъ, и слѣдующее Королевское предложеніе объявлено Парламенту; „Король находитъ себя принужденнымъ сообщить Парламенту нѣкоторыя бумаги, касающіяся до поведенія Королевы во время отсутствія ея изъ Англіи. Его В — во твердо увѣренъ, что Палата Лордовъ приметъ мѣры, какихъ требуютъ правота сего дѣла, честь и достоинство Короля.“ Графъ Ливерпуль, прочитавъ сіе предложеніе, объявилъ, что сообщитъ Палатѣ оныя бумаги, и на другой день представитъ ей о поднесеніи Королю адресса съ увѣреніемъ, что Палата приметъ требуемыя отъ нея мѣры, и о порученіи сихъ бумагъ на разсмотрѣніе тайному Комитету, который рѣшитъ, какимъ образомъ должно производить сіе дѣло. Въ слѣдствіе чего въ Парламентѣ происходили совѣщанія весьма великой важности. По послѣднимъ извѣстіямъ видно, что между высокими супругами начались переговоры, отъ которыхъ ожидаютъ хорошихъ успѣховъ.

Нумизматическое извѣстіе.

При сильномъ разливѣ рѣки Яузы, которымъ оторвало берега и снесло мосты, недалеко отъ впаденія ея въ Москву-рѣку, въ половинѣ мѣсяца Іюня, найдено въ пескѣ, промытомъ водою, нѣсколько старинныхъ Русскихъ монетъ. Онѣ всѣ мѣдныя, неправильной овальной фигуры и весьма мѣлкія. Изъ 42 таковыхъ монетъ, видѣнныхъ мною въ рукахъ продавца, достойны замѣчанія слѣдующія: 1) съ изображеніемъ на одной сторонѣ орла, а на другой надписи: . . *ло. оваг. рода* (*Пуло Новагорода*), 1 екземп.; 2) съ одноглавымъ орломъ и на оборотѣ надписью: *пꙋло Тверьское*, 3 екз.; 3) съ надписью: *пꙋло Московское* и съ оборотнымъ изображеніемъ одноглаваго орла, 4 екз.; 4) съ такимъ же орломъ и съ неясною на оборотѣ надписью: *печ...*, 2 екз.; 5) 8 монетъ, представляющихъ всадника, а на другой сторонѣ надпись: *Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь*; на прочихъ 22 монетахъ истребились отъ ржавчины надписи и изображенія. Тутъ же найдены двѣ мѣдныя довольно большія круглыя монеты, на коихъ представлены лица, съ Татарскими на противныхъ сторонахъ надписями. Судя по чекану изображеній и буквамъ Русскихъ монетъ, полагаю, что всѣ они не

старѣе XVI и XVII вѣковъ; съ надписью же Царя Алексѣя Михайловича суть монеты, выбитыя симъ Государемъ, по недостатку серебра, во время войны его съ Польшею.

— вичь.

25 Іюня, 1820.

Слова Шарадъ, напечатанныхъ въ предшедшей книжкѣ: 1. *О — строй*; 2. *О — да*; 3. *Бас — нос — ловъ*; 4. *Мо — литва*; 5. *Порт — ной* 6. *Сердце — вина*; 7. *Полынь — я.*

Благотворенія.

1.

Вдова Титулярная Совѣтница П. М Маздорфъ желаетъ довести до свѣдѣнія своихъ Благотворителей о доставленныхъ къ ней пособіяхъ. Въ присланномъ къ Редактору В. Е. списку показано, что она получила:

Чрезъ посредство Коллежскаго Ассессора Ивана Васильевича Яшерова:

Марта 15 отъ Анны Александровны Наумовои изъ Казани 50 руб.; отъ Редактора Вѣстника Европы изъ Москвы 15 руб.; отъ неизвѣстнаго изъ Пензы 25 руб.; 22 го, отъ неизвѣстнаго чрезъ Михаила Александровича Дмитріева 50 руб.; 28 го, отъ неизвѣстнаго изъ Вятки 15 руб; Апрѣля 2 го, отъ неизвѣстныхъ изъ Самары 60 руб; отъ Редактора Вѣстника Европы 20 руб.; отъ неизвѣстнаго изъ Могилева 50 руб.; 12 го, отъ Николая

Ивановича Греча изъ С. Петербурга 30 руб.; отъ неизвѣстнаго изъ Звѣриноголова 25 руб.; 19го, отъ Евграфа Матвѣевича Филомаѳитскаго изъ Харькова, полученныхъ имъ отъ Кіевской доброй помѣщицы для Украинскаго Вѣстника, 25 руб.; 26го, отъ Редактора Вѣстника Европы 10 руб.; Мая 3го, отъ него же 10 руб.; отъ неизвѣстнаго изъ Николаева 25 руб.; 17го, отъ Редактора Вѣстника Европы, полученныхъ имъ отъ неизвѣстнаго Благотворителя, 50 руб., съ обѣщаніемъ ежегодно доставлять по 60 руб.; и того 760 руб. Сверхъ того получено г-жею Маздорфъ: 5го Апрѣля изъ Пензы отъ Дмитрія Кругликова 10 руб.; да чрезъ посредство Коллежскаго Ассессора Николая Ильича Федорова отъ Вольнаго С. Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности 150 руб.

Всего получено ею отъ разныхъ почтеннѣйшихъ Благотворителей *девять сотъ семьдесять пять* руб.

2.

Василій Григорьевичь Чичеринъ, извѣстный читателямъ Вѣстника Европы, — етотъ *дворянинъ* и по происхожденію своему и по благородству чувствъ и поведенія, — етотъ чиновникъ 9 го класса, не имѣющій никакого мѣста, ни вѣрнаго пропитанія, съ дочерью совершенныхъ лѣтъ (*), — приноситъ живѣйшую благодарность сердца великодушнымъ своимъ Благотворителямъ, господину Профессору

(*) Повторяю для будущихъ его Благотворителей, что онъ живетъ къ приходѣ Воздвиженія на Пометномъ Вражкѣ у дьячка. *Н. Ш.*

Федору Ивановичу Чумакову, который лично вручилъ ему 25 руб., и почтенной особѣ, скрывшей имя свое подъ буквами В. М. А. Е. въ письмецѣ, при которомъ также прислано 25 рублей. *Блаженъ разумѣвай на нища и убога.*

Князь Шаликовъ.

— Полученныя подъ Мокшанскою печатью отъ неизвѣстной Благотворительницы *двадцать пять* рублей, по назначенію, отданы лично ему же *В. Г. Чичерину.* *Рдръ.*

3.

Доставленныя къ Редактору Вѣстника Европы отъ неизвѣстной благотворительной особы *двадцать пять* рублей, по назначенію, отправлены въ Тамбовъ ко вдовѣ Флота Капитанѣ 1 го ранга *Ольгѣ Александровнѣ Золотухиной.*

КОНЕЦЪ CXI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

IV. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

V. СМѢСЬ.

При семъ Нумерѣ приложена картинка.

July-Aug.

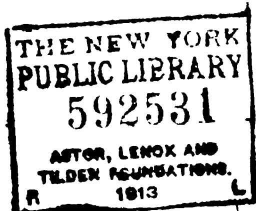
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ CXII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 9 дня 1820 года. *Е. Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13.

1 ЮЛЬ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Прорицаніе.

Елегія.

(Подражаніе.)

Затихла въ рощѣ Филомела
И роза въ полѣ отцвѣла,
Древесъ одежда пожелтѣла
И осень жатву собрала.
Съ Природой вмѣстѣ увядая
Пустыни житель молодой,
Одинъ въ лѣсу бродилъ съ тоской:
,,Прости! не долго, сѣнь родная,
Мнѣ жить подъ сумракомъ твоимъ.
Твой листъ паденіемъ своимъ
Мой смертный часъ напоминаетъ.
О Епидавра страшный гласъ!
Гдѣ ни скитаюсь — все вѣщаетъ:
,,Ты узришь . . . но въ послѣдній разъ,

„Какъ пожелтѣетъ злакъ пустынный;
„Весной одѣнутся долины;
„Потопчутъ первые цвѣты
„Стада ликующихъ селеній, —
„Природа оживетъ . . . но ты
„Не оживешь для наслажденій;
„Весна любовь сердцамъ вдохнетъ
„И солнце послѣ бурь проглянетъ. . . .
„Твояжъ весна скорѣй увянетъ,
„Чѣмъ листъ осенній опадетъ.
„Простися съ жизнью молодою,
„Простись — и тихо угасай!“ . . .
О матерь, я прощусь съ тобою;
И ты, о милая, прощай! . . .
Сбылось . . . губительнымъ дыханьемъ
Свирѣпый вѣтръ меня проникъ.
Едва разцвѣлъ существованьемъ, —
И дней зимы уже достигъ!
Осенни листья! опадайте,
Сокройте прахъ мой отъ людей,
И путь къ могилѣ застилайте
Отъ нѣжной матери моей;
Пусть не найдетъ его подъ вами:
Ей сына не поднять слезами;
Навѣки завтра онъ уснетъ.
Но если . . . утренней порою,
Съ покрытой крепомъ головою,
На прахъ мой милая придетъ;
Тогда подъ нею зашумите

И легкимъ шорохомъ будите
Мою невидимую тѣнь! . . .
Умолкъ — и на другой же день
Душа страдальца отлетѣла.
Съ его кончиной опустѣла
Таинственной дубравы сѣнь . . .
Но прахъ сыновній посѣтила
Его тоскующая мать . . .
И перестала тосковать:
Съ нимъ рядомъ, вотъ ее могила. . . .
А милая — не приходила.

Ал. Н. р. въ.

Сельцо Надеждино.

Епиграммы.

1.

Молва идетъ, что будто Лила
Супруга своего рогами наградила;
Но я не вѣрю той молвѣ:
Пристанутъ ли рога къ *свинцовой* головѣ? . .

2.

— Ты все скучаешь, Епифанъ!
Но, чтобы съ скукою разстаться,
Ты можешь книгами заняться. —
„Вѣдь я не школьникъ, — Капитанъ!“

5.

Лизета! тщетно увѣряешь
Меня въ любови ты своей:
Вѣдь ты любовью называешь
Желанье *нѣсколькихъ* рублей.

П. Н — въ.

Верхнеуральскъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Греческая Философія (*).

Древняя Философія Греческая заключала въ себѣ не столько умозрѣній, сколько вымысловъ. Первыя объясненія природы бываютъ чаще произведеніемъ воображенія, нежели разума; таково свойство ума человѣческаго: онъ охотно вѣритъ самымъ заблужденіямъ, лишь бы только не быть въ неизвѣстности. Сіи изобрѣтенія юнаго ума, въ послѣдствіи времени приведенныя въ порядокъ, составили науку о началѣ вещей.

(*) Изъ Рѣчи, *О духѣ Философіи Греческой и Римской*, въ торжественномъ Собраніи здѣшняго Университета на Латинскомъ языкѣ произнесенной Е. Профессоромъ *И. И. Давыдовымъ.*

Но воображеніе любитъ таинственность: вотъ почему первыя познанія украшены были вымыслами, сильнѣе дѣйствующими на умъ, и первые Философы были вмѣстѣ и Поэты (*). Когда же человѣкъ, обративъ вниманіе на самаго себя, началъ изслѣдовать свойства страстей своихъ и разума, заблужденія облеклись въ ту же таинсвенность; онъ слишкомъ далекъ былъ отъ истины, смѣшавъ силы и способности душевныя съ дѣйствіями предметовъ и не умѣя рѣшительно сказать, душа ли есть изображеніе природы, или природа изображеніе души. Отъ сего Греки представляли душу существомъ воздушнымъ, но имѣющимъ подобіе тѣла. По смерти назначаема была душамъ обитель или въ царствѣ тѣней, или въ созвѣздіяхъ; вліяніе ихъ на здѣшній міръ и тогда не прекращалось: онѣ сообщались съ людьми въ видѣніяхъ сна и другихъ: отсюда система изліяній, отсюда предвѣщанія. Наблюденіе различныхъ явленій въ природѣ, столь удивительной по стройности и красотѣ каждой своей части, сіе наблюденіе родило въ нихъ мысль, что всѣ видимыя нами явленія зависятъ отъ постоянныхъ причинъ и происходятъ по неизмѣняемымъ законамъ; но умъ, еще юный, не могъ

(*) *Мейнерса:* Grundriss der Geschichte aller Religionen.

возвыситься отъ сей мысли до понятія о единомъ премудромъ Существѣ; онъ наполнилъ всю Природу дѣйствующими силами, которымъ приписывалъ управленіе вселенной и воздавалъ имъ божеская. Чтобъ возбудить еще болѣе благоговѣнія къ симъ божествамъ, Поэты возвысили ихъ въ глазахъ народа, приписавъ имъ въ высочайшей степени всѣ добродѣтели. Таковые вымыслы, украшенные всѣми прелестями воображенія, составили новой родъ познаній, совершенно отличный отъ прежнихъ: Музей, Амфіонъ, Орфей, Гомеръ, Гезіодъ, всѣ сіи Поэты, подъ именемъ боговъ, одушевили силы природы и страсти душевныя; ихъ Поезія заключаетъ въ себѣ всѣ понятія того времени о Физикѣ и Нравственности (*). Будучи первыми образователями рода человѣческаго, они почитаются и первыми Философами.

Наконецъ, съ большею опытностію Грековъ, совершенствовалась и Философія, когда мудрецы, отвергнувъ всѣ вымыслы воображенія и принявъ за основаніе законы самаго разума, извлекли изъ оныхъ безчисленное множество истинъ и обогатили ими Философію, такъ что, если смотрѣть съ сей стороны на науку мудрости, то ея

(*) *Вольфа:* Prolegomena in Homerum. Halae. 1795. — *Гейне:* Com. 1782.

колыбелью должно почитать Грецію. Успѣхамъ Философіи всегда предшествовали великіе перевороты въ державахъ; ея судьба тѣсно сопряжена съ судьбою народовъ. Блистательный вѣкъ Перикловъ, столь достопамятный въ Исторіи человѣчества, не менѣе знаменитъ и въ Исторіи успѣховъ ума. Всѣ изслѣдованія о Высочайшемъ Существѣ, о происхожденіи міра и другихъ причинахъ отдаленныхъ, сокрытыхъ отъ насъ самою природою, всѣ сіи изслѣдованія, единственно занимавшія мудрецовъ того времени, въ Іоніи Талеса, Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора, въ Италіи Пиѳагора и его послѣдователей, носятъ на себѣ отпечатокъ юности ума, который, будучи обвороженъ своими открытіями, обыкновенно мечтаетъ, что уже все изслѣдовалъ, все узналъ; кромѣ сихъ предметовъ, занимались почти всѣ мудрецы того вѣка изученіемъ свойства числъ и движенія; они покушались постигнуть начала, изъ которыхъ все въ природѣ происходитъ, и конецъ, для котораго все предназначено; измѣреніе величинъ и обращенія свѣтилъ небесныхъ также составляло предметъ ихъ занятій (*). Но послѣ безчисленныхъ пере-

(*) *Плутархъ*: О мн. Фил. I, 3. *Діогенъ Лаерт.* II. *Платонъ* О Респ. и въ другихъ соч. *Цицеронъ*, Acad. 99. *Сенека*, Nat. quaest.

вороповЪ Греціи, умЪ человѣческой, подобно страннику, совершившему бо́льшую часть поприща, останавливается, дабы собраться сЪ новыми силами и насладиться воспоминаніемЪ о трудахЪ и приятностяхЪ оконченнаго пути. Таково свойство человѣка: онЪ до тѣхЪ порЪ не начинаетЪ размышлять, пока не былЪ вЪ несчастіи и пока что-либо сильно на него не дѣйствовало. Сіи-то самыя причины обратили размышленія мудрецовЪ на истинный путь, отЪ котораго они уклонились, и СократЪ уже избралЪ предметомЪ своихЪ наблюденій не свѣтила небесныя, но самаго человѣка, его добродѣтели и пороки: знанія ближайшія кЪ нему и болѣе необходимыя для истиннаго счастія вЪ жизни; сей мудрецЪ, скажемЪ словами Римскаго Оратора, *призвалЪ Философію сЪ неба, поселилЪ ее вЪ градахЪ и ввелЪ вЪ жилища людей частныхЪ.* Отличительный характерЪ древнихЪ ФилософовЪ состоялЪ вЪ томЪ, что они почитали себя всезнающими; напротивЪ СократЪ начиналЪ ученіе свое сомнѣніемЪ и той мыслію, что мы

III, 13. Пиѳагорово ученіе во всей полнотѣ изслѣдовали многіе Нѣмецкіе ученые: *ГисманЪ*, *БруккерЪ*, *МейнерсЪ*; Англичане *Доуелль*, *ЖаксонЪ*; Франц. *ФреретЪ*. Особенно достойно вниманія сочиненіе *Шефера* De nat. ac. indole Phil. Ital.

только знаемъ вѣрно о невѣдѣніи своемъ; симъ хотѣлъ онъ научить, что ничего не должно утверждать безъ основательнаго размышленія, изъ котораго должны быть почерпнуты и самыя правила жизни нашей. Вотъ почему во всѣхъ бесѣдахъ съ друзьями своими Сократъ старался превозносить похвалами добродѣтель и убѣждалъ ихъ поступать по ея законамъ. Сію недовѣрчивость ко всему насъ окружающему и къ собственнымъ своимъ мнѣніямъ, сію постоянную любовь къ размышленію Сократъ сообщилъ ученикамъ своимъ: Платону, Ксенофонту, Федону и другимъ; отъ Платона сіе ученіе перешло къ Аристотелю и наконецъ къ Зенону Стоику. Въ сіе-то время Философія, уже приведенная въ порядокъ, получила опредѣленную цѣль и предметъ занятій: *образованіе нравовъ, изслѣдованіе природы и ея таинствъ и совершенствованіе разума* (*).

Древніе Греческіе Философы выводили всѣ правила первой части своей Науки, Философіи Нравственной, изъ самой природы; симъ правиламъ, говорили они, человѣкъ долженъ повиноваться, въ ихъ исполненіи находить свое благополучіе и предпо-

(*) Духъ Сократа можно узнать изъ превосходнаго сочиненія *Ксенофонтова*: *Ἀπομνημονεύματα Σωκρ.* и изъ *Платона*.

читать ихъ всему на свѣтѣ, и что предметомъ всѣхъ человѣческихъ желаній должно быть пріобрѣтеніе благъ физическихъ и моральныхъ. Первыя подраздѣляли на общія, доставляющія удовольствіе всему составу нашего тѣла, каковы: здравіе, крѣпость, красота — и частныя, относящіяся къ нѣкоторымъ его членамъ, таковы: быстрота, проворство, пріятность голоса. Моральными благами назывались тѣ, которыя способствуютъ человѣку чувствовать красоту добродѣтели; онѣ также, какъ и первыя, раздѣлялись на два класса: на получаемыя отъ природы, и зависящія отъ образа жизни нашей; къ первымъ принадлежатъ: разумъ, вкусъ и память, или все то, что составляетъ собственно умъ; ко вторымъ относятся ученіе и опытность, или искусство правильно мыслить и благоразумно поступать; сіи послѣднія пріобрѣтаемъ мы частымъ упражненіемъ своихъ способностей и непрестаннымъ размышленіемъ. Кто еще недавно былъ посвященъ въ таинства Философіи, о томъ говорили, что онъ начиналъ успѣвать въ добродѣтели; но величайшимъ благомъ почитали они совершенствованіе въ мудрости, образованіе всѣхъ даровъ природы, самую добродѣтель. Кромѣ сихъ, по ихъ мнѣнію, есть еще блага, собственно къ жизни относящіяся — это тѣ, которыя помогаютъ человѣ-

ку въ успѣхахъ добродѣтели. Человѣкъ, думали древніе, есть гражданинъ не одного какого-либо общества, но цѣлаго рода человѣческаго. Сверхъ сего счастіе наше можетъ быть увеличено и украшено случайными благами, таковы: богатство, отличія, почести.

Сіе ученіе, общее Академіи и Лицею, устремлено было къ тому, чтобы направить всѣ желанія человѣка къ важнѣйшимъ и необходимѣйшимъ для него предметамъ въ природѣ, къ тѣмъ, которые заключены въ немъ самомъ и неразлучны съ добродѣтелью. Изъ етаго видно, что древняя Философія полагала высочайшее благо въ добродѣтели; отсюда уже выводили, какъ слѣдствіе, необходимость дѣятельной жизни и общественныхъ обязанностей, имѣющихъ цѣлію сохраненіе даровъ природы; отсюда и правила: избѣгать бездѣйствія и чувственныхъ удовольствій, постоянно сохранять величіе и твердость духа, которыми обладая, мы научаемся ни предъ кѣмъ не трепетать, равнодушно переносить всѣ горести въ жизни, единственно для того чтобъ не измѣнить законамъ справедливости и честности. Изъ сего же источника проистекали дружба и правота, двѣ добродѣтели, наслажденіе которыми поставляли Греки выше всѣхъ другихъ наслажденій.

Съ сего времени совершеннѣе становятся и понятія о Существѣ Высочайшемъ. Ему приписывали сохраненіе вселенной въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ, въ какомъ она произведена. Зиждитель міра, говорили древніе, невидимъ; но чудеса природы являютъ Его во всемъ блескѣ. Изъ всѣхъ твореній одинъ человѣкъ способенъ постигать Его; одинъ человѣкъ носитъ въ душѣ неизгладимыя черты Всевышняго милосердія, мудрости и благости; гласомъ сихъ добродѣтелей сама природа непрестанно повторяетъ ему: „Благоговѣй предъ Богомъ, почитай родныхъ, друзей, и благотвори всѣмъ по возможности.“ Чистота нравовъ лучшая жертва. Гражданинъ, пекущійся о благѣ народа; земледѣлецъ, трудомъ обогащающій родину свою; воинъ, извнѣ ограждающій отечество: всѣ они приносятъ небесамъ жертвы, пріятнѣйшія всѣхъ жертвъ. Разумъ, сія способность, награждающая насъ благомъ неотъемлемымъ, спокойствіемъ духа; способность, сближающая насъ съ самимъ Творцемъ, украшенная познаніями, есть благо возвышенное, равно какъ невѣжество есть зло ужасное; разумъ признаётъ предвѣчную Премудрость и Благость, управляющую вселенной; онъ и убѣждаетъ въ необходимости повиноваться законамъ; онъ и внушаетъ умѣренность и воздержаніе, чувствуя всю цѣну здоровья; онъ и

облекаетъ насъ великудушіемъ и твердостію, предвидя опасности.

Вторая часть Философіи Греческой заключала въ себѣ Физику. Природа, по мнѣнію Грековъ, состоитъ изъ двухъ началъ — дѣйствующей силы и вещества: изъ соединенія сихъ началъ произошли всѣ видимыя нами вещи. Одно изъ нихъ одарено жизнію и дѣйствіемъ, другое составляетъ его предметъ. Сіи два начала всегда въ соединеніи: вещество не можетъ существовать безъ дѣйствующей силы, равно сила не можетъ дѣйствовать безъ вещества; изъ нихъ, по единой волѣ Творца, всѣ вещи получили бытіе свое. Всѣ тѣла въ природѣ раздѣлялись на два рода: на первоначальныя, неизмѣняемыя, или стихіи, каковы: воздухъ, вода, земля, огонь; и сложныя, имѣющія различное устроеніе; сюда принадлежатъ животныя и всѣ произведенія земли. Изъ стихій воздухъ и огонь, полагали они, имѣютъ силу дѣятельную; вода и земля служатъ только предметомъ сей дѣятельной силы. Къ четыремъ стихіямъ Аристотель прибавилъ еще пятую, совершенно новую, отличную отъ прежнихъ, въ которой полагалъ онъ рожденіе свѣтилъ небесныхъ и души человѣческой. Она не иначе можетъ быть видима, говорилъ онъ, какъ въ связи съ другими стихіями, съ которыми различ-

но соединяясь, производитъ различныя тѣла, и разлагаетъ не уничтожая, а только раздѣляя ихъ; вѣчное движеніе есть ея условіе; всѣ видимые нами предметы отъ нее получили свое начало. Вселенная состоитъ изъ предметовъ, составленныхъ изъ сей стихіи, и заключающихся въ ней, какъ въ причинѣ совершеннѣйшей, неизмѣняемой, вѣчной. Древніе называли ее душею міра, высочайшею мудростію, Провидѣніемъ, виною неба и земли; иногда называли ее необходимостію: ибо всѣ вещи существуютъ, слѣдуя первоначальному и неизмѣняемому порядку, въ которомъ сотворены; ею также означали судьбу, или слѣдствіе вѣчнаго порядка; она означала и фортуну: ибо во многихъ явленіяхъ, сверхъ ожиданія нашего случающихся, мы по невѣдѣнію своему не можемъ отдать себѣ отчета, хотя причины сихъ явленій существуютъ отъ вѣчности.

Третія часть Философіи состояла въ искусствѣ правильно мыслить и пріятно выражаться. Вотъ что говорили о сей части Академики и Перипатетики. Хотя понятія наши получаемъ мы чрезъ чувства, но основаній истины не въ чувствахъ искать должно. Одинъ разумъ способенъ судить и различать простое отъ сложнаго, причину отъ дѣйствія. Сіи предметы разума называетъ Платонъ идеями. Чувства наши, говоритъ онъ, слабы, непостоянны, невѣр-

ны; потому что предметы, подверженные симЪ чувствамЪ, или такЪ малы, что едва замѣчены быть могутЪ, или такЪ непостоянны, что будучи вЪ непрестанномЪ движеніи, не могутЪ быть предметами наблюденій и познаній: отЪ того понятія, пріобрѣтаемыя чрезЪ чувства, называлЪ ПлатонЪ мнѣніями; напротивЪ того познаніемЪ или вѣрными понятіями почиталЪ онЪ однѣ понятія разума, или идеи. ИзЪ сихЪ послѣднихЪ извлекаемы были правила опредѣленій и доказательствЪ, отсюда же и правила краснорѣчія; ибо для того, чтобы убѣдить, необходимо должно умѣть доказывать и разсуждать.

Сіе ученіе древнихЪ ФилософовЪ вЪ послѣдствіи времени испытало многія измѣненія. Аристотель преобразовалЪ вЪ немЪ часть теоретическую, ЗенонЪ практическую. О понятіяхЪ говорили вЪ Лицеѣ, что всѣ онѣ пріобрѣтаются чувствами; а ученики Зенона доказывали, что добродѣтель вЪ самой себѣ находитЪ свое счастіе, что, кромѣ добродѣтели, ничто вЪ свѣтѣ не можетЪ назваться благомЪ. Честное доставляетЪ намЪ истинное счастіе вЪ жизни: оно всегда одинаково, неизмѣнно, постоянно.

Всѣ прочія вещи, почитавшіяся у СтоиковЪ ни добрыми, ни злыми, раздѣлялись на

Чувствуя недостатокъ предположенія о множествѣ дѣйствующихъ силъ, которымъ прежде приписывалъ человѣкъ управленіе вселенной, онъ начинаетъ относить всѣ явленія природы къ одной главной причинѣ. И здѣсь появляются различныя системы о происхожденіи міра, о началахъ мыслящей въ насъ способности, является занятіе столь пріятное для мудраго, размышленіе о Высочайшемъ Существѣ, все сотворившемъ и всѣмъ управляющемъ. Въ сіе же время появляются и первые законы, которые были не что иное, какъ правила нравственности, приведенныя въ порядокъ.

Наконецъ Философію, собственно такъ называемую, встрѣчаемъ только въ вѣкѣ Сократа; здѣсь получаетъ она точные и постоянные предѣлы, и вмѣстѣ съ другими познаніями, также приведенными въ порядокъ, устремляется къ возвышенной цѣли: къ совершенствованію законовъ, образованію обществъ, обученію юношества, и что всего важнѣе и къ чему въ особенности устремлена была вся Философія древнихъ, къ облагородствованію духа народнаго высокими, утѣшительными правилами Религіи. Въ семъ вѣкѣ наука мудрости составляла всеобщее занятіе: Цари, законодатели, полководцы, знаменитѣйшіе граждане Греческіе стекались въ Академію внимать

мудрецамъ, бесѣдовавшимъ о таинствахъ природы; поучаться отъ нихъ благоговѣть предъ всемогущими богами, быть мудрыми въ мирѣ, непобѣдимыми въ брани и счастіе находить въ нѣдрахъ семейства; древняя Философія заключала въ себѣ всѣ сіи необходимыя для человѣка знанія. Таковъ *духъ Философіи Греческой*, той Философіи, которая образовала столько великихъ гражданъ, возвела науки и искусства на высокую степень совершенства и утвердила благоденствіе всѣхъ и каждаго. Благоговѣя предъ наукою, дарующею столь высокія блага человѣчеству, величайшій Философъ и Витія Греческій справедливо сказалъ: *Всѣ бѣдствія рода человѣческаго мудрецами прекращаются* (*).

Пер. В. Чюриковъ.

(*) Плат. о респ. к. IV, с. 665, изд. Мар. Фицин. Сіе мѣсто въ Платонѣ очень замѣчательно; вотъ собственныя его слова: *Ἐὰν μὴ ἢ οἱ Φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἐν ταῖς πόλεσιν ἢ οἱ βασιλεῖς τε νῦν λεγόμενοι καὶ δυνάσται φιλοσοφήσωσι — οὐκ ἔστι κακῶν παῦλα τοῖς πόλεσιν οὐ δὲ τῷ ἀνθρωπίνῳ γένει. Соч.*

О Философіи Римлянъ (*).

Судьба царствъ столь же непостоянна, какъ и судьба людей частныхъ: нерѣдко народы почитаютъ себя на верху величія и благоденствія, тогда какъ паденіе ихъ неизбѣжно. Таковъ былъ жребій и Греціи. Могущество, обиліе, просвѣщенный умъ, стремленіе къ славѣ, науки и искусства, однимъ словомъ все, что заставляло удивляться Грекамъ, перешло въ Италію. До сихъ поръ человѣкъ просвѣщенный не можетъ равнодушно перенестись мыслію на цвѣтущіе берега Илисса, подъ тѣнь вѣчнозеленыхъ яворовъ, туда, гдѣ нѣкогда величайшіе герои, законодатели и Философы приходили бесѣдовать о благѣ отечества. Не смотря на сію превратность судьбы, Философія, подобно уму и душѣ человѣческой, вѣчной, неизмѣняемой по своему существу, не можетъ быть уничтожена могуществомъ своенравнаго счастія; превратность, всегда поучительная, придаетъ ей новыя силы, и если иногда Философію видимъ погребенною подъ развалинами державъ: то, кажется, для того, чтобы возродиться въ новомъ блескѣ. Римъ, новое жилище Философіи, представляетъ взору менѣе ученыхъ мужей, менѣе любви къ наукамъ и искусствамъ, ме-

---

(*) Оттуда же.

нѣе различныхъ сектъ и ученій, нежели Аѳины (*); но однѣ ли Академіи, Лицеи и Портики образуютъ истинныхъ Философовъ? Мудрость часто избираетъ своимъ святилищемъ сердце человѣческое, и здѣсь, въ семъ безопаснѣйшемъ для нее убѣжищѣ, являетъ она все свое величіе. Въ Римѣ довольно воззрѣть на Сенатъ, на сей величественный соборъ Царей, истинныхъ мудрецовъ: отселѣ превосходные законы и правительства и народныхъ нравовъ; чему въ Греціи научался народъ изъ различныхъ системъ своихъ Философовъ, тому въ Римѣ научался онъ изъ великихъ примѣровъ своихъ старѣйшинъ. Сверхъ сего Философія у различныхъ народовъ различными путями достигаетъ совершенства. Въ Греціи она возрастала вмѣстѣ съ народомъ; Римъ получилъ ее отъ Грековъ уже въ цвѣтущемъ состояніи. Греки почитали Философію какъ бы нѣкоторымъ божествомъ; Римляне искали въ ней одной пользы, прилагая ее къ различнымъ случаямъ въ жизни. Греки часто разсматривали Фило-

---

(*) Въ числѣ ученыхъ, которые, разсматривая только сочиненія Грековъ и Римлянъ, а не дѣянія, не даютъ послѣднимъ права на славу учености въ Философіи, и почтеннѣйшій мой наставникъ, Пр. Буле. См. соч. его Ист. Фил. Т. I, Отд. 2. Но, amicus Socrates, amicus Plato, magis vero amica veritas. *Соч.*

софію, не примѣняя ее къ самимъ себѣ, и потому иногда, составивъ новую систему, думали, что достигли своей цѣли; напротивъ, Римляне никогда не отдѣляли науки о нравахъ отъ самыхъ поступковъ; они не могли вѣрить, чтобы знанія и добрые нравы не шли рука въ руку, и потому лучше желали быть мудрыми, нежели казаться таковыми; отъ того въ писателяхъ Римскихъ встрѣчаемъ нѣкотораго рода холодность ко многимъ философическимъ системамъ Грековъ: они видѣли, что многіе ихъ Философы поступали иначе (*), нежели учи-

(*) Карнеадъ Академикъ, Діогенъ Стоикъ и Критолай Перипатетикъ, будучи Аѳинскими посланниками въ Римѣ, старались преклонить на свою сторону тамошнее юношество своимъ краснорѣчіемъ; такое обращеніе сдѣлало ихъ подозрительными Сенаторамъ. Вотъ что говоритъ Плут. въ Біо. Кат. p. 494. V. II, ed. Reisk.: *Μάλιστα δ' ἡ Καρνεάδου χάρις ἤ δύναμις γε πλεῖστη, καὶ δόξα τῆς δυνάμεως οὐκ ἀποθέουσα, μεγάλων ἀπολαβομένη καὶ φιλανθρώπων ἀκροατηρίων, ὡς πνέυμα τὴν πόλιν ἠχῆς ἐνέπλησε* и проч. т. е. „Особливо же очаровательное краснорѣчіе Карнеада, привлекавшее со всѣхъ сторонъ знаменитѣйшихъ гражданъ, сильно подѣйствовало на Римлянъ.“ И потомъ прибавляетъ: „Когда Римляне съ удовольствіемъ взирали на своихъ юношей, начинавшихъ любить чтеніе Греческихъ писателей и подражать знаменитымъ мужамъ сего народа; тогда одинъ

ли; по сей самой причинѣ предпочитали они всѣмъ системамъ одну необходимую науку — науку жизни общественной и частной. Таковъ духъ сего продолжительнаго вѣка Философіи, вѣка, обогащеннаго несравненною противъ прежняго опытностію. Если сравнимъ Грека и Римлянина, то сей послѣдній подобенъ опытному мореплавателю, который, послѣ многихъ кораблекрушеній, изъ спокойной пристани равнодушно взираетъ на все то, что́ прежде заставляло его подвергаться опасностямъ. Напротивъ того Аѳинянинъ, подобно пылкому юношѣ, съ жаромъ стремится къ каждому новому предмету и восхищается каждымъ новымъ познаніемъ. Римляне, равнодушные къ тому и другому, помышляли только о своей безопасности. *Не тотъ мудрый*, говоритъ Квинтиліанъ, *кто теряетъ время въ безполезныхъ спорахъ*; *но тотъ, кто опытностью и дѣлами заслужилъ титло полезнаго гражданина.*

Такой характеръ, а еще болѣе обстоятельства того времени имѣли слѣдствіемъ то, что Римляне, получивъ отъ Грековъ просвѣщеніе, образовавши и самый языкъ

Катонъ негодовалъ, опасаясь, чтобы Римъ не ослабѣлъ отъ ихъ ученія, и не предпочелъ бы наконецъ славы краснорѣчія славѣ подвиговъ воинскихъ.“

свой по ихъ языку и вообще заимствовавъ духъ сего народа, касательно сочиненій и системъ философическихъ, не могли сравниться съ своими образцами; ибо сіи занятія, требующія мирнаго досуга и безпрестаннаго размышленія, были чужды народу, занятому единственно выгодами своей республики. Цицеронъ, напитанный духомъ Философіи Греческой, первый заставилъ Римлянъ полюбить ее, передавъ соотечественникамъ ея ученіе; онъ желалъ также усовершенствовать и ее, какъ Римляне совершенствовали все, что заимствовали отъ Грековъ. При Цицеронѣ возсіялъ въ Римѣ свѣтъ Философіи, смѣю сказать, съ большимъ блескомъ краснорѣчія, нежели нѣкогда въ Аѳинахъ; его путемъ слѣдовали уже Сципіонъ, Лелій, и по истинѣ всѣми превосходными произведеніями счастливаго вѣка Августова одолжены Римляне Цицерону.

Тогда всѣ ученія Греческія перешли въ Римъ; Академія избрала своимъ убѣжищемъ Тускуланъ, гдѣ Цицеронъ, Брутъ, Аттикъ и другіе мужи знаменитые проводили время въ пріятнѣйшихъ бесѣдахъ о древней славѣ Республики, о блистательныхъ побѣдахъ и великихъ подвигахъ предковъ; въ семъ мирномъ жилищѣ Цицерона написаны имъ превосходныя его творенія:

Тускуланскія бесѣды; о Должностяхъ и о Бытіи боговъ. И такъ первые вѣки Философія Римской, вѣкъ дѣтства и юности, протекли при звукѣ бранныхъ оружій. Если же наука мудрости должна заключаться не въ однѣхъ сочиненіяхъ, а и въ поступкахъ: то не льзя не согласиться, что Римляне предпочитали мудрость всему на свѣтѣ; ибо ихъ и нравы были чище, и образъ жизни простѣе, и законы совершеннѣе, нежели въ Греціи. А добродѣтели воинскія? Можетъ ли кто въ нихъ сравниться съ Римлянами? Ни одинъ народъ въ древности не являетъ столько правоты, столько честности, величія духа, мужества и твердости. — Человѣку представляющся обыкновенно два предмета занятій: или обращаетъ онъ вниманіе на предметы его окружающіе, или на дѣла протекшія: первый родъ наблюденій ведетъ его къ Философіи Естественной, второй — къ Философіи Нравственной. Римляне уже тогда усовершенствовали свои законы, когда республика, много претерпѣвши отъ внутреннихъ неустройствъ, управлялась сама собою. Бѣдствія сильнѣе и лучше насъ научаютъ, нежели счастіе; *ибо счастіе*, говоритъ Ливій, *утомляетъ духъ мудраго*. И по сему возрастъ мужества Философіи Римской тогда наступилъ, когда тираны предавали огню превосходнѣйшія про-

изведенія ума, думая, что сей пламень, пожравшій драгоцѣнное наслѣдіе вѣковъ протекшихъ, истребитъ вмѣстѣ и власть Сената Римскаго, и сладостную память народа о величіи и славѣ предковъ, и высокое чувство человѣчества о своемъ достоинствѣ. Нѣ въ то же время Сенека, подобно Сократу, съ веселымъ духомъ встрѣчаетъ приближеніе смерти и до послѣдняго вздоха не престаетъ благословлять провидѣніе Всемогущаго. Не встрѣчаемъ ли въ Пливіяхъ и Цельсѣ того же ученія, какое въ Емпедоклѣ и Гераклитѣ? А Тацитъ, Маркъ Аврелій? Кого изъ Грековъ уподобимъ симъ великимъ мужамъ? Какое ученіе изъ всѣхъ ученій Греческихъ можетъ сравниться высокостію мыслей съ твореніями сихъ безсмертныхъ писателей (*)?

Мудрецы Римскіе, и изъ нихъ особенно послѣдователи Стоиковъ, по собственной опытности знали лучше Философовъ Греческихъ, что человѣкъ получилъ отъ природы наклонность къ пороку, и потому единственною *цѣлью Философіи* поставляли они *совершенствованіе нашей жизни и непрестанное размышленіе о смерти.*

(*) О Римской Философіи прекрасно писалъ *Ернести* въ Oper. Phil. et crit. стр. 32. Также *Гейне:* De carm. epico, въ изданіи Вирг. п. II. *Соч.*

Философію раздѣляли они на Нравственную, Естественную и Умственную. Первая изъ нихъ, по словамъ Сенеки, составляетъ образованіе сердца; вторая, Физика, имѣетъ предметомъ изслѣдованіе природы; третья относится собственно къ объясненію свойствъ языка, его состава и правильнаго употребленія. Философія же нравственная, по мнѣнію Римлянъ, столько возвышеннѣе двухъ другихъ, сколько духъ совершеннѣе тѣла: она имѣетъ цѣлью не столько упражненіе разума, сколько врачеваніе духа, и потому по превосходству называлась *Философіею*; ибо одна она заключаетъ въ себѣ науку добродѣтели и правила жизни (*).

Что касается до главнаго предмета нравственности, верховнаго блага, Философы Римскіе и Греческіе раздѣляли блага на два рода: на *истинныя* и *мнимыя*; благо и зло, по ихъ мнѣнію, всегда въ нашей власти: одна добродѣтель заслуживаетъ названіе блага, и одинъ порокъ названіе зла. Добродѣтель услаждаетъ душу, водворяя въ ней тишину и спокойствіе, а не почести, не злато, не пресыщеніе чувствъ: сіи минутные обольстители жизни не даруютъ ей блага верховнаго; часто отъ неблагоразумнаго употребленія

(*) Не льзя довольно похвалить *Буддея*, превосходно писавшаго о Римскихъ Философахъ.

они обращаются въ ужасную муку душевную; напротивъ того недуги, бѣдность и другіе случаи въ жизни, называемые нами зломъ, часто бываютъ гораздо полезнѣе для человѣка, нежели тѣ, которые называемъ благами. Превратности счастія въ глазахъ только невѣжды могутъ казаться зломъ. Средину между благомъ и зломъ занимаютъ тѣ вещи, которыя хотя не могутъ назваться благами, не менѣе однако достойны уваженія нашего: таковы здравіе и другія. Но что̀ влечетъ за собою заботы, опасности, что̀ затрудняетъ намъ путь къ добродѣтели; то никакимъ образомъ не можетъ назваться благомъ: таковы чувственныя удовольствія, богатства, почести. О смерти думали Римляне, что она не есть зло, но непроницаемое таинство природы (*). Вообще истиннымъ благомъ называли все то, что ведетъ человѣка къ справедливости, умѣренности, мужеству, благородству духа; напротивъ, истиннымъ зломъ все то, что истребляетъ въ немъ сіи добродѣтели. Кто обладалъ верховными благами, того Римляне самому Божеству уподобляли. Существо Высочайшее, говорили они, невидимо; но оно яв-

(*) Антонинъ въ соч. *Ἐις ἑαυτὸν* IV, § 5 и 6: *ὁ θάνατος, φύσεος μυστήριον, σύγκρεσις ἐκ τῶν αὐτῶν στοιχείων εἰς ταυτα.* Соч.

ляетъ Себя въ Своемъ твореніи; такъ точно и душа, не будучи подвержена чувствамъ, обнаруживаетъ бытіе свое въ различныхъ дѣйствіяхъ (*).

Но приобрѣтеніе благъ верховныхъ сопряжено съ тысячами препятствій, какъ со стороны обстоятельствъ, такъ и собственныхъ страстей нашихъ: побѣдить одни, укротить другія, есть цѣль и торжество самопознанія. Три существа составляютъ человѣка: тѣло, душа и духъ; два первые получилъ онъ какъ бы въ залогъ отъ природы; но послѣднее его собственность. Душа чувствуетъ; она источникъ жизни: духъ одаренъ высокою способностію мыслить. Нѣтъ человѣка, въ которомъ бы не было искры сего божественнаго свѣта, и потому-то говоритъ Сенека (**): *не созможно быть добродѣтельнымъ безъ Бога*. О безсмертіи духа изъ всѣхъ древнихъ одинъ Платонъ говоритъ положительно; ибо другіе Философы, говоря о презрѣніи смерти, излагали свое ученіе такимъ образомъ,

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ языческіе Философы, еще неозаренные свѣтомъ Откровенія, чрезвычайно заблуждались въ подобныхъ изслѣдованіяхъ. О семъ предметѣ прекрасно писалъ *Томазій* въ разсужденіи своемъ о Стоикахъ. *Соч.*

(**) Сенека, Посл. XLI и XXXII. *Соч.*

что оно равно относилось и къ тѣмъ, которые вѣрили безсмертію, и къ тѣмъ, которые его отвергали. Въ духѣ заключаются двѣ различныя способности: разумъ и воля. Разумъ есть свѣтильникъ духа; онъ созерцаетъ и природу, его окружающую, и самаго себя. Волѣ приписывали совершенную свободу. Кромѣ сихъ двухъ способностей, духъ имѣетъ еще третью, гораздо низшую двухъ первыхъ: отъ нее происходятъ чувственныя склонности, гнѣвъ, страсти. Человѣка называли Римляне частію вселенной; по смерти, благороднѣйшая часть человѣка, или духъ, соединялась съ Божествомъ, а тѣло и душа снова превращались въ вещество.

Изъ сихъ понятій о человѣкѣ выводили Римляне правила, которыя должны руководствовать каждаго на пути къ истинному счастію. Ни въ чемъ такъ не обнаруживается превосходство человѣка, какъ въ побѣдахъ надъ страстьми. Истинно мудрый доволенъ всѣмъ, что назначено ему Провидѣніемъ; онъ благоговѣетъ предъ всемогущею волею Создателя, и равнодушный къ ложнымъ удовольствіямъ чувствъ, почерпаетъ высокія свои наслажденія въ непрестанномъ совершенствованіи духа; изъ сихъ-то источниковъ проистекаютъ: мудрость, справедливость, умѣренность и мужество или величіе духа, важнѣйшія добродѣтели, на

которыхъ Цицеронъ (*) основываетъ всѣ обязанности человѣка. Всѣ сильныя движенія духа имѣютъ началомъ тѣ свойства человѣка, которыя противорѣчатъ симъ добродѣтелямъ. Отсюда очевидно, почему всякая страсть есть зло: и по истинѣ, можно ли то назвать благомъ, что̀ творитъ ослѣпленный разумъ; ибо желанія разума просвѣщеннаго не суть страсти. Главные источники страстей: чрезмѣрная радость, печаль, желанія и страхъ. Ложныя понятія о предметахъ служатъ къ сему поводомъ: одинъ только здравый умъ въ состояніи побѣдить сихъ враговъ спокойствія; ибо онъ одинъ опредѣляетъ настоящую цѣну предметовъ. Поспѣшность въ сужденіяхъ равно производитъ страсти; неосновательное представленіе настоящихъ или будущихъ несчастій раждаетъ печаль и страхъ, а неумѣренная привязанность къ настоящимъ или будущимъ благамъ раждаетъ радость и сильныя желанія. Врачевать душу можетъ размышленіе, что все случающееся съ нами есть общій жребій человѣчества; разумъ всегда вѣрный нашъ путеводитель. И справедливо ли мы печалимся? Если притомъ человѣкъ почитаетъ себя частію вселенной: то да утѣшится онъ мыслію, что его бѣдствія необходимы для блага

(*) Циц. О должностяхъ Кн. I, гл. 4.

цѣлаго; что онъ не испыталъ ничего такого, чего бы тысячи ему подобныхъ прежде его не испытали; но болѣе всего да укрѣпится страждущій твердою увѣренностію, что все въ мірѣ происходитъ по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія. — Что́ же касается до страстей, происходящихъ отъ ложнаго понятія о благахъ, различали двѣ страсти: веселость и радость; одна недостойна мудраго, другая иногда сіяетъ и на челѣ Философа.

Обладая столькими душевными силами, говорили Философы Римскіе, человѣкъ легко можетъ выполнять и обязанности общества, для котораго онъ сотворенъ. Мы уже упомянули о добродѣтеляхъ, на которыхъ они основывали сіи обязанности: сохраненіе выгодъ общественныхъ, неутомимое изысканіе истины, великодушіе въ перенесеніи бѣдствій и постоянная любовь къ порядку, или всѣ тѣ качества, которыя Римляне соединяли въ понятіи о честномъ, согласномъ съ самою природою, суть ничто иное, какъ слѣдствія вышеупомянутыхъ добродѣтелей: справедливости, мудрости, мужества и умѣренности. Нѣкоторые Философы основывали обязанности человѣка только на двухъ послѣднихъ добродѣтеляхъ (*); но всѣ

(*) Епиктетъ соединяетъ всѣ наши обязанности въ слѣдующемъ правилѣ: *ανέχου καὶ*

онѣ столь тѣснымъ сопряжены между собою союзомъ, что человѣкъ, не исполняющій хотя одной изъ нихъ, не можетъ назваться добродѣтельнымъ (*).

Важнѣйшая изъ всѣхъ обязанностей человѣка есть его обязанность къ Богу; вотъ что говоритъ объ оной Сенека (**): *Первый долгъ человѣка къ Богу есть увѣренность въ Его бытіи; второй сознаніе Его величія и сознаніе благости, безъ которой и величія быть не можетъ.* Кромѣ внутренняго Богопочитанія необходимо также Богопочитаніе наружное: молитвы, жертвоприношенія. Послѣ любви къ Богу первое мѣсто въ сердцѣ человѣка занимаетъ любовь къ ближнему и къ самому себѣ. Главною цѣлію человѣка должно быть совершенствованіе духовныхъ его способностей; ибо въ етомъ состоитъ вѣрное средство достигнуть того, къ чему Творецъ его предназначилъ. Кто образовалъ себя такимъ обра-

---

ἀπέχου, т. е. мудрый терпѣливъ и воздерженъ.

(*) Прекрасно говоритъ Маркъ Антонинъ: *Ἐὰν τίς σοι προβάλῃ πῶς γράφεται τὸ Ἀντωνίνου ὄνομα, μήτι κατεντεινόμενος προοίσῃ ἕκαστον τῶν στοιχείων?* Еслибы кто спросилъ тебя, какъ пишется имя Антонина, ты вѣрно произнесъ бы каждую букву, его составляющую.

(**) Сенек. Посл. XCV.

гомЪ, тотЪ постоянно шествуетЪ кЪ предположенной цѣли, покорствуя волѣ Всемогущаго и повелѣвая собственными страстями. Языческіе Философы относили сюда смиреніе или покорность кЪ самому высокомѣрію другихЪ, также спокойную совѣсть и вообще отверженіе удовольствій чувственныхЪ; ведя суровую жизнь, говорили Римляне, и презирая чувственность, мы сохраняемЪ то, что̀ есть прекраснѣйшаго вЪ человѣкѣ: непорочность и цѣломудріе. ТакимЪ образомЪ онЪ становится полезнымЪ и отечеству, и роднымЪ, и друзьямЪ своимЪ. На сихЪ-то началахЪ нравственности основана мудрость гражданскихЪ законовЪ РимлянЪ, которые по справедливости названы самимЪ разумомЪ.

ТакимЪ образомЪ, обозрѣвЪ ходЪ и постепенные успѣхи Философіи Греческой и Римской, легко изЪ всего сказаннаго извлечь заключеніе *о духѣ* той и другой. — Философія Греческая разлила свѣтЪ на всѣ науки; отЪ нее заимствовалЪ просвѣщеніе древній РимЪ, передавшій оное вѣкамЪ позднѣйшимЪ. Но Греки, еще необогащенные опытностію, увлекаясь во всѣхЪ своихЪ изслѣдованіяхЪ пламеннымЪ воображеніемЪ, не рѣдко теряли изЪ виду вождя надежнѣйшаго — разумЪ; вотЪ почему вЪ предположеніяхЪ своихЪ о существѣ міра

они попеременно принимали за основаніе воду, воздухъ, огонь; пренебрегая важнѣйшимъ изъ всѣхъ познаній человѣка — наукою жизни, искали въ Философіи болѣе удовольствія, нежели пользы; болѣе старались изобрѣтать теорія, нежели совершенствовать нравственность: и такимъ образомъ сія наука отклонившись отъ истинной своей цѣли — улучшенія жизни, образованія нравовъ, совершенствованія законовъ, часто обращалась въ искусство безполезныхъ умствованій и споровъ. Не смотря на то, кругъ философическихъ занятій, слегка означенный блистательнымъ умомъ Грековъ, до сихъ поръ служитъ предѣломъ въ изслѣдованіяхъ разума. Напротивъ Римляне, возросшіе подъ руководствомъ бѣдствій и опыта, не столько занимались теоріею Философіи, сколько нравственностью; заимствовавъ отъ Грековъ мудрость, они всегда старались прилагать ее къ образу жизни, къ нравамъ и законодательству; отъ того-то и религія, и правленіе, и семейственная жизнь Римлянъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ ихъ Философіи, которой главнымъ правиломъ было предпочитать полезное пріятному; имъ казалось невозможнымъ отдѣлить науку разума отъ самыхъ поступковъ, и если Греки правильно мыслили, то Римляне мудро дѣйствовали; если Греки заслужили отъ потомства названіе Философовъ, то Римляне

заслуживаютъ названіе мудрецовъ: ибо одни истощили всѣ усилія разума на изслѣдованіе природы и человѣка; другіе, принявъ вождемъ своимъ опытъ, опредѣляли предметы, едва ли не болѣе важные — истинное благо и зло человѣчества. Греки разсуждали о верховномъ благѣ тогда, какъ отечество ихъ стояло на высочайшей степени благоденствія и образованностію въ общежитіи превосходило всѣхъ извѣстныхъ въ то время народовъ; Римляне же обратились къ сему предмету не прежде, какъ померкшая слава и благоденствіе ихъ республики не оставили имъ ничего, кромѣ сладкаго воспоминанія о протекшемъ. Философія Греческая, подобно самому народу, имѣетъ болѣе веселости, нежели Римская; она болѣе послѣдней наполнена картинами воображенія, служащими источникомъ удовольствій; напротивъ Философія Римская болѣе мрачна, сурова и въ противоположность Греческой тѣсно сопряжена съ пользою республики; но общимъ ученіемъ ихъ было благоговѣніе предъ Богомъ, вѣчная брань со страстями и презрѣніе смерти: *и при развалинахъ міра*, говоритъ Поетъ - Философъ, *мужъ правый пребудетъ покоенъ.*

Почерпнувъ столько драгоцѣнныхъ правилъ для жизни изъ Философіи Греческой и Римской, можемъ ли мы отвергать ихъ не-

оспоримое право на безсмертіе? — Вина ли древней Философіи, имѣвшей въ началѣ своемъ единственною цѣлію благосостояніе общественное и частное, вина ли ея, что въ наше время сія наука, уклонившись отъ прежняго пути своего, устремилась не на благоустройство, но на разрушеніе обществъ? Горестное зрѣлище! Та самая наука, которою нѣкогда первые люди изъ грубыхъ и необразованныхъ превратились въ мирныхъ друзей общежитія; которой кроткій гласъ проникъ во глубину лѣсовъ и въ необозримыя степи, и принудилъ разсѣянныхъ тамъ людей соединиться въ благоустроенныя общества, которая потомъ непрестанно повторяла симъ новымъ гражданамъ о благоговѣніи къ богамъ, о повиновеніи власти верховной, о ревностномъ исполненіи общественныхъ и семейственныхъ обязанностей, учила ихъ почитать выше всѣхъ благъ добродѣтель, которая для благополучія человѣчества изобрѣла науки и искусства, ими украсила и осчастливила жизнь нашу, которая, наконецъ, ополчала столько великихъ гражданъ на священную брань за вѣру и отечество, сія самая наука — дерзну ли произнести — возмущала покой и благоденствіе могущественнѣйшихъ государствъ, и съ губительнымъ пламенникомъ мятежей и раздоровъ свирѣпствовала. Вотъ участь всего, что есть пре-

восходнаго въ міръ! Люди обыкновенно все измѣняютъ, и прекрасное въ природѣ теряетъ красоту въ ихъ рукахъ; не рѣдко спасительное становится пагубнымъ. Сей жребій испытала добродѣтель, испыталъ самый разумъ. При всемъ томъ труды цѣлыхъ столѣтій и нѣсколькихъ народовъ сохранены немногими избранными геніями, и на сихъ-то остаткахъ созиждили они храмъ новаго просвѣщенія. Прекрасныя начала Грековъ и Римлянъ, изобрѣтенія Платона, Аристотеля и другихъ великихъ умовъ распространены и совершенствованы, въ Физикѣ: Декартомъ, Нютономъ, Лейбницемъ; въ Метафизикѣ: Гассендіемъ, Локкомъ, Кантомъ. Трудами сихъ ученыхъ Философія возвращена на путь истинный, и наконецъ разлившійся по всѣмъ концамъ свѣтъ Евангелія разсѣялъ остававшійся мракъ заблужденій древнихъ. И сколько новыхъ изслѣдованій отъ новѣйшей Философіи, основанной на Откровеніи! Науки и искусства, получившія помощь отъ ея опытности и способа наблюдать предметы, умножены открытіями и возвышены, общества облагодѣтельствованы спасительными постановленіями, Вѣрѣ возвращено праотеческое благочестіе, водворена покорность и кротость: вотъ спасительные плоды мудрости! И кто не воскликнетъ вмѣстѣ съ Цицерономъ: „Мудрость, путеводительница въ жизни!

„другъ добродѣтели, врагъ порока! что́ мы „безъ тебя, что́ безъ тебя весь родъ человѣ„ческій? Ты построила города; ты людей „кочующихъ созвала въ общество; ты соеди„нила ихъ и жилищами, и брачными уза„ми, и звуками языка, и письменами; ты „изобрѣтательница законовъ, ты настав„ница въ нравственности, къ тебѣ прибѣ„гаемъ; твоей испрашиваемъ помощи; твоей „власти себя предаемъ. Одинъ день, про„веденный по твоимъ совѣтамъ, вожделѣн„нѣе порочнаго безсмертія.“

И сію изобрѣтательницу законовъ и строительницу городовъ если познать желаемъ, внидемъ въ древнюю Академію, возвышающуюся въ прелестныхъ садахъ между вѣтвистыми яворами. Тамъ встрѣтимъ Платона, Аристотеля Стагирійскаго, одареннаго умомъ возвышеннымъ и наблюдательнымъ; Ксенократа мрачнаго и суроваго; Димосѳена, ученика Изеева, отца краснорѣчія сильнаго; достойнаго соперника Димосѳенова, Есхина, подобно Исократу, витію сладостнаго; Діогена, котораго добродѣтелямъ завидовалъ и величайшій въ древности завоеватель; встрѣтимъ Фокіона, или самую честность и правоту — Фокіона, всегда твердаго и при ударахъ рока, и при очарованіяхъ счастія, сію душу, недоступную ни для горести, ни для радости; Ификрата и

Тимотея, знаменитыхъ побѣдителей — въ нихъ найдемъ и образцы ума, постоянства, великодушія. Тамъ познаемъ мы *духъ Философіи Греческой*, имѣвшей вліяніе на образованіе столькихъ народовъ.

Но желаемъ ли облегчить страждущее сердце, терзаемое горестью или другою страстью раздираемое, прибѣгнемъ въ Тускуланъ искать утѣшителя. Здѣсь услышимъ Цицерона, бесѣдующаго съ друзьями своими о презрѣніи смерти, ложный и ничтожный совершенно страхъ которой долженъ быть невѣдомъ мудрому; кто исполняетъ долгъ добродѣтели, тотъ истинно живетъ и достоинъ жизни; услышимъ Оратора-Философа, бесѣдующаго о перенесеніи недуговъ и возвышающаго душу надъ тѣломъ; облегчающаго житейскія горести, порожденіе нашего воображенія; поражающаго страсти, сіи недуги душевные, заграждающіе входъ въ храмъ мудрости; здѣсь услышимъ утѣшительный гласъ ея, обѣщающій всякому блаженство за жизнь добродѣтельную — блаженство, готовое идти съ нами на ужасныя мученія. Здѣсь увидимъ сими правилами одушевленнаго Сенеку, вѣщающаго о Провидѣніи, удивляющагося величію и красотѣ природы и высокости безсмертной души; Тацита, благородствомъ духа своего разящаго тирановъ; Марка Аврелія, отраду и

друга народа своего, лучшій образецъ очастливой жизни. Таковъ *духъ Философіи Римской.* —

Пер. Е. Чюриковъ.

Драгоцѣнныя находки для древней Русской Исторіи.

(*Выписка изъ письма изъ Парижа.*)

Пріимите чувствительнѣйшую мою благодарность за препорученіе мнѣ соединить всѣ матеріалы, привести въ порядокъ и издать въ свѣтъ важное собраніе піесъ (*), которое съ давняго времени желаете сдѣлать извѣстнымъ публикѣ. Это будетъ конечно прекраснымъ памятникомъ пламенной любви вашей къ словесности, и одною изъ знаменитѣйшихъ услугъ, какія только ей оказать можно. Ваше Отечество будетъ имѣть новой поводъ къ признательности, а Франція, уже приобыкшая васъ почитать славнѣйшимъ покровителемъ наукъ въ наше время, по справедливости должна гордиться,

(*) На иждивеніи Графа Николая Петровича Румянцова приготовляется въ Парижѣ упоминаемое здѣсь изданіе. Надъ нимъ трудится г. *Сенъ-Мартенъ*, извѣстный оріенталистъ, сочинитель письма, изъ котораго предлагаемъ выписку. *Рдръ.*

что въ ней назначаете вы быть изданію такого творенія, которое послужитъ къ объясненію многихъ темныхъ мѣстъ въ древней Исторіи Россіи. Сія Исторія, которая недавно еще находилась въ густомъ мракѣ, начинаетъ проясняться, благодаря трудамъ немногихъ людей ума отличнаго, изъ числа которыхъ г. Кругъ особенно достоинъ вашего уваженія и дружбы. Мнѣ весьма пріятно завести переписку съ симъ почтеннымъ мужемъ, успѣшно занимавшимся Исторіею такого времени, для котораго и я могу доставить вамъ нѣкоторыя объясненія. Соотвѣтственно желанію В. С-ва, я писалъ уже къ г-ну Кругу и увѣдомилъ его о планѣ, которому я вознамѣрился слѣдовать. Онъ вамъ его представитъ, и если В. С-у будетъ угодно въ непродолжительномъ времени объявить мнѣ вашу волю и сообщить выписки господъ Френа и Гаммера (*), то я буду имѣть возможность въ нынѣшнемъ же году приступить къ печатанію. У меня есть уже много важныхъ отрывковъ. Я имѣю, на примѣръ, исторію *Батыя и всѣхъ государей происшедшихъ отъ Тшуши-Хана, и царствовавшихъ въ Капчакѣ*, сочиненіе *Бешидъ-Еддина*; имѣю

(*) Оба славные оріенталисты; первой находится въ С. Петербургѣ, другой въ Вѣнѣ. *Рдръ*.

также *Исторію нашествія Монголовъ на Европу*, того же писателя, *съ оффиціальными дневными записками* о первомъ походѣ, въ царствованіе Чингисъ-Хана, подъ предводительствомъ *Сабада-Багадура и Чепагъ-Нувіана*, начиная отъ Персіи через Арменію и Грузію до самаго Днѣпра, и потомъ отъ сей рѣки обратно до Императорскаго стана, находившагося въ верхней Азіи. Сія армія, на обратномъ пути переправившись черезъ Волгу, шла берегомъ Каспійскаго моря. Далѣе, у меня есть весьма подробное *описаніе вторженія Казаровъ въ Азію* при Калифѣ Омміадѣ Іазидѣ II (720 — 724 по Р. Х.). Джаррагъ, сынъ Абд-Аллага, былъ тогда Губернаторомъ Арменіи, и ему велѣно было отразить непріятелей. Генералъ сей немедленно выгналъ ихъ изъ Арменіи, пробился чрезъ врата (узкой проходъ) Дербента, покорилъ Тарку, переправился черезъ Терекъ и овладѣлъ Баландіаромъ, однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Казарскихъ. Въ началѣ царствованія Гешзама, который былъ преемникомъ Іазида II (въ 724), Казары двинулись съ новыми силами, прошли ворота Дербентскія, и вторглись въ предѣлы Ширвана. Послѣдователи ученія Магометова въ етотъ разъ не были въ состояніи воспротивиться: они обратили тылъ передъ невѣрными, и Джаррагъ побѣжалъ черезъ Шаки въ Адербайджанъ.

Казары повсюду шли впередъ, какъ побѣдители, и полководецъ Аравійскій, видя стыдъ свой, не смотря на превосходство силъ непріятельскихъ, рѣшается дать сраженіе, съ тѣмъ чтобъ или отразить врага, или же принять смерть мученическую. Присоединивши къ себѣ вспомогательное войско, онъ идетъ противъ Казаръ и находитъ гибель своего войска и свою собственную. Казары овладѣли тогда Ардабиломъ, покорили Адербайджанъ, Арменію и дошли даже до Месопотаміи. Имперія Калифовъ, по видимому, была на одинъ только шагъ отъ своей погибели, когда Гешамъ ввѣрилъ начальство надъ новой арміею Саиду, который послѣ войны продолжительной и кровопролитной успѣлъ выгнать невѣрныхъ изъ Имперіи и перебросить ихъ за хребты Кавказа, куда скоро потомъ предпринималъ походъ и братъ Калифа. Подробности сего похода крайне любопытны. Всѣ сіи происшествія содержатся во *всеобщей Исторіи* Джораиса - Аршабана, сочиненіи превосходномъ, гдѣ происшествія разсказываются съ подробностями очевиднаго свидѣтеля. Весьма вѣроятно, что они взяты изъ оффиціальнаго донесенія Арабскихъ Генераловъ. Думаю, что я первой изъ Европейцовъ прочиталъ сіе описаніе Казарскихъ походовъ. Новость предмета заставила меня нѣсколько распространиться; В.-е С-о

меня простите въ етомъ: я хотѣлъ доставить вамъ предварительное удовольствіе, сообщая важные отрывки, которые могу включить въ собраніе бумагъ, издаваемыхъ мною по вашему препорученію.

Касательно выписокъ изъ сочиненій восточныхъ, которыхъ нѣтъ у насъ въ Парижѣ, но которыя находятся у васъ въ Петербургѣ, я доложу В-у С-у, что мнѣ будетъ весьма пріятно имѣть сотрудникомъ своимъ такого мужа, каковъ г. Френъ, явившій уже столь много прекрасныхъ опытовъ свѣдѣній своихъ въ языкахъ и въ Исторіи Востока.

Мнѣ крайне прискорбно, что всѣ ваши старанія достать Грузинскія рукописи донынѣ остаются безъ успѣха: въ нихъ должно быть много любопытнаго. Можетъ быть вамъ посчастливится найти что нибудь посредствомъ г-на Туманова и проч.

(Съ Франц.)

Описаніе находящихся въ Краковѣ гробовъ старинныхъ Королей Польскихъ.

(Это писано было въ 1791 году знаменитымъ Θаддеемъ Чацкимъ къ Епископу Нарушевичу, знаменитому же *Историку и Поету.*)

Путешествіе мое въ Краковъ предпринято было по дѣламъ службы. Пользуяся удобнымъ случаемъ, я вознамѣрился поискать слѣдовъ древностей сего столичнаго города . . . — Я хотѣлъ было всѣ наблюденія свои, возвратившись въ Варшаву, представить вамъ, какъ дань должную; ибо историческими познаніями своими я обязанъ вашей учености и дружбѣ. Но какъ мои открытія сдѣлались уже предметомъ общихъ разговоровъ у васъ въ Варшавѣ; то я и почитаю нужнымъ теперь же препроводить къ вамъ описаніе оныхъ. . . .

По соизволенію Его Королевскаго Величества прежде уже былъ открытъ гробъ *Сигизмунда III.* Въ немъ найдены богатыя украшенія; надпись, рукою почтительнаго сына, а не истины, начертанная, оправдываетъ описаніе похоронъ сего Государя. *Я* захотѣлъ видѣть родъ *Ягеллоновъ*, благодѣтелей Польскаго народа; захотѣлъ

взглянуть на нихъ и поклониться великимъ мужамъ и вмѣстѣ Государямъ въ такое время, когда ихъ духъ снова начинаетъ оживлять умы Поляковъ. Дружба́ ко мнѣ Членовъ здѣшняго Капитула удовлетворила моему желанію, и гробы, въ теченіе двухъ вѣковъ бывшіе закрытыми, для меня отворились.

Сигизмундъ Августъ лежитъ открытый въ оловянномъ, украшенномъ выпуклою рѣзьбою гробѣ; онъ весь присыпанъ хмѣлемъ, которой такъ хорошо сберегся, что въ продолженіе 218 лѣтъ ни мало не потерялъ своей крѣпости. Тѣло осталось неповрежденнымъ; только цвѣтъ его изъ обыкновеннаго превратился въ черный. Одежда изъ богатой матеріи, но уже истлѣла. На головѣ корона, у правой руки держава, у лѣвой скипетръ позолоченный; на груди серебряная доска съ надписью: Sigismundus Avgustus, Poloniae Rex, Sigismundi I filius, florentiss: Iagellonis domus ultimus palmes, Livoniae domitor, Litvanor. cum Polonis unitor, aerarii Polonici instavrator, cujus prudentiam orbis admiratus est: mansvetus, comis, patiens, justus et clemens; pacis belli et domesticorum dissidiorum moderator, insignis in catholica religione constanter perseverans. Anno Domini MDLXXII die VII Iulii hora XVIII, actatis suae LIII, Regni vero XXXXIII cum magno moerore moritur Knisini.

На шеѣ *Сигизмунда Августа* нашелъ я золотую простой работы цѣпь съ висящимъ на ней крестомъ, украшеннымъ съ одной стороны рубинами и смарагдами, а съ другой рѣзнымъ начертаніемъ лика Пресвятой Дѣвы съ Божественнымъ Младенцемъ. У ногъ сего великаго Монарха, въ такомъ же гробѣ, лежитъ Анна, дщерь Сигизмунда I, сестра Августа; корова, скипетръ и держава подобны первымъ. На шеѣ у нее двѣ цѣпи: на одной виситъ крестъ, украшенный осмью рубинами; на другой медаль съ изображеніями на сторонѣ главной Св. Іоакима и Анны и посреди ихъ Пресвятой Дѣвы и съ надписью вокругъ: *Societas S. Annae* 1581, а на обратной сторонѣ слова́: *Fructus charitatis, salus.* Подъ головою на серебряной, совершенно чистой доскѣ стихи:

Illa Iagiellonidum Augusto de sanguine creta,
Anna nurus Regum, filia, sponsa, soror.
Magna orta magnis, major virtutibus adhuc,
Tam magnam brevis haec continet urna deam.
Accipite Sauromatae, miseri lugete clientes.
Non domina haec vobis, sed fuit illa parens.

И ниже ихъ:

Sigismundus III. Pol: Rex inclitus materterae quantum matri alteri opt: meritae, debitae gratitudinis memor, cum luctu et moerore. A. a Christo MDXCVI.

Оные стихи дѣлаютъ честь литтературѣ государствованія Сигизмунда III. . .

На гробѣ *Сигизмунда I* лежалъ камень, и онъ прикрѣпленъ былъ желѣзомъ; сто обстоятельство много препятствовало моему желанію. Но благосклонностью ко мнѣ Членовъ Капитула и ходатайствомъ просвѣщеннаго Кустоша, Ксендза Требинскаго, удалены всѣ неудобства. Прошло около двухъ часовъ работы и половина камня была поднята; подъ нимъ доски, еще несгнившія, прикрывали голубой бархатъ съ золотыми крестами; подъ бархатомъ лежалъ песокъ, крѣпко сжатый и по затвердѣніи получающій свойство камня; на девятомъ дюймѣ глубины сего песку открылся *Сигизмундъ I*. Подъ его головою на серебряной съ позолоченными краями доскѣ, въ видѣ паралелограмма, найдена слѣдующая надпись: *Sigismundus primus, Rex Poloniae, supremus Dux Lithuaniae, Russiae, Mazoviae etc. Dominus et haeres, regum specimen, virtutum norma, pietate, religione, sanctimonia, nemini secundus; multis victoriis clarus, sed fidei in Christum constantia clarior, in illius passione et sanguine fuso pro omnibus, spe et fiducia sua reposita, moritur, ut mori oportebat, non solo nomine, sed re ipsa christianissimum regem, ipsa die resurrectionis dominicae. Firma spe sè quoque resurrecturum in gloriam aeternam*

quod pio regi pro sua Deus misericordia praestare dignetur. Vixit annis octeginta et uno, mensibus duobus, diebus septem, mortuus est a Christo nato 1548. Величина тѣла Короля сего содержитъ въ себѣ 3 локтя и 2 дюйма. На головѣ его корона, но совершенно отличная отъ другихъ, которыя послѣ клали въ гробы съ покойниками. Лица непримѣтно; остатки тѣла видны, или лучше сказать присохшей кожи; волосы на головѣ и бородѣ не истлѣли. На Королѣ было три платья: одно изъ краснаго штофа, другое изъ богатой матеріи, третьяго видны только истлѣвшіе остатки; все сіе было опоясано узкимъ церковнымъ поясомъ. Вмѣсто обуви, ноги обвиты полотномъ и золотымъ позументомъ; на ногахъ были большія позолоченныя шпоры съ надписью: *S. Rex P.* (т. е. Sigismundus Rex Poloniae). На правой сторонѣ обыкновенный скипетръ и держава, оба позолоченныя; на лѣвой находился отломокъ, не извѣстно, отъ палаша, или шлема; на одной сторонѣ его изображены: Св. Станиславъ, держащій одною рукою *Піотровина* (*), а другою жезлъ па-

(*) Въ Польшѣ носится преданіе, что Св. Станиславъ воскресилъ изъ мертвыхъ етаго Піотровина. Въ Краковскомъ воеводствѣ есть село сего имени, въ которомъ, какъ сказываютъ, случилось упомянутое происшествіе. *Рдръ.*

стырскій; Св. Флоринъ, держащій въ одной рукѣ военное знамя, а въ другой ведро огнегасительное; внизу подпись: 1521 года; остатокъ пластинки занятъ буквами: *Bo-Sna*. Другая сторона сего обломка представляетъ серебряную, позолоченную бляху съ изображеніемъ на ней бородатаго витязя съ крылатымъ шлемомъ, съ какимъ пишется Меркурій. На шеѣ золотая цѣпь вѣсомъ въ $21\frac{1}{2}$ лота; на ней повѣшенъ крестъ изъ краснаго ясписа, вокругъ обложенный восточными перлами; сверхъ того въ каждомъ углу по краямъ посажено по три жемчужины, и въ серединѣ сей группы по одному рубину; — и проч. . . . На лѣвой рукѣ золотый перстень грубой работы, и въ немъ четвероугольный алмазъ (дикштейнъ) мѣрою въ каждую сторону почти по цѣлой половинѣ дюйма, а вѣсомъ въ $\frac{3}{4}$ лота.

При ногахъ Сигизмунда стоитъ маленькой гробокъ оловянный, и на немъ находится вырѣзанная на доскѣ надпись, изъ которой видно, что *Альбертъ*, сынъ Сигизмунда I и Боны, родившійся 20 Сентября 1547 года, похороненъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ. *Albertus Sigismundi primi Regis Poloniae cum Bona Regina infantulus* 1548 *una cum patre suo humatus, natus vero A. Dni* 1547 *die* 20 *Septembris*. Признаюсь, я нигдѣ не читывалъ объ етомъ послѣднемъ потомкѣ Боны и

осмидесятилѣтняго Сигизмунда. Сіе открытіе послужитъ поводомъ сдѣлать маленькое дополненіе къ генеалогіи и къ исторіи Сигизмунда I.

Зная, что вы захотите имѣть свѣдѣніе о всѣхъ подробностяхъ, найденныхъ въ гробѣ сего великаго Государя, прилагаю вѣрной рисунокъ всѣмъ гробамъ, которые были открыты мною. . . .

(*Рат. W.*)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Выписка изъ Журнала преній.

Одинъ изъ опытнѣйшихъ членовъ лѣвой стороны, именно Графъ Фуа, изъявилъ свое удивленіе о томъ, что между нынѣшними посланниками при чужестранныхъ Дворахъ невидитъ онъ Генераловъ и Государственныхъ мужей, которые славились при Буонапартѣ; онъ полагаетъ, что сіи особы, еслибъ употреблены были по дипломатической части, возъимѣли бы весьма большую силу въ кабинетахъ, и увеличили бы справедливую значительность Франціи въ дѣлахъ Европы.

Такое мнѣніе Графа Фуа покажется весьма благовиднымъ для людей, которымъ мало извѣстны какъ сущность нынѣшнихъ дипломатическихъ сношеній, такъ и вообще положительныя правила политики. А какъ большая часть нашихъ либераловъ заражена невѣжествомъ сего рода; то и неудивительно, что предложеніе Графа Фуа принято ихъ партіею съ полнымъ одобреніемъ. Сія партія торжествуетъ, думая, что Графъ сказалъ истину, которой никакими доводами опровергнуть не можно.

Намъ кажется однакожъ, что нѣтъ особенной трудности доказать совершенную неосновательность умствованій почтеннаго Графа; не трудно доказать, что его совѣты, вообще неудобоисполнимые при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, только бы повредили достоинству Франціи и ослабили бы ея вліяніе въ дѣлахъ Европы.

Политическія отношенія совершенно перемѣнились съ 1814 года. Теперь уже болѣе несуществуетъ та всемірная Монархія, которая, вооружась мечемъ новаго Чингисъ-Хана, посредствомъ трактатовъ предписывала тягостные законы другимъ правительствамъ. Главныя Державы Европы, взаимно соблюдая равновѣсіе между собою, пользуются нынѣ совершенною свободою во внѣшнихъ

своихъ отношеніяхъ; наилучшимъ образомъ понимаемыя ихъ выгоды охраняютъ такую же свободу Державъ второклассныхъ и меньшихъ, которыми первыя отдѣляются, и которыя, находясь между сими, дѣлаютъ невозможными частыя войны между оными огромными массами. Такое основаніе политики Европейской не только всѣми Кабинетами принято, не только провозглашено во всѣхъ трактатахъ; но еще сверхъ того запечатлѣно глубоко въ сердцахъ всѣхъ Монарховъ, всѣхъ Государей Европы, которые, почти всѣ лично бывъ оскорбляемы или унижаемы правительствомъ Буонапарта, почти всѣ лично же принимали участіе въ великомъ крестовомъ походѣ противу всемірной Монархіи. Сего мало; правительства въ етой борьбѣ ужасной прибѣгали къ страстямъ національнымъ: они дозволяли во всякихъ сочиненіяхъ, во всѣхъ журналахъ и даже на сценѣ сильно выражать чувства ненависти, которыя возбуждены были въ нихъ Франціей революціонною и Императорскою. При такихъ порывахъ справедливаго гнѣва, общественное мнѣніе чужестранныхъ народовъ мало отличало людей, бывшихъ совѣтниками или усердными рабами притѣснителя Европы, отъ тѣхъ, которые поднимали оружіе только лишь для защиты земли отечественной и служили Буонапарту единственно въ намѣреніи служить Фран-

ціи. И такъ люди, которые сдѣлались извѣстными или прославились въ оную епоху всемірной Монархіи, натурально еще и теперь имѣютъ противъ себя весьма невыгодныя предубѣжденія въ чужестранныхъ націяхъ. Есть конечно и счастливое исключеніе въ пользу тѣхъ, которые, возъимѣвъ удобной случай, отреклись отъ правилъ деспотизма Корсиканскаго, и съ несомнительною преданностію взявъ сторону законной династіи, приобрѣли тѣмъ права на довѣренность и уваженіе въ Европѣ.

Позволимъ себѣ надѣяться, что по прошествіи немногихъ лѣтъ въ чужихъ государствахъ совсѣмъ перемѣнится мнѣніе о людяхъ новой Франціи. Но до того времени будемъ справедливы вразсужденіи сущности дѣла: она очевидна и неоспорима. Перейдемъ къ возможнымъ случаямъ.

Въ нынѣшнее время посолъ долженъ вести свои дѣла, отнюдь не нарушая равенства между Державами; самыя малѣйшія притязанія старшинства или превосходства отдалены отъ дипломатическихъ сношеній, и кабинетъ, если бы вздумалъ говорить повелительнымъ тономъ къ Державѣ не столь могущественной, тотчасъ навлекъ бы на себя неудовольствіе всѣхъ прочихъ. При такихъ обстоятельствахъ, чиновникъ, ко-

торому неизвѣстны учтивыя и благопривѣтливыя формы старинной дипломатики, хотя бы онъ обладалъ отличнымъ талантомъ, хотя бы онъ былъ весьма искусенъ, успѣетъ ли приобрѣсти довѣренность Двора, при которомъ назначено ему дѣйствовать? Человѣкъ, привыкшій говорить тономъ властелина, легко ли можетъ научиться языку равенства? Знаніе сердца человѣческаго заставитъ каждаго усомниться въ етомъ.

Допустимъ даже, что есть нѣсколько людей довольно гибкихъ, что есть люди, которые могли бы себя переиначить; но мы встрѣчаемъ новое затрудненіе: наши дипломаты Буонапартова времени не имѣли никакой надобности въ ученіи прилѣжномъ и глубокомъ; не было нужды знать договоры, права, выгоды, когда все рѣшилось произволомъ сильнѣйшаго. Вотъ почему между людьми Императорскаго правленія очень мало найдется дипломатовъ свѣдущихъ, способныхъ лично и на словахъ вести переговоры, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ дѣла на конгрессахъ и въ Министерскихъ собраніяхъ, нынѣ сдѣлавшихся обыкновенными средствами политическихъ сношеній. Можно быть орломъ между нашими либеральными ораторами, и въ то же время неимѣть ни такихъ свѣдѣній, ни такого присутствія духа, ни такой тонкой проницательности, какія

потребны для того чтобъ устоять передъ учеными дипломатами, которые ссылаются на договоры, на право публичное и на другія симъ подобныя *мѣлочи*; а мы, съ позволенія господъ либераловъ, скажемъ, что на конгрессахъ нѣтъ обыкновенія невѣжество свое прикрывать пышными фразами и громкимъ крикомъ, какъ они дѣлаютъ иногда на каѳедрѣ въ Палатѣ Депутатовъ. Наконецъ, пусть покажутъ намъ дипломата совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ — въ характерѣ, въ умѣньи обращаться, въ свѣдѣніяхъ — но который игралъ блестящую ролю при Буонапартѣ; мы скажемъ этому господину, еслибъ онъ нашелся: „И вы непугаетесь большихъ неприятностей, или лучше важныхъ препятствій, какія встрѣтить долженъ посланникъ въ такой странѣ, гдѣ онъ имѣетъ противъ себя весьма неприятныя чувства цѣлой націи, гдѣ предубѣждены противъ него всѣ отъ малаго до большаго, гдѣ ненавидятъ его писатели-патріоты, гдѣ очень хорошо еще помнятъ прежнее торжество его отечества? Вы ни во что ставите остатокъ скрытнаго негодованія, которое не легко изглаживается въ душахъ, даже самыхъ возвышенныхъ? Вы не думаете о законномъ, священномъ воспоминаніи минувшихъ дней бѣдствій и скорби? Какой же потребенъ талантъ, чтобы преодолѣть столько препятствій! Сколько встрѣ-

тится случаевъ, при которыхъ сіи препятства, сіи предубѣжденія, сіи воспоминанія могутъ быть причиною или худаго успѣха въ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ замедленія! За чѣмъ же вы ставите себя въ такомъ невыгодномъ положеніи, гдѣ со всѣми вашими талантами, со всѣмъ усердіемъ вашимъ вы не успѣете оказать услугъ своему отечеству? Лучше на нѣкоторое время оставьте при Французской дипломатикѣ тотъ блескъ именъ древнихъ и ту подпору старинныхъ обычаевъ, которыя у другихъ великихъ Державъ сохраняются при ихъ посольствахъ. Преждевременное покушеніе вводить новости по сей части послужило бы только лишь къ уменьшенію вліянія Франціи на дѣла внѣшней политики и замедлило бы приближеніе времени счастливаго забвенія минувшихъ бѣдствій."

(*Съ Франц.*)

Другая выписка.

Актъ министерскихъ совѣщаній (происходившихъ въ Вѣнѣ и недавно кончившихся) напечатанъ теперь во всѣхъ листкахъ политическихъ. Имъ устроивается и утверждается Союзъ Германскій, и онъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ постановленіямъ нашего времени.

Сей Актъ всѣми возможными средствами сближаетъ части Союза, заключающаго въ себѣ 30 милліоновъ жителей. Въ немъ запрещено какую-либо часть земли Союза уступать чужому государству; запрещено заключать наступательные договоры съ чужестранными Державами, и ни одинъ Членъ не можетъ отступиться отъ Союза; равнымъ образомъ и принятіе кого-либо въ Члены сопряжено съ большими затрудненіями. Нынѣшній Актъ даетъ самое прочное бытіе центральной власти, которая должна опредѣлять войну и миръ, вести переговоры отъ имени Союза и управлять всѣми общими дѣлами; прежняя конституція Германская недавала столь прочнаго бытія упомянутой власти.

Такимъ образомъ огромная масса народовъ занимаетъ среднее пространство Европы, находясь между великими Державами.

Ета масса, которая становится нынѣ средоточною тяжестію на вѣсахъ Европейской политики, затруднитъ могущія воспослѣдовать великія потрясенія между Державами. Франція и Россія отнынѣ *дѣйствительно* отдѣлены одна отъ другой, равно какъ отдѣляются онѣ пространствомъ на картѣ; имъ не льзя уже будетъ столкнуться на твердой землѣ, между тѣмъ какъ, по извѣстнымъ причинамъ, онѣ не могутъ имѣть опасной войны на морѣ. Равнымъ образомъ Австрія и Пруссія не могутъ начинать войны противъ Франціи, безъ предварительнаго согласія всего Германскаго Союза; ибо только со стороны Гейна была бы возможность начать подобную войну, потому что Италіянскія владѣнія Австріи отдѣляются отъ насъ владѣніями Короля Сардинскаго. Драгоцѣнная для великихъ Державъ выгода, что онѣ такимъ образомъ удерживаются отъ внезапной рѣшительности, которой причиною могли бы быть или прихоть, или честолюбіе. По неволѣ надобно будетъ взять затруднительную дорогу старинной дипломатики, которая такъ ненравится любителямъ войнъ внезапныхъ и охотникамъ до быстрыхъ нападеній со всѣми ихъ последствіями. Но чѣмъ будетъ труднѣе начать войну, тѣмъ удобнѣе будетъ предусмотрѣть ея слѣдствія и даже предотвратить ее посредствомъ договоровъ. И такъ политика Европейскихъ ка-

бинетовъ, даже честолюбивыхъ, не должна чаять слишкомъ важныхъ для себя выгодъ на семъ кровавомъ поприщѣ.

Слѣдственно для внутренней тишины государствъ Европы сей Актъ весьма полезенъ. Онъ не есть конституція; ибо вольныя государства, составляющія Союзъ Германскій, имѣютъ право каждое само себѣ дать конституцію; но Актомъ обезпечиваются два главныя пункта: 1. установленіе представительныхъ собраній въ видѣ Чиновъ государственныхъ; 2. запрещеніе ограничивать власть Монарховъ въ такихъ дѣлахъ, которыя касаются обязанностей ихъ какъ относительно къ Союзу, такъ и вразсужденіи безопасности собственной Державы. Первымъ изъ сихъ пунктовъ Союзъ Германскій уничтожилъ деспотизмъ; вторымъ онъ предотвратилъ всѣ покушенія головъ безпокойныхъ, которыя захотѣли бы Монархію мало по малу превратить въ демократію.

Союзъ объявляетъ, что онъ будетъ общими силами преслѣдовать того, кто принялъ бы возмутительныя намѣренія противъ одного изъ государствъ союзныхъ, и что онъ поспѣшитъ на помощь къ каждому изъ своихъ правительствъ, если встрѣтится въ томъ надобность.

Непостановлено никакихъ правилъ для главныхъ учебныхъ заведеній; но по сему предмету невозможно войти въ какія-либо подробности безъ того чтобы не нарушить правъ каждаго Государя, верховнаго распорядителя дѣлъ въ своихъ владѣніяхъ.

Особенныя мѣры противъ журналовъ, предварительно положенныя на пять лѣтъ, неутверждены Актомъ. И такъ можно думать, что ихъ уничтожатъ, и что каждое правительство ограничится одними средствами своей конституціи.

Вообще цѣлой Актъ, столь сильно сопротивляющійся духу завоеваній, хищничества и мятежей, есть Актъ благоприятствующій общественному порядку, слѣдственно полезный всѣмъ миролюбивымъ народамъ и всѣмъ законнымъ правительствамъ.

(*Съ Франц.*)

IV. СМѢСЬ.

Шарады.

1.

Всѣ любятъ *первое* во всяко время года;
Но лѣтомъ въ знойный день я нектаръ для народа!
И старыхъ и младыхъ готово веселить,
Лишь только бы меня съ умѣренностью пить!
Второе, нужное къ сапожничьему дѣлу,
Годится и къ другимъ; — согрѣвшись, липнетъ къ тѣлу.
А *цѣлое* мое и мастеръ и хитрецъ
И *перваго* всего хозяинъ и дѣлецъ

2.

Когда кто съ грубостью захочетъ что отдать,
Тотъ *первое* мое изволитъ восклицать;
Второе мѣсто есть и пашни и сраженья,
Охотникъ также тамъ найдетъ увеселенья;
Осталось *третіе*: грамматику скорѣй!
Въ ней вмѣсто имени найти его умѣй;
Оножъ относится и къ вамъ, когда угодно

Кому сказать про васъ не прямо, не подробно;
А *цѣлое* мое былъ страхъ и ужасъ всѣхъ,
Попуставшій за грѣхъ!

Быстрорѣцкій.

Анаграммы.

I.

Перина, пуховикъ всегда обшиты мною;
Иные бѣдняки мной кроютъ и диванъ!
Переверни меня: я рыба-великанъ,
Пророка проглотилъ — живу морской водою.

II.

Олени, козы мнѣ по прыганью родными;
Я звѣрь и сходствую во многомъ очень съ ними;
Прочти на оборотъ: я съ пищей на столахъ
Необходимою въ домахъ!

III.

Я маленькой звѣрокъ, живущій подъ землею,
Слѣпорожденный я! Моя охота рыть.
Перемѣшай меня, я тотъ же-часъ поспѣю
Прикрасою коню въ его убранствѣ быть!

IV.

Мнѣ ямы, пропасти едва ли не съ родни,
И кто слетитъ въ меня, тотъ укоротитъ дни;

Напротивъ прочитавъ, увидишь какъ я скоръ,
Чужое захвативъ, махнушь черезъ заборъ.

V.

Я на лицѣ твоемъ, читатель, непремѣнно,
Широкъ и долгъ я и сплюснутъ иногда;
Прочти на оборотъ, увидишь, что тогда
Я благо для тебя, сокровище безцѣнно!

Быстрорѣцкій

Деревня Перекопъ.

VI.

Звѣрей, птицъ, рыбъ число я уменьшаю,
И людямъ ихъ на пользу доставляю;
Прочти меня на *оборотъ*:
Я — скотъ! —

П. Н — въ.

Верхнеуральскъ.

Омонимъ-Анаграмма.

Я вашъ домашній звѣрь — съ усами —
Воюю со меньшими звѣрками;
Гдѣ ихъ увижу, тутъ ловлю —
И, поигравъ, тотчасъ давлю!
О, какъ онѣ меня боятся!
Лишь появлюсь — вдругъ притаятся
Въ щеляхъ и гнѣздахъ и норахъ! —
Когда въ деревняхъ вы бывали,

У бабъ и дѣвокъ на ногахъ
Меня конечно тамъ видали.
Прошу *обратно* прочитать: —
На *мнѣ* крестьяне хлѣбъ молотятъ;
И барыни *меня* же носятъ.
Теперь ужъ какъ не отгадать!

П. К — въ.

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Отъ Короля выходятъ весьма часто разныя повелѣнія, имѣющія цѣлью благо подданныхъ Его Величества при нынѣшней счастливой для нихъ перемѣнѣ; такъ на примѣръ, кромѣ сдѣланныхъ по другимъ частямъ распоряженій, учреждена особая Коммиссія для исправленія публичнаго воспитанія и преимущественно нижнихъ училищъ.

— Въ числѣ избранныхъ Кортесовъ находятся многія особы духовнаго званія, именно 4 Епископа и болѣе 20 канониковъ и священниковъ. Сказываютъ, что правительство можетъ считать на своей сторонѣ 136 депутатовъ противъ 34, и что въ числѣ первыхъ находятся краснорѣчивѣйшіе Ораторы.

— Прибывшіе въ Мадритъ коммиссары Юнтъ Аррагонской, Астурійской, Галлиційской, Наваррской и Сенъ Фернандской, поднесли Королю адрессъ, въ которомъ опровергаются

ложные слухи, разсѣянные о существованіи мнимой партіи революціонной и республиканской. Въ Сарагоссѣ спокойствіе, какъ извѣстно, было нарушено (по другой однакоже причинѣ); но и тамъ порядокъ совершенно возстановленъ. Замѣтны, правда, нѣкоторые признаки опасеній: каждой изъ жителей обязанъ достать себѣ охранную грамату, или такъ называемый *билетъ добраго гражданина.* У кого есть такой билетъ, тому оказывается должное уваженіе; неимѣющій же сей предохранительной бумаги можетъ быть взятъ подъ стражу въ качествѣ подозрительнаго человѣка.

Франція.

Въ Парижѣ все утихло. Король изъявилъ свою признательность войскамъ, дѣйствовавшимъ при возстановленіи порядка. Уже нѣкоторымъ изъ числа взятыхъ подъ стражу, по поводу послѣднихъ смятеній, возвращена и свобода. Въ семъ числѣ находятся Генералъ Солиньякъ, Полковники Дюфуа и Паль. Но предосторожности, принятыя для сохраненія всеобщаго спокойствія, находятся еще въ полномъ дѣйствіи, и многочисленные патрули безпрестанно разъѣзжаютъ по улицамъ.

— Безпокойства происходили также въ Реннѣ, Брестѣ, Нантѣ, Лоріанѣ, Витрѣ, Нимѣ, Греноблѣ, и почти вездѣ начинались они въ тоже время какъ и въ столицѣ, именно 9 го и 10 чиселъ. Благодаря дѣятельнымъ и благоразумнымъ распоряженіямъ начальства, сіи смятенія не имѣли важныхъ послѣдствій, и всѣ они тотчасъ прекращались благонамѣреннымъ усердіемъ военнослужащихъ.

— Дюкъ-Деказъ, находящійся съ нѣкотораго времени въ Парижѣ, бываетъ часто у Короля и пользуется по прежнему отличною милостію Его Величества.

Германія.

Окончательный актъ Министерскихъ (бывшихъ въ Вѣнѣ) совѣщаній по дѣламъ Германскаго Союза, обнародованъ во Франкфуртѣ 15 числа Іюня. Послѣднее засѣданіе, въ протоколъ котораго внесенъ упомянутый актъ, происходило 8 го тогожъ мѣсяца, въ самый день подписанія Союзнаго акта.

Англія.

Дѣло Королевы становится со дня на день затруднительнѣе. Во первыхъ Ея В—во въ посланіи своемъ въ Нижній Парламентъ, которое въ засѣданіи 7 числа Іюня (н. с.) читалъ защитникъ ея г. Бруггамъ, потребовала *публичнаго изслѣдованія*, дабы могла она какъ выслушать самыя обвиненія, такъ и узнать являющихся противъ нее свидѣтелей, и протестовала торжественнѣйшимъ образомъ предъ лицемъ Короля, Парламента и народа противъ *тайнаго судилища*, которому хотятъ ввѣрить разсмотрѣніе бумагъ, поддѣланныхъ ея противниками. Потомъ предложила она слѣдующія причины своихъ жалобъ: „исключеніе имени ея изъ литургіи; отказъ въ способахъ возвратиться въ Англію; неполученіе отвѣта на вопросъ: которой изъ дворцовъ назначенъ для ея жительства; утонченныя хитрости Англійскихъ Министровъ при иностранныхъ Дворахъ, равно какъ и Агентовъ тѣхъ Державъ, на кои Британское правительство имѣетъ нѣкоторое вліяніе.“ Изъ переговоровъ, продолжавших-

ся между Королевою и Министрами Его Величества, извѣстно между прочимъ, что со стороны Лорда Ливерпуля было объявлено: „Выпущеніе имени Королевы изъ литургіи не имѣетъ никакой связи съ судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Ея В—а; оно единственно основывается на прежнихъ событіяхъ, на примѣръ на томъ, что имя супруги Георгія I никогда не упоминалось въ церковныхъ молитвахъ. Касательно жѣ помѣщенія Королевы, теперь всѣ дворцы заняты, ибо Герцогиня Кентская живетъ нынѣ во дворцѣ Кензингтонскомъ. Впрочемъ Министры Его В—ва имѣютъ порученіе доставить Королевѣ всѣ возможные способы избрать по желанію своему приличное жилище.“ Въ одной изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ конференцій объявлено было со стороны Королевы, что неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ она находится, равно какъ и желаніе сохранить всеобщее спокойствіе, заставляютъ ее рѣшиться, хотя и весьма неохотно, оставить Англію. Но Ея В—во не иначе изберетъ мѣсто для своего пребыванія въ иностранныхъ земляхъ, какъ по торжественномъ увѣреніи со стороны Министровъ, что отъ каждаго Двора, который вознамѣрится посѣтить, она принята и признана будетъ въ качествѣ Великобританской Королевы. Сверхъ того повторяла она свое требованіе, чтобы имя ея не было исключаемо изъ литургіи. Министры отвѣчали, что если Ея В—ву угодно будетъ избрать для своего жительства Миланъ или другую столицу какого-либо Италіянскаго Двора; то Король безъ сомнѣнія предпишетъ тамошнимъ своимъ Посланникамъ и Дипломатическимъ Чиновникамъ воздавать ей всѣ почести, принадлежащія Ан-

глійской Королевѣ, но не можетъ увѣрить ее, чтобы другіе Дворы послѣдовали сему примѣру. Въ заключеніи объявлено, что, по избраніи Ея В-омъ будущаго своего мѣстопребыванія, Король предложитъ Парламенту определить ей ежегодно по 50,000 ф. ст. — На сіе отвѣчала Королева, что *денежныя дѣла* не должны входить въ переговоры; ибо она объ нихъ совсѣмъ не думаетъ и не намѣрена касаться впередъ сего предмета. Ея В-во объявила, что предложеніе касательно будущихъ ей почестей находитъ она недостаточнымъ и потому повторяетъ прежнее свое требованіе, въ полной онаго силѣ. Симъ объясненіемъ Королевы прерваны были переговоры.

Между тѣмъ Министры время отъ времени доносили Парламентамъ объ успѣхѣ продолжавшихся конференцій. Одни изъ Членовъ защищали Королеву; другіе требовали, что бы приступлено было къ надлежащему изслѣдованію дѣла, и невидя конца переговорамъ, грозились раскрыть *зеленой мѣшокъ* и разсмотрѣть содержащіеся въ немъ обвинительные документы. Наконецъ въ 23 день Іюня, по предложенію г-на Вильберфорса, въ Нижнемъ Парламентѣ опредѣлено представить Ея Величеству адрессъ съ прозьбою, для прекращенія сего несчастнаго дѣла, отказаться отъ требованія включить ея имя въ литургію. Назначенная депутація была представлена Королевѣ; но вотъ что между прочимъ сказано въ отвѣтѣ Ея Величества: „Какъ обвиненная и оскорбленная Королева, обязана я себѣ самой, супругу моему и вмѣстѣ всѣмъ подданнымъ, съ твердостію сохранять всѣ мои права и преимущества и *неослабно взывать къ обще-*

ственному правосудію." И въ тотъ же самой день, 26 Іюня, въ Верхній Парламентъ поступила отъ Королевы прозьба, въ которой сказано между прочимъ: „Нынѣ, какъ и прежде, объявляетъ Королева, что она готова отвѣчать на каждое обвиненіе, относительное къ ея чести, и ничего такъ сама не желаетъ, какъ *наистрожайшаго изслѣдованія своего поведенія.* Но вмѣстѣ съ симъ протестуетъ она противъ всякаго *тайнаго изслѣдованія*; а если Парламентъ настоятельно потребуетъ сей мѣры, столь несовмѣстной съ правосудіемъ, законовѣдѣніемъ и конституціею, то она принуждена будетъ объявить, что и сіе не причинитъ ей ни малѣйшаго страха: разумѣется, если упомянутое слѣдствіе не начнется до прибытія свидѣтелей, которыхъ намѣрена она созвать въ наискорѣйшемъ времени, и которые ясно докажутъ всѣ затѣянные противъ нея умыслы." Далѣе Королева требуетъ, чтобы Верхній Парламентъ дозволилъ адвокатамъ ея находиться при производствѣ дѣла. — Сіе важное и трудное дѣло составляетъ нынѣ исключительный предметъ всеобщаго вниманія. Всѣ разсужденія о прочихъ общественныхъ дѣлахъ прерваны въ Парламентѣ.

Турція.

Предпріимчивый Мехметъ-Али, Паша Египетскій, послалъ значительный корпусъ войскъ въ *Ливію*, для покоренія обитающихъ тамъ Арабскихъ поколѣній. Онъ отправилъ также около 8,000 человѣкъ въ Нубію, для покоренія тамошнихъ Мамелюковъ и для присоединенія къ областямъ своимъ и сей провинціи, которая снабжаетъ весь Востокъ сло-

новою костью, строусовыми перьями, разнаго рода камедью, тамариндою, и проч.

— Вооруженія Порты противъ Паши Яннинскаго продолжаются неослабно. Отовсюду собираются войска, которыя соединятся съ выступающими противъ него Пашами. Пегливанъ-Паша, главный начальникъ сей експедиціи, получилъ отъ Порты въ подкрѣпленіе 50 пушекъ и три отряда артиллеристовъ.

Концертъ госпожи Каталани.

Наконецъ и мы, жители Московскіе, имѣли удовольствіе слушать *Царицу пѣнія.* 18 го Іюля она давала концертъ въ залѣ Благороднаго собранія. Публика была многочисленная и блестящая. Г-жа Каталани пѣла слѣдующія піесы: 1. *Deh frenate* (соч. Гульельми), 2. *Варіяціи* (соч. Роде), 3. Mio bene (соч. Портогалло), 4. La placida campagna (соч. Пуччита). По изъявленному нѣкоторыми особами желанію слышать *Русскую арію*, знаменитая художница обрадовала *всѣхъ* пропѣтіемъ извѣстныхъ стиховъ: *Ты возвратился, Благодатный!* Во всякое время слова сіи драгоцѣнны для Русскаго сердца; но въ сію минуту восторженный слушатель обращалъ мысленные взоры на Кремль, счастливый присутствіемъ *Благодатнаго.*

Въ чемъ состоитъ природный даръ г-жи Каталани? въ чемъ состоитъ ея искусство? Чтобы вѣрнѣе отвѣчать на сіи вопросы, надобно еще послушать ея пѣнія.

Письмо къ Редактору В. Е.

У васъ хранится Планъ Заиры, моего перевода, которой вамъ угодно было безъ всякой пользы оставить у себя. Я покорнѣйше прошу его мнѣ возвратить. Хотя условія ваши всѣмъ извѣстны; но права собственности гораздо священнѣе оныхъ, тѣмъ болѣе, что сей манускриптъ вы получили отъ посторонняго человѣка. Я ни мало не дивлюсь, что таковую бездѣлицу неудостоили помѣстить въ число тѣхъ блистательныхъ твореній, коими наполняется Вѣстникъ Европы. Но всякъ имѣетъ слабости, а я гораздо болѣе многихъ, а потому и надѣюсь, что вы уважите мою прозьбу и Планъ Заиры мнѣ возвратите. Имѣю честь быть и проч.

Николай Сѣчинъ.

Тула.

Отвѣтъ.

Неудивляйтесь и тому, что на письмо ваше отвѣчаю чрезъ посредство Вѣстника Европы: побужденный необходимостью, я принялъ себѣ за правило незаводить никакой переписки по предмету составляемаго мною Журнала; ибо иначе мнѣ не достало бы времени для упражненій моихъ по долгу службы, а еще болѣе для приготовленія журнальныхъ піесъ, которыя вамъ угодно было (разумѣется, изъ особливой ко мнѣ благосклонности) назвать *блистательными твореніями.* Вы требуете отъ меня своего манускрипта, ссылаетесь на *права собственности*, и доказываете, почему именно сіи *права* священнѣе моихъ условій — т. е. повторяемаго при каждой книжкѣ объявленія о томъ, что *я, Редакторъ, неберу на себя затруднительной обязанности пересылать обратно къ сочинителямъ и переводчикамъ доставляемыхъ ко мнѣ піесъ.* Милостивый государь! ваша собственность, о которой идетъ теперь дѣло, не походитъ ни на какую другую тѣмъ, что ее можно размножать по произволу: это не домъ, не деревня, не часы, не табакерка. Копіи съ вашего *Плана Заиры* могутъ быть въ двадцати рукахъ въ одно время; но самой Планъ Заиры отъ того ни сколько не потеряетъ: онъ былъ вашъ, и останется вашимъ, если сами не заблагоразсудите передать право свое другому, и этой собственности, я думаю, никто у васъ неоспориваетъ. Еслижъ вы требуете отъ меня собственности вашей, состоящей въ нѣсколькихъ листахъ бумаги, въ истраченныхъ на нее чернилахъ и въ томъ, чего стоитъ трудъ

переписчика; то я ссылаюсь на свои условія, по вашимъ же словамъ *всѣмъ извѣстныя*, и объявляю себя полнымъ хозяиномъ вашей тетрадки, потому единственно что теперь не знаю, гдѣ и какъ найти ее между множествомъ своихъ бумагъ, которыхъ разбирать я ненамѣренъ можетъ быть по такимъ же слабостямъ, какія вы себѣ приписывать изволите. Употребить недѣли двѣ на отыскиваніе копіи съ вашего *Плана Заиры* и потомъ (дѣло весьма сбыточное!) не найти ее — это, осмѣлюсь вамъ доложить, было бы наказаніемъ, вовсе несоразмѣрнымъ винѣ моей передъ вами. Удовольствуйтесь и тѣмъ, что вы робкую стыдливость одного изъ журналистовъ привели въ замѣшательство, назвавши его бѣдное писанье *блистательными твореніями*. Имѣю честь быть съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

М. Каченовскій

Отъ Редактора.

На внутренней сторонѣ красной обертки при каждой книжкѣ сего Журнала объявляется, что *пересылка Вѣстника Европы совсѣмъ не зависитъ отъ Редактора*; не смотря на то, несмотря даже и на повторяемыя о семъ объявленія, иногда я получаю отъ подписавшихся особъ требованія о доставленіи къ нимъ вышедшихъ книжекъ. Въ отвращеніе недоразумѣній и неудовольствій за нужное почитаю симъ дополнить, что почтенные субскрибенты, въ случаѣ неполученія ими одной или нѣсколька книжекъ сего Журнала, имѣютъ право требовать ихъ отъ того мѣста, въ которое взнесли деньги; при могущихъ же и за тѣмъ встрѣтиться затрудненіяхъ, покорно прошу относиться все таки не ко мнѣ, а въ Типографію Императорскаго Московскаго Университета, *отъ которой издается* Вѣстникъ Европы, или даже и въ Правленіе упомянутаго Университета; которое безъ всякаго сомнѣнія приметъ надлежащія мѣры къ справедливому каждаго удовлетворенію.

На той же красной օберткѣ обыкновенно упоминается, *въ какомъ именно случаѣ Редакторъ можетъ печатать сочиненія, доставляемыя къ нему отъ постороннихъ*

особъ и на какомъ условіи принимаетъ онъ доставляемыя къ нему піесы; не смотря на то, я нижеподписавшійся иногда отъ благосклонныхъ участниковъ въ трудѣ своемъ получаю разнаго рода письма — вопросныя, требовательныя и даже понудительныя (!). По причинѣ разныхъ обязанностей своихъ и занятій не имѣя времени переписываться, нахожусь принужденнымъ снова рѣшительно чрезъ сіе донести всѣмъ, что я не могу отступить отъ объявленнаго мною правила, и потому прошу не ставить мнѣ въ вину моего молчанія.

М. Каченовскій.

Благотвореніе.

Полученные въ конвертѣ подъ печатью Семеновской почтовой Експедиціи 25 рублей, по желанію неизвѣстной благотворительной особы, вмѣстѣ съ письмомъ отданы Князю *П. И. Шаликову*, для доставленія терпящему бѣдность семейству чиновника 9 класса *В. Г. Чичерина*. — *Рдръ*.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14.

ІЮЛЬ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Вѣрность и благодарность.

Повѣсть (*).

Владѣтельный Князь ... скій оставилъ свои области, занятыя Французами. Полковникъ Баронъ Фонъ Г. былъ изъ числа тѣхъ людей, которые лучше рѣшились послѣдовать за своимъ Государемъ въ изгнаніе, нежели присягнуть на вѣрность чуждому завоевателю. Зная весьма хорошо политическія отношенія того времени и пламенно любя свое отечество, Баронъ видѣлъ въ сей перемѣнѣ не болѣе какъ потрясеніе скоропреходящее, и съ полною увѣренностію ожидалъ скораго возвращенія Князя въ наслѣдственную его землю, точно какъ вечерней порою при закатѣ солнца мы надѣемся въ слѣдующее утро снова увидѣть сіе лучезарное свѣтило. Баронъ и супруга его

(*) Изъ Morgenblatt.

(*) Утренній листокъ

отправились въ городъ Н., гдѣ оба жили въ скромномъ уединеніи, ожидая благопріятной перемѣны. Спустя годъ, Баронъ скончался; супруга его осталась на чужой сторонѣ безъ друзей, безъ знакомыхъ, безъ благодѣтелей, угрожаемая всѣми ужасами отчаянія безпомощнаго. У нее не было никакого имущества; доходы мужа ея прежде обоимъ доставляли средства содержать себя приличнымъ образомъ, и какъ Баронъ былъ увѣренъ, что вдова его непремѣнно получитъ пенсію, то будущее и неказалось ему страшнымъ. Теперь пишетъ она къ Князю, которой лично зналъ и уважалъ заслуженнаго Полковника; пишетъ и къ знатнымъ особамъ, окружающимъ Государя: отъ перваго вовсе неполучала отвѣта; отъ послѣднихъ получила обѣщанія, которыхъ ничтожность со дня на день становилась ей примѣтнѣе. Положеніе Баронессы было самое печальное: во время болѣзни мужа она принуждена была превратить въ деньги серебряную свою посуду и нѣкоторыя драгоцѣнности; теперь всѣ средства уже истощились, и она почти совсѣмъ ничего неимѣла; слабость здоровья и привязанность къ уединенной жизни недозволили ей завести знакомства въ городѣ: вотъ почему не было у нее тутъ ни друзей, ни помощниковъ, не было даже никакой надежды получить откуда нибудь пособіе —

и это на пятьдесят пятомъ году жизни! Тягостная участь! только одна религія могла подкрѣпить ея силы: бѣдная вдова пала на колѣна, со слезами просила Создателя низпослать къ ней помощь и утѣшеніе, ощутила въ себѣ неизъяснимую бодрость, встала и въ душѣ ея водворилось спокойствіе, такъ что она могла неподвижнымъ взоромъ смотрѣть на всѣ ужасы будущаго своего состоянія. „Здѣшняя жизнь непремѣнно должна окончиться смертью," сказала сама себѣ Баронесса; „и для меня все равно умереть отъ болѣзни, или отъ убожества; быть можетъ, на соломѣ еще легче разстанусь съ жизнію, нежели на пуху лебяжьемъ, и въ послѣдній часъ мой, которой отъ меня, кажется, недалеко, я не буду имѣть нужды ни въ какомъ утѣшеніи, ни въ какихъ ободреніяхъ. Нечего мнѣ будетъ лишиться; радостно покину землю, чтобы возвратиться къ милосердому Отцу, обѣщавшему воздать небеснымъ веселіемъ за каждую слезу, безвинно пролитую."

Такимъ образомъ предавалась она благочестивымъ размышленіямъ, когда вошелъ къ ней служитель. Ивану было тридцать шесть лѣтъ отъ роду, и десять лѣтъ провелъ онъ при покойномъ Баронѣ; писать онъ совсѣмъ неумѣлъ, а читать могъ съ великою трудностію; будучи необходителенъ, неласковъ и

угрюмъ вразсужденіи прочихъ служителей въ домѣ, онъ былъ неповоротливъ и передъ господами своими, не скоръ въ исполненіи своей должности: но его честность, его привязанность къ порядку, его благонравное поведеніе приобрѣли ему благосклонность и довѣріе господъ, несмотря на его наружность, весьма непривлекательную. Баронесса еще до смерти мужа отпустила своихъ служанокъ, а только оставила при себѣ Ивана, да одну кухарку; теперь надлежало и съ ними расчесться. Баронесса уже рѣшилась это сдѣлать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. „Ты пришелъ очень къ стати; я имѣю нѣчто сказать тебѣ.“ Слова сіи были произнесены ею такимъ голосомъ и такимъ тономъ, по которому не трудно было угадать расположеніе души ея. Иванъ, несшій дрова для камина, вдругъ опускаетъ свой коробъ, смотритъ на Баронессу, спрашиваетъ съ безпокойствомъ: Господи Боже! что въ вами сдѣлалось, сударыня? — „За сколько времени, Иванъ, должна я заплатить кухаркѣ?“ — Только за одинъ мѣсяцъ; завтра у насъ первое число, а за прежній мѣсяцъ мы оба получили плату въ свое время. — „Тѣмъ лучше; я отпущаю кухарку, ибо не имѣю въ ней болѣе нужды, и ты можешь ей сказать объ этомъ; тебѣ, мой доброй Иванъ, также надобно искать другаго мѣста.“ — Мнѣ искать дру-

гаго мѣста? Что́ бы ето значило? Нѣтъ, милостивая государыня! я хочу жить и умереть у васъ въ службѣ. — „Иванъ! мои обстоятельства недозволяютъ. . .“ — Можетъ быть вамъ назначатъ малую пенсію, такъ вы и отсылаете кухарку: въ етомъ ваша воля; но я чѣмъ провинился? за что меня выгоняете? — „Я совершенно бѣдна, Иванъ! совсѣмъ ничего неимѣю; я продала уже все лишнее, даже столовое серебро мое, и остаюсь безъ всякой помощи, безъ всякой надежды получить пенсію.“ — Ахъ, Боже мой! — „Долгъ каждаго человѣка: съ дѣтскою покорностію предать себя въ волю Провидѣнія, и нероптать, что́ бы ни случилось съ нами При моемъ несчастіи Создатель посылаетъ мнѣ великое утѣшеніе — рѣшительность съ твердымъ постоянствомъ перенести свое несчастіе. Сколько тысячь семействъ находится въ такомъ же какъ я безпомощномъ состояніи, и которыя (самая горькая участь!) должны еще дѣлить его съ любимцами души своей! О, какъ раздиралось бы мое сердце, когда бы мнѣ суждено было еще видѣть борьбу покойнаго мужа съ нуждою и недостатками! Теперь несчастіе, которымъ Творецъ посѣтилъ меня, только до меня одной касается, и я терплю не свыше силъ моихъ.“ — Нѣтъ! воскликнулъ Иванъ голосомъ души растроганной: нѣтъ, вы не будете несчастливы, вы не должны тер-

пѣть никакой нужды! У меня есть руки; я стану работать. — „Доброй Иванъ!" перервала Баронесса: „никогда несомнѣвалась я въ твоей приверженности; но не употреблю ея во зло. Все, что́ можешь ты для меня сдѣлать по моему желанію, состоитъ вотъ въ чемъ: найми въ какой нибудь отдаленной улицѣ комнатку на чердакѣ дома; у меня есть еще столько денегъ, что я надѣюсь прожить ими два или три мѣсяца. Я могу вязать, могу шить тонкое бѣлье; поищу себѣ работы, и Богъ мнѣ поможетъ." Иванъ пристально смотрѣлъ на госпожу свою, и вдругъ зарыдалъ; поднявши руки, онъ клялся, что никакъ неможетъ ее оставить, что намѣревается служить ей до конца своей жизни, служить гораздо охотнѣе и ревностнѣе, чѣмъ прежде. Десять лѣтъ, прибавилъ Иванъ, вы и покойной кормили меня, одѣвали; всегда противъ меня были добрыми господами, между тѣмъ какъ я не рѣдко употреблялъ во зло доброту вашу и терпѣніе! Простите, матушка, всѣ прежнія мои ошибки; я хочу исправиться, хочу поправить все и просить Господа Бога, чтобы для того продлилъ жизнь мою и даровалъ бы мнѣ потребныя силы. —

Недожидаясь отвѣта, Иванъ поспѣшно побѣжалъ изъ комнаты. Тутъ почувство-

вала Баронесса, что нѣтъ столь великаго несчастія, нѣтъ столь тяжкой скорби, которыя бы не были облегчены вѣрностію, и которыя въ душѣ благородной и нѣжной не были бы смягчены благодарнымъ чувствомъ. Спустя нѣсколько минутъ, доброй Иванъ прибѣгаетъ обратно, и кладетъ на рабочемъ столикѣ Баронессы небольшой кожаной мѣшокъ съ деньгами. — Вамъ и моему любезному господину, сказалъ онъ, благодарить обязанъ я за етотъ мѣшокъ съ тридцатью луидорами; деньги шли отъ васъ, вамъ онѣ и принадлежатъ. — „Какъ, Иванъ! плодъ десятилѣтней бережливости?....“ — Имѣя деньги, вы и мнѣ ихъ жаловали; теперь сама справедливость требуетъ, чтобы я вамъ хоть что-нибудь отдалъ, когда у васъ уже вовсе нѣтъ денегъ. Да и на что годились бы деньги въ здѣшнемъ свѣтѣ? Я очень знаю, что ета малость вамъ ни къ чему непослужитъ; но у меня уже все придумано, чему какъ быть должно. Вѣдь вамъ извѣстно, матушка барыня, что я ремесломъ кузнецъ, и что я не отвыкъ отъ молота и наковальни; извѣстно и то, что въ отсутствіе ваше я часто хаживалъ къ двоюродному своему брату, въ нашемъ городѣ жившему, и въ шутку помогалъ ему работать. Теперь я примусь за дѣло уже не въ шутку. Здѣсь нашелъ я земляка, у котораго бываетъ заказной работы очень

много, и которой весьма охотно возметЪ меня кЪ себѣ вЪ работники. — „НѣтЪ! ето уже слишкомЪ!“ воскликнула Баронесса: „И я до сихЪ порЪ незнала етой души благородной, скрывающейся подЪ такою невидною внѣшностію! Твоя вѣрность, ИванЪ, служитЪ истиннымЪ утѣшеніемЪ вЪ моемЪ несчастіи; но какЪ могу согласиться, чтобЪ ты для меня работалЪ? Неговорю о прочемЪ, но ты уже давно отвыкЪ отЪ работы тяжелой, требующей усилія; ты привыкЪ давно уже кЪ выгоднѣйшей жизни.“ — О, для меня тутЪ небудетЪ ничего мудренаго! воскликнулЪ онЪ сЪ живостію: лишь бы только вы, матушка барыня, привыкли кЪ новымЪ обстоятельствамЪ. СЪ завтрашняго же утра я начну работать; мастерЪ ФридрихЪ вѣрно земляку своему неоткажетЪ вЪ одолженіи; да ему же, какЪ мнѣ извѣстно, именно теперь нуженЪ исправной работникЪ. Вы сами увидите, какЪ все ето пойдетЪ хорошимЪ порядкомЪ.

На другой день по утру кухарка получила увольненіе. ИванЪ пріискалЪ тѣсную, но чистую и веселую комнатку, вЪ которой Баронесса нашла хорошую постелю, удобныя кресла, рабочій столикЪ для шитья и сЪ письменнымЪ припасомЪ; вЪ уютномЪ шкапу помѣщены были ея книги, бѣлье, платье, и тамЪ же попался ей кожаной мѣ-

шокъ съ тридцатью луидорами. Въ одномъ углу комнаты подъ занавѣсой на маленькихъ полкахъ красиво разложена была поваренная посуда, необходимая для малаго хозяйства. — Лучшаго ничего неудалось мнѣ пріискать, сказалъ Иванъ, за плату, какую давать вы расположились: здѣсь комнатка съ комелькомъ; въ сѣняхъ къ нему очагъ; а для дѣвушки нѣтъ постели особой; пускай негнѣвается: будетъ постилать себѣ матрацъ изъ подъ перины барыниной. — „Какая дѣвушка?" съ удивленіемъ спрашиваетъ Воронесса. — Вѣдь вамъ, барыня матушка, не льзя же обойтись безъ помощи дѣвушки: кто разведетъ вамъ огонь, принесетъ воды, подмететъ въ комнатѣ? — „Но любезной Иванъ? . . ." — Ето все бездѣлица и ничего нестоитъ. Дѣвушка — дочь бѣднаго ремесленника, которой починяетъ старые башмаки и тѣмъ питается; у него шестеро дѣтей, и онъ почтетъ за великое благодѣяніе, когда вы дозволите дочери его жить при себѣ безо всякой платы изъ одного хлѣба. О себѣ могу доложить вамъ, что я получилъ себѣ мѣсто у мастера Фридриха по моему желанію. Жить буду въ его домѣ, обѣдать за однимъ столомъ, и сверхъ того еще стану получать за работу по два рейхсталера въ недѣлю, которыхъ для васъ, надѣюсь, будетъ достаточно при вашихъ запасныхъ деньгахъ. Етаго нехотѣлъ я вамъ

сказывать при Сусаннѣ; теперь позову ее. Иванъ вышелъ; черезъ нѣсколько минутъ возвращается, держа за руку дѣвушку лѣтъ тринадцати, собою очень миловидную, поручаетъ ее въ милость Баронессѣ; потомъ, прочитавши строгое наставленіе Сусаннѣ, кланяется госпожѣ своей и уходитъ.

Неизъяснимо было чувство признательности въ Баронессѣ къ поступку такой высокой добродѣтели; но неменѣе того удивлялась она и совершенной перемѣнѣ, какую замѣтила въ Иванѣ; онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ: иначе говорилъ, иначе дѣйствовалъ. Дикость, суровой нравъ его совсѣмъ исчезли съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ на себя святую обязанность благотворителя. Овладѣвшее имъ чувство вѣрности дошло до восторга, возбудило въ душѣ его благороднѣйшее намѣреніе, научило сердце его той тонкой осторожности, разборчивости въ словахъ и поступкахъ, какую всякой долженъ наблюдать въ обхожденіи съ несчастными. Человѣкъ необразованный, съ умомъ непросвѣщеннымъ, какъ бы нѣкоторымъ инстинктомъ вдругъ побужденъ былъ возчувствовать всю святость долга благодарности; онъ понялъ притомъ, что прямо великодушный, помогая несчастному, остерегается унижать его, не приводитъ въ стыдъ его чувствительности. Въ слѣдующіе дни

Баронесса невидала Ивана. Вечеромъ въ субботу онъ явился, просилъ на минуту вмслать Сусанну и вынулъ изъ кармана свои два рейхсталера, бережно завернутыя въ лоскутокъ бумаги. „Вотъ что́ я выработалъ въ одну недѣлю!“ сказалъ Иванъ, положивши на столъ деньги; и чтобъ недать времени Баронессѣ для изъясненій, онъ тотчасъ позвалъ Сусанну, поклонился госпожѣ и пошелъ обратно къ своему хозяину.

Вѣрно исполняя возложенную на себя обязанность, Иванъ въ каждую субботу приносилъ къ Баронессѣ выработанныя деньги; только въ концѣ мѣсяца удерживалъ по нѣскольку грошей для заплаты за мытье бѣлья и на пиво, которое онъ пивалъ съ товарищами своими по воскреснымъ днямъ и праздничнымъ; но и сію малость не самъ онъ для себя откладывалъ, а выпрашивалъ у Баронессы вмѣсто подарка. Тщетно, мучимая совѣстью, убѣждала она, что ей ненужно столько денегъ; Иванъ или совсѣмъ неслушалъ ее, или показывалъ такой видъ прискорбія, при которомъ она принуждена была умолкнуть. Въ надеждѣ довести до того, чтобъ Иванъ оставлялъ въ свою пользу бо́льшую часть заработка, она трудилась съ неутомимымъ прилѣжаніемъ; но непривыкши дѣлать щегольскихъ уборовъ, и неимѣя возможности со слабымъ зрѣніемъ своимъ шить

хорошее бѣлье или платье, она должна была ограничиться самопрялкой и чулочными иглами. Сусанна за участіе въ работѣ получала свою долю. Баронесса нерѣдко хвалилась своимъ успѣхомъ, чтобы представить доходъ свой значительнымъ, а Иванъ обыкновенно прибавлялъ къ словамъ ея лаконической отвѣтъ свой: тѣмъ лучше! и тотчасъ заводилъ рѣчь о другомъ дѣлѣ.

Время несдѣлало никакой перемѣны въ поведеніи Ивана: въ четыре года, точно какъ бы въ одну только минуту, благородная душа его не вспомнила о всей важности столь безкорыстнаго подвига; по прошествіи четырехъ лѣтъ кроткое простосердечіе не превратилось въ хвастливое знаніе о достоинствѣ своего поступка! Но приближалось время ужасной, мучительнѣйшей скорби для Баронессы. Однажды вечеромъ въ субботу вмѣсто Ивана является къ ней ученикъ его хозяина, и объявляетъ, что Иванъ слегъ отъ болѣзни. Баронесса проситъ мальчика показать ей дорогу къ больному, а Сусанну въ ту же минуту посылаетъ за лѣкаремъ. Мастеръ Фридрихъ не мало удивился, увидѣвши у себя въ комнатѣ незнакомую даму, которая говорила, что желаетъ видѣть работника Ивана. „Это дѣло совсѣмъ невозможное, милостивая государыня!" сказалъ ей хо-

зяинЪ, и сказалЪ такимЪ тономЪ, которой ручался за увѣренность его вЪ етой невозможности. — „Почему же?“ — Потому что надобно взлѣзать по лѣстницѣ на чердакЪ подЪ крышу, гдѣ лежитЪ больной ИванЪ работникЪ. — „НѣтЪ нужды, лишь только вы мнѣ покажите.“ — Воля ваша, но для васЪ трудно и опасно; кЪ тому же и вскарабкавшись на верьхЪ, вамЪ нельзя будетЪ стоять прямо, вЪ низкой и темной конуркѣ. — При сихЪ словахЪ Баронесса залилась слезами; она повторила свою прозьбу, и хозяинЪ повелЪ ее кЪ узкой, крутой лѣсенкѣ, по которой сЪ великимЪ трудомЪ взлѣзла она подЪ крышу вЪ уголокЪ, гдѣ больной лежалЪ на жесткой постели. „ДругЪ мой, ИванЪ!“ воскликнула она голосомЪ скорби: „вЪ какомЪ состояніи нахожу тебя! КакЪ же могЪ ты говорить мнѣ, что квартира тебѣ понравилась, и что ты всѣмЪ доволенЪ?“ ИванЪ не вЪ состояніи былЪ отвѣчать ей: онЪ лежалЪ безЪ памяти вЪ сильной горячкѣ. Баронесса, до чрезвычайности растроганная, становится на колѣна, и молитЪ Бога о помощи, о спасеніи больнаго. Скоро Сусанна привела и лѣкаря, которой немало удивился, видя при неопрятной постели бѣднаго работника даму, почтенную по лѣтамЪ своимЪ и благородной наружности, видя и то, что она безутѣшна вЪ своей

горести. Врачь осматриваетъ больнаго; потомъ, отступая назадъ, говоритъ, что его поздно уже призвали, и что больной едва ли доживетъ до слѣдующаго утра. Кто опишетъ состояніе Баронессы! — „Жаль!" примолвилъ мастеръ Фридрихъ: „а кто виноватъ, какъ не самъ? Уже болѣе недѣли хвораетъ, а все нехотѣлъ оставить работы, сколько я его ни уговаривалъ отдохнуть и собраться съ силами: изъ рукъ невыпускалъ клещей до тѣхъ поръ, пока за мертво неупалъ на землю! Приди же ему въ голову странная мысль работать за двоихъ! Я часто ему толковалъ, что онъ изъ силъ выбьется, что умретъ отъ работы, почти безпрерывной." Каждое слово было ударомъ кинжала для несчастной Баронессы. Рыдая, заклинала она врача всѣмъ, что ни есть святаго въ мірѣ, неоставлять Ивана, пока прежде не испытаетъ надъ нимъ всѣхъ средствъ медицины. Къ ея счастью въ груди врача билось благородное, человѣколюбивое сердце; все возбуждало въ немъ сильное участіе, и онъ обѣщался пробыть при больномъ нѣсколько часовъ ночи, и дождаться кризиса, какія бы ни были отъ него слѣдствія. Баронесса послала къ себѣ на квартиру за постелью для Ивана, сама приготовила ее, а лѣкарь съ Фридрихомъ переложили его на новое мѣсто; тогда сѣла она на деревянный стулъ, и дала сво-

боду литься слезамъ своимъ. Лѣкарь отворилъ жилу больному, и ушелъ непрежде полуночи, обѣщавшись явиться на другой день поутру. Двое сутокъ неотходила Баронесса отъ постели Ивана, и врачь все еще несмѣлъ сказать ей ничего рѣшительнаго; на третій появились благопріятные признаки; на четвертой день лѣкарь увѣрялъ, что опасность минула и что больной выздоровѣетъ.

Съ неизъяснимою радостію Баронесса приняла сіе извѣстіе; она хотѣла было еще ночь сидѣть надъ больнымъ своимъ, но Иванъ, которой въ то время былъ уже въ памяти, никакъ несогласился на ея желаніе. Крайне ослабѣвши въ силахъ, она возвратилась къ себѣ на квартиру, и врачь на другой же день пришелъ освѣдомиться объ ея здоровьѣ. Его человѣколюбивыя попеченія объ Иванѣ, почтительное состраданіе къ самой Баронессѣ заставило ее возъимѣть къ сему достойному врачу дружескую довѣренность. По его прозьбѣ, она разсказала ему свою исторію, и чувство, съ какимъ слушалъ онъ повѣсть о благородствѣ Ивана, служило доводомъ, что сей другъ человѣчества былъ достойнымъ повѣреннымъ прекраснѣйшаго дѣла.

Иванъ выздоравливалъ медленно; Баронесса начинала уже чувствовать всю тя-

гость убожества безпомощнаго: сбереженныхъ денегъ большая часть была истрачена во время болѣзни Ивана; достальнымъ прожить можно было нѣсколько дней. А тамъ, что дѣлать? Иванъ еще неоправился до такой степени, чтобы опять могъ приняться за работу, и Баронесса трепетала при одной мысли объ опасности новаго припадка, которой могъ бы приключиться ея благодѣтелю отъ преждевременныхъ усилій. Теперь только узнала она весь ужасъ своего положенія; горько укоряла себя, для чего приняла великодушную помощь Ивана. Безъ меня, говорила она сама себѣ, онъ былъ бы счастливъ, имѣлъ бы во всемъ довольство отъ своего прилѣжанія; вѣрность ко мнѣ подвергаетъ его борьбѣ съ нуждою, съ нищетою. Можетъ быть онъ умретъ подъ тяжкимъ своимъ бременемъ, а я ничего не могу для него сдѣлать, ни чѣмъ не могу воздать ему! Но чѣмъ воздала бы ему, когда бы всѣ сокровища міра мнѣ принадлежали? Нѣтъ, одинъ только Богъ награждаетъ за такую добродѣтель! Человѣкъ не въ силахъ выплатить столь священнаго долга.

Въ одинъ вечеръ, когда Баронесса, возвратившись къ себѣ на квартиру отъ Ивана, сидѣла въ печальномъ безмолвіи, Сусанна вбѣгаетъ со всѣхъ ногъ въ комнату и

говоритъ задыхавшись, что какая-то знатная дама, прекрасная собою, хочетъ посѣтить ее. „Ты брѣдишь, моя милая!“ отвѣчаетъ Баронесса: „тебѣ извѣстно, что ко мнѣ никто не ѣздитъ, и что у меня здѣсь вовсе нѣтъ знакомыхъ.“ — Нѣтъ, нѣтъ! я была внизу у воротъ дома, какъ на углу остановилась прекрасная карета, запряженная въ четыре лошади; я точно слышала сама, какъ барыня приказывала слугѣ объявить о своемъ посѣщеніи Баронессѣ Г., живущей въ домѣ подъ No 125, вверху, прошедши двѣ лѣстницы. Она живетъ здѣсь, Ваше Сіятельство! сказала я барынѣ. Ну, такъ поди же къ ней, моя милая, она мнѣ отвѣчала, и доложи, что я имѣю желаніе посѣтить ее. Я и побѣжала, сколько есть во мнѣ силы. — Въ это мгновеніе послышался у дверей легкой стукъ; Баронесса встаетъ, отворяетъ дверь, видитъ передъ собою молодую, весьма любезную даму, которая подходила къ ней съ нѣкоторою робостію и съ примѣтнымъ движеніемъ сердца. „Весьма радуюсь,“ сказала незнакомая къ Баронессѣ „имѣя случай васъ увѣдомить, что нашей Государынѣ извѣстны ваши обстоятельства, и что Ея Величество желаетъ вознаградить васъ за несправедливое гоненіе, какое терпѣли вы отъ фортуны.“ — Намъ помощь! восклицаетъ Баронесса, поднявъ руки и взоры

къ небу, съ выраженіемъ внезапной радости и искреннѣйшаго благодаренія небесному Утѣшителю несчастныхъ. Глаза незнакомки наполнились слезами; она приближилась къ Баронессѣ, взяла ея руку съ видомъ сердечнаго участія и сказала: „Поѣдемъ, Баронесса! вступите во владѣніе новаго жилища, для васъ приготовленнаго." — Какъ выражу предъ вами чувства моего сердца! отвѣчаетъ Баронесса: но если позволите мнѣ, если я могу просить васъ — у меня есть благодѣтель, котораго великодушію обязана я жизнію; четыре года питалъ онъ меня своими трудами! Позвольте мнѣ, милостивая государыня, поспѣшить къ нему съ радостнымъ извѣстіемъ о нашемъ благополучіи. — „И такъ, я одна поѣду прямо въ вашъ домъ," отвѣчаетъ незнакомая дама„ и тамъ стану васъ дожидаться; но дозвольте мнѣ напередъ проводить себя къ вашей каретѣ." — Къ моей каретѣ! — „Точно такъ, Баронесса! нечего медлить, пойдемъ!" При сихъ словахъ дама подаетъ ей руку и ведетъ ее внизъ по лѣстницамъ. У воротъ дома стоялъ служитель, которой по данному знаку велѣлъ подвезти екипажъ, не пышной, но очень удобной. Незнакомая дама предложила Баронессѣ войти въ карету, а кучеру, одѣтому въ ливрею дома покойнаго мужа Баронессы, дала приказаніе, куда онъ ѣхать долженъ, и про-

стилась до скораго свиданія. Все ето представлялось Баронессѣ сновидѣніемъ: дрожащимъ голосомъ указала она кучеру на домъ кузнеца Фридриха, и при сильномъ біеніи сердца, когда остановилась карета, нетерпѣливо сама отворила дверцы и поспѣшила прямо въ рабочую. Прежде всего глазамъ ея представился Иванъ, который, несмотря на слабость силъ своихъ, пытался работать. Баронесса ощутила въ душѣ своей самое сладостное движеніе, чистѣйшую, небесную радость: онъ работалъ для нее, а теперь она сама пришла навсегда освободить его отъ недостатковъ, отъ бѣдности, отъ необходимости роботать! „Любезной мой Иванъ!“ воскликнула Баронесса: „брось долой клещи и молотъ; судьба наша перемѣнилась; я пріѣхала за тобою.“ Тщетно требуетъ Иванъ изъясненія сей неожиданной вѣсти, тщетно проситъ подождать минуту, пока надѣнетъ праздничной кафтанъ свой: Баронесса неимѣетъ возможности ни слушать, ни отвѣчать на его вопросы; она поспѣшно беретъ его за руку, и не смотря на сопротивленіе, ведетъ къ воротамъ и заставляетъ сѣсть съ собой въ карету. Лакей спрашиваетъ Баронессу, прикажетъ ли теперь ѣхать въ домъ свой. При сихъ словахъ она вздрогнула отъ радости и глаза ея наполнились слезами. „Хо-

рошо!" сказала Баронесса, смотря на Ивана: „вели теперь ѣхать въ домъ нашъ."

Дорогою разсказала она своему благодѣтелю о посѣщеніи незнакомой дамы; Иванъ слушалъ, радовался и вмѣстѣ страшился: столь внезапная перемѣна, такое великое счастіе казались ему невѣроятными, совсѣмъ несбыточними. Карета остановилась въ предмѣстіи, подлѣ красиваго домика, обсаженнаго душистыми липами; они входятъ. Незнакомая дама, которая была уже въ комнатѣ, говоритъ Баронессѣ, подавая ей бумагу: „Вотъ документъ, которымъ отъ щедротъ человѣколюбивой нашей Государыни назначается вамъ 1000 рейхсталеровъ ежегодной пенсіи; Ея Величество приказала васъ увѣдомить, что отъ васъ будетъ зависѣть сдѣлать распоряженіе, чтобы послѣ вашей смерти половину етой суммы получала та особа, которую вы признаете достойною сей милости." Какая благодѣтельная щедрота! восклицаетъ Баронесса: ета достойная особа здѣсь: вы передъ собою видите того добродѣтельнаго, вѣрнаго, великодушнаго человѣка, которой. . . . — Тутъ Иванъ, сначала уже оробѣвшій передъ незнакомою дамой, пришелъ еще въ большее замѣшательство. До сихъ поръ онъ прятался за Баронессою; теперь, услыша такую себѣ похвалу,

отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ въ застѣнчивости, и притомъ въ немалой досадѣ отъ того, что долженъ былъ показаться передъ знатною дамой въ своемъ обыкновенномъ камзолѣ и въ запачканомъ кожаномъ фартукѣ. Дорого бы далъ онъ, чтобъ имѣть на себѣ праздничной кафтанъ въ эту минуту. Незнакомая дама говоритъ, подходя къ нему; „Дайте мнѣ въ себя всмотрѣться; я желаю, чтобы черты лица вашего остались у меня въ памяти.“ — Господи мой Боже! отвѣчалъ Иванъ, тяжко вздыхая, и повертывая вокругъ свою шапочку: я ничего несдѣлалъ особливаго; я былъ бы сэмымъ дурнымъ, я былъ бы проклятымъ человѣкомъ, еслибъ допустилъ, чтобы милостивая госпожа моя. . . — Тутъ Баронесса прервала рѣчь его и съ сильнымъ чувствомъ, съ истиннымъ краснорѣчіемъ благодарнаго сердца разсказала незнакомой о всѣхъ благодѣяніяхъ бывшаго своего служителя. Дама слушала съ душевнымъ умиленіемъ. „Наконецъ имѣю счастіе видѣть два сердца, истинно чувствительныя и благодарныя!“ воскликнула она, и возвела взоры свои къ небу: „благодарю Тебя, милосердый Боже! Я васъ оставляю, Баронесса; простите! Этотъ домъ со всѣмъ, что́ въ немъ находится, есть собственность ваша, и сегодня же ввечеру вы получите пенсію свою за первые три мѣсяца.“ Она хотѣла было выдти; но

Баронесса бросается вЪ слѣдЪ за нею, и обливаясь слезами, не будучи вЪ силахЪ произнести ниже одного слова, падаетЪ на землю. Незнакомая поднимаетЪ ее, осыпаетЪ ласками и удаляется. Лишь только она вышла, какЪ вдругЪ является достойный врачь, спаситель Ивана. Еще до его прибытія уже угадывала Баронесса, кому обязана благодарить за перемѣну своей доли. Она изЪясняла ему чувства своего признательнаго сердца, и вЪ то же время получила отЪ него свѣдѣніе, что не знакомая дама есть извѣстная красотою и богатствомЪ Княгиня А . . . гЪ, ближайшая пріятельница Королевы. „СЪ дѣтскихЪ лѣтЪ ея“ продолжалЪ другЪ страждущихЪ „я нахожусь при ней вЪ качествѣ врача; зная ангельскую душу Княгини, я былЪ увѣренЪ, что стоило только разсказать вашу исторію, чтобы возбудить вЪ ней все участіе кЪ вамЪ и готовность за васЪ ходатайствовать. ТакЪ и случилось: она тотчасЪ купила и снарядила для васЪ етотЪ домикЪ, а у Государыни выпросила ежегодную вамЪ пенсію.“

Врачь только лишь кончилЪ, какЪ входитЪ слуга доложить, что поставлено кушанье. Баронесса просила гостя сЪ собою отобѣдать, и предложила Ивану сѣсть подлѣ себя; испугавшись такой новости, ИванЪ вЪ замѣшательствѣ обЪявляетЪ, что

ему это не годится, и что, если позволитъ барыня, онъ пойдетъ обѣдать вмѣстѣ съ прочими служителями. „Какъ!“ сказала Баронесса, и слезы сверкнули въ глазахъ ея: „съ моимъ благодѣтелемъ, съ моимъ другомъ не уже ли буду обходиться, какъ со слугою? Нѣтъ, живи при мнѣ, какъ родной, и дѣли со мною все, что ниспосылается мнѣ благимъ Небомъ.“ — Иванъ долженъ былъ послушаться, и Баронесса торжествовала, наслаждаясь въ душѣ своей неизъяснимымъ блаженствомъ.

Иванъ сдѣлался управителемъ маленькаго имѣньица госпожи своей, съ умомъ и расчетливостію работалъ въ саду, плодами своего трудолюбія приумножалъ имущество, которое уже ему принадлежало на будущее время по сдѣланному завѣщанію, и наконецъ обрадовалъ свою благодѣтельницу вступленіемъ въ бракъ съ дочерью одного мѣщанина, которая полюбила его за добронравіе и за рачительность въ хозяйствѣ. Новая чета наслаждалась счастіемъ семейственной жизни, была утѣхою и отрадою въ преклонныхъ дняхъ Баронессы, и нынѣ, послѣ ея кончины, съ благоговѣніемъ произноситъ имя своей благотворительницы.

Фанни Тарновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ IV й пѣсни Делиллевой поемы; Сельскій житель.

Взиралъ ли ты когда высокихъ горъ съ вершины,
Съ восходомъ солнечнымъ, на сельскія картины?..
Случалось ли тебѣ окинуть взоромъ вдругъ
Тамъ воды, здѣсь лѣса, тамъ съ пестрымъ стадомъ лугъ,
И жатвы, и холмы, усѣянны цвѣтами,
И дальній горизонтъ съ туманными горами?..
Ты видѣлъ образцы! — Смотри на нихъ, дивись,
И ихъ переносить въ стихи свои учись.

Не рѣдко живопись въ ландшафтѣ представляетъ
Предметъ, который насъ отдѣльно поражаетъ,
И первый долженъ взглядъ вниманья привлекать;
Да будетъ сей предметъ искусство выбирать!
Иные говорятъ: *что правильно — прекрасно!*
Не спорю; я и самъ, съ симъ мнѣніемъ согласно,
Люблю въ моемъ саду, искусною рукой,
Прямить ряды деревъ, равнять между собой;
Но дубъ, нависнувшій съ скалы уединенной,

Простершій вѣтви вдаль, отъ старости со-
гбенной,
И корни слабые обвившій вкругъ скалы,
Достоинъ менѣель художника хвалы? . . .

О ты, которая и въ ужасахъ прелестна,
Природа дивная! — сколь ты мила, чудесна,
И сколь различныя въ красѣ твоей черты!
То трепетъ, то восторгъ въ менѣ вселя-
ешь ты!
То, свѣжестью лица и юностью блистая,
Ты ходишь по лугамъ, съ одеждъ своихъ стрясая
Прохладную росу, и полною рукой
Льешь краски на цвѣты съ румяною зарей! —
Ты улыбаешься — день солнцемъ озарится;
Дохнешь — и рѣзвый рой зефировъ закру-
жится;
Волнъ ропотъ, пѣнья птицъ нѣжнѣйшій пере-
ливъ,
Все гласа твоего, всесильная, отзывъ!
Но ты же иногда, во ужасъ облеченна,
Взираешь съ дикихъ скалъ, угрюма и смя-
тенна.
Тогда чело твое вѣнчаетъ елей рядъ,
Потоки бьютъ съ раменъ, и полный гнѣва
взглядъ
Браздами молніи въ окрестной мглѣ свер-
каетъ,
И твой громовый гласъ вселенну ужасаетъ!

Но чей обниметъ взоръ весь сонмъ чудесъ
твоихъ?
Кто, смѣлый, отличитъ всѣ измѣненья ихъ?
Кто въ силахъ начертать ихъ всѣ рукою
вѣрной
Отъ скалъ заоблачныхъ до бездны неизмѣрной,
Отъ кедра, небеса подпершаго главой,
До скрывшейся въ травѣ фіялки полевой?

О ты, высокаго плѣненный образцами!
Лети подъ чуждыми искать ихъ небесами!
Переплывай моря и къ тѣмъ спѣши странамъ,
Гдѣ солнцемъ лучшій видъ данъ года време-
намъ. —
Изобрази для насъ, подъ небомъ жаркой зоны,
Иль пышный Оренокъ, иль воды Амазоны,
Двухъ необузданныхъ соперниковъ морей,
Протекшихъ пол-земли въ надменности своей!—
Они богатство водъ незримо извлекаютъ;
Но въ путь назначенный роскошно вытекаютъ,
И зелень свѣжую брегамъ своимъ дарятъ,
И стаи рѣзвыхъ птицъ купаютъ и поятъ.
То въ смѣлой красотѣ текутъ великолѣпно
И волну за волной влекутъ едва примѣтно;
То съ ревомъ падаютъ, обрушившись съ вы-
сотъ. . .
И эхо повторять ихъ стоны устаетъ;
И кажется: они — какъ шумомъ оглушаютъ —
Не по землѣ текутъ, а съ неба упадаютъ!

Живописуй сихъ странъ пернатыхъ и цвѣты,
И радуги на нихъ блестящія черты;
Живописуй лѣса, въ мракъ грозный погруженны,
Угрюмые какъ ночь и міру современны;
Поля, дающи плодъ безъ помощи людей;
Стада, бродящія по волѣ средь степей;
Короче: тѣ красы разительной Природы,
Тѣ горные хребты, величественны воды,
Предъ коими Кавказъ является. . . холмомъ,
И быстрый, шумный Днѣпръ . . . весеннимъ ручейкомъ!

От сихъ чудесныхъ странъ мое воображенье
Переселяй туда, гдѣ всюду запустѣнье,
Отколь изгнанна жизнь, нѣтъ тѣни, нѣтъ ручьевъ,
И тщетно бродитъ взоръ межъ камней и песковъ. —
Представь Ливійскія намъ степи обнаженны,
Прохладной никогда струей неоживленны,
И жаръ, къ полуденныхъ ліющійся краяхъ,
Пусть дышетъ намъ въ твоихъ картинахъ и стихахъ!
Пусть гидра, свой хребетъ кольцами изгибая,
Тамъ вьется и шипитъ, ядъ злобы извергая,
И яростный драконъ отъ солнечныхъ лучей
Блистаетъ на пескѣ багряной чешуей;
Пусть бурей къ небесамъ пустынный прахъ взовьется;

Гіены дикій плачь, вой тигровъ разнесется,
И льва надменнаго далеко слышный ревъ
Царя лѣсныхъ звѣрей ознаменуетъ гнѣвъ.

Или перенесись на тотъ конецъ вселенны,
Гдѣ царствуетъ зима, и хладомъ окруженный,
Свирѣпствуя, шумитъ угрюмый аквилонъ,
Отколѣ мразы шлетъ и снѣги сыплетъ онъ,
И глыбы льдистыя на землю низвергаетъ,
Которыхъ долго слухъ паденіе внимаетъ! . .
Мы, вѣря ужасамъ, начертаннымъ тобой,
Вздрогнемъ — и пробѣжитъ по членамъ хладъ струей.
Но дикой прелестью мѣста сіи гордятся:
Тамъ радуги въ снѣгахъ безчисленны родятся,
Изъ льда стоятъ ряды прозрачныхъ пирамидъ,
И солнца яркій лучь, ударясь въ нихъ, горитъ,
И въ тысячѣ лучахъ играетъ отраженный;
Тамъ на скалахъ висятъ завѣсы осребренны,
Трепещутъ иглы соснъ въ дрожащихъ хрусталяхъ,
И льдистая кора блеститъ на камышахъ;
А воды рѣкъ, морей, въ темницѣ запертыя,
Стоятъ недвижимы, прозрачно - голубыя. —
По ослѣпляющей равнинѣ бѣлизной
Лапланецъ на саняхъ катится съ быстротой;
Онъ съ легконогими страны своей конями
Летитъ, чуть шевеля по воздуху вожжами. —

Такъ многія въ мечтахъ ты страны посѣщай,
И снова возвратись въ благословенный край,
Гдѣ легче зимній хладъ, незнойно солнце лѣтомъ. —
Подъ небомъ, теплотой умѣренной нагрѣтомъ,
Опять намъ возврати знакомыхъ сѣнь лѣсовъ,
Поля, луга, кусты, журчаніе ручьевъ,
Осенніе плоды, неблещущіе взору,
Палесу скромную, въ простомъ уборѣ Флору;
И скудный красотой, гармоніей — Орфей,
Вновь рощи огласитъ влюбленный соловей.

Но берегись, Поэтъ, холодныхъ описаній!
Привлечь, растрогать насъ — вотъ цѣль твоихъ желаній;
Старайся же полей картину оживить,
И сцены сельскія спѣши изобразить.
Мы чувствуемъ всегда къ подобнымъ намъ влеченье:
Предъ нами человѣкъ есть міра украшенье,
И райскія мѣста, лишенныя его,
Суть храмъ, пустынный храмъ безъ бога своего! —
Съ нимъ жизнь, движеніе, слѣды ума, свободы —
И сколь необходимъ намѣреньямъ Природы,
Равно въ художествахъ онъ жизнь всему даетъ;
Пускай нашъ взоръ его въ картинахъ обрѣтетъ;

Судья и два просителя.

Къ судьѣ какому-то, случилось такъ, что вдругъ,
По дѣлу, два соперника ходили;
Просили, кланялись, сулили,
Но не дали еще . . . Судья былъ очень сухъ
И истцовъ принималъ спѣсиво;
Имъ все одно твердилъ: *я занятъ! недосугъ!*
И наконецъ — прогналъ обоихъ неучтиво. —
Соперники тогда могли легко понять,
Что нужно поскорѣе — дать. . . .
Одинъ изъ нихъ, чье дѣло было право,
Когда разсудимъ здраво,
Дарить ни по чему не долженъ былъ судей,
Однакожъ, свезъ къ судьѣ карету, но дрянную —
Дать больше онъ не могъ по бѣдности своей;
Другой — богачь, даритъ карету дорогую
И сверхъ того коней четверку удалую.
Судья умѣлъ дары цѣнить,
Умѣлъ — *судить*. . . .
Вотъ доказательство: однажды сей почтенной,
Сей праведный судья, въ каретѣ даровой
И даровыми же конями запряженной,
Катилъ по мостовой;
Встрѣчаетъ истцовъ тѣхъ — тотчасъ имъ поклонился;
Они идутъ къ нему; судья остановился,

И вдругъ ихъ спрашиваетъ самъ:
„Что́, братцы, нужно вамъ?“
Что́ дѣло? говорятъ: въ судѣ? или рѣшилось?
Судья тутъ, выставя судейское чело,
Сказалъ такъ бѣдняку: „Твое остановилось...“
А богачу: „*твое же повезло!*“

В. Филимоновъ.

1819.
Новгородъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Кто хочетъ узнать короче нравы, обычаи и почти все, что́ составляетъ *національность* или отличительные признаки *цѣлаго* народа; тотъ внимательно читай или слушай его пѣсни — не тѣ пѣсни, которыя сочиняются учеными Поэтами, людьми, по воспитанію и обстоятельствамъ жизни отдалившимися отъ простоты старинной, и не тѣ стихи, большею частію изуродованные, которые досужими компиляторами вносятся въ *Новѣйшіе Пѣсенники*; но тѣ пѣсни, которыя

переходятъ изъ устъ въ уста, передаются отъ предковъ потомкамъ, вмѣстѣ съ голосами сохраняются отъ ѣдкости времени, повторяясь въ массѣ народа.

Сербы намъ не чужіе люди. Недавно еще на нихъ устремлены были взоры цѣлой Европы, съ любопытствомъ ожидавшей конца борьбы славной, но несчастной. Сербы народъ историческій; они имѣли политическое бытіе, оставившее драгоцѣнныя воспоминанія для потомства; имѣли свои законы, своихъ Жупановъ, Князей, Кралей и даже самыхъ Царей — Царей, которые почитали себя равными обладателямъ Константинополя. По нынѣшнимъ географическимъ показаніямъ число Сербовъ простирается не свыше *одного* милліона; ибо Географы считаютъ единственно жителей Турецкой Сербіи. Но счетъ окажется совсѣмъ другой, когда подъ Сербами станемъ разумѣть многолюдное Славянское племя, иначе называемое Иллирійскимъ, обитающее начиная отъ границъ Карніоліи по южной сторонѣ Кулпы и Савы до Адріатическаго берега, а отсюда до Булгарскаго Тимока, и когда къ симъ Сербамъ еще прибавимъ многолюдныя ихъ поселенія въ Славоніи и южной Венгріи почти до самаго Офена; въ такомъ случаѣ должны будемъ согласиться съ тѣми, которые счетъ всего народа простираютъ

далѣе *пяти* милліоновъ. Языкъ у нихъ одинъ, съ нѣкоторыми однакожъ маловажными отмѣнами. Самымъ средоточіемъ Сербской національности и чистоты языка *Вукъ Стефановичь* полагаетъ пространство между рѣками Дриною и Моравой почти до предѣловъ Герцеговины; за Дриною же, въ Босніи, многіе Сербы съ Магометанскою вѣрой вмѣстѣ приняли и разныя слова Турецкія; съ другой стороны за Моравою, къ границѣ Валахіи, народъ употребляетъ нѣкоторыя слова Волошскія.

Сербская словесность до сихъ поръ еще весьма небогата произведеніями ума и вкуса. Получивши буквы Кирилловскія вмѣстѣ съ переводомъ богослужебныхъ книгъ на языкѣ Славянскомъ (бывшемъ въ употребленіи между обитателями окрестностей Солуня, переселившимися туда въ царствованіе Императора Ираклія), Сербскіе грамотѣи черезъ все продолженіе среднихъ вѣковъ и до нашего времени почти исключительно читали и писали на богослужебномъ языкѣ, между тѣмъ какъ языкъ общенародный, по естественному ходу вещей, отчасу болѣе измѣнялся. Появлялись буквари, въ минувшемъ столѣтіи начали выходить и другія книги (переводы и сочиненія), даже явилась и Грамматика: всѣхъ сихъ книгъ заглавія показывали, что онѣ суть *Сербскія*, или

уже по крайней мѣрѣ *Славено-Сербскія.* Имѣя случай видѣть сіи *Сербскія* книги, мы удивлялись весьма близкому сходству языка ихъ съ нашимъ Церковно-Славенскимъ. Чтожъ оказывается? Грамашные и ученые Сербы, познакомившись посредствомъ Часослова и Псалтыри съ языкомъ Славенскимъ и неимѣя никакой *литтературы* національной, изъявляли презрѣніе къ тому нарѣчію, на которомъ сами же говорили! Они усиливались выказывать свои знанія на языкѣ понятномъ для немногихъ, еще менѣе удобномъ (для насъ, по крайней мѣрѣ) къ выраженію тонкостей и оттѣнокъ мыслей, нежели другіе языки, давно вышедшіе изъ всеобщяго употребленія! Говорили и доказывали, что настоящій Сербскій языкъ есть Церковный, и что напротивъ тотъ, которой употребляется всѣми Сербами, не есть подлинно Сербскій, но *простонародный, мужицкій.* Въ такомъ заблужденіи находятся еще и теперь многіе грамотные Сербы; въ подобномъ заблужденіи находятся нѣкоторые изъ Грековъ, которые, вмѣсто того чтобы прислушиваться къ языку, *нынѣ употребляемому народомъ,* подводить его подъ правила, назначать ему границы, самовольно даютъ словамъ старинныя окончанія, склоняютъ ихъ и спрягаютъ по книжному; въ такомъ заблужденіи долго были и мы, Рускіе.

Наконецъ, уже въ послѣдней четверти истекшаго вѣка, одинъ просвѣщенный Сербъ, именно же *Досиѳей Обрадовичь*, первый началъ утверждать, что на какомъ Сербскомъ языкѣ говоритъ народъ, на томъ и писать должно. Самъ онъ старался по возможности употреблять въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ языкъ общежительный. Но никто изъ Сербовъ неоказалъ такихъ значительныхъ услугъ своимъ одноземцамъ, какъ извѣстный *Вукъ Стефановичь*. Онъ издалъ двѣ (сколько намъ извѣстно) Части *Сербскихъ простонародныхъ пѣсень*, составилъ Грамматику и Словарь Сербскаго языка (истиннаго, а не мнимаго), и теперь по препорученію Россійскаго Библейскаго Общества, перелагаетъ Новый Завѣтъ на языкъ своихъ одноземцевъ. Трудамъ сего здравомыслящаго и просвѣщеннаго Серба ученый свѣтъ вообще и въ особенности Славянскіе наши однородцы должны благодарить за то удовольствіе, которое онъ доставляетъ намъ вмѣстѣ съ возможностію узнать языкъ, совершенно для всѣхъ насъ новый, открывающій любопытные случаи къ разнымъ филологическимъ и даже историческимъ объясненіямъ.

Сербы, скудные произведеніями отечественной словесности, чрезвычайно богаты народными пѣснями: они, кажется, ни

одному изъ племенъ Славянскихъ неуступятъ первенства въ етомъ отношеніи. Климатъ, простота нравовъ, тихая жизнь сельская поддерживаютъ въ нихъ чувство семейственнаго счастія.

Первая Часть Пѣсенника издана *Вукомъ Стефановичемъ* въ Вѣнѣ въ началѣ 1814 года, подъ заглавіемъ: *Мала простонароднья Славено-Сербска Пѣснарица.* Книжка напечатана нашими гражданскими буквами. Приложенная къ ней картинка соотвѣтствуетъ содержанію слѣдующаго, взятаго изъ одной пѣсни, епиграфа:

Сербска мома 1) или ѣ дома
Или код оваца,
Радечь 2) пева, као шева 3),
Милом своег сердца.
Онъ свираньемъ ил' играньемъ
Одговоръ іой даѣ;
Да ѣ с тима, льубве чин'ма
За себе обаѣ 4).

Т. е. Сербская дѣвушка 1), находится ли дома, или при овцахъ, работая 2), поетъ, какъ жаворонокъ 3), милому своего сердца; онъ игрою на свирѣли, или шутками отвѣчаетъ ей, чтобы сими поступками любви приворожить 4) ее къ себѣ. — Здѣсь можемъ замѣтить, что слово *мома*

(дѣвушка) осталось только въ пѣсняхъ, но въ разговорѣ оно болѣе уже неупотребляется, подобнымъ образомъ какъ и многія другія, на примѣръ: *купа* (стаканъ), *пегаръ* (стаканъ же), *ризница* (гардеробъ), *утва* (какая-то баснословная водяная птица златокрылая, можетъ быть утка); напротивъ того многія слова, донынѣ употребляемыя въ другихъ нарѣчіяхъ, въ Сербскомъ вовсе неизвѣстны.

Лѣтъ за восемь до изданія своей *Пѣснарицы Вукъ Стефановичь* съ другими молодыми Сербами находился въ Карловцѣ при извѣстномъ покровителѣ Музъ Сербскихъ, Митрополитѣ Стратимировичѣ. Когда предложено имъ было отъ Мушницкаго, нынѣшняго Архимандрита, написать пѣсни, какія кто знаетъ на память; то *Вукъ* подумалъ было, что почтенный землякъ шутитъ надъ ними, какъ надъ ребятами, которые выросли въ простотѣ сельской жизни. Послѣ *Вукъ* имѣлъ случай видѣть напечатанное Латинскими буквами большое собраніе пѣсень, между которыми нашелъ и Сербскія; потомъ досталъ онъ *Россійскій пѣсенникъ*, прочиталъ его съ любопытствомъ и подумалъ: не уже ли одни Рускіе имѣютъ такую большую книгу пѣсень? Въ Вѣнѣ попались ему разныя собранія Нѣмецкихъ пѣсень. Тогда Вукъ Стефановичь заключилъ, что національныя пѣсни дѣло не пустое, что онѣ суть па-

мятники бытія народнаго, и что сіи драгоцѣнныя преданія тщательно хранить должно для потомства.

Таковы были побужденія издать простонародную *Пѣснарицу*. Вукъ Стефановичъ увѣряетъ, что въ ней нѣтъ ни одной пѣсни, сочиненной по книжнымъ правиламъ стихотворства; всѣ онѣ суть плодъ сельскаго вдохновенія, плодъ простоты безъискусственной. Въ сей книжкѣ издатель предлагаетъ только тѣ пѣсни, которыя онъ съ малолѣтства самъ слышалъ и затвердилъ на своей родинѣ, въ Турецкой Сербіи, находясь еще въ самомъ счастливѣйшемъ состояніи, а именно — *пастушескомъ*.

Пѣснарица имѣетъ два отдѣленія: въ первомъ содержатся *пѣсни любовныя и другія женскія*, которыхъ помѣщено 100; второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ пѣсни *мужескія*, историческаго и героическаго содержанія; ихъ въ сей книжкѣ находится 6. Достопамятность *мужескихъ* пѣсень состоитъ въ томъ, что ихъ поютъ *слѣпцы подъ гудокъ* (уз гусле) и что въ нихъ изъ рода въ родъ передаются, вмѣстѣ съ вымыслами, отечественныя происшествія. Читая пѣсни сихъ *слѣпыхъ рапсодовъ*, не одинъ разъ вспомните объ слѣпцѣ Гомерѣ; въ нихъ сыны Королевскіе сами отно-

сятъ письма, обнимаютъ слугъ своихъ; Царицы ходятъ за больными; Принцы пасутъ стада, герои плачутъ, и такъ далѣе.

Мы не знаемъ голосовъ на Сербскія пѣсни; но имѣемъ весьма выгодное объ нихъ мнѣніе и по одному уже стихосложенію, всегда правильному, гармоническому, разнообразному. Вотъ 1 я изъ *Женскихъ* пѣсенъ, вообще такъ называемыхъ потому, что ихъ поютъ женщины и дѣвушки за работою, или для забавы:

Момак и девойка.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Ой девойко питома 1) ружице!
Кад си расла, на што си гледала?
Ил' си расла на бор гледаючи,
Ил' на елу танку поноситу 2),
Ил' на мога брата наймладьега?
Ой юначе, мое ярко сунце!
Нит самъ расла на бор гледаючи
Ни на елу танку поноситу,
Нит на твога брата наймладьега —
Вечь самъ млада прама теби расла.

Т. е. *Парень* и *дѣвушка*. Ахъ дѣвица, ты нѣжная 1) роза! когда росла, на что ты глядѣла? Иль ты росла, глядя на сосну, или на ель тонкую и гордую 2), или на моего самаго младшаго брата? Ахъ молод-

чикъ, ясное мое солнце! я росла, не на сосну глядя, не на ель тонкую и гордую, и не на твоего самаго младшаго брата; но росла я передъ тобою. — Слово *бор* здѣсь значитъ pinus silvestris, die Fohre, — теперь знаемъ, отъ чего у насъ боромъ называется множество растущихъ сосенъ. *Юначе* звательный имени *Юнакъ* — такъ называютъ каждаго взрослаго юношу; но къ сему слову присоединяется обыкновенно понятіе героизма, какъ у насъ иногда къ слову *молодецъ*. Славный полководецъ Лаудонъ умѣлъ приводить въ восторгъ своихъ Кроатовъ: онъ привѣтствовалъ ихъ словомъ *Юнаци!* и Славяне летѣли на смерть или побѣду.

Содержаніе *мужескихъ* пѣсень, которыя довольно длинны, есть слѣдующее: въ 1 й воспѣваются приключенія *Милоша Обилича*, посланнаго тестемъ своимъ, Сербскимъ Княземъ Лазаремъ, въ Латинскую землю собирать подушную подать. Во 2 й содержатся подвиги *Марка Кралевича*. Его — Геркулесъ Сербскій, о которомъ носятся чудесныя повѣсти въ простомъ народѣ. Хотя Марко жилъ тому лѣтъ уже будетъ около четырехъ сотъ; но многіе Сербы и Булгары думаютъ, что онъ и Шарацъ, богатырской конь его, явятся на землѣ въ непродолжительномъ времени. Въ 3 *рапсодіи* описываются обстоятель-

ства *женитьбы Тодора Сталачскаго*, такъ названнаго по имени города Сталача, котораго стѣны донынѣ стоятъ надъ рѣкой Моравою и сохранили свое прежнее имя. Въ 4й повѣствуется *о смерти Іовы* (Ивана) *Деспотовича*; въ 5й *о смерти Гуши Бульукбаши*, храбраго Турецкаго чиновника; въ 6 *о замужствѣ Хайкуны*, *сестры Бея Любовича* — здѣсь рѣчь идетъ о Сербахъ Магометанскаго исповѣданія; 7 пѣсня, въ которой описывается *горесть одной Сербской Магометанки*, достойна примѣчанія еще и по тому, что славный Гете переложилъ ее въ Нѣмецкіе стихи (съ Италіянскаго языка). Въ 8й повѣствуется *о смерти Кулин-Капетана*, погибшаго при Шабацѣ на Мишарскомъ полѣ, гдѣ Сербы въ 1806 году одержали славную побѣду надъ Турками.

Сія первая книжка *Пѣснарицы* посвящена одной благотворительной дамѣ, *Маріи Станисавльевичевой*, которая оказала собирателю милость въ безпомощномъ его состояніи. Великодушная г-жа Станисавльевичева благотворила бѣдному человѣку, находившемуся въ крайности, и конечно немогла предвидѣть, что сей человѣкъ вмѣстѣ съ именемъ своимъ сдѣлаетъ извѣстнымъ въ Европѣ и ея благодѣяніе. Хвала и честь безкорыстію благотворительницы!

хвала и честь признательности облагодѣтельствованнаго.

Прежде нежели что нибудь предложимъ о второй книжкѣ, выписываемъ посвященіе изъ первой. Любители Славянскихъ нарѣчій увидятъ въ подлинникѣ настоящую *Сербскую прозу*, и какъ чтители добра порадуются благороднымъ чувствамъ признательнаго сердца. Угадывая желаніе другихъ читателей, сообщаемъ и переводъ посвятительнаго письма *Вука Стефановича*.

Благородной госпожи Марии от Станиславльевичь за знак вовеки незаборавльене благодарности, и глубочайшег високопочитания посвечѣна.

Благородна госпоже, мени милостива и високопочитаема!

Код льуди, кои што пишу и чрез печатнњу на свиет издаю, обично ѣ да своя дѣла посвечую: или своим благодѣтельима, за знак благодарности за получена благодѣяния; или своим приятельима, за знак льубови и приятельства; или (што ѣ найчесчѣ) великим и могучьним льудима, да би од ньи што из ласкати и получити могли.

Я, истина приятелья имам, кои су ми врло мили и драги; а и ласкатши, кад ѣ вечь тако обично и нуждно на свиету, имао би коме; али я свему томе предпочитуем ово найвечѣ благодѣяние, кое сте Ви мени учинили; и благодарност, кою сам я вама за ово вѣчно дужан.

Прие четири године дана, кад ѣ мене найвечя нужда, коя омертнога на овоме свиету постигнути може постигла (кад ме болест у убожеству напала), онда су мене презрели и оставили сви мои приятельи и доброжелательи, кои су, док сам я здрав био и ньи служити могао, мене льубили, посваявали, и злашна ми брда обечявали. — У таковомЪ бедномЪ состоянию прешавши я изЪ отечества моега у Цесарию да се лиечим, морао сам подлечи свим нуждама, коима су найнесречьнии льуди овога свиета подложни, морао сам и ту у болници Ново-Садской (из милости Сербскога общества) льета 1810 га зиму презимити. Он да сте Ви благородна госпоже! мени, кад сам хотео у топлице почи, щедро даровали 150 форинти. Мени као едноме найбеднiѣму човеку, коега никад прие, до онда, нити сте чули, ни видили! О редки значе добродѣтельи, и сердца чувствительнога к беднима! Но може какавЪ не-

искуоан речи: ималя сте доста пак сте и дали; ни ѣ шуда, не: добро не чини онай кои може, него онай, кои чувствуе радосш учинити га. Я сам онакова, последньом бедносши уздишучя прошения, као шшо сам Вама поднио, подносио льудима, кои би годишньим приходима Ваше имение изплашиши могли; пак — —

Од онда вечь, милосшива Благодѣшельце моя! коко сте ми оно найвечѣ благодѣяние учинили, ни ѣсте ме више ни видили, нити сте шшо о мени чути могли; ѣрбо различна обсшояшельсшва мени су препяшсшвовала, макар само са три благодарне риечи, кипечу благодарносш сердца мога Вама од часши показаши; и наравно сше Ви морали вечь одавно помислиши, да сам я, као неблагодарни син и последньи човек, ваше благодѣяние заборавио.

Како год шшо сте ви мене увѣрили да іошш има (премда ѣ риедко) медьу льудима сердца чувствишелни и пуни милосшивога сожаления к бѣдним и сшрадаючим, шако я сад да би увѣрио Вас, да се получено благодѣяние риедко заборавльа, усудио сам се ову малу просшонародньу Сербску Пѣснарицу посвешиши Вама, а особишо Вама, као бодрой Рачишельници

Сербски муза. Примите милостива, и благородна именом и сердцемъ Госпоже! овай мали труд, за знак во вѣки незаборакльене благодарности и глубочайшег високопочитания, од онога, кои Вашой щедрой милости препоручуючи се, с найвечим високопочитанием, и преко гроба називати се жели

Вашего благородия
У Віени нижайши слуга
Вук Стефановичь.
25 го Януария 1814.

Вотъ переводъ, по возможности, самой близкой:

У людей, которые что нибудь пишутъ и издаютъ въ свѣтъ печатаніемъ, въ обычаѣ посвящать труды свои: или благодѣтелямъ въ знакъ благодарности за полученныя благодѣянія; или друзьямъ своимъ въ знакъ любви и дружбы, или (что всего чаще) великимъ и сильнымъ людямъ, дабы отъ нихъ что нибудь получить ласкательствомъ.

Я имѣю истинныхъ друзей, мнѣ весьма любезныхъ и драгоцѣнныхъ; имѣлъ бы кому и льстить, если уже это столь обычно и нужно въ свѣтѣ: но я всему тому предпочитаю оное величайшее благотвореніе, которое вы мнѣ учинили, и ту благодарность, которою за него я вамъ вѣчно остаюсь долженъ.

Передъ симъ за четыре года меня постигла величайшая нужда, какая смертнаго въ здѣшнемъ свѣтѣ постигнуть можетъ (болѣзнь напала на меня въ убожествѣ); тогда оставили и презрѣли меня всѣ друзья мои и доброжелатели, которые, пока я былъ здоровъ и могъ служить имъ, любили меня, присвоивали и золотыя горы мнѣ обѣщавали. Въ такомъ бѣдномъ состояніи пришедши изъ отечества моего въ Цесарію (Австрію) полѣчиться, я долженъ былъ подпасть всѣмъ нуждамъ, какимъ несчастнѣйшіе люди сего міра подвержены, долженъ былъ въ здѣшней Ново-Садской больницѣ (по милости Сербскаго общества) провести зиму 1810 года. Въ то время Вы, благородная Госпожа, когда я захотѣлъ отправиться къ теплымъ водамъ, щедро пожаловали мнѣ 150 флориновъ — мнѣ, бѣднѣйшему человѣку, котораго до той поры никогда прежде невидали, и котораго не знали ниже по слуху! Рѣдкій знакъ добродѣтели и сердца чувствительнаго къ бѣднымъ! Но можетъ быть кто неопытной скажетъ, что Вы имѣли достатокъ, и потому дали. Совсѣмъ не то, нѣтъ: добро не тотъ дѣлаетъ, кто можетъ, но кто чувствуетъ радость отъ добраго дѣла. Съ тѣми же, крайнею бѣдностію дышущими прошеніями, съ какими прибѣгнулъ къ вамъ, я прибѣгалъ къ особамъ, которыя своимъ ежегоднымъ

доходомЪ заплатить могли бы за все Ваше имѣніе; но — —

СЪ того времени, милостивая Благодѣтельница моя, какЪ оказали мнѣ оное величайшее благодѣяніе, Вы болѣе невидали меня, и ничего немогли обо мнѣ слышать; ибо различныя обстоятельства препятствовали мнѣ хотя бы тремя словами отчасти показать ВамЪ горячую благодарность моего сердца; и потому Вы давно уже должны были подумать, что я, какЪ неблагодарный сынЪ и послѣдній человѣкЪ, забылЪ Ваше благодѣяніе.

Вы увѣрили меня, что есть еще (хотя и рѣдко) между людьми сердца чувствительныя, полныя милостиваго сожалѣнія кЪ бѣднымЪ и страдающимЪ; дабы равномѣрно увѣрить и ВасЪ, что полученное благодѣяніе рѣдко забывается, я разсудилЪ сей малый простонародный ПѣсенникЪ посвятить ВамЪ, и особенно ВамЪ, какЪ бодрой Рачительницѣ и щедрой Благодѣтельницѣ музЪ СербскихЪ. Пріимите, милостивая, благородная именемЪ и сердцемЪ, Госпожа! сей малый трудЪ, вЪ знакЪ вовѣки незабвенной благодарности и глубочайшаго высокопочитанія отЪ того, который, поручая себя вашей щедрой милости, сЪ величайшимЪ

высокопочитаніемъ желаетъ называться до гроба и проч.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

О центральномъ и кольцеобразномъ затмѣніи солнца, имѣющемъ быть въ 26 день Августа текущаго года (*).

Первое кольцеобразное солнечное затмѣніе, о которомъ знаемъ изъ Исторіи, было за 44 года до начала нашего хрістіанскаго лѣтосчисленія, случившееся по смерти Юлія Цезаря. Объ немъ упоминаютъ многіе древніе историки. Светоній, въ жизни Августа, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: Post necem Caesaris, reverso ab Apollonia et ingrediente in urbem Augusto, repente liquido ac puro sereno, circulus ad speciem coelestis arcus orbem solis ambiit. Нѣкоторые полагали, что здѣсь идетъ рѣчь только о видѣнномъ кругѣ около солнца; но другіе писатели говорятъ очевидно о затмѣніи солнца. Филостратъ въ жизни Аполлонія именно пишетъ: Corona quaedam Iridi similis orbem solis circumdedit, et radios ac lumen solis

(*) Сокращенная выписка изъ статьи Барона Цаха, напечатанной въ третьей книгѣ Correspondence astronomique (à Gênes, 1820).

obscuravit. Онъ же прибавляетъ далѣе: Veritum esse ne cuncta in noctem verterentur. Плиній о семъ мракѣ выражается слѣдующимъ образомъ: Cernuntur et stellae cum sole totis diebus plerumque et circa solis orbem spiceae coronae. Надлежало быть густому мраку, когда среди дня появилися звѣзды; а какъ Юлій Обсеквенсъ, въ книгѣ своей De prodigiis, именно употребляетъ выраженіе: sol puri ac sereni coeli orbe modico inclusus; то подъ симъ разумѣть надобно не другое что-либо, но единственно кольцеобразное затмѣніе.

Послѣднее кольцеобразное затмѣніе солнца, которое въ наше время было наблюдаемо, и которое полагается первымъ въ своемъ родѣ изъ видѣнныхъ во Франціи затмѣній, случилось въ 1 день Апрѣля (н. с.) 1764 года. Надъ нимъ дѣланы были наблюденія въ Реннѣ, Кале, Брестѣ, Каенѣ, Байонѣ, Санѣ (Sens), Монпелье, Мадритѣ, Кадиксѣ, Пелло въ Лапландіи и проч. Въ Нолонѣ, что близь Сана, Кардиналъ Люинь, вмѣстѣ съ несчастнымъ Бальи, замѣчалъ сіе рѣдкое въ Природѣ явленіе.

Нолонъ въ то время находился на самой границѣ тѣхъ земель, въ которыхъ затмѣніе долженствовало казаться кольцеобразнымъ. Сіе наблюденіе было довольно важ-

но, потому что свѣтлая полоса видима была только одно мгновеніе, и малѣйшая погрѣшность въ елементахъ выкладокъ могла сдѣлать затмѣніе кольцеобразнымъ и некольцеобразнымъ. Вычисленіе въ етомъ случаѣ бываетъ затруднительнымъ по той причинѣ, что широта свѣтлаго кольца составляетъ почти только тридцатую часть поперечника солнца. По таблицамъ на примѣръ Кассинія и Клерота затмѣніе въ Парижѣ долженствовало быть кольцеобразнымъ, между тѣмъ какъ таблицы Мейеровы показывали противное. Удостовѣриться же въ истинѣ небыло возможности: во время затмѣнія Парижскій горизонтъ покрытъ былъ облаками.

Одно и то же затмѣніе можетъ быть на одномъ мѣстѣ *кольцеобразнымъ*, а на другомъ — *полнымъ*. Ето неотносится къ ожидаемому нами затмѣнію 7го числа будущаго Сентября мѣсяца (*), но таковъ былъ случай 23 Сентября 1699 года. Земля имѣетъ фигуру шара; слѣдственно луна въ одно и то же время къ одной точкѣ земной поверхности ближе, а къ другой далѣе. И потому, въ одно и то же мгновеніе однимъ луна будетъ казаться равной вели-

(*) Новаго стиля, по нашему же 26 Августа.
Рдръ.

чины съ солнцемъ, другимъ большей величины, а еще инымъ меньшей. Тѣ, которые увидятъ солнце помрачившимся скоро послѣ его восхожденія, найдутъ его равной величины съ луною; другимъ, для которыхъ затмѣніе воспослѣдуетъ въ полдень, луна покажется болѣе многими секундами; наконецъ, наблюдающіе затмѣніе солнца передъ его закатомъ, увидятъ луну меньшею, и разность состоять будетъ въ нѣсколькихъ секундахъ. Явленіе сіе частію происходитъ и отъ собственнаго движенія луны, которая во время самаго затмѣнія идетъ далѣе по орбитѣ, удаляясь отъ земли къ своему апогею: отсюда видимое уменшеніе поперечника луны, которая при закатѣ своемъ кажется меншею, нежели какою была при восхожденіи. Такимъ образомъ нѣкоторымъ наблюдателямъ оное затмѣніе могло на одинъ моментъ показаться полнымъ; для другихъ было оно полнымъ же нѣсколько долѣе; еще иные могли видѣть его кольцеобразнымъ.

Много неосновательнаго было писано о степени мрака, который имѣетъ воспослѣдовать при ожидаемомъ достопамятномъ затмѣніи. Но មракъ можетъ наступить не иначе, какъ при полномъ затмѣніи; пока же хотя одна часть солнца оставаться будетъ незакрытою, до тѣхъ поръ и свѣтъ солнечный будетъ довольно значителенъ: онъ будетъ таковъ, что многіе люди, не-

знающіе о наступившемъ затмѣніи, едва ли замѣтятъ убыль свѣта.

Въ 22 й день Мая 1724 года въ Парижѣ наблюдаемо было *полное* затмѣніе. Пока самая малая часть солнца оставалась незакрытою; до тѣхъ поръ довольно свѣтло было: половина дюйма солнечнаго круга издавала такой свѣтъ, что едва казалось примѣтнымъ отсутствіе другихъ лучей его. Но при закрытіи всей поверхности солнца мракъ насталъ *мгновенно*, и астрономы должны были со свѣчами смотрѣть на часы свои. Можно было видѣть человѣка; распознать же черты лица въ разстояніи нѣсколька шаговъ было неможно.

Въ 3 й день Мая 1715 го было также *полное* затмѣніе солнца. Кавалеръ Лувиль, Членъ Королевской Французской Академіи наукъ, нарочно ѣздилъ въ Лондонъ дѣлать наблюденія. Онъ увѣряетъ, что мракъ не былъ такой густой, какой бываетъ ночью, что темнота сія неимѣла сходства и съ сумерками, а представляла нѣчто совсѣмъ особливое: ее такъ же не можно описать, какъ и словами выразить краски или тоны. По свидѣтельству сего наблюдателя во время затмѣнія читать было трудно, хотя и могъ онъ различать черты литеръ. Г. Лувиль вписывалъ въ журналъ наблюденія

свои во время наибольшаго мрака; замѣчалъ минуты и секунды, между тѣмъ какъ слуга смотрѣлъ на часы и ему сказывалъ; но Кавалеръ не могъ читать того, что́ имъ же самимъ было писано. Подлѣ часовъ стояла восковая свѣча, которая зажжена была единственно изъ предосторожности.

Кольцеобразное затмѣніе случилось въ Парижѣ, какъ сказано выше, 1 го Апрѣля 1764 года. Нѣкоторые и въ то время вздумали было предсказывать, что тма будетъ густая, и что для письма и чтенія надобно запастись свѣчами. Небо въ етотъ день покрыто было темными облаками, и безпрерывный дождь не давалъ возможности замѣтить, гдѣ именно солнце находилось на небѣ; несмотря на то, при самомъ большомъ омраченіи убыль свѣта была весьма незначительная, и никто даже не вспомнилъ о надобности зажигать свѣчки.

Слѣдовательно и при ожидаемомъ нынѣшнемъ затмѣніи солнца темнота не можетъ быть значительною даже и тамъ, гдѣ будетъ оно центральное; ибо солнце останется незакрытымъ болѣе нежели на дюймъ, или, скажемъ съ большею точностію, на 2′ 22″. И какимъ образомъ могло бы воспослѣдовать наступленіе совершенной ночи, или густаго мрака, когда и при пол-

номъ затмѣнія солнца одна часть нашей атмосферы непремѣнно должна освѣщаться его лучами!

Во всѣхъ астрономическихъ лѣтописяхъ сказано, что предстоящее затмѣніе видимо будетъ въ цѣлой Европѣ; но точнаго показанія странъ, гдѣ оно явится кольцеобразнымъ (именно же въ большей части Германіи и Италіи), мы нигдѣ ни находили. Назовемъ же главные города, въ которыхъ будетъ видимо свѣтлое кольцо вокругъ темнаго мѣсяца.

Начало кольцеобразнаго затмѣнія при восходѣ солнца воспослѣдуетъ на Ледовитомъ морѣ нашего полюса подъ 81°33′ сѣверной широты и 229° 47′ долготы отъ перваго меридіана чрезъ островъ Ферро.

Въ самой полдень будетъ затмѣніе центральное и кольцеобразное подъ 75°30′ сѣверной широты и 1°32′ долготы восточной. Пунктъ сей находится на морѣ между Гренландіей и Исландіей. Конецъ кольцеобразнаго затмѣнія воспослѣдуетъ подъ 25°32′ сѣверной широты и 63°17′ долготы восточной. Пунктъ сей находится на пустыняхъ Аравіи, къ востоку отъ Медины, именно въ землѣ грозныхъ Вехабитовъ.

Все затмѣніе на землѣ продолжаться будетъ 5 часовъ, 21 минуту, 6 секундъ; кольце-

образное же затмѣніе видимо будетъ только 2 часа, 18 минутъ, 28 секундъ.

Въ Германіи великолѣпнѣйшее перехожденіе луны черезъ солнце видимо будетъ въ Алторфѣ, Алтенбургѣ, Ауерштедтѣ, Бамбергѣ и проч.

Въ Италіи свѣтлый вѣнецъ вокругъ луны виденъ будетъ въ Аквилеѣ, Бари, Барлеттѣ и проч. Жаль, что прохожденіе луны видимо будетъ почти вообще въ такихъ только мѣстахъ Италіи, которыхъ жители не дѣлаютъ наблюденій ни надъ небомъ, ни надъ землею. . . .

Изъ Mrgbltt.

P. S. По исчисленіямъ г-на *Бугрова*, Магистра при здѣшнемъ Университетѣ, въ *Москвѣ* затмѣніе начнется въ 3 часа 22 минуты средняго времени, или въ 3 часа 24′ 11″ истиннаго времени, по полудни; средина затмѣнія, или самое наибольшее помраченіе солнца послѣдуетъ въ 4 часа 35′ 20″. Затмѣніе кончится въ 5 часовъ 45′ 42″. Прикосновенія луны къ солнцу при началѣ и концѣ затмѣнія, которое будетъ видимо въ Москвѣ, и величина помраченной части солнца представлены на особой фигурѣ при VII книжкѣ составляемаго И. А. Двигубскимъ *Новаго Магазина Естественной Исторіи*.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Открытіе засѣданій генеральныхъ Кортесовъ въ Мадритѣ.

Въ 9 день Іюля (н. с.) Генеральные Кортесы имѣли первое публичное собраніе. Въ Президенты ихъ назначенъ Архіепископъ Севильскій, въ Вице-Президенты Генералъ *Квирога*.

Въ полдень Его Величество Король прибылъ въ залу Кортесовъ и присягнулъ на вѣрность Конституціи. Потомъ Президентъ произнесъ слѣдующую рѣчь къ Его Величеству:

„Во времена менѣе просвѣщенныя, но въ которыя блистали доблести великія и возвышенныя, Кортесы блюли коренные законы Государства, славу и сіяніе престола, благоденствіе націи; но столь мудрое учрежденіе, Короля и націю соединявшее взаимными чувствами любви и прямодушія, мало помалу клонилось къ упадку, и наконецъ совсѣмъ исчезло. Нація содѣлалась

позорищемъ замысловъ личнаго честолюбія, а Король орудіемъ страстей. День рожденія В. В—а былъ для Испаніи зарею ея возстановленія: двадцать милліоновъ гражданъ въ возлюбленной особѣ вашей узрѣли наслѣдника Святаго Фердинанда. Они поздравляли себя, видя совершившимися свои надежды — какъ вдругъ среди самой націи возникло богопротивное намѣреніе посягнуть на священныя права В. В—а. Подлый обманщикъ гнуснѣйшимъ клятвопреступленіемъ ввелъ войска непріятельскія; онъ исторгъ изъ объятій Испанцевъ возлюбленнаго ихъ Монарха, исторгъ въ то самое время, когда Монархъ возсѣдалъ на престолѣ своихъ знаменитыхъ предковъ.

„Скоро раздалось рыканіе льва Испанскаго; дѣти Пелагія огласили воздухъ воплями сопротивленія, и храбрые воины несутъ мѣдную грудь свою, ставятъ легіоны свои противу легіоновъ тирана. Въ то же время отцы отечества, собравшись по общему желанію всѣхъ областей, возстановляютъ конституцію Испанской Монархіи, которая, провозглашая торжественно особу Короля священною и неприкосновенною, утверждаетъ корону на главѣ его потомковъ, и даетъ В. В—у средства созидать благо общественное и обезпечить спокойствіе націи.

„Достойные сыны отечества были въ тѣхъ мысляхъ, что они лучше немогли соотвѣтствовать довѣренности, которою почтили ихъ Принцы, ни чѣмъ другимъ не могли болѣе услужить Королю, какъ утвержденіемъ престола на прочномъ основаніи, которое, будучи наслѣдіемъ отцевъ нашихъ, будучи глаголомъ мудрости, правоты и воли общественной, затворяло врата измѣнѣ и неправедному нападенію, — на томъ прочномъ основаніи, которое дѣлало возможнымъ надлежащій ходъ правосудія, учреждало равенство налоговъ, водворяло повиновеніе и уваженіе, какія должно имѣть къ законамъ и ко власти Королевской.

„Такъ думали въ Кадиксѣ представители націи. Я видѣлъ ихъ, Государь Всемилостивѣйшій! видѣлъ ихъ изъ глубины души воздыхавшихъ о плѣнѣ своего Монарха; я видѣлъ, какъ въ отчаяніи проливали они горькія слезы, какъ смирялись предъ олтарями истиннаго Бога, какъ молились, чтобы Онъ возвратилъ нѣжнаго отца безутѣшному его семейству; я видѣлъ ихъ восхищенныхъ радостію и веселіемъ, когда узнали, что Господь услышалъ мольбы ихъ и сокрушилъ цѣпи тиранства. Таковы были великодушныя чувства ихъ, когда подлая корысть, коварное честолюбіе, жестокая клевета, лютая мстительность послѣ гнусныхъ

въ мрачномъ вертепѣ злодѣйства совѣщаній своихъ о мерзостныхъ умыслахъ, дерзнули окружить престолъ и святотатственнымъ присутствіемъ своимъ осквернить святилище величества. Но, Государь, набросимъ покрывало на сіи печальныя свидѣтельства слабости человѣческой.

„Наступилъ наконецъ счастливый день, въ который лучезарное свѣтило востекаетъ на горизонтъ Испаніи: оно разгонитъ густыя тучи клеветы и коварства; наступилъ день, въ который всѣмъ блескомъ своимъ возсіяетъ святая истина, возбуждая въ насъ удивленіе, въ другихъ уваженіе, въ большемъ числѣ стыдъ, но во всѣхъ увѣренность. Счастливая Испанія видитъ собравшихся Кортесовъ, нѣкогда прославившихъ царствованія Алфонсовъ и Фердинандовъ. Добродѣтельнѣйшая изъ націй забываетъ оскорбленія, прощаетъ обиды, единственно занимается возстановленіемъ конституціоннаго правительства, сохраненіемъ всей чистоты святой религіи, изъявленіемъ признательности и благоговѣнія Королю, уже твердому на августѣйшемъ своемъ престолѣ съ того самаго времени, какъ среди національнаго Конгресса онъ произнесъ присягу, которая облекаетъ его большимъ величіемъ, нежели какимъ завоеваніе востока облекло сына Филиппова.

. . *Вторымъ* великихъ воспѣваемъ;
А *цѣлымъ* — мы себя отъ женщинъ отличаемъ.

3.

Кто письма посылалъ, тотъ *первую* часть
знаетъ;
Вторая — буква есть; а *третья* представ-
ляетъ
Жену угрюмаго, лихаго старика:
Онъ бодръ, крылатъ, съ косой — и грозная
рука
Его все въ мірѣ разрушаетъ. —
А *цѣлое* мое, недавно здѣсь въ Москвѣ
Всѣмъ предвѣщало — быть большими богачами;
Но если вѣришъ намъ, читатели, молвѣ —
Немногимъ удалось. . . Теперь узнайте сами!

4.

Часть *первая* моя — мудрецъ и чародѣй;
Вторая же — рѣки старинное названье,
Что въ море Черное течетъ. — Шарады
всей —
Ученый чинъ знаменованье.

5.

Начальное — волкамъ, морозамъ епитетъ;
Второе, буква и — безгласна;
А въ *цѣломъ* видѣлъ свѣтъ
Врага, для гордыхъ Папъ опасна.

Н. Бр — въ.

Анаграмма.

Славнѣйшимъ городомъ бывалъ я въ старину:
Меня вселенна трепетала
И предо мной она съ покорностію пала! . . .
Перевернусь — и мной окончится война. . .

Н. Брянцевъ.

Курскъ.

Политическія и другія происшествія.

Англія.

Прозьбу Королевы, въ Верхній Парламентъ предоставленную и въ которой протестуетъ она противъ Тайнаго Комитета, многіе почитаютъ утонченною хитростію ея совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, но несмотря ни на прозьбу Ея Величества, ни на длинную рѣчь Лорда Грея, производство дѣла въ Тайномъ Комитетѣ началось, и не мѣшокъ, а *мѣшки зеленые* (ихъ четыре) открыты. Въ засѣданіи 3го Іюля Лордъ Гарровби представилъ Верхнему Парламенту донесеніе слѣдующаго содержанія: „По разсмотрѣніи бумагъ въ Тайномъ Комитетѣ оказалось, что оныя заключаютъ въ себѣ извѣстія, основанныя на единогласномъ свидѣтельствѣ многихъ особъ разнаго званія и находящихся въ разныхъ странахъ Европы, извѣстія, весьма оскорбительныя для чести Королевы и обвиняющія Ея В-во въ противузаконной связи (adulterous connection) съ нѣкоторымъ чужестранцемъ, бывшимъ спер-

ва въ ея услугахъ, въ невесьма важной должности. Ея В-ву приписывается поведеніе такого рода, которое не только весьма неприлично (highly unbecoming) высокому ея сану и положенію, но и ознаменовано величайшимъ соблазномъ (of the most licentious character). Таковыя обвиненія не только весьма оскорбительны для чести Королевы, но для нравственности народа, для чести государства. Комитетъ полагаетъ, что дѣло сіе должно быть подвергнуто публичному и торжественному изслѣдованію." — Послѣ того въ засѣданіи 5 го Іюля былъ прочитанъ билль такого содержанія, что бывшая Принцесса Валлійская, находясь въ 1814 году въ Медіоланѣ, въ Италіи, приняла въ услуги свои Бартоломео Бергами, иностранца низкаго происхожденія; что между Ея Высочествомъ и помянутымъ Бергами скоро воспослѣдовало тѣсное, неблагопристойное и соблазнительное знакомство; что Принцесса не только приняла его въ дѣйствительную при особѣ своей службу, но и доставила ему разные Ордены и почетныя титла, и даже возложила на него собственный свой Орденъ, учрежденный Ея Высочествомъ безъ всякаго на то законнаго права и власти; что наконецъ Принцесса находилась съ симъ Бергами въ беззаконной и постыдной связи, и тѣмъ нанесла огорченіе и безчестіе Королевскому Дому и всему Государству. И потому, сказано наконецъ въ биллѣ: „мы, духовные и свѣтскіе Лорды и Представители, собранные въ Парламентѣ, просимъ Его В-во, Короля, присвоенною ему властію, по совѣту и согласію Лордовъ и Представителей, опредѣлить: что помянутая *Каролина Амалія Елисавета*, съ самой минуты принятія сего акта, навсе-

гда лишается титула Королевы Англійской и вмѣстѣ всѣхъ правъ, преимуществъ и почестей, принадлежащихъ ей въ качествѣ супруги Короля, съ запрещеніемъ пользоваться гдѣ или когда-либо всѣми вмѣстѣ, или нѣкоторыми изъ оныхъ.“ Вмѣстѣ съ симъ опредѣляется: „что бракъ между Королемъ и помянутою *Каролиною Амаліею Елисаветою* навсегда расторгнутъ и что всѣ обоюдныя ихъ супружескія обязанности уничтожены.“ Королева, получивъ свѣдѣніе о сей мѣрѣ, немедленно противъ нее протестовала, а допущенные въ Парламентъ адвокаты Ея Величества всѣ подробности биля называли постыднѣйшими клеветами. Но дѣло было уже начато; оставалось готовиться Ея В-у къ законному опроверженію сдѣланныхъ обвиненій. Послѣ вторичнаго прочтенія биля, которому назначено быть 17 числа Августа, Верхній Парламентъ приметъ на себя характеръ *верховнаго судилища* и приступитъ къ рѣшенію. Между тѣмъ Королева подала въ Парламентъ прозьбу о томъ, чтобы ей были объявлены имена тѣхъ свидѣтелей, которые будутъ противъ нее доказывать. Разсмотрѣніемъ сего дѣла занимались въ 14 день Іюля; и послѣ нѣкоторыхъ споровъ по большинству голосовъ рѣшеніе воспослѣдовало — отрицательное.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Верхнемъ Парламентѣ, Королева принимала депутаціи и адрессы отъ городскихъ совѣтовъ, изъявлявшихъ ей участіе въ ея дѣлѣ, произносила къ нимъ благодарственныя рѣчи, посѣщала Ратушу, дозволяла народу выпрягать лошадей изъ ея кареты и возить на себѣ по улицамъ. Въ публикѣ появляются со-

чиненія въ похвалу Ея В-а. Въ нижнемъ Парламентѣ Члены Оппозиціи обвиняли Министровъ въ употребленіи большихъ суммъ на содержаніе шпіоновъ въ Медіоланѣ и на подкупъ свидѣтелей. Въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ напечатаны статьи, гдѣ доказывается, что Бергачи есть человѣкъ знатнаго происхожденія, отличныхъ качествъ и проч. Въ Барнесѣ, гдѣ Королева наняла было для себя загородный домъ и куда она ежедневно ѣздила, всякой разъ собиралось безчисленное множество народа, привѣтствовавшаго ее съ живѣйшимъ восторгомъ. Пріѣзжающихъ изъ Италіи свидѣтелей чернь встрѣчаетъ бранью и побоями.

Коронація Его Величества отложена до Іюня мѣсяца будущаго 1821 года.

Французскій Посолъ Дюкъ-Деказъ находится уже въ Лондонѣ.

Италія.

Въ Неаполитанскомъ Королевствѣ произошли важныя перемѣны. Находившійся въ Ноле отрядъ кавалеріи, изо 130 человѣкъ состоявшій, безъ всякаго на то предписанія, самъ собою, выступилъ къ горамъ Авелинскимъ. Слухъ о семъ маршѣ распространился съ быстротою молніи. Нѣкоторые отряды пѣхоты также выступили изъ города и присоединились къ симъ кавалеристамъ. Крестьяне, имѣвшіе у себя какое-либо оружіе, послѣдовали ихъ примѣру. Сіи толпы отправились потомъ къ ущеліямъ, ведущимъ въ Апулію, нашли въ построенной тамъ крѣпостцѣ военную казну, состоявшую изъ 22,000 Неаполитанскихъ червонныхъ, взяли сію сумму, выдавъ однакожъ надлежащія росписки въ полученіи. Извѣстившись о семъ, Его Величест-

во Король Фердинандъ отправилъ нѣсколькихъ Генераловъ снестись съ начальниками мятежниковъ и узнать, въ чемъ состоятъ ихъ намѣренія. Между тѣмъ Іюля 5 собрался во дворцѣ Государственный Совѣтъ для разсужденія о мѣрахъ. Скоро потомъ инсургенты, къ которымъ присоединились уже цѣлые полки, стоявшіе близь самой столицы, прислали къ Королю адрессъ съ изъявленіемъ желанія имѣть *Конституцію, подобную Испанской.* Его Величество, видя и въ другихъ, еще не присоединившихся къ мятежнымъ, войскахъ подобныя же расположенія, призналъ за благо согласиться на общія желанія. Іюня 6 го поутру разосланы уже были курьеры съ извѣстіемъ о новой перемѣнѣ. Въ самомъ городѣ прибиты печатныя объявленія о намѣреніи Короля черезъ восемь дней предложить фундаментальный законъ о введеніи системы представительнаго правительства. Сіе обѣщаніе успокоило умы; порядокъ не былъ нарушаемъ, и непролито ни одной капли крови. Но въ продолженіе переговоровъ съ инсургентами и пока еще не знали намѣренія Короля, смущеніе жителей столицы превосходило всякое описаніе. На лицахъ изображались страхъ и ожиданіе ужаснѣйшихъ происшествій.

Турція.

Порта дѣйствуетъ на морѣ и на сухомъ пути противу мятежнаго Али Паши Янинскаго, которому весьма-было хотѣлось, чтобы Англійское правительство не позволило Турецкимъ судамъ плавать по Іоническому морю. О военныхъ успѣхахъ той и другой стороны еще нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Но молва гласитъ

о побѣдахъ, одерживаемыхъ на сухомъ пути Яннинскимъ Пашею, а на морѣ ескадрою Султана.

Южная Америка.

Испанскій Генералъ Морилло повсюду провозглашаетъ конституцію и обѣщаетъ безусловное помилованіе всякому, кто только возвратится къ своимъ обязанностямъ. Всѣ сіи мѣры однакожъ неимѣютъ желаемаго успѣха

Западная Индія.

На республиканской половинѣ острова Гаити минувшею весною было весьма опасное возмущеніе. Но Президентъ Бойе успѣлъ собрать войска въ самую пору, напалъ на мятежническаго предводителя Гомара, разсѣялъ его скопище, и потомъ казнилъ 16 главныхъ его приверженцовъ. Самъ Гомаръ, извѣстный еще съ 1807 года въ качествѣ нарушителя общаго покоя на островѣ, пропалъ безъ вѣсти.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Къ извѣстной Исторіи Льва Діакона, напечатанной въ Парижѣ иждивеніемъ Графа Н. П. Румянцова, ученый Издатель, г. Профессоръ Газе, какъ увидѣли мы изъ *Греческаго Меркурія,* присоединилъ разныя любопытныя статьи изъ рукописей Королевской Библіотеки. Въ числѣ ихъ для насъ должны быть особенно важны: Письмо одного Грека, содержащее въ себѣ нѣкоторыя *новыя извѣстія о состояніи Та-*

врическаго Херсонеса въ половинѣ десятаго вѣка, также отрывокъ Исторіи Іоанна, Архіепископа Солунскаго, о чудесахъ Св. Димитрія, въ которомъ (отрывкѣ) встрѣчается *много касающагося до исторіи города Солуня.* Г. Газе надѣется издать еще и другихъ писателей Византійскихъ: *Михаила Пселла, Георгія Амартола, Никифора Григору,* и еще нѣкоторыхъ.

— Цыгане проникли даже въ Южную Америку. Они расплодились въ Бразиліи, именно въ Пернамбукской губерніи, гдѣ ведутъ, какъ въ Европѣ, кочевую жизнь, не имѣя постояннаго жилища. Но тамъ они, по видимому, болѣе занимаются торгомъ и менѣе грабительствомъ: продаютъ, мѣняютъ лошадей, промышляютъ также золотыми и серебряными мѣлочами. Они ненаблюдаютъ никакихъ обрядовъ богослужебныхъ, и вступаютъ въ супружескія связи только съ своими.

— Въ Лондонѣ 1817 года, въ числѣ рѣдкостей кабинета г-на Вика, показывали сдѣланную изъ золота и покрытую емалью птичку колибри, долиною въ одинъ дюймъ. Она вставлена была въ медаліонъ золотой табатерки, изъ котораго, по дѣйствію пружинки, выходила, тотчасъ открывала маленькой свой носикъ, махала прелестными крылушками и начинала пѣть очень внятно весьма прият-

ную арію. Пропѣвши, возвращалась на свое мѣсто, а медальонъ запирался самъ собою.

Два другіе автомата, еще диковеннѣе маленькой пташки, были показываемы въ Лондонѣ лѣтъ тому пятьнадцать: Одинъ представлялъ паука, другой лебедя. Первой, будучи натуральной величины, бѣгалъ по столу въ разныя стороны, двигалъ ножками, когда брали его въ руки, шевелилъ усиками, однимъ словомъ, дѣлалъ такія же движенія, какъ и паукъ настоящій. Сто пятьнадцать колесъ, изъ которыхъ многія можно было видѣть съ помощію микроскопа, составляли внутренность сего автомата. Лебедь плавалъ въ бассейнѣ между золотыми рыбками, расширялъ крылья, чистилъ прекрасныя свои перья, хваталъ рыбокъ, глоталъ ихъ, и всѣ его движенія были совершенно натуральны!

— Въ Греціи теперь многіе радуются тому, что въ сей странѣ, столь занимательной возбуждаемыми ею воспоминаніями, дано умамъ направленіе къ благородному любопытству и къ наукамъ. Въ Парижѣ, гдѣ за десять передъ симъ лѣтъ было не болѣе семи или восьми Грековъ, теперь считается болѣе шестидесяти, которые всѣ привлечены туда желаніемъ усовершенствовать себя въ наукахъ. Въ Италіянскихъ и Германскихъ Университетахъ также находится ихъ не мало.: въ од-

ной Пизѣ ихъ столько же, какъ и въ столицѣ Франціи. Греки почитаютъ г на Кораи, живущаго уже 25 лѣтъ въ Парижѣ, первымъ возстановителемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, и теперь по ихъ распоряженію дѣлается въ Римѣ мраморная статуя — портретъ сего знаменитаго Грека.

— Графъ *Кларакъ*, преемникъ покойнаго *Висконтія* въ званіи хранителя древностей Французскаго Королевскаго Музея, издалъ теперь каталогъ оныхъ рѣдкостей, гораздо пространнѣйшій прежнихъ. Къ описанію мраморовъ и статуй Г. Кларакъ приложилъ любопытныя замѣчанія *о веществахъ и о разныхъ сортахъ мрамора, какіе были употребляемы древними ваятелями*, также и другія статьи, болѣе или менѣе служащія къ уразумѣнію памятниковъ и надписей. Сюда принадлежатъ таблицы *сокращеній въ Латинскихъ надписяхъ*, — *именъ фамилій Консульскихъ, которыя встрѣчаются на медаляхъ*, — *числительныхъ буквъ Греческихъ и Римскихъ; Хронологическая таблица Римскихъ Императоровъ*, и другая такая же *художниковъ древности* и проч. Книга сія должна быть весьма любопытна и для тѣхъ даже любителей Археологіи, которымъ не случилось видѣть рѣдкостей Парижскаго Музе .

— Г. *Нибуръ*, Министръ Прусскій въ Римѣ, отличившійся изысканіями своими по части древней словесности, открылъ въ семъ городѣ многія неизвѣстныя свѣту рукописи, и уже напечаталъ. Вотъ названія сихъ драгоцѣнностей: 1. отрывокъ *Цицероновой рѣчи* за *М. Фонтея*; 2. другой отрывокъ рѣчи того жъ Оратора за *Рабирія*; 3. отрывокъ же 91 книги *Тита-Ливія*; 4. два сочиненія Сенеки и другіе важные отрывки. Г. *Нибуръ* посвятилъ сіе безцѣнное собраніе Его Святѣйшеству, соизволившему открыть для издателя входъ къ литтературнымъ сокровищамъ Ватикана и дать ему возможность распространить находку свою между любителями древней словесности.

— По поводу новыхъ происшествій въ Лондонѣ замѣчаютъ, что уголовной судъ надъ Англійскими Королевами производимъ былъ только въ царствованія Генриха VIII и Карла I. При упомянутомъ Генрихѣ, судъ присяжныхъ, составленный изъ 24 Перовъ, произнесъ приговоръ объ *Аннѣ Болень*; *Катерина* же Аррагонская была разведена и получила титулъ *вдовствующей Принцессы Валлійской*. Въ царствованіе Карла I Нижній Парламентъ предоставлялъ Верхнему о взятіи подъ стражу Королевы Генрики, которая однакожъ успѣла уйти во Францію.

— Датскій писатель *Еленшлегеръ* въ недавно читанномъ похвальномъ словѣ своемъ знаменитому ваятелю *Торвальдсену* (которой находится теперь въ Копенгагенѣ) сказалъ между прочимъ: „Ежели предки наши разрушили памятники Римскіе; за то искусство сѣверныхъ жителей нынѣ возстановляетъ ихъ и дѣлаетъ достойными древней Еллады. Если Кимвры, Германцы, Лонгобарды, Норманны неимѣли понятія о красотѣ художественныхъ произведеній; за то *въ окрестностяхъ лѣса древней Турингіи* возсталъ великій Винкельманъ, потомокъ Витекинда, и пошелъ въ Италію не разрушать изящное, но показать достоинство того, чѣмъ она обладала. Если дикіе Норманы нѣкогда опустошали области; за то нынѣ въ нѣдрахъ Даніи явился человѣкъ, которой платитъ долгъ за своихъ предковъ и сохраняетъ честь ихъ.“

— *Анастасій, или Записки одного Грека XVIII столѣтія* — вотъ заглавіе книги, недавно вышедшей въ Лондонѣ и уже переведенной въ Парижѣ, книги, которую Англійскіе Журналисты хвалятъ до такой степени, что ставятъ ее почти наравнѣ съ Путешествіемъ Анахарсиса. Какъ бы то ни было, она должна быть весьма любопытна; ибо, расположена будучи по плану романа, содержитъ въ себѣ

изображеніе нравовъ и обычаевъ нынѣшней Греціи. Нѣкоторые критики приписываютъ сіе сочиненіе славному Лорду Бейрону, который, какъ извѣстно, долго прожилъ между Греками и притомъ въ самой Греціи.

Къ Благотворителямъ.

(Выписка изъ письма къ Редактору.)

Аптекарь, Титулярный Совѣтникъ *Евеніусъ*, за годъ предъ симъ умершій, продолжалъ службу свою около двадцати пяти лѣтъ (безпорочно, какъ видно изъ формуляра) въ различныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, и наконецъ и при Ораніенбаумскомъ военно-сухопутномъ Гошпиталѣ, никогда не находя средствъ на всякой случай обезпечить свое семейство, такъ что по смерти его ничего не осталось для пропитанія вдовѣ и малолѣтной дочери; на пенсіюжъ онъ, покойный, никакого не имѣлъ права. Прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, довести сіе до свѣдѣнія человѣколюбивыхъ благотворителей и расположить ихъ ко вспоможенію безпомощной, не имѣющей никакихъ родственниковъ, всѣми оставленной вдовѣ, и сиротѣ, требующей приличнаго воспитанія. О великодушныхъ пожерт-

вованіяхъ дано будетъ надлежащее извѣщеніе со изъявленіемъ благодарности. Адресоваться можно либо на имя самой вдовы, *Анны Ивановой*, жительствующей въ городѣ Ораніенбаумѣ, въ Морскомъ Гошпиталѣ, либо на мое имя. Честь имѣю пребыть и проч.

Карлъ Аллеръ,
Надворный Совѣтникъ, главный Штабъ-Лѣкарь Ораніенбаумскаго Гошпиталя.
Г. Ораніенбаумъ.

Благотворенія.

1.

Въ прошедшемъ годѣ Корреспондентъ Россійскаго Библейскаго Общества, какъ Членъ и Попечитель Воронежскаго Попечительнаго Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, изъявилъ господину Маіору *Манько* благодарность отъ лица имъ облагодѣтельствованныхъ, за великодушное пожертвованіе его въ пользу пострадавшихъ отъ пожара въ городѣ Прилукахъ. Нынѣ вновь священнымъ долгомъ поставляетъ изъявить ту же сердечную признательность отъ тѣхъ же самыхъ несчатныхъ семействъ помѣщицамъ — Золотоношскаго повѣта Маіоршѣ *А. П. Мееро-*

вой — Пирятинскаго Капитанше *В. М. Ограмовичевой*, и Хорунжему повѣта Прилуцкаго *С. М. Трифоновскому*, кои, будучи одушевляемы благочестивыми чувствами человѣколюбія, доставили ему Корреспонденту до 60 рублей для раздачи симъ несчастнымъ, лишеннымъ дневнаго пропитанія. Достопочтенный Градоначальникъ Прилуцкій *Г. Солониновъ* съ сердечнымъ удовольствіемъ роздалъ имъ сіи деньги, и былъ свидѣтелемъ слезъ благодарности, съ коею препроводили оні теплыя моленія къ престолу Мздовоздаятеля за своихъ Благотворителей. *Будьте милосерды, яко же и Отецъ вашъ милосердъ есть.* Сіе изреченіе кроткаго Наставника міра, твердя ежедневно бѣдные не имѣющіе ни крова, ни хлѣба, сильно пострадавшіе отъ пожара, раздѣляющіе послѣдній кусокъ съ немалочисленнымъ семействомъ своимъ, чрезъ меня взываютъ къ чувствительнымъ сердцамъ, да *рука ихъ не оскудѣетъ*, и небесный Дарователь, даруя вѣчнымъ блаженствомъ и за одну даже лепту, щедро здѣсь еще за сіе ихъ вознаградитъ.

2.

Я имѣлъ утѣшеніе получить на имя свое отъ неизвѣстной особы, изъ города *Семенова*, письмо съ двадцати - пяти рублевою ассигнаціею для *Василія Григорьевича Чичерина*,

сопровождаемую самыми трогательными выраженіями человѣколюбія и милосердія! — Чувствительный несчастливецъ приноситъ, равно какъ и я, глубочайшую благодарность своему новому Благотворителю, скрывшему имя свое по высокой Евангельской добродѣтели.

Князь Шаликовъ.

Увѣдомленіе.

Техно-Ботаническій Словарь на Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, составленный И. И. Мартыновымъ (С. П. Бургъ 1820), вышелъ изъ печати и подписавшимся особамъ здѣсь въ Москвѣ раздается въ книжныхъ лавкахъ Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева, гдѣ можно и покупать сію книгу по 15 руб. за екземпляръ Государственными ассигнаціями. За пересылку 2 рубля.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 15.

АВГУСТЪ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Вильгельмъ Пеннъ.

(*Повѣсть, соч. г-жи Монтолье.*)

Кто не знаетъ Вильгельма Пенна, славнаго добродѣтелью и подвигами благочестія, основателя первыхъ поселеній Квакерскихъ въ Америкѣ, на землѣ, данной ему Королемъ Англійскимъ, а потомъ названной *Пенсильваніей*?

Еще въ младенчествѣ, казалось, Вильгельмъ чувствовалъ особенное вдохновеніе, указывавшее ему на великое званіе родоначальника людей благочестивыхъ. Въ юныхъ лѣтахъ, когда владычество страстей столь часто завлекаетъ молодаго человѣка въ бездну порока, онъ пребылъ непоколебимъ среди прелестей міра, среди побужденій къ исканію славы, среди суетнаго блеска роскоши. — Угрозы, притѣсненія, гоненія отъ сограж-

данѣ и стараніе родныхѣ, самой даже тнѣвѣ — ничто не побѣдило Пенна. И добродѣтельный получилѣ свою награду: несправедливые сограждане, строгій отецѣ — всѣ наконецѣ отдали истинную честь великому человѣку, всѣ познали его достоинства!

Невходя вѣ описаніе жизни и дѣлѣ Пенна, мы просто разскажемѣ анекдотѣ, случившійся сѣ нимѣ вѣ его молодости: все, что относится кѣ изображенію характера и свойствѣ славнаго человѣка, должно быть для насѣ любопытно. Но для лучшаго уразумѣнія нашей повѣсти, почитаемѣ нужнымѣ сказать нѣсколько словѣ обѣ извѣстномѣ обществѣ Квакеровѣ, куда вступилѣ Пеннѣ сѣ самыхѣ юныхѣ лѣтѣ, и вообще о домашнихѣ обстоятельствахѣ жизни сего достопамятнаго Британца.

Отецѣ Вильгельма былѣ Адмиралѣ Пеннѣ, знаменитый долговременною службой, воинскими подвигами и отличною твердостію характера. Заплатя долгѣ отечеству, онѣ удалился вѣ помѣстья свои, находившіяся вѣ Графствѣ Буккингамскомѣ, и проводилѣ старость вѣ безмятежномѣ спокойствіи, кѣ которому великое богатство давало ему всѣ способы. Онѣ надѣялся, что старшій сынѣ, молодой человѣкѣ сѣ великими талантами, поддержитѣ славу предковѣ и пой-

детъ по стопамъ родителя: богатство, знатный родъ, заслуги отца, особенная дружба Герцога Iоркскаго — все обѣщало юному Пенну исполненiе надеждъ самыхъ великихъ и блестящихъ; но каково было изумленiе Адмирала, когда онъ увидѣлъ, что сынъ его, еще въ младенчествѣ оказывавшiй склонность къ тихой жизни и благочестивымъ упражненiямъ, въ юношескихъ лѣтахъ началъ совершенно удаляться отъ шумнаго поприща, гдѣ отецъ желалъ его видѣть дѣйствующимъ. . . — Въ это время явилась и время отъ времени болѣе распространялась секта *Квакеровъ*, или (какъ въ насмѣшку ихъ называли) *дрожащихъ*: благочестiе, добродѣтельная жизнь, лестное названiе *общества друзей*, отличали первыхъ Квакеровъ среди грубой толпы народа. Георгiй Фоксъ былъ ихъ начальникомъ. Юный Пеннъ, въ послѣдствiи сдѣлавшiйся истиннымъ его другомъ, встрѣтился съ Фоксомъ въ бытность свою въ Оксфортскомъ Университетѣ. Привлеченный любопытствомъ и разсказами народными въ собранiе *общества друзей*, онъ плѣнился краснорѣчивою проповѣдью Томаса Лое, знаменитаго по частымъ вдохновенiямъ — и тогда же рѣшился сдѣлаться Квакеромъ. Онъ узналъ основанiя новаго ученiя, сдѣлался ревнителемъ всѣхъ, даже самыхъ странныхъ обычаевъ своей секты, и отказавшись

отъ разныхъ приличій, необходимыхъ въ обществѣ, былъ исключенъ изъ Университета, какъ человѣкъ непокорный, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, послѣдовавшими его примѣру. Пеннъ возвратился въ домъ родительскій и не думалъ скрывать новыхъ своихъ мнѣній. Всѣ изумились благочестивой ревности и странностямъ молодаго человѣка: онъ явился, одѣтый по обычаю *общества друзей*: въ платьѣ темнаго цвѣта, безъ пуговицъ, въ круглой шляпѣ, въ башмакахъ безъ пряжекъ; ни передъ кѣмъ не снималъ своей шляпы, говорилъ всѣмъ — *ты*. При первомъ свиданіи онъ пожалъ у отца своего руку, и сказалъ просто; *радуюсь, что вижу тебя въ добромъ здоровьѣ!* Ни ласки, ни угрозы опечаленнаго Адмирала не могли поколебать мнѣній Пенна; онъ не хотѣлъ говорить никакихъ комплементовъ, нерѣшался даже снимать шляпы предъ Королевскою фамиліей, которой хотѣли его представить; убѣгалъ отъ людей неслѣдовавшихъ его наставленіямъ, удалялся блестящихъ собраній, отвергъ удовольствія свойственныя возрасту его и со всею ревностію юнаго, воспаленнаго воображенія проходилъ цѣлые дни въ чтеніи священной Библіи, въ сочиненіи красноречивыхъ убѣжденій объ истинѣ новаго ученія; стараясь видѣться только съ своими собратіями, ко-

торые радовались, видя благочестіе добраго юноши.

Адмиралъ почувствовалъ, что всѣ его планы, всѣ блестящія предположенія о славѣ и почестяхъ, которыя хотѣлъ доставить любимому сыну, исчезнутъ, если онъ неуспѣетъ отвлечь юношу отъ такого, какъ Адмиралъ называлъ, сумазбродства. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Пеннъ быть воиномъ, когда одно изъ правилъ общества запрещало обнажать мечь на кого бы-то ни было, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ надобно защищать жизнь свою отъ нападенія? Могъ ли быть хорошимъ статскимъ чиновникомъ, когда, слѣдуя добродѣтельнымъ наставникамъ своимъ, Квакеры должны не лгать и никогда не клясться? Гоненія обыкновенно производятъ упорнѣйшихъ ревнителей. Новое общество было строго запрещено въ Англіи; правительство употребило жестокія средства: тюрьмы наполнились добродѣтельными людьми, Фоксъ былъ схваченъ; — всѣ засѣданія, гдѣ Квакеры проводили время въ молитвѣ, объявлены вредными, возмутительными. Адмиралъ, видя, что гоненія на сотоварищей не дѣйствовали надъ умомъ Вильгельма, употребилъ кроткія средства: уговаривалъ, просилъ, старался обольстить блескомъ богатства и почестей — все тщетно! Пеннъ гово-

рилъ, что совѣсть и честь заставляютъ его слѣдовать истиннымъ христіанскимъ правиламъ; онъ, съ своей стороны никогда не выступая изъ границъ должнаго отцу почтенія, съ кротостью, но красворѣчиво доказывалъ невозможность перемѣны, когда законъ имъ принятый есть истинный законъ Божій; доказывалъ, что онъ неможетъ послѣдовать желаніямъ человѣческимъ, когда видитъ ясно предназначеніе свое къ тихой, благочестивой жизни. Напослѣдокъ раздраженный отецъ запретилъ ему являться на глаза къ себѣ, и выгналъ изъ своего дома; но Вильгельмъ нашелъ защитницу въ нѣжной матери: — равно любя и супруга и добраго сына своего, она съ сердечнымъ прискорбіемъ видѣла раздоръ между особами равно ей драгоцѣнными: голосъ супруги и матери силенъ. Адмиралъ былъ вспыльчивъ, горячь, но добръ и любилъ Вильгельма со всею нѣжностію родительскаго сердца: онъ уступилъ убѣжденіямъ любимой супруги, простилъ сына, и только требовалъ, чтобы Вильгельмъ непремѣнно отправился путешествовать и прожилъ бы нѣкоторое время въ Парижѣ. Старикъ надѣялся, что удаленіе отъ сообщниковъ и веселости шумной Французской столицы успѣютъ болѣе, нежели всѣ убѣжденія и строгость родительская. Вильгельмъ согласился; мать съ своей стороны требовала, чтобы онъ во все

время отсутствія сообразжался съ обычаями страны, въ которой будетъ жить, и неотличался бы ни одеждою своей, ни разговоромъ. Пеннъ посовѣтовался съ друзьями касательно послѣдняго требованія, и они позволили ему небольшое отступленіе отъ правилъ, съ тѣмъ однакожъ чтобы онъ соблюлъ всѣ другія важнѣйшія установленія общества, какъ то: не клялся бы, и проч. Но Адмиралъ доволенъ былъ уже и тѣмъ, что сынъ его походилъ на прочихъ людей хотя наружностію, обыкновенными учтивостями и соблюденіемъ свѣтскихъ приличій: они разстались совершенно довольны другъ другомъ. Вильгельмъ поѣхалъ съ благословеніемъ отца, сопровождаемый нѣсколькими молодыми людьми самыхъ знатныхъ фамилій. Товарищи Пенна совсѣмъ недумали объ уставахъ друзей общества, и какъ Квакеры никогда и ни съ кѣмъ не спорятъ, то они скоро полюбили Пенна, не смотря на нѣкоторыя замѣченныя въ немъ странности.

Вильгельму было тогда девятнадцать лѣтъ. Онъ имѣлъ прекрасный, благородный видъ, былъ статной, мужественной юноша. Набожность не попрепятствовала ему съ успѣхомъ упражняться въ верховой ѣздѣ и въ прочихъ искусствахъ, образующихъ тѣлесную силу и проворство. Съ большимъ основательнымъ умомъ соединяя обширныя

познанія въ наукахъ, онъ былъ важенъ безъ педантизма и притомъ не совсѣмъ чуждался веселости; умѣлъ весьма приятно шутить, когда забава непереходила предѣловъ, имъ предположенныхъ. Подобно многимъ молодымъ людямъ Пеннъ былъ всегда любезенъ; но никто не могъ сравниться съ нимъ, когда разговоръ склонялся къ предметамъ нравственности: тогда, казалось, онъ наполнялся вдохновеніемъ — всѣ выраженія его дышали ентузіазмомъ и силою, привлекавшею къ нему сердца всѣхъ слушателей; тогда видъ его являлъ необыкновеннаго человѣка. Въ другое время ясный взоръ, простое, кроткое обхожденіе были отличительными чертами его характера. Словомъ, поступки Пенна привлекали вниманіе всякаго, прежде нежели онъ начиналъ говорить: тонъ, выраженіе голоса обольщали сердце, а основательность, твердость, откровенность его разговоровъ покоряли умы собесѣдниковъ и представляли Вильгельма отличнымъ человѣкомъ отъ прочихъ его сверстниковъ.

Пеннъ съ товарищами прибылъ въ Парижъ въ самую блистательную епоху царствованія Лудовика XIV: былъ заключенъ миръ; при Дворѣ давали великолѣпные праздники, гдѣ оказывалось все величіе, вся роскошь могущественнѣйшаго Монарха и великолѣпнѣйшаго изъ Дворовъ Европы. Молодые

Англичане представлены были Королю, приняты самымъ благосклоннымъ образомъ, и соотвѣтственно знатности рода приглашены на всѣ балы, спектакли, карусели и прочія увеселенія, безпрестанно продолжавшіяся попеременно въ Версаліи и Парижѣ. Слѣдуя строгимъ своимъ правиламъ, Пеннъ охотно бы желалъ быть уволенъ отъ всѣхъ забавъ и увеселеній; но не могъ сдѣлать того, не нарушая благопристойности, и потому рѣшился бывать на нихъ просто хладнокровнымъ зрителемъ. Изъ числа молодыхъ его товарищей всѣхъ болѣе отличался Графъ Дорсетъ. Будучи нѣсколькими годами старѣе Вильгельма, онъ съ большимъ остроуміемъ соединялъ еще обольстительную способность принимать на себя всѣ виды, какіе только ему хотѣлось, и могъ казаться совсѣмъ не такимъ, каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ: съ удивительной гибкостью перемѣнялъ наружность, осанку, обхожденіе, тонъ разговора, смотря по тому, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и все ето съ такимъ искусствомъ, съ такою тонкостью, что всякой почиталъ его любезнымъ, прямодушнымъ человѣкомъ, всякой охотно удостоивалъ его полною довѣренностью. Адмиралъ, жившій долго въ большомъ свѣтѣ и при Дворѣ, догадывался, что молодый Дорсетъ не таковъ, какимъ онъ себя показывалъ; но предполагая, что хитрость не есть еще знакъ испорченнаго сердца,

просилъ его руководствовать Вильгельма во Франціи и заклиналъ употребить всѣ возможные способы для отвлеченія молодаго ентузіаста отъ того пути, на которой пламенная ревность къ сектѣ привела его. Не будучи вольнодумцемъ, Адмиралъ не могъ однакожъ безъ прискорбія видѣть, что любимый сынъ слѣдуетъ какой-то новой ереси, что вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ всѣхъ почестей, какія обѣщаютъ ему знатный родъ и личныя достоинства. Дорсетъ обѣщалъ сдѣлать все, что ему будетъ возможно для обращенія Вильгельма, и даже подавалъ Адмиралу слабую надежду, къ чему собственные расчеты сильно побуждали лицемѣра: онъ былъ влюбленъ въ Маргариту, младшую сестру Вильгельма, и несмотря, что рука красавицы была назначена Сиру Антонію Лаутеру, сыну искренняго друга Адмиралова, Дорсетъ всего надѣялся отъ благодарности родительской, когда успѣетъ представить къ нему Вильгельма освобожденнымъ отъ всѣхъ странностей...

Прежде всего Дорсетъ старался приобрѣсть довѣренность и любовь Вильгельма, представляя себя большимъ почитателемъ Квакеровъ и показывая великое желаніе знать всѣ подробности ихъ благочестиваго ученія, и Вильгельмъ со всею искренностію доброй души, со всѣмъ ентузіазмомъ обья-

снялъ ему главныя правила своей секты. Дорсетъ слушалъ со вниманіемъ, казался убѣжденнымъ въ истинѣ словъ его; потомъ, подъ предлогомъ изъясненія, осмѣлился противорѣчить въ нѣкоторыхъ статьяхъ и сомнѣваться во многихъ самыхъ важныхъ предположеніяхъ новой секты. Но Вильгельмъ, оживленный вдохновеніемъ набожности, опровергалъ всѣ противорѣчія — и Дорсетъ принужденъ былъ замолчать, не понимая, что еще оставалось ему дѣлать съ защитникомъ Квакеровъ.

Онъ увидѣлъ, что весь его умъ, всѣ доказательства, которыя казались ему весьма сильными, немогли поколебать вѣры юнаго ентузіаста — увидѣлъ, и рѣшился начать другой опытъ, то есть: обольстить Пенна чувственными удовольствіями, приманками роскоши и сладострастіемъ. Но это не легко было сдѣлать! Вильгельмъ твердо помнилъ свои правила и мужественно сопротивлялся всѣмъ искушеніямъ, которыя угрожали его нравственности; понимая, какъ опасно для юноши обольщеніе чувствъ, понимая, что ни умъ, ни правила не могутъ спасти его отъ гибели, — онъ рѣшительно убѣгалъ всѣхъ, даже малѣйшихъ случаевъ, гдѣ угрожали ему соблазны міра или искушенія; не ходилъ въ спектакли, отказывался отъ шумныхъ бесѣдъ,

отъ ужиновъ, которыя товарищи его давали актерамъ и актрисамъ, и безъ гнѣва, но съ твердостію выговаривалъ имъ за всѣ ихъ неблагопристойныя шалости и поступки, не уважая ни насмѣшекъ, ни шутокъ, которыми они старались мудрость его сдѣлать въ собственныхъ его глазахъ странною. Только одного не могъ избѣгнуть юный философъ: ему надобно было являться ко Двору. Тамъ, при видѣ красавицъ, убранныхъ со всею затѣйливостью моды и роскоши, бѣдный юноша ощущалъ сильное біеніе сердца; какое-то невольное, дотолѣ неизвѣстное чувство развивалось въ его сердцѣ. Кто не знаетъ, въ какой силѣ было тогда кокетство при Дворѣ Людовика XIV? Ужасъ обнималъ Пенна, когда помышлялъ онъ, какъ часто представляется ему усыпанный цвѣтами путь чувственныхъ наслажденій. Онъ подкрѣплялъ себя правилами Квакеровъ, которые при соблюденіи чистой Евангельской нравственности имѣютъ такое отвращеніе отъ самыхъ слабыхъ покушеній, противныхъ цѣломудрію, что одна мысль о подобномъ проступкѣ казалась Вильгельму грѣхомъ смертельнымъ, незагладимымъ. Тщетно прелестные глаза Маркизъ, Графинь, знаменитыхъ красавицъ, говорили краснорѣчивыми взорами о чувствахъ, которыя производилъ въ сердцахъ ихъ *безподобный* Англичанинъ (такъ назвалъ его

самъ Лудовикъ XIV): Вильгельмъ былъ равнодушенъ; за то всѣ плѣнялись Вильгельмомъ. Король, пораженный благороднымъ, вмѣстѣ скромнымъ его видомъ и какою-то *оригинальностью* въ поступкахъ, отличилъ Пенна отъ всѣхъ иностранцевъ, представленныхъ ко Двору, а юная Королева Марія-Терезія принимала его всегда съ особенною ласковостью. Сначала многія красавицы считали Вильгельма своимъ невольникомъ — и всѣ обманулись, такъ что вмѣсто *безподобнаго* Вильгельма скоро стали называть *нечувствительнымъ* Британцемъ. . . Но Вильгельмъ не заслуживалъ сего названія. . . Рѣшительная минута приближилась — и всѣ строгія правила уступили сердце его новому, неизъяснимому чувству, которое непримѣтно вкралось въ душу юнаго Квакера.

Маркиза д' Ал*** была придворною дамою и любимицею Королевы. Франциска (имя молодой красавицы), оставшись малолѣтною отъ своихъ родителей, находилась подъ опекою дяди съ матерней стороны, Графа Б***, человѣка суроваго и высокомѣрнаго. Онъ воспиталъ племянницу, по тогдашнему обычаю, въ монастырѣ, и на семнадцатомъ году выдалъ ее за стариннаго друга своего, Маркиза д' Ал***. Етотъ Маркизъ, Испанской вельможа, пріѣхавши

въ Парижъ въ свитѣ Инфанты Маріи Терезіи, нашелъ тамъ Графа Б***; вспомнивъ прежнее знакомство, старики возобновили связи свои, и скоро сдѣлались друзьями, ибо характеры ихъ были чрезвычайно сходны. Маркизъ изъявилъ Графу желаніе поселиться во Франціи, а Графъ, радуясь случаю одолжить друга, предложилъ ему въ супружество свою племянницу. Испанецъ, разспросивши о наслѣдствѣ, согласился на бракъ, хотя еще и невидалъ своей невѣсты. Онъ сообщилъ свои намѣренія Королевѣ, которая также на все согласилась, и обѣщала Францискѣ знатное мѣсто при Дворѣ. Такимъ образомъ, не спрашивая невѣсты, не давая даже ей знать, дѣло было кончено. Дядя пріѣхалъ въ монастырь, гдѣ жила Франциска, и представилъ ей Маркиза какъ будущаго ея супруга. Бѣдная привыкла бояться дяди; будучи отъ природы робка, застѣнчива, не имѣя никакого понятія о свѣтѣ, незанятая никакимъ другимъ предметомъ, она молчаніемъ изъявила согласіе свое отдать руку человѣку вовсе ей неизвѣстному, который по лѣтамъ могъ бы быть ей отцомъ, а суровыми взглядами, гордымъ, холоднымъ обхожденіемъ обѣщалъ слишкомъ мало благополучія будущей своей супругѣ.

Черезъ нѣсколько дней отпразднована свадьба съ великою пышностію; Маркизъ

спѣшилъ дѣломъ, ибо за нѣсколько дней получилъ отъ Короля своего депеши и долженъ былъ немедленно отправиться въ Мадритъ: ему хотѣлось до отъѣзда получить руку молодой и богатой наслѣдницы. Графъ Б*** такъ обрадовался етому союзу, что, будучи бездѣтенъ, обѣщалъ все свое имѣніе укрѣпить за Францискою. Разумѣется, такое обѣщаніе разсердило всѣхъ родственниковъ, ожидавшихъ съ довольною нетерпѣливостію смерти стараго Графа. Болѣе всѣхъ негодовала Виконтесса Р***, молодая женщина, великая кокетка, безразсудная, вѣтренная и при случаѣ довольно мстительная, но умѣвшая скрывать свои пороки и ласкавшая стараго Графа, котораго называла дядею. Оставшись вдовою послѣ перваго брака, она конечно не оскорбилась бы, еслибъ Маркизъ предложилъ ей свою руку: одно названіе Испанскаго Гранда уже льстило ея суетности; прибавьте, что Маркизъ былъ весьма уважаемъ молодою Королевой и слѣдственно могъ супругѣ своей доставить знатное при Дворѣ мѣсто. Каково же было видѣть всѣ свои надежды разрушенными — и кѣмъ? . . молодою, семнадцати-лѣтнею дѣвушкой! . . Виконтесса поклялась вѣчною ненавистью къ Францискѣ и положила изыскивать всѣ средства отмстить за несносное себѣ оскорбленіе. Прикрывши злобу личиною родственной дружбы,

она такъ умѣла обласкать гордаго Испанца, что приобрѣла его довѣренность, и потомъ охотно согласилась на его прозьбу наблюдать за всѣми поступками молодой Маркизы во время его отсутствія, быть всегда съ нею и руководствовать ее при вступленіи въ свѣтъ. Маркизъ долженъ былъ разстаться съ супругою, ибо не имѣлъ въ Мадритѣ дома, приличнаго званію своему и богатству; притомъ онъ полагалъ, что пребываніе его въ Испаніи не будетъ продолжительнымъ. Сначала ему желалось, чтобы Франциска все ето время прожила въ монастырѣ, и самыя предложенія Виконтессы неубѣдили бы его перемѣнить свое намѣреніе: ибо, хотя онъ былъ въ ней весьма увѣренъ; но все таки ему казалось, что добрая родственница очень молода и *немного разсѣяна*, а потому и немогла быть совершенною наставницей семнадцатилѣтней женщины; но онъ долженъ былъ согласиться, когда другая покровительница, гораздо сильнѣйшая, начала просить его о томъ же: ето была сама Королева. Она полюбила Франциску съ перваго раза, когда Маркизъ представилъ ее ко Двору, и просила оставить супругу его при ней до возвращенія своего изъ Испаніи. „Я буду матерью милой моей Франциськѣ“ — сказала Королева улыбаясь. Марія - Терезія была немного старше особы, которую называла своею дочерью; но ея высокій

санъ и добродѣтель служили достаточными причинами къ убѣжденію Маркиза. Онъ не былъ влюбленъ въ свою супругу, и считалъ ее ребенкомъ; но, какъ Испанецъ, могъ ли быть довѣрчивъ? Гордый, завистливый старикъ думалъ, что особа, удостоенная великой чести носить его имя, не должна даже глядѣть на другаго мущину. Онъ осмѣлился просить особенно Королеву наблюдать какъ можно строже за сокровищемъ, которое только *ей одной* могъ ввѣрить безъ опасенія, а Виконтессу заставилъ поклясться въ томъ, что она будетъ бдительною надзирательницею и тотчасъ увѣдомитъ его, если замѣтитъ, что поведеніе Франциски не соотвѣтствуетъ знаменитому имени Маркиза д'Ал***. Черезъ два дня послѣ разговора съ Королевою онъ уѣхалъ, и молодая Маркиза явилась при Дворѣ. Своимъ тихимъ характеромъ, благочестіемъ, скромностью Франциска пріобрѣла полную довѣренность Королевы, также добродѣтельной и давно желавшей имѣть добрую подругу. Франциска была весьма любезная женщина: ее не льзя было назвать совершенною красавицей; прелести ея не поражали съ перваго взгляда, но, такъ сказать, по немногу плѣняли. . . И могло ли доброе, невинное сердце Вильгельма не плѣниться ею? Трогательная невинность, скромность придавали ей въ глазахъ моло-

даго человѣка новыя прелести. Тонкой станъ, приятность во всѣхъ поступкахъ, бѣлизна лица, слегка оттѣненная розовымъ румянцемъ, напоминали ему прелестныхъ дѣвушекъ любезнаго отечества. Большіе голубые глаза, украшенные длинными черными рѣсницами, благородство и скромность взора, плѣнительная улыбка представляли разительную противуположность съ прочими дамами Двора Версальскаго.

Съ перваго взгляда на Франциску Вильгельмъ почувствовалъ опасность своего положенія; ужаснулся и рѣшился какъ можно избѣгать присутствія красавицы. Рѣшился, но исполнилъ ли? — Нѣтъ! непреодолимая сила влекла его въ тѣ мѣста, гдѣ могъ съ нею встрѣтиться, да и въ то время, когда онъ удалялся отъ Двора, образъ прелестной Франциски преслѣдовалъ его вездѣ, и опасность еще болѣе увеличивалась. Тутъ Пеннъ старался увѣрить самъ себя, что гораздо будетъ лучше видѣться чаще съ предметомъ страсти своей, нежели отъ него укрываться. „Безъ нее" говорилъ онъ самъ себѣ „я дѣлаюсь невольникомъ воображенія; прелести Франциски представляются мнѣ въ такомъ очаровательномъ видѣ, что никакая мудрость не истребитъ любви моей; но при взглядѣ на милое лице ея, въ то время, какъ скромный взоръ показываетъ

всю чистоту ея души, чувства мои успокоиваются — я возвышаюсь духомъ: такова должна быть добродѣтель въ видимомъ образѣ; таковъ долженъ быть взоръ самой невинности. . . Ахъ! для чего немогу просвѣтить душу ея свѣтомъ новаго ученія, которое озаряетъ мою душу! Кто достойнѣе Франциски быть участницею въ благочестивомъ *обществѣ друзей?*"

Но если бы Пеннъ и въ самомъ дѣлѣ старался удалиться отъ Франциски, столь пламенно имъ любимой; то всего труднѣе было бы ему успѣть въ своемъ намѣреніи: ибо молодая Королева, обоихъ любя равно, почитала величайшимъ удовольствіемъ сблизить свою *воспитанницу* (такъ называла она Франциску) съ *мудрымъ Англичаниномъ.* Будучи неопытна, она еще незнала ужаснаго владычества страстей; не думала, что подобное сближеніе можетъ быть пагубнымъ для юныхъ сердецъ, и совершенно полагалась на ихъ благоразуміе. Въ самомъ дѣлѣ Пеннъ заслуживалъ такую довѣренность: его поведеніе, поступки, разговоры — все подтверждало общую молву о строгой его добродѣтели. Франциска въ первый разъ при Дворѣ услышала непомѣрныя ласкательства, напыщенныя изъявленія чувствъ сердца: это казалось ей страннымъ и даже неблагопристойнымъ; она думала, что

боготворить женщину, обожать ее, уподоблять Ангелу небесному, противно христіанской вѣрѣ. — Никогда не слыхала она, чтобы Пеннъ говорилъ кому нибудь такія *непристойности* — и съ удовольствіемъ услышала отъ самаго Вильгельма, что и онъ съ нею въ етомъ согласенъ... Ахъ! они скоро примѣтили, что чувства ихъ *во многомъ* согласны; казалось, каждый разговоръ болѣе и болѣе воспламенялъ ихъ души. — Франциска, только что вышедшая изъ монастыря, совсѣмъ не знала свѣтскихъ тонкостей; а Вильгельмъ приходилъ въ восторгъ, слыша, что слова, изъявляющія истинное христіанское благочестіе, были произносимы юною, прелестною женщиной — и не могъ противиться влеченію сердца. Сначала онъ позволялъ было себѣ свободно предаваться новому чувству, ибо Королева въ шутку сказала ему, что Франциска была вдова, оставшаяся послѣ стараго мужа: смотря на молодость, на великолѣпный уборъ, трудно было етому повѣрить; но Вильгельмъ никогда не лгалъ, даже и въ шутку, а потому думалъ, что и Королева говорила ему истину. Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ свое заблужденіе, испугался любви своей — но уже было поздно: онъ не умѣлъ разлюбить; по крайней мѣрѣ сдѣлался робокъ, остороженъ, убѣгалъ случаевъ говорить съ милою Фран-

циской. Она не смѣла начинать; но когда видѣла Вильгельма, съ почтительностію вдали стоявшаго, какъ часто взоры ея изъявляли желаніе, чтобы онъ приближился къ ней и подалъ случай къ разговору! . . Ахъ! какъ трудно было доброму Вильгельму противиться неизъяснимому очарованію ея взоровъ! съ какимъ усердіемъ во глубинѣ души своей молилъ онъ Бога подать ему новыя силы къ перенесенію тяжкаго испытанія! какъ ревностно приводилъ себѣ на память мудрые совѣты любезныхъ своихъ наставниковъ, благочестиваго Георгія Фокса, добраго Томаса Лое! . . . Часто вспоминалъ онъ о супругѣ Франциски, о правахъ его — но могъ ли вмѣстѣ и непозавидовать етому человѣку? Съ ужасомъ ощущалъ онъ въ душѣ своей ненависть къ нему — и ето чувство казалось ему и самой любви ужаснѣе. — „Онъ счастливый супругъ Франциски!" говорилъ Вильгельмъ самъ себѣ; „Богъ наградилъ его въ здѣшней жизни, а онъ оставилъ нѣжную подругу посреди роскошнаго Двора, гдѣ сердце ея находитъ защиту отъ соблазновъ только въ своей чистотѣ и невинности; но кто поручится" ... И тогда-то всего труднѣе для него было изглаживать впечатлѣніе, произведенное въ сердцѣ выразительными взорами Франциски. Онъ не могъ глядѣть на нее, потуплялъ глаза — все тщетно; сердце его было растерзано. . . Такое сра-

женіе чувствъ, одно другому противныхъ, такая мучительная борьба сдѣлала Вильгельма мрачнымъ, задумчивымъ. Онъ скрывалъ тайну отъ своихъ товарищей: только одинъ Дорсетъ имѣлъ его довѣренность; но Вильгельмъ не смѣлъ ему открыть ничего, думая, что отъ признанія можетъ еще болѣе увеличиться страсть его. — Дорсетъ, бывъ довольно опытенъ, почти угадывалъ тайну своего земляка и товарища: Вильгельмъ, прежде веселый, спокойный, вдругъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ — ето было признакомъ любви для наблюдателя, и скоро все дѣло объяснилось. Добродушный Вильгельмъ слишкомъ часто говорилъ о любезной своей Франциской; его замѣшательство въ присутствіи сей милой женщины было примѣтно. . . Дорсетъ желалъ не того: ему было бы пріятнѣе, еслибъ предметомъ страсти Вильгельма сдѣлалась какая нибудь кокетка; тогда съ помощію любви Дорсетъ успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи; ибо Вильгельмъ былъ на послѣдней степени страсти, гдѣ одно мгновеніе можетъ обольстить, унизить, погубить навѣки. — Чего же немогъ бы сдѣлать хитрый товарищъ съ помощію всѣхъ тонкостей кокетства: нуженъ первый шагъ — а послѣ того Дорсетъ надѣялся быть полнымъ распорядителемъ воли Вильгельмовой, слѣдствен-

но *благодѣтелемъ* его семейства, и — могъ всего ожидать отъ Адмирала.

Долго думавши, онъ обратилъ вниманіе свое на поступки Франциски; увидѣлъ, что она не умѣла скрывать любви своей, но по скромности и благоразумію удалялась отъ Вильгельма, даже старалась неговорить съ нимъ. — Но она любитъ Вильгельма, — такъ разсуждалъ Дорсетъ самъ съ собою — любитъ пламенно; чего не сдѣлаетъ любовь изъ семнадцати-лѣтней женщины, въ первый разъ узнавшей опасную страсть сію? — И онъ рѣшился изъ самой неопытности нашихъ любовниковъ извлечь средства для погибели ихъ, — рѣшился усилить страсть Франциски, сблизить съ нею Вильгельма. Вѣрнѣйшимъ средствомъ казалось ему возбудить ревность: онъ постарался увѣрить извѣстную вѣтренницу, Виконтессу Р***, что молодый *ентузіастъ*, *мудрый Британецъ*, влюбленъ въ нее, и что одна только робость, застѣнчивость, неопытность его останавливаютъ. Етаго было довольно для Виконтессы — но какая досада!... Британецъ холоденъ, равнодушенъ — и черезъ нѣсколько дней объявлено было Дорсету, что двадцатилѣтній *пророкъ* его не стоитъ труда, не заслуживаетъ никакого вниманія, и что онъ *странный человѣкъ и чудакъ*... Дорсетъ очень

досадовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ Вильгельмъ, увидѣвъ покушенія Виконтессы, почувствовалъ только лишь отвращеніе отъ етой вѣтреной женщины (душа его была превыше непозволенныхъ связей): онъ сердился, что Франциска даже не примѣчала, какія дѣла вокругъ нее происходятъ. — Тутъ хитрой Дорсетъ началъ искать средствъ сближиться съ Францискою, притворился добрымъ, благочестивымъ и скоро нашелъ предметъ для всегдашняго разговора: нетрудно было возбудить вниманіе Маркизы, говоря о Вильгельмѣ — етотъ разговоръ имѣлъ для нее прелесть неизъяснимую. . . . Новая странность! Вильгельмъ началъ завидовать, началъ ревновать: ему показалось, что Дорсетъ влюбленъ; онъ правда надѣялся на добродѣтель Франциски, но видѣлъ, что она охотно, съ улыбкою слушаетъ ласкателя. Почитая Дорсета недостойнымъ вниманія Франциски, онъ незналъ, чему приписать; что Франциска, по видимому, не отвергаетъ ласкательствъ Дорсета, находитъ удовольствіе въ разговорахъ съ нимъ, даже часто краснѣетъ, потупляетъ глаза и кажется смущенною, когда, говоря съ Дорсетомъ, встрѣчаетъ взоръ Вильгельма. Бѣдный молодой человѣкъ! онъ не зналъ, что единственно разговорами о Вильгельмѣ хитрый Дорсетъ могъ привлекать вниманіе Франциски: Дорсетъ сказалъ уже ей о стра-

сти юнаго своего друга (такъ называлъ онъ Пенна); открылъ ей ревность, съ какою прилѣпился Вильгельмъ къ новой сектѣ законоучителей, какую печаль нанесъ тѣмъ всему своему семейству; какъ огорчилъ добраго отца своего; онъ старался изобразить яркими красками, какъ полезно возвратить заблудившагося на путь истинный, обратить добраго человѣка, примирить его съ Богомъ и совѣстію; наконецъ сказалъ даже и то, что она одна можетъ учинить столь благое дѣло, если только захочетъ рѣшиться. — „Вы не подвергнетесь никакой опасности;" прибавилъ коварный: „онъ васъ обожаетъ! Заклинаю васъ, какъ истинный другъ Вильгельма: употребите власть вашу надъ его сердцемъ; заставьте его утѣшить добраго родителя и отказаться отъ ненавистной секты, которую отвергаютъ законы нашего правительства... Будьте его другомъ, его Ангеломъ хранителемъ: одно ваше слово побѣдитъ упрямство Вильгельма, и разсѣетъ ложныя правила, ему внушенныя." — Франциска долго думала, и не знала, что отвѣчать. — Нѣтъ! сказала она: положимъ, вы говорите правду; но могу ли подумать, чтобы правила, принятыя добродѣтельнымъ другомъ вашимъ, были предосудительны? Могу ли рѣшиться препятствовать благочестивымъ занятіямъ, которыя такъ возвышаютъ душу его передъ

всѣми другими? Не только не желаю отвлекать его отъ добрыхъ наставниковъ; но сама хотѣла бы мыслить такъ, какъ мыслитъ Вильгельмъ, хотѣла бы узнать ученіе, сдѣлавшее его такимъ мудрымъ, такимъ добрымъ. . . . Всякое противное покушеніе почитаю виновнымъ, и вѣрьте мнѣ, Милордъ, если родитель его точно таковъ, какимъ вы мнѣ его описали; онъ счастливъ, имѣя столь добродѣтельнаго сына! —

Ахъ! если бы Вильгельмъ слышалъ трогательный отвѣтъ добродѣтельной Франциски! . . Но кто знаетъ, не было ли бы это самымъ опаснымъ преткновеніемъ для Вильгельма? — Всегда, всегда пріятнѣйшею мечтою его было открыть Франциск҃ѣ всѣ правила новаго ученія, присоединить добродѣтельную къ числу благочестивыхъ собратій. Чѣмъ не пожертвовалъ бы Пеннъ, узнавши желаніе Франциски? Онъ постарался бы видать ее одну, говорить съ нею безъ свидѣтелей; — ихъ души и безъ того уже пылали; — а кто поручится за двадцатилѣтняго юношу въ такомъ опасномъ положеніи? Между тѣмъ Вильгельмъ начиналъ догадываться, что̀ могло растрогивать Франциску при разговорѣ съ Дорсетомъ: часто, во время такихъ разговоровъ, глаза Франциски съ нѣжностію, съ какимъ-то благоговѣніемъ обращались къ Вильгельму. . . Радостное, ужасное откры-

тіе! Вильгельмъ не въ силахъ былъ удерживать волненія различныхъ страстей, готовъ былъ измѣнить себѣ. „Существо небесное!“ восклицалъ онъ наединѣ самъ съ собою: „твое ли спокойствіе разрушу я? тобою ли пожертвую? Но, ахъ! я не въ силахъ противиться очарованію.“ И мысль блеснула въ душѣ его: *удалиться*! Пеннъ содрогается, размышляетъ; нерѣшительный, смущенный, не знаетъ, что дѣлать; но душа его благородна, велика — и Пеннъ торжествуетъ! — Онъ рѣшился оставить Парижъ. Прощаясь при отъѣздѣ своемъ изъ Лондона съ Томасомъ Лое, Пеннъ обѣщалъ ему посѣтить въ Сомюрѣ извѣстнаго Протестантскаго проповѣдника, ученаго Моисея Амиро, человѣка примѣрно благочестивой жизни. Теперь вознамѣрился онъ исполнить свое обѣщаніе, послушать наставленій добродѣтельнаго старца, и тамъ въ уединеніи потушить гибельную страсть свою. Объявилъ удивленнымъ товарищамъ о скоромъ отъѣздѣ своемъ изъ Парижа. Благопристойность требовала еще разъ явиться ко Двору, поблагодарить Короля и Королеву за всѣ оказанныя милости; — къ чему скрывать слабость добродѣтельнаго? — еще разъ желалъ онъ увидѣть Франциску, и можетъ быть сказать ей: *прости навсегда*! Въ тотъ же вечеръ явился онъ къ Королевѣ, и нашелъ ее

окруженною многими придворными: одно Франциски не было. „Ахъ, кстати, любезный мой мудрецъ!“ сказала Королева: „раздѣлите со мною мое горе! Милая *воспитанница* сего дня по утру разсталась со мною, и не знаю, скоро ли ее увижу.“ Потомъ, не примѣчая смущенія Вильгельма, Королева разсказала ему, что дядя Франциски, Графъ Б***, впалъ въ болѣзнь весьма опасную, и что просилъ племянницу пріѣхать къ нему какъ можно скорѣе въ его помѣстье Бреваннъ; онъ желаетъ проститься съ нею. „Бѣдная Маркиза огорчена до чрезвычайности,“ прибавила Королева „и я думаю, что мы долго съ нею не увидимся.“ Вильгельмъ вздыхалъ, хотѣлъ говорить, но немогъ; онъ рѣшился отложить свой отъѣздъ, чувствуя, что злые люди растолкуютъ въ худую сторону, если выѣдетъ изъ Парижа въ одно время съ Маркизою. Пеннъ остался: грусть и мрачная пустота, какую вездѣ находилъ онъ безъ милой своей Франциски, доказали ему сильную страсть, которую старался побѣждать съ такимъ великодушнымъ усиліемъ. Все казалось ему не пріятнымъ; нигдѣ не находилъ онъ потеряннаго спокойствія; прогулка по окрестностямъ Парижа была единственнымъ его удовольствіемъ: тамъ, посреди великолѣпныхъ зрѣлищъ, какія Природа и искусство повсюду

редставляли, онъ обращалъ мысль свою ъ Творцу міра, стараясь благочестивыми азмышленіями изгнать изъ сердца своего страсть виновную. Если, предавшись влеченію сердца, отступилъ онъ отъ строгихъ правилъ своей секты; по крайней мѣрѣ во всемъ другомъ свято исполнялъ свои обязанности. Благотворительность, любезная всякому добродѣтельному человѣку, есть одна изъ самыхъ важнѣйшихъ принадлежностей Квакера, и Вильгельмъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ могъ удовлетворить сему благородному чувству.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Тебѣ.

Multis ille bonis flebilis occidit:
Nulli flebilior, quam tibi. . .

Horat.

Съ тобоюль ненайти Поэту вдохновенья?
Емуль тебѣ похвалъ на лирѣ не брящать?
Какой чувствительный предметъ для пѣснопѣнья! —
Супруга падшаго Героя, нѣжна мать!
Какъ рано грусть чело твое приосѣнила!

Какъ рано надъ тобой покровъ ея нависъ!
Неумолимая вѣкъ счастья прекратила, —
И съ розою сплелся печальный кипарисъ!
И пламенна душа твоя осиротѣла,
И жизни молодой разсѣялись мечты!
Едва ты счастію повѣрить лишь хотѣла —
И счастья твоего поблекнули цвѣты!
Тоской подернулись любови полны очи,
Унынія печать явилась на челѣ;
Объ *немъ* мечтаешь ты и днемъ и въ долги
ночи —
И любитъ мысль твоя прошедшаго во мглѣ
Съ отрадою на тѣхъ часахъ останавляться,
Когда твой юный другъ съ тобой въ семъ
мірѣ былъ —
И вздохъ взволнуетъ грудь, и слезы застру-
ятся. . .
Увы! онъ въ лучшій край отселѣ воспарилъ!
О, сколь завидная была его судьбина!
Онъ палъ за родину въ поляхъ Бородина.

Тебя ли вижу я? — О нѣжная картина!
Съ младенцемъ объ-руку, въ мечту погружена,
Ты бродишь по полямъ, сномъ смерти отяг-
ченнымъ;
Ты видишь предъ собой могильныхъ рядъ хол-
мовъ;
Съ поникшею главой, со взоромъ огорченнымъ
Супруга своего ты ищешь тамъ слѣдовъ. . .

смерть слѣдовъ его тебѣ не сохранила! —
о не грусти о томъ; его безсмертенъ прахъ:
оля *Бородина* — обширная могила;
то въ ней почилъ, тотъ живъ въ предбуду-
щихъ вѣкахъ!
акъ, благодарная Россія не забудетъ
славномъ подвигѣ супруга твоего —
воинъ молодой воспламеняться будетъ
юбовью къ родинѣ кончиною его.
храма, создана любовью огорченной
а бранномъ поприщѣ, Сатурнъ не сокру-
шитъ;
славныхъ Россіянъ потомокъ отдаленный,
ошедъ въ святилище, взоръ жадный устре-
митъ
а надпись скромную, начертанну тобою:
)нъ чувства въ ней твои священныя про-
чтетъ —
I долу преклонясь, горячею слезою
резъ нѣсколько вѣковъ тебя воспомянетъ!

Но сколько сихъ полей видъ грозный из-
мѣнился!
[авно ли видѣлъ я, когда со всѣхъ сторонъ
Isъ смертоносныхъ жерлъ здѣсь огнь и дымъ
стремился —
I ужасъ разносилъ далеко вопль и стонъ...
Теперь сіи луга усѣяны стадами;
Свирѣли тихій звукъ я слышу за горой —

И падшихъ воиновъ надъ скромными холмами
Колосья тучные волнуются рѣкой. . .

Не сель лица земли картина измѣнены!
Не сель обильнѣйшіи для нашихъ душъ предметъ?
Шумящій океанъ ужаснаго Забвенья
Народовъ и Державъ навѣки смоетъ слѣдъ –
Но памяти его, защитника отчизны,
Не можетъ поразить и времени коса:
Онъ свергъ уже съ себя одежду тлѣнной жизни –
Его отечество не міръ сей — небеса!

Норовъ.

Шварценбекъ.
1820 Іюля 6.

Ерминіи, въ день рожденія.

Забудь тоску, мой другъ, въ день своего рожденья
И будь, сколь можно, весела! —
Пусть къ радостямъ тебя судьба не создала;
Въ замѣну счастія она тебѣ дала:
Даръ дружбы, даръ любви и рѣдкій даръ – *терпѣнья!* —

Не плачь! — немногимъ данъ прекрасный жре-
бій сей:
Собою жертвовать для счастія друзей,
И быть имъ — ангеломъ спасенья!
1819. — С.

Мих. Дмитріевъ.

I. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Краткое Историческое начертаніе Московскаго Общества Сельскаго хозяйства.

Земледѣліе есть единое твердое основаніе народнаго богатства и источникъ нравственнаго и политическаго счастія государствъ.

Наука земледѣлія можетъ быть предметомъ занятій полезныхъ и упражненіемъ пріятнымъ; но достоинство ея опредѣляется только выгодою, употребленіемъ ея приносимою. Чувство признательности заставляетъ насъ благодарить того, кто трудами своими умножаетъ средства прокормленія и удовольствія. Предупредить бѣдствія голода, уменьшить страданія нищеты,

удовлетворить нуждамъ пропитанія, умножить способы, сохраняющіе здоровье и служащіе къ утѣшенію жизни, особливо же содѣйствовать къ облегченію трудовъ и распространенію круга счастія людей, обремененныхъ самой тягостною работою, и по состоянію своему неимѣющихъ способовъ къ просвѣщенію, — несомнѣнно есть самая высшая степень любви къ отечеству, и добродѣтели.

Сколько ни выгодна торговля, переносящая произведенія земли и промышленности изъ краевъ отдаленныхъ; сколько ни доставляетъ пользы и самая промышленность, удовлетворяющая нашимъ прихотямъ и умножающая наши удовольствія; сколь ни способствуютъ къ изобилію и богатству народному ремесла и рукодѣлья, обрабатывающія произведенія земли для непосредственнаго употребленія; и какъ ни блистательно бываетъ состояніе богатыхъ, торговыхъ, или промышленныхъ городовъ и даже цѣлыхъ народовъ: но единая земля, при дѣятельномъ трудолюбіи гражданъ, останется навсегда истиннымъ и неизмѣннымъ источникомъ богатства народнаго. А потому государства, изобилующія землею, какую бы ни получали пользу отъ торговли и промышленности, конечно гораздо прочнѣйшее положатъ основаніе выгодамъ, когда предпочтительно устремятъ вниманіе свое

на поощреніе земледѣлія. Торговля внѣшняя, не едиными токмо произведеніями своей земли занимающаяся, сколь ни лестна при счастливыхъ успѣхахъ, но можетъ уничтожиться отъ внезапной перемѣны обстоятельствъ и поглотить съ собою самую цвѣтущую промышленность, разрушивъ невозвратимо знатные капиталы. Не однократно уже мы видѣли, что большія государства принуждены были оставить торговлю, бывшую до того единымъ основаніемъ ихъ богатства и доведенную до высшей степени совершенства. Примѣромъ сему служатъ многія Италіянскія области, Венеція, Генуа, Португаллія, Голландія, коихъ торговля перешла на другіе берега, гдѣ обстоятельства ей болѣе благоприятствовали. Но земля остается неподвижною, произведенія оной непремѣнно и всегда нужными, не завися ни отъ прихоти, ни отъ роскоши, ни отъ происшествій, изъ одного края въ другой переносящихъ преимущества торговли.

Въ самомъ законодательствѣ древнихъ народовъ и въ сочиненіяхъ отличныхъ писателей находимъ мы увѣрительное ихъ убѣжденіе въ томъ, что земледѣліе можетъ сдѣлаться источникомъ нравственнаго и политическаго благоденствія. Въ золотой вѣкъ царствованія Августа, въ сію блиста-

М 2

шельную епоху Римскаго величія, Горацій (*) похваляетъ сельскую жизнь въ трогательныхъ выраженіяхъ. По истинѣ единый умѣющій обработывать свой умъ и свое поле совершенно наслаждается жизнію. Современникъ его Виргилій (**), ощущая туже истину, говоритъ: Какимъ благополучіемъ наслаждается земледѣлецъ, умѣющій цѣнить свое состояніе! Кто любитъ поля, тотъ любитъ добродѣтель. Ни что не дѣлаетъ насъ болѣе благотворительными и способными ко всѣмъ добродѣтелямъ, служащимъ къ счастію человѣчества (***), какъ сельская жизнь и созерцаніе благой Природы, никогда насъ необманывающей. Часто она превосходитъ наши ожиданія наградою изобилія, умножая и зерно, нами ей врученное, покрывая деревья плодами, луга травою, и словомъ, даруя пищу для всего дышущаго. Видъ луга испещреннаго цвѣтами, по-

(*) *Horatii* Epodon. Ode II.
Beatus ille, qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omni foenore.

(**) *Virgilii* Georgicor. II, 457.
O fortunatos nimium, sua si bona norint,
Agricolas, quibus ipsa, procul discordibus armis,
Fundit humo facilem victum justissima tellus.

(*** *Ciceronis* oratio pro Roscio Amerino, cap. 27.
Vita rustica, parcimoniae, diligentiae magistra est.

ля, покрытаго волнующимися колосьями и обѣщающаго богатую жатву, смягчаетъ самое нечувствительное сердце. Сила растительная, заключенная въ злакѣ, пробивается сквозь твердыя препоны земли, дабы послужить на пользу человѣка: не научаетъ ли это насъ, съ какою цѣлію и мы должны преодолѣвать препятствія?

Природа, по видимому, безпрестанно украшается и улучшивается; счастливъ тотъ, кто вмѣстѣ съ нею умѣетъ становиться лучшимъ!

Всѣ народы чувствовали необходимость прилѣжать къ земледѣлію или по нуждѣ, или по особенному расположенію.

Уваженіе Египтянъ къ плодородію и воздѣлыванію земли, доведенное до того, что даже вся ихъ Миѳологія имѣла къ оному отношеніе, столько уже всѣмъ извѣстно, что излишне и упоминать о томъ. У древнихъ Грековъ земледѣліе, составлявшее одно изъ главнѣйшихъ занятій, было въ величайшемъ уваженіи. Они оберегали собственность каждаго гражданина, означая межи полей нарочно выставленными камнями; у нихъ были заведены разсадники для воспитанія различныхъ растѣній; они воздѣлывали виноградники, и скотоводство почитали главнымъ изъ источниковъ ихъ богатства. Потомство не сохранило ни одного Греческаго сочиненія о сельскомъ

хозяйствѣ въ собственности: Аристотель Никандръ, Оппіенъ, Өеофрастъ писали только о нѣкоторыхъ частяхъ онаго; но извѣстно болѣе 50 сочинителей, которые старались собирать правила земледѣлія, тогда существовавшія. Варронъ упоминаетъ объ ихъ именахъ и твореніяхъ.

Аѳинскіе законы запрещали убивать вола, влекущаго подъ ярмомъ свой плугъ по полю; ибо они представляли его товарищемъ и помощникомъ самаго земледѣльца (*). У Фригіянъ убившій вола, употребляемаго въ сохѣ, равно какъ и похитившій земледѣльческія орудія, наказывался смертію (**).

Но Римляне, кажется, преимущественно научаютъ насъ, какъ соединять пользу съ удовольствіемъ въ благодѣтельныхъ трудахъ земледѣлія. У нихъ оно почиталось искусствомъ, истинно достойнымъ свободнаго человѣка (***). Знатные граждане вмѣня-

(*) Aeliani var. hist. lib. 5, cap. XIV. *Βοῦν ἀρότου, καὶ ὑποζυγὸν πονύσαντα σὺν ἀρότρῳ ἢ καὶ σὺν τῇ ἀμάξῃ, μηδὲ τοῦτον θύειν ὅτι καὶ οὗτος εἴη ἂν γεωργὸς, καὶ τῶν ἐν ἀνθρώποις καμάτων κοινωνός.*

(**) Nicolai de gentium mor. hist. — Stobaei sermon. 42.

(***) Ciceronis offic. lib. 1.
Omnium rerum, ex quibus aliquid exquiritur, nihil est agricultura melius, nihil uberius, nihil dulcius, nihil homine libero dignius.

ли себѣ въ обязанность учиться сельскому хозяйству въ деревняхъ своихъ; полководцы, послѣ побѣдъ, находили отдохновеніе въ поляхъ, гдѣ безпрестанно возобновляющаяся Природа представляетъ всякой часъ новыя прелести. Въ послѣдствіи времени сдѣлалось даже предметомъ роскоши имѣть загородные домы неподалеку отъ Рима. Виргиліевы Георгики, написанные по порученію самаго Августа, болѣе всего заставляютъ восхищаться страстію Римлянъ къ земледѣлію. Наука, которой славнѣйшій Поетъ посвятилъ свои труды, должна конечно быть всѣми любима и уважаема въ общемъ мнѣніи. Впрочемъ и тѣ, кои не находили въ ней наслажденія, не могли не увлечься живописными изображеніями стихотворца, представившаго, сколь благородно сіе искусство. Слава сочиненія Виргилія была увѣковѣчена памятникомъ, на которомъ вырѣзали сію справедливую надпись:

Rediit cultus agris.

Наблюденія о земледѣліи сохранили для потомства Катонъ, Варронъ, Колумелла и Палладій (*), доставившіе намъ свѣдѣнія о познаніяхъ Римлянъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Наконецъ Плиній, счастливый испы-

(*) Scriptores rei rusticae veteres latini e recensione Jo. Math. Gessner. *Biponti* 1787. 4. Vol. 8.

татель Природы, много помѣстилъ полезнаго касательно сельскаго хозяйства, въ сочиненіи своемъ о Натуральной Исторіи. Излишнимъ было бы представлять теперь исторически постепенное усовершенствованіе сельскаго хозяйства; одинъ взглядъ на труды древнихъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ народовъ убѣждаетъ насъ въ живоощущаемой пользѣ сей науки.

Германія представляетъ намъ земледѣліе въ хорошемъ положеніи, и хотя еще тамъ не мыслятъ составить общей системы сельскаго хозяйства, но много сдѣлано частно, и учреждены полезныя заведенія, могущія исправить представляющіеся недостатки. Економическія Общества стараются приспособить открытія и замѣчанія другихъ государствъ въ почвѣ своей земли, а наблюденія, сдѣланныя Членами, издаютъ въ свѣтъ. Саксонское Королевское Економическое Общество, Вѣнское и нѣкоторыя другія, ежегодно представляютъ публикѣ свои замѣчанія; многіе изъ частныхъ людей сочиненіями своими умножили познанія сельскаго хозяйства; наконецъ имена Тера, Фелленберга, Шребера, Медикуса, Шмальца и проч. столько же знамениты во всей Европѣ, какъ и въ ихъ отечествѣ.

Франція давно уже доказала, что она уважаетъ науку земледѣлія. Во всѣхъ цен-

тральныхъ школахъ установлены каѳедры для науки сельскаго хозяйства, составлены Общества, и многіе изъ писателей по сей части прославились своими наблюденіями, достойными уваженія. Кто не знаетъ Квесне, Розьера, Дюгамеля дю Монсо, Парментьера, Цельса, Гюзарда и проч.

Англія, блистающая обширною своею торговлею, преимущественно предъ другими народами ощутила необходимость цвѣтущаго состоянія сельскаго хозяйства. Наука сія, можно сказать, доведена въ оной до совершенства, потому что теорія идетъ вмѣстѣ съ практикою, и всякое полезное новое открытіе тотчасъ производится въ дѣйство. Тамъ существуютъ Общества земледѣлія, садоводства, и представляютъ намъ безчисленное множество замѣчаній и открытій, достойныхъ подражанія. Тамъ ничто не пренебрегается для распространенія и улучшенія сей науки, и даже славный Сиръ Гумфри-Дави преподавалъ, при Комитетѣ Хлѣбопашества, курсъ Земледѣльческой Химіи, недавно имъ изданный (*). Впрочемъ не только Общества, но и самые частные земледѣльцы ежегодно сообщаютъ публикѣ весьма полезные опыты и откры-

(*) Elémens de Chimie agricole en un cours de leçons pour le Comité d'agriculture par Sir *Humphry* Davy. *Paris*. 1819. 2 Vol. 8.

тія, ими сдѣланныя и повторяемыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Сочиненія Сэръ Жона Сенклера, учредителя Общества Земледѣлія въ Шотландіи, Артура Юнга переведены на всѣ языки.

Въ Нью Іоркѣ правительство предположило также учредить заведеніе, которое могло бы споспѣшествовать къ улучшенію земледѣлія (*).

Но въ Россіи благотворная наука Сельскаго хозяйства почти въ дѣтствѣ еще находится, и сіе не должно удивлять насъ. Въ странѣ обширной, изобилующей хлѣбородными землями, гдѣ съ избыткомъ вознаграждаются и самые легкіе труды земледѣльца, въ странѣ, представляющей сверхъ того многоразличныя средства къ обогащенію, конечно менѣе ощутительна нужда въ искусствѣ, самою Природою замѣняемомъ. Однакожъ съ умножающимся постепенно народонаселеніемъ, съ распространеніемъ образованности, сопутствуемой роскошью, увеличились потребности отъ вельможъ и до крестьянина; Природа для удовлетворенія оныхъ требуетъ уже помощи искусства въ обработаніи полей и въ удобреніи нивъ, го-

(*) An examination into the expediency of a board of agriculture in the State of New-Uork. *New-ork* 1819. 64 p. 8.

товыхЪ вознаграждать труды земледѣльца, и угрожающихЪ за нерадѣніе бѣдностью. Такимъ образомЪ удовлетвореніе нуждЪ и ожиданіе наслажденій давно уже и вЪ Россіи положило основаніе науки Сельскаго хозяйства, и познанія вЪ ономЪ многими частными людьми сЪ успѣхомЪ приводятся вЪ дѣйство. Самое Правительство непосредственно печется о цвѣтущемЪ состояніи земледѣлія. Императорское Санктпетербургское Економическое Общество, вЪ продолженіе нѣсколькихЪ лѣтЪ, издаетЪ вЪ свѣтЪ Труды свои, представляющіе много полезнѣйшихЪ наблюденій; вЪ каждомЪ Университетѣ учреждены каѳедры Сельскаго хозяйства; Лифляндское Економическое Общество постоянно выдаетЪ свои замѣчанія о домоводствѣ. Но все, что печатаютЪ, не всегда читается, а если читается, то не всегда достойно цѣнится и еще менѣе приводится вЪ дѣйство; а потому-то и недостаетЪ у насЪ общей системы сей полезнѣйшей науки, обЪемлющей всѣ части сельскаго хозяйства, вЪ которой дознанныя истины были бы примѣнены кЪ мѣстнымЪ свойствамЪ разныхЪ Губерній Россіи, кЪ ихЪ удобствамЪ, климату и другимЪ многоразличнымЪ отношеніямЪ, такЪ чтобы всякой, узнавши лучшее средство для сельскаго хозяйства, могЪ сЪ довѣренностію принять и употребить оное. Общества

земледѣлія по большей части впадали в ту погрѣшность, что рѣдко старались дѣйствовать постепенно; но желая вдругъ все усовершенствовать, они предлагали уничтожать старое и ввести новое, не разсуждая о возможности приспособленія. Отъ сего нерѣдко предложенное какое-либо полезное средство, или новая машина, употреблены будучи по ихъ назначенію, отъ непривычки, или отъ ошибки, произшедшей отъ неопытности, не доставляли желаннаго успѣха и были пренебрегаемы; усердное рвеніе къ общей пользѣ охлаждалось; труды, могущіе бы со временемъ усовершенствоваться, оставлялись безъ дѣйствія; одинъ неудачный опытъ не замѣнялся другимъ полезнѣйшимъ, и все покорялось всесильному слову: *лучше оставить по старому.*

Убѣжденные въ семъ многими примѣрами, нѣкоторые просвѣщенные люди, руководствуясь чистѣйшимъ и благороднѣйшимъ чувствомъ любви къ Отечеству, размышляли о способахъ привести въ дѣйство полезное предприятіе: соединить теорію науки Сельскаго хозяйства съ самою практикою. Послѣ многихъ совѣщаній, они положили за лучшее средство къ достиженію сей цѣли, учредить земледѣльческую школу, въ которой бы преподавались молодымъ людямъ всѣ науки, нужныя для сельскаго хозяйства, и

вмѣстѣ притомъ завести *практическую ферму*, или хуторъ для опытовъ, гдѣ бы воспитанники школы видѣли правила имъ предлагаемыя произведенными въ самое дѣйство.

Соединившись со многими одинако мыслящими о семъ предметѣ, они положили основанie къ учрежденiю Общества Сельскаго хозяйства. Въ первомъ засѣданiи избрали *Президентомъ* Его Сiятельство Князя Дмитрiя Владимiровича Голицына, *Вице-Президентомъ* Его С-во Графа Петра Александровича Толстаго; *Начальниками отдѣленiй* Общества: I го Его П-во Александра Александровича Витовтова, II го Его С-во Князя Сергiя Ивановича Гагарина, III го Его П-во Льва Львовича Карбонье, IV го Его П-во Николая Николаевича Муравьева, *Секретаремъ* Его П-во Алексѣя Михайловича Пушкина, *Казначеемъ* Его Высокоб. Николая Афанасьевича Перскаго. Учрежденiе сiе, вдохновенное желанiемъ быть полезнымъ Отечеству, было всеподданнѣйше представлено ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ за подписанiемъ всѣхъ должностныхъ Членовъ Общества. МОНАРХЪ, пекущiйся о благѣ Своего народа, принялъ сiе благонамѣренное представленiе не только съ свойственною милостiю и благоволенiемъ, но въ поощренiе предприятiя Общества Всемилостивѣйше пожаловалъ оному на

первоначальныя издержки значительную сумму денегъ, землю для хутора и право безденежной пересылки писемъ внутри Россіи, обѣщая притомъ Обществу Высочайше Свое покровительство. Сіе попечительное вниманіе МОНАРХА изъявлено во Всемилостивѣйшемъ Рескриптѣ, данномъ на имя Г. Предсѣдателя Общества и въ отношеніяхъ къ нему Господина Министра Внутреннихъ дѣлъ.

Общество, ободренное благоволеніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, не медля приступило къ произведенію въ дѣйство всего нужнаго для достиженія желаемой цѣли: назначило собранія, избрало новыхъ Членовъ, раздѣлило труды по отдѣленіямъ, представило и утвердило положеніе школы теоретической и опытнаго хутора. Многіе Члены соревновали приношеніями своими къ умноженію капитала Общества, другіе же назначили число молодыхъ людей для помѣщенія въ школу на своемъ иждивеніи. Въ то время, когда сіе происходило въ собраніяхъ Общества, многія особы, живущія въ другихъ Губерніяхъ, избранные въ Члены, или Корреспонденты онаго, изъявляли чрезъ письма живѣйшую благодарность за таковое избраніе и готовность свою содѣйствовать въ полезныхъ занятіяхъ Общества. Но не въ единой токмо Россіи достойно

оцѣнили пользу сего заведенія ; чужестранные журналы извѣщаютъ во всей Европѣ о семъ новомъ учрежденіи ; многіе иноземные помѣщики и земледѣльцы присылаютъ Обществу какъ письма , такъ и сочиненія свои.

Впрочемъ и въ самыхъ полезнѣйшихъ занятіяхъ должно идти постепенно ; сама Природа насъ сему научаетъ: и потому необходимо прежде разсмотрѣть и принять въ уваженіе настоящее положеніе нашего земледѣлія и сельскаго хозяйства. Наши крестьяне во многихъ отношеніяхъ совершенно различествуютъ отъ земледѣльцевъ другихъ странъ. Ихъ можно скорѣе убѣдить самыми опытами , дѣйствующими на ихъ чувства, нежели простыми умствованіями и разсужденіями. Привычка есть у нихъ единая дѣйствующая сила при всѣхъ ихъ занятіяхъ , а потому улучшеніе сихъ привычекъ мало по малу на самомъ опытѣ должно предшествовать успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Россіи.

Почтенные Сочлены сего Общества не ограничатся тѣми токмо занятіями , которыя будутъ производиться въ школѣ , въ опытномъ хуторѣ и въ ихъ собраніяхъ; нѣтъ , въ собственныхъ своихъ помѣстьяхъ они будутъ брать мѣры къ усовершенствованію всего , что, слѣдуя правиламъ, поста-

новленнымъ въ Обществѣ, признано будетъ полезнымъ и одобрено по опытамъ, дабы собственнымъ же примѣромъ дѣйствовать и къ убѣжденію соотечественниковъ. Такимъ образомъ сосѣди, земледѣліемъ занимающіеся, заимствуя отъ Членовъ Общества новыя познанія, новыя открытія и полезные опыты, распространятъ во всей Россіи желаемое улучшеніе сельскаго хозяйства; Общество же наше обогатится чрезъ то новыми средствами къ достиженію своей цѣли, въ чемъ единственную полагаетъ трудовъ своихъ награду.

Для кого драгоцѣнно благоденствіе своего Отечества, кто живетъ любовію къ согражданамъ и священнымъ долгомъ чтитъ по мѣрѣ силъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ своего МОНАРХА, пекущагося о счастіи подданныхъ, — тотъ несомнѣнно приметъ участіе въ трудахъ сего Общества, основаннаго на любви и преданности къ Россіи.

Готтгельфъ Фишеръ.

О Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ.

(Окончаніе.)

Въ 1815 году вышла изъ печати въ Вѣнѣ и другая книжка: *Народна Сербска Пѣснарица, издана Вукомъ Стефановичемъ, Частъ втора* — съ приложеніемъ нотъ, которыми означена мелодія лучшихъ пѣсень. Не имѣя передъ собою сей второй Части, мы должны взять нѣкоторыя подробности о ней изъ Вѣнскихъ вѣдомостей. „Изданіе первой книжки народныхъ пѣсень" такъ объявлено было въ Сербской газетѣ отъ собирателя, „воспослѣдовало случайно; изданіе второй книжки есть уже дѣло обдуманнаго намѣренія и выбора; судьба третьей и четвертой будетъ зависѣть отъ благосклонности читателей." Мы не знаемъ, напечатаны ли обѣ послѣднія; но появленіе пѣсень чрезвычайно обрадовало многихъ Сербовъ, и возбудило большое любопытство въ Германскихъ литтераторахъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, на примѣръ, неполѣнился выучиться посербски единственно для первой книжки *Пѣснарицы*, о которой онъ же послѣ предложилъ подробное извѣстіе въ Вѣнскихъ Ученыхъ вѣдомостяхъ; другой въ рецензіи своей на вторую книжку именно говоритъ: „Кто однажды углубилъ внимательный взоръ *въ Славянское*, тотъ сдѣ-

лается саммиЪ ревностнымЪ его любителемЪ (*).“

Вторая Часть имѣетЪ также два отдѣленія, и состоитЪ изЪ *ЖенскихЪ* или любовныхЪ пѣсень, и изЪ *МужескихЪ* или героическихЪ. ПервыхЪ помѣщено 101, вЪ числѣ которыхЪ находится 24 *КоролевиныхЪ* (**), 15 свадебныхЪ, 6 употребляемыхЪ во время жатвы, и между прочими 1 Булгарская, сЪ которою вмѣстѣ еще *вЪ первой разЪ является* вЪ печати Булгарское нарѣчіе. ВЪ одномЪ изЪ своихЪ замѣчаній издатель увѣряетЪ, что у него есть вЪ готовности *болѣе двадцати* БулгарскихЪ пѣсень, но что онЪ удержится издать ихЪ, пока не будетЪ увѣренЪ, *точно ли такЪ онѣ поются*, какЪ написаны вЪ доставленной кЪ нему тетрадкѣ. Второе отдѣленіе состоитЪ изЪ 17 ПоемЪ героическихЪ. Нѣкоторыя изЪ сихЪ рапсодій заключаютЪ вЪ себѣ до 700 стиховЪ со

(*) Wer einmahl etwas tiefer in das Slavische geblickt hat, dafür Enthusiast wird.

(**) Такъ называемыхъ по игрѣ *Кралице* (Королевы). Въ Троицынъ день Сербскія дѣвушки составляютъ общество, ходятъ изъ дома въ домъ и при нѣкоторыхъ обрядахъ поютъ особыя пѣсни. Въ свое время читателямъ Вѣстника Европы будетъ предложено описаніе сего игрища. *Рдръ.*

ножествомъ именъ собственныхъ. Издатель оворитъ въ предисловіи, что всѣми пѣсня-и героическими онъ обязанъ двумъ *слѣпымъ ѣвцамъ*, Филиппу Вишнѣвичу изъ Босніи и ешану Подруговичу изъ Герцеговины; слѣп-ы ему диктовали, что имѣли въ своей амяти.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ *Книнскихъ* пѣсень. Несчастная дѣвушка тдаетъ обратно кольцо доброму молодцу юнаку). „Возьми назадъ кольцо свое; есь мой домъ тебя не любитъ: ни отецъ, и мать, ни братья, ни сестры. Но ты е сердись на меня, доброй молодецъ; такъ ужь я, бѣдная сирота, несчастли-а. Я посѣяла василекъ, а выросла полынь! Ахъ ты полынь, полынь, горькой цвѣтъ ной! изъ тебя свитые вѣнки будутъ лежать а головахъ *сватовъ*, когда придутъ они за мною, чтобы — мертвую меня нести къ могилѣ.“

Пѣсня подъ заглавіемъ: *Матери всему причиною.* „По ту сторону Савы рѣки идетъ доброй молодецъ и ведетъ коня своего за собою; въ рукахъ онъ держитъ шапку; въ шапку льетъ горючія слезы и проклинаетъ рѣку Саву: Пропади ты, рѣка Сава! Мнѣ не въ мочь ни перейти, ни переплыть че-резъ тебя, чтобы поцѣловать красную дѣ-вицу. И вотъ говоритъ къ нему красная дѣви-

ца; Не кляни ты Савы рѣки, доброй молодецъ! Не она тебѣ помѣха; причиною всему родныя наши матушки. Твоя говоритъ: неженю сына прежде весны; а моя говоритъ: не выдамъ дочери прежде осени.“

Между пѣснями Королевъ (Кралицѐ) однѣ напоминаютъ, другія обьясняютъ весьма древніе обычаи — остатки можетъ быть еще временъ языческихъ. Дѣвушки ходятъ по селу изъ дома въ домъ и поютъ пѣсни, въ которыхъ обыкновенно есть что нибудь, относящееся къ хозяевамъ — остроумное, веселое и даже смѣшное. Для священника у дѣвушекъ бываютъ въ готовности двѣ пѣсни: въ одной представляется молодая попадья и ея дочери, которыхъ мать увѣщеваетъ наградить Королевъ щедрыми подарками; въ другой — жемчужины разсыпаны по двору, куда прилетаютъ голуби и воркуютъ; только одна голубка не воркуетъ: причина? голубокъ ея воркуетъ съ чужой голубкою. — Передъ школьникомъ поютъ, что книга велитъ ему неѣздить на конѣ верхомъ, неносить сабли, непить вина и нецѣловать дѣвушекъ; а онъ дѣлаетъ совсѣмъ противное. Частой припѣвъ слова *Лельо* (звательный отъ Леля) безъ сомнѣнія есть одно и то же въ Польскимъ *Лелемъ*. Слѣдующая пѣсня объ дитяти также имѣетъ какое нибудь отношеніе къ баснословной

ревности. „*Неда*, молодая хозяюшка! продай намъ етаго малютку! Если не захочешь ты, молодая хозяюшка, у насъ выкупить малютку; то мы возьмемъ его съ собою въ *нашу родину*; а въ нашей родинѣ *два солнышка грѣютъ, два вѣтерка вѣютъ*. Дитя намъ надобно не меньше какъ и пучокъ василечковъ.“ Упомянутая здѣсь *Неда* есть имя собственное. Надобно знать, что у Сербовъ національныя имена въ бо́льшемъ употребленіи, нежели даваемыя при крещеніи, заимствуемыя изъ Святцовъ. *Милаца*, *Ягода*, *Божко* (уменьшительное отъ *Божидаръ*), *Милошъ*, *Голубанъ*, *Войно*, *Вукъ* (т. е. волкъ), *Радиша*, и многія другія.

Послѣднее изъ упомянутыхъ именъ повторяется въ слѣдующей пѣснѣ, которую поютъ *Королевы*, идучи по улицѣ; ето ихъ *маршъ*, ихъ походная пѣсня.

„Вишня, вишенка! къ верху выше поднимай сучья; подъ ними *Вилы* въ дивномъ хороводѣ! Тамъ *Радиша* сбираетъ съ травы росу и говоритъ къ одной *Вилѣ*: будь моею, *Вила*! У матушки моей будешь сидѣть въ прохладной тѣни, будешь прясть тонкой шелкъ на золотой прялкѣ.“ *Вила* — существо баснословное женскаго пола, живущее при потокахъ и озерахъ, на горахъ и утесахъ. Всѣ Вилы обыкновенно бываютъ молоды, прекрасны, одѣты въ длинное бѣлое платье

и съ распущенными волосами. Они невредятъ никому и никого не трогаютъ; но кто оскорбилъ бы ихъ во время хороводныхъ плясокъ или ночнаго пиршества; такого они мгновенно убиваютъ стрѣлами, какъ Аполлонъ и Діана у древнихъ Грековъ.

Сообщаемъ въ подлинникѣ одну изъ *жатвенныхъ* пѣсень. Управившись съ хлѣбомъ, жнецы оканчиваютъ полевую работу свою слѣдующей игрою. Одинъ изъ нихъ беретъ въ руку нѣсколько соломинокъ, половиной меньше противъ числа людей, въ игрѣ участвующихъ; сложивши соломины съ сноп, онъ сгибаетъ ихъ въ дугу. Потомъ жнецъ и жница хватаются за концы соломинокъ со сторонъ противныхъ. Если бы случилось какой парѣ взяться за концы одного стебля а не разныхъ; такую пару почитаютъ четою, и заставляютъ ее между собою цѣловаться. Въ продолженіе разбора соломинокъ поютъ пѣсню подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *кад се хватаю сламке* (т. е. когда разбираютъ соломинки).

Дас' хватамо танке сламке
　　Танке танане,
Да гледамо ко чѣ с' киме
　　Да се любимо.
Хватайте се танке сламке
　　Танке танане,
Да гледамо ко чѣ коме

У сречи пасши.
Коме старо, коме младо
Ком' што сречя да;
Было старо, было младо,
Люби' чю га я.
Ко се не чѣ полюбиши
Убіо га Богъ,
Убила га света Петка
Параскевія.
Пуштайте се беле руке
Не држитесе,
Ко се с' киме ухватіо
Да се любимо.

Т. е. Ухватимся за соломинку тонкую, тонехенькую; посмотримъ, кто съ кѣмъ будетъ цѣловаться; беритесь за соломинки тонкія, тонехенькія; посмотримъ, кто кому достанется по жеребью; кому старое, кому молодое, кому что́ жребій дастъ; пусть старое, пусть молодое, цѣловать готовъ я; а кто изъ насъ не захочетъ цѣловаться, того да покараетъ Богъ и святая Пятница Параскевія! Выпускайте соломинку вы, бѣлыя руки, не держите; кто съ кѣмъ вмѣстѣ ухватился, и цѣлуйся съ тѣмъ.“

Вразсужденіи героическихъ пѣсней, изъ которыхъ не можемъ ни одной предложить здѣсь по разнымъ причинамъ, удовольству-

емся показаніемЪ краткаго содержанія нѣкоторыхЪ. ВЪ первой воспѣвается *бракосочетаніе Сербскаго Царя Стефана*; вторая имѣетЪ заглавіемЪ своимЪ: *Князь Лазарь, или сраженіе на КосовомЪ полѣ*; битва сія была пагубою для СербовЪ, но и Турки дорого заплатили за свою побѣду: Лазарь и МуратЪ легли на мѣстѣ (*). Еще двѣ пѣсни, того же содержанія, достопамятны тѣмЪ болѣе, что вЪ нихЪ заключаются предметы и характеры, драгоцѣнные для будущихЪ трагиковЪ Сербіи. ВЪ трехЪ пѣсняхЪ прославляются подвиги Королевича Марка и бѣдствія злыхЪ его противниковЪ. Удивительно, что кромѣ старинныхЪ героическихЪ характеровЪ вЪ рапсодіяхЪ, повторяемыхЪ *слѣпыми пѣвцами*, передаются будущимЪ вѣкамЪ и новѣйшія происшествія. ВЪ одной пѣсни на примѣрЪ описывается начало отечественной войны вЪ Сербіи 1804 года; вЪ другой — сраженіе при Салашѣ 1806 го; вЪ третей — сраженіе на МишаровомЪ полѣ 1806 го; вЪ четвертой — едино-

---

(*) Извѣстно, что въ Малороссіи и Украйнѣ *слѣпые пѣвцы* на сельскихъ базарахъ, подобно Сербскимъ, поютъ *рапсодіи*, и (что весьма замѣчательно!) поютъ или пѣли также иногда *Лазаря*. Желательно знать, какой *Лазарь* воспѣвается нашими Украинскими рапсодами, и если Сербской, то по какому случаю онъ сдѣлался ихъ героемъ? *Рдръ*.

борство между Мехомъ (Мегметомъ) Орук-шичемъ и Милошемъ Стойшшевичемъ въ сраженіи 1809 года.

При сей второй Части приложены, кромѣ трехъ пиршественныхъ, еще *новыхъ* 14 пѣсень, сочиненныхъ *учеными Сербами.* Вукъ Стефановичь сдѣлалъ очень хорошо, что напечаталъ во первыхъ *пѣсни* въ прямомъ смыслѣ, а не стихи, которые сочинителямъ и друзьямъ ихъ угодно титуловать пѣснями; во вторыхъ отличилъ пѣсни простонародныя отъ искуственныхъ, сочиненныхъ по правиламъ чужестранной піитики.

Предлагая текстъ Сербскаго нарѣчія, мы немогли показать въ точности нѣкоторыхъ слоговъ за недостаткомъ въ типографіи потребныхъ къ тому знаковъ. Но мы еще будемъ имѣть случай говорить о Грамматикѣ и новой Словесности Сербской.

К.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

Пергами, Ольди и другія особы, составлявшія дворъ Англійской Королевы.

Въ Лондонскомъ *Курьерѣ* помѣщены любопытныя замѣчанія на *Записки*, въ которыхъ неизвѣстный сочинитель оправдываетъ поведеніе Королевы за границею. Извлечемъ изъ Англійской газеты только то, что касается до главныхъ особъ, составлявшихъ дворъ Ея Величества.

Въ *Запискахъ* сказано: „Королева, „желая разсѣять печаль, ежедневными оскорб„леніями ей причиняемую, рѣшилась путе„шествовать. Въ письмѣ своемъ отъ 25 „Іюля 1814 года она просила Лорда Ливер„пуля донести Принцу - Регенту о своемъ „намѣреніи; на что Лордъ въ отвѣтѣ своемъ „объявилъ Ея В-у, что со стороны Принца „небудетъ сдѣлано никакого сопротивленія „въ выборѣ мѣста, какое назначено будетъ „ею для своего пребыванія.“ Послѣ того упоминается въ Запискахъ, что послѣ от-

ѣзда Ея В-а за границу, всѣ особы, свиту ея составлявшія, оставили ее, кромѣ одного только г-на Ганнама, морскаго поручика Англійской службы. „Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, Королева принуждена была составить себѣ дворъ изъ „Италіянцевъ, и потомъ нашла между ними такихъ особъ, которыя своею вѣрностію „и усердіемъ сдѣлались достойными ея благоволенія."

Курьеръ. Если Принцесса и немогла составить себѣ Двора Англійскаго; то не уже ли непремѣнно было надобно окружить себя Италіянцами? Развѣ она Италіянка? Нѣтъ, она природная Нѣмка. Для чего же не пригласить бы въ свою службу особъ Нѣмецкой націи, столь извѣстной своею нравственностію? Отъ чего всѣ націи сѣверныя, не только Англичане, Шотландцы и Ирландцы, но Голландцы, Датчане, Шведы не признаны достойными довѣренности Ея В-а? По чему на конецъ нуженъ былъ дворъ именно Италіянскій?

Записки. Графиня *Ольди*, изъ Кремоны, дама столько же по качествамъ какъ и по несчастіямъ своимъ достойная всякаго уваженія, сдѣлалась ея Штатсъ-Дамою.

Курьеръ. Къ подобному Графскому титулу мы не можемъ имѣть особеннаго ува-

женія, ибо вѣ самыхѣ даже *Запискахѣ* находимѣ далѣе, что достопочтенная Графиня *Ольди* есть не иное что какѣ сестра достопочтеннаго Барона *Бартоломео Пергами.* Вотѣ гдѣ начало того таинственнаго *инкогнито*, того титула *Графини Анжелики Ольди*, которымѣ изумлены были Европа, Азія и Африка! Извѣстно, что Государи нерѣдко путешествуютѣ подѣ чужимѣ именемѣ; но вѣ такомѣ случаѣ они обыкновенно принимаютѣ на себя вмѣсто титула названіе какой нибудь страны, принадлежащей ихѣ фамиліи. Здѣсь же сестра Герцога Брауншвейгскаго, Королева Англіи, заимствуетѣ для себя имя сестры своего служителя и вступаетѣ вѣ родство сѣ фамиліею Пергами! Назваться просто *Анжеликой* было бы хотя странно, однакожѣ простительно; но принять фамилію сестры своего служителя — униженіе, какого мы вовсе неожидали! Положимѣ на часѣ, что всякая другая дама проводила бы все время вѣ сообществѣ сѣ своимѣ лакеемѣ, и путешествовала бы подѣ именемѣ сестры етаго же лакея; что сказали бы тогда присяжные, еслибѣ имѣ надлежало судить о подобномѣ дѣлѣ?

Записки. Кавалерѣ *Скивини*, принадлежащій кѣ одной благородной и богатой фамиліи города Кремоны, пожалованѣ былѣ вѣ Оберѣ-Шталмейстеры Ея В-а, а г.

Гильомъ, Кавалеръ Іерусалимскій и Св. Каролины, занялъ при ней мѣсто въ званіи Шталмейстера.

Курьеръ. Оставимъ въ покоѣ Каварера *Скивини*; но кто етотъ Французъ, етотъ г. *Гильомъ?* Мы никогда объ немъ не слыхивали; послѣ разныхъ справокъ наконецъ мы находимъ, что подъ нимъ разумѣется не иной кто, какъ именно *Вильямъ Аустинъ*, сынъ плотника изъ Дептфорта. При Королевѣ оставалось одно только Англійское имя; и его надобно было превратить во Французское! Далѣе, онъ же еще и *Кавалеръ Св. Каролины* — Ордена, учрежденнаго Королевою для г-на Барона Пергами и прочей челяди! Австрійскому правительству такой маскарадъ весьма не понравился; оно запретило г-ну Барону Пергами являться съ сими карнавальными знаками отличія, и подъ рукою дало знать Королевѣ, чтобы она не учреждала кавалерскихъ орденовъ, пока будетъ находиться въ Австрійскихъ владѣніяхъ.

Записки. Приступимъ теперь къ особѣ, до которой касается обвиненіе, до г-на *Бартоломео Пергами.* Правда, что етотъ *дворянинъ*, принятъ бывши въ службу Ея В-ва въ Медіоланѣ, сначала отправлялъ должность низкую. Когда Ея В-во составляла для себя дворъ, въ намѣреніи пред-

принять путешествіе по странамъ отдаленнымъ; въ то время г. Пергами былъ ей отрекомендованъ въ качествѣ *Кабинетнаго Курьера* — къ такой должности, для которой предполагается нужнымъ офицеръ, имѣющій особое къ себѣ довѣріе и достойный важныхъ препорученій.

Курьеръ. И такъ видно, что Пергами отправлялъ *низкую должность*, то есть былъ употребляемъ какъ всѣ наемные служители! Несмотря на то, его хотятъ возвысить, ему приписываютъ особливыя качества. Єто былъ обыкновенный почтальонъ, скачущій впередъ для заготовленія лошадей на станціяхъ; всѣмъ извѣстно, что єтотъ классъ домашнихъ слугъ преимущественно изобилуетъ лжецами, ворами, плутами, людьми, готовыми на всѣ подлые поступки. Вотъ какой человѣкъ попалъ въ Каммергеры и украшенъ орденомъ, учрежденнымъ нарочно для его особы! . .

Записки. Г. *Пергами* былъ отрекомендованъ какъ человѣкъ, знающій *многіе языки*, приобыкшій *къ путешествіямъ*, имѣющій большія свѣдѣнія.

Курьеръ. Єто написано съ намѣреніемъ ввести въ обманъ Англійскую публику. Человѣкъ, знающій многіе языки и который долго путешествовалъ, почитается у насъ

хорошо воспитаннымъ; но замѣтимъ, что здѣсь рѣчь идетъ о путешествіяхъ почтальона, скачущаго передъ каретой своего господина. Разумѣется, что Миланскій почтальонъ долженъ умѣть нѣсколько пофранцузски и понѣмецки; безъ чего не льзя ему ѣхать ни на западъ, ни на сѣверъ отъ своего города. И дѣйствительно всѣ вершники, всѣ почтальоны и другіе служители на твердой землѣ стараются говорить на разныхъ языкахъ.

Послѣ сего, повторивъ показаніе *Записокъ* о томъ, что сестры г-на Пергами находятся въ супружествѣ за особами почтенными, и что Пергами имѣетъ у себя свидѣтельства отъ Генераловъ Галимберти и Пино о прежней службѣ своей въ Главномъ Штабѣ Италіянской арміи, Лондонскій *Курьеръ* продолжаетъ: „Если все это истина, то ею доказывается слишкомъ уже много; ибо, какимъ образомъ понять, что дворянинъ, Баронъ, Кавалеръ Мальтійскій вдругъ сдѣлался почтальономъ? Но время подписанія оныхъ документовъ очевидно показываетъ, что пожалованные титулы относятся не далѣе 1816 года; слѣдственно сіи титулы не родовые, а выхлопотанные. Далѣе, въ документахъ вовсе не упоминается *о чинѣ* г-на Пергами; по крайней мѣрѣ это значитъ, что онъ даже небылъ и *офицеромъ*!

И такъ надобно догадываться, что Перга[ми] служилъ въ качествѣ курьера или почтальон[а;] и такіе люди дѣйствительно нужны п[ри] генеральномъ Штабѣ. Положимъ на конец[ъ] для чести г-на Пергами, что онъ дослу[·]жился даже до *рядоваго солдата*; к[а]жется, что онъ занималъ степень и слишкомъ высокую.“ Далѣе Лондонскій Курьеръ шутитъ надъ *постепеннымъ* возвышеніемъ Пергами, которой изъ почтальоновъ произведенъ прямо въ Шталмейстеры, потомъ въ *Лорды-Каммергеры*!

Записки. Возвратясь въ Италію, Королева приняла въ свою службу двухъ его братьевъ и одну изъ сестеръ. Когда г. Сикаръ уѣхалъ обратно въ Англію, то г. Велотти Пергами, бывшій Подпрефектомъ въ Кремонѣ, занялъ мѣсто Контролера казны Ея В-а.

Курьеръ. Какъ! мало того, что одинъ Пергами осыпанъ милостями? Надобно еще, чтобъ два, три, четыре Пергами находились въ домѣ Королевы? Любимецъ Сомерсетъ и любимецъ Букингамъ были гораздо умѣреннѣе.

Записки. Вотъ и все, что извѣстно о Пергами! Тутъ еще *нѣтъ ничего необыкновеннаго.*

Курьеръ. *Ничего необыкновеннаго!* Однакожь Марія Стуартъ не сдѣлала столько для Рицціо, ни Курфирстина Доротея для Конигсмарка,. ни Каролина Матильда для Струензее.

За симъ Курьеръ разсуждаетъ о путешествіи Королевы по Африкѣ и Азіи, и доказываетъ, что оно было выгодно только для одного Пергами. По нѣкоторому поводу рѣчь дошла до того, что Пергами женатъ и имѣетъ дочь. Курьеръ продолжаетъ: „Въ Запискахъ сказано, что ета дѣвица est l'interessante *protegé* de la Reine (пользуется особливымъ покровительствомъ Королевы); надобно бы сказать *protegée.* Ета ошибка достойна примѣчанія: по ней угадать можно стиль нѣкотораго Алдермана, славнаго глубокимъ своимъ знаніемъ Французскаго языка. Изъ всего видно, что она принадлежитъ г-ну *Вуду, feu Lord-Maire de Londre.* (Вудъ, пріѣхавши въ Парижъ, разослалъ къ своимъ знакомымъ карточки, на которыхъ написано было: Wood, *feu* Lord-Maire de Londre, то есть *покойный* Лордъ - Мэръ Лондонскій. Ему показалось, что feu значитъ *бывшій.*)

IV. СМѢСЬ.

Забавная ошибка.

Одинъ славный журналистъ, лѣтъ за десять передъ симъ умершій (*), производилъ весьма выгодный торгъ своею литтературною критикой. Онъ учредилъ мануфактуру *фейльетоновъ* (**), которая приносила ему, какъ сказываютъ, весьма значительныя суммы. Это былъ настоящій морской разбойникъ, занявшій постъ среди республики литтераторовъ, и всѣ литтературныя области повиновались его распоряженіямъ, точно какъ Европейскія Державы повинуются распоряженіямъ варварійцевъ Тунисскихъ и Алжирскихъ.

(*) Объ имени умолчано. Впрочемъ не трудно догадаться, что здѣсь рѣчь идетъ объ *Жоффруа. Рдръ.*

(**) Такъ называется (feuilleton) отдѣленная часть печатаемой въ листъ газеты, гдѣ помѣщаются замѣчанія на новыя книги, на играемыя въ театрахъ піесы, на самую игру актеровъ и проч.

Надлежало посылать къ нему подарки, въ годъ по крайней мѣрѣ два раза, или ожидать мщенія сего морскаго разбойника: акторы, актеры должны были непремѣнно платить ему подать, и тѣ изъ нихъ, разумѣется весьма немногіе, которые по благородной своей гордости нехотѣли покупать похвалъ у журналиста, одни подвергались всей ѣдкости несправедливой и пристрастной его критики. Злость и оскорбленное самолюбіе конечно уже много и лишняго прибавляли касательно его поступковъ; со всѣмъ тѣмъ соблазнительный примѣръ въ литтературѣ былъ дѣйствительно поданъ. Увѣряютъ, что его кабинетъ походилъ на магазинъ, наполненный всякимъ товаромъ, и что въ погребѣ его можно было найти все то, что и у перваго содержателя ресторацій. Еще при жизни нашего журналиста въ публикѣ носился одинъ весьма забавный анекдотъ, достойный занять мѣсто въ самой лучшей комедіи. Сказываютъ, что нѣкто изъ иногороднихъ жителей, пріѣхавши въ Парижъ, остановился противъ квартиры журналиста. Въ три мѣсяца провинціалъ истратилъ всѣ деньги, которыми запасся на шесть; ожидалъ присылки новыхъ суммъ, но зналъ, что можетъ получить ихъ не прежде какъ черезъ двѣ недѣли, а деньги нужны были ему сегодня же.

Не желая сдѣлать извѣстными своихъ утратъ, онъ рѣшается гдѣ нибудь взять денегъ въ займы на короткое время подъ залогъ алмаза, которой стоилъ цѣны довольно значительной. Сидя у окна своей квартиры, онъ замѣтилъ, что по утрамъ и вечерней порою разные люди ходятъ въ домъ, на противной сторонѣ стоящій; приносятъ вино въ корзинахъ, фарфоровые и серебряные сервизы, богатыя матеріи; отъ наблюденій его не скрылось и то, что нѣкоторыя женщины, какъ бы тайкомъ прокрадывались къ сосѣду, имѣя при себѣ дорогія Кашемирскія шали. Провинціалу показалось, что здѣсь находится контора займа денегъ подъ ручные заклады. Наконецъ въ одно утро онъ рѣшился: вступаетъ въ таинственное прибѣжище и начинаетъ разговоръ съ хозяиномъ, въ которомъ видитъ человѣка свѣтскаго, умнаго, но и привычнаго ко всѣмъ приемамъ ростовщика закоснѣлаго. Безъ дальняго предисловія нашъ посѣтитель представляетъ ему драгоцѣнной камень. „Игра и вода прекрасны!" восклицаетъ Гарпагонъ словесности: „но къ чему вы его предназначили?" — Ни къ чему — отвѣчаетъ провинціалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. — „Да, да, понимаю! вѣрно готовитесь издать книгу?" — Что это значитъ? какую книгу? — „Виноватъ, извините! я хотѣлъ сказать, вы берете

участіе въ успѣхѣ театральнаго дарованія? Вѣдь она въ первой разъ явится на сценѣ? Скажите же, какъ зовутъ ее? Музыкѣ посвящаетъ себя, или танцамъ?" — Ваши слова для меня совсѣмъ невразумительны; я пришелъ единственно спросить васъ, сколько бы вы согласились назначить. . . „Статей? критическихъ разборовъ? сколько угодно!" Наконецъ ошибка объяснилась, и провинціалъ догадался, что онъ забрелъ, вмѣсто конторы займа подъ ручные заклады, въ кабинетъ журналиста.

Фалмутъ и Чатамъ.

Лордъ Фалмутъ, котораго фамильное имя было *Бос*-кавенъ, однажды весьма убѣдительно просилъ знаменитаго Министра *Питта* (Лорда *Чатама*) къ будущему производству включить его въ списокъ удостоиваемыхъ къ Ордену Подвязки. Питтъ далъ разумѣть довольно ясно Лорду, что такая прозьба ему вовсе ненравится, и что онъ неимѣетъ желанія ее исполнить.

Тогда Лордъ Фалмутъ сказалъ Министру: Милордъ! прошу васъ принять въ разсужденіе, что я имѣю нѣкоторую значительность въ Парламентѣ, и что вы бу-

беше раскаеваться, когда неуважите моей прозьбы.

„Вы грозите, Милордъ!" вскричалъ Министръ въ досадѣ: „такъ даю же вамъ слово, что пока буду я въ нынѣшней должности, пока буду пользоваться довѣренностію Государя, до тѣхъ поръ вамъ не быть кавалеромъ Подвязки!" Потомъ, оборотясь къ прочимъ, Питтъ прибавилъ: Optat ephippia bos piger! (т. е. Лѣнивый волъ хочетъ быть въ конской збруѣ.) Лордъ *Фалмутъ* не зналъ ни чего полатынѣ; но догадываясь, что слово bos должно заключать въ себѣ какую нибудь колкость на щетъ его фамиліи, онъ спросилъ Министра: что вы етимъ сказать хотите? — „Ето не мои слова, но Горація;" былъ отвѣтъ Питта. Лордъ *Фалмутъ*, вообразивъ себѣ, что славный *Горацій Валполь* говорилъ объ немъ дурно, сказалъ въ сильномъ гнѣвѣ: „Ежели господинъ *Горацій Валполь* дозволилъ себѣ забавляться надъ моимъ именемъ, такъ я предложу ему такіе вопросы, которыми онъ будетъ весьма недоволенъ. Братъ его, Кавалеръ *Робертъ*, былъ и первымъ министромъ, но со мною никогда непоступалъ подобнымъ образомъ." Сказалъ и удалился.

политическія и другія происшествія.

Испанія.

Въ рѣчи, которую Его Величество произнесъ къ Кортесамъ въ первое ихъ собраніе 9 го Іюля, касательно внѣшнихъ дѣлъ между прочимъ замѣчаютъ слѣдующее: „Должно надѣяться, что возстановленіе конституціи отвратитъ предлоги, подъ которыми злонамѣренные возмущаютъ Американскія области, и что будетъ оно способствовать водворенію мира во всѣхъ Испанскихъ владѣніяхъ. Несогласія съ Сѣверною Америкой, касательно Флориды и границъ Луизіаны, могутъ быть прекращены только при посредствѣ Кортесовъ. Вразсужденіи занятія Монтевидео (Португальцами) господствуютъ также разногласія; но и сіи будутъ прекращены умѣренностію и правосудіемъ. Для сопротивленія Алжирцамъ заключенъ уже въ 1816 году трактатъ съ Нидерландами.“ То же самое видно и изъ подробной записки, читанной Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ одномъ засѣданіи Кортесовъ. Тамъ сказано, что Испанія находится нынѣ въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми Державами, кромѣ только Португалліи и Соединенныхъ Областей. Вообще Министры, каждой по своей части, представляютъ Кортесамъ отчеты и показанія дѣлъ въ настоящемъ видѣ, а собраніе замѣчаетъ тѣ предметы, которые должно будетъ подвергнуть разсмотрѣнію. Такъ на примѣръ въ засѣданіи 15 го Іюля военный Министръ представилъ о жалкомъ положеніи Испанской арміи. Артиллерія едва ли имѣетъ достаточное количество снарядовъ и

на одно сраженіе. Съ 1811 года отправле въ Южную Америку 41, 167 солдатъ. На конецъ Министръ предлагаетъ позаботиться о воспитаніи и образованіи военныхъ людей, и учредить школы взаимнаго обученія. На сі Президентъ отвѣчалъ, что Кортесы употребятъ всѣ средства, дабы возвести армію на степень, приличную защитникамъ великой націи.

Изъ отчета Министра внутреннихъ дѣлъ видно, что Король назначилъ помѣстья, для награжденія ими приверженцовъ конституціи за претерпѣнныя гоненія. Также приняты мѣры, чтобы число Іезуитовъ не умножалось въ Испаніи; чтобы они собирались въ тѣ только города, гдѣ большая часть изъ нихъ имѣетъ уже свое пребываніе, и чтобы вообще сіи честные отцы не занимались болѣе публичнымъ воспитаніемъ.

Кортесы наблюдаютъ въ собраніяхъ своихъ строгій порядокъ и всячески стараются избѣгать сходства съ демагогами. Въ первые дни засѣданій, когда вступилъ въ залу Генералъ Квирога, на галлереяхъ, наполненныхъ зрителями, раздались рукоплесканія и радостные клики. Генералъ самъ просилъ Президента напомнить посѣтителямъ, чтобъ они не нарушали надлежащаго порядка.

Изъ послѣднихъ Королевскихъ опредѣленій достойны примѣчанія четыре: однимъ навсегда уничтожается *пытка*, другимъ *Инквизиція*; третьимъ титулъ *Величества* присвоивается одному только Королю; послѣднимъ назначается годовый штатъ собственныхъ его доходовъ и суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе Двора, которыя простираются

вообще до 40 милл. реаловъ (около 10 мил. рублей).

Англія.

Іюля 27го (н. с.) воспослѣдовало закрытіе Парламентовъ. Засѣданія Верхняго отсрочены до 15го, а Нижняго до 21 го Августа.

Еще до закрытія засѣданій Лордъ Ерскинъ повторилъ въ Верхнемъ Парламентѣ требованіе Королевы о томъ, чтобы ей объявлены были имена будущихъ противъ нее свидѣтелей. Получивъ отказъ, который былъ опредѣленъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, тотъ же Лордъ представилъ новую прозьбу Королевы о сообщеніи адвокатамъ ея свѣдѣній, гдѣ именно предполагается исполненіе виновныхъ ея поступковъ. Министры отвѣчали, что Королева обвиняется въ преступной жизни, продолжавшейся долгое время и въ разныхъ мѣстахъ. И сія прозьба была отринута большинствомъ голосовъ.

По открытіи Верхняго Парламента въ полномъ собраніи до окончанія дѣла будутъ присутствовать болѣе 300 Лордовъ. Слышно, что сама Королева намѣрена быть въ Парламентѣ, и что Ея В-во просила Лордовъ приготовить для себя приличное мѣсто въ залѣ.

Франція.

Засѣданія Палатъ закрыты 22го Іюля (н. с.) по Королевскому опредѣленію, сообщенному Палатѣ Перовъ Дюкомъ Ришелье, а Палатѣ Депутатовъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ и морскихъ силъ. По прочтеніи онаго Члены разошлись при единогласномъ восклицаніи: „Да здравствуетъ Король!“

— Вся Франція нетерпѣливо желаетъ, чтобы Дюшесса Беррійская разрѣшилась отъ бремени Принцемъ. Во многихъ городахъ отправляются торжественныя моленія въ церквахъ по сему поводу.

Италія.

Въ самой тотъ день (6 Іюня), когда Неаполитанскій Король въ обнародованной прокламаціи обѣщался дать конституцію черезъ недѣлю, всѣ прежніе Министры были смѣнены. Инсургенты, недовольные назначеннымъ срокомъ, требовали, чтобы Король подписалъ конституцію въ 24 часа. Въ тотъ же день появилось Королевское опредѣленіе, которымъ Его В-во извѣщалъ своихъ подданныхъ о томъ, что онъ назначаетъ Наслѣднаго Принца, Дюка Калабрійскаго, главнымъ Намѣстникомъ Королевства, и — въ тотъ же день издана отъ Намѣстника прокламація о томъ, что Испанская конституція принимается. Генералъ Пепе объявленъ главнокомандующимъ національной арміи.

Въ Неаполѣ и въ другихъ городахъ Королевства подняты трехцвѣтныя знамена, съ красною, черною и синею полосами. Войски и самъ Наслѣдный Принцъ надѣли такую же національную кокарду. Главными виновниками революціи почитаютъ такъ называемыхъ *Карбонаріевъ*, членовъ тайнаго общества (*угольщиковъ*), которые давно уже имѣютъ въ виду соединить всю Италію подъ одну Державу. Первымъ орудіемъ инсургентовъ былъ Канониeъ Мимикини. Сей Мимикини управляетъ арміею вмѣстѣ съ Генераломъ Пепе, съ которымъ онъ велъ войска въ столицу. Оба они издаютъ прокламаціи

къ народу и къ войску, убѣждая ненарушать тишины и порядка.

— Въ Сициліи возникли ужасныя безпокойства. Въ Палермо кровь полилась рѣкою: одни хотятъ Испанской конституціи; другіе требуютъ возстановленія прежней, которую ввели было Англичане; еще другіе не хотятъ быть въ зависимости отъ Неаполя, а желаютъ оставаться только съ нимъ въ союзѣ.

— Жители городовъ Понтекорьо и Беневенто, принадлежащихъ Папѣ, но находящихся въ предѣлахъ Неаполитанскаго Королевства, подняли трехцвѣтныя знамена и предались всѣмъ безпорядкамъ анархіи.

— Въ Ломбардо-Венеціянскомъ Королевствѣ собирается Австрійскій наблюдательный корпусъ.

Турція.

Между Оттоманскою Портою и Али-Пашею Янинскимъ заключенъ миръ на такомъ условіи, чтобы послѣдній управлялъ по прежнему своимъ намѣстничествомъ, къ которому присоединены еще Превеза и Парга, и отказался бы отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ правленіи другими областями (Македоніею, Ѳессаліей).

Недоумѣніе.

По рѣдкому стеченію обстоятельствъ литературный рогъ изобилія опрокинулся надъ Вѣстникомъ Европы, и запасный магазинъ сего Журнала вдругъ наполнился сокровищами полемической критики. Редакторъ получилъ въ короткое время: *одинъ* отзывъ отъ Бутырскаго жителя къ защитнику Балладъ и всего неклассическаго; *два* письма, въ которыхъ доказываются заблужденія г-на *Георгов*; *пять* рецензій на *Освобожденную Москву*, извѣстную поему г-на В-*а*. *Пять рецензій*. Что прежде печатать? какъ все это помѣстить въ тѣсныхъ предѣлахъ *Вѣстника Европы*, особливо же если критики и антикритики, рецензіи и антирецензіи будутъ возрастать въ геометрической, или даже хотя въ ариѳметической прогрессіи? Позволитъ ли неумолимая красная обертка? Время рѣшитъ сіи недоумѣнія.

Слова Шарадъ, напечатанныхъ въ 14 книжкѣ В. Е. 1. *Шар-ад-а*; 2. *Бор-ода*; 3. *Лот-е-рея*; 4. *Маг-истръ*; 5. *Лют-еръ*. Слово Анаграммы: *Римъ-миръ*. — Подъ первыми двумя Шарадами надлежало бы подписать имя сочинителя, ошибкою пропущенное.

Объявленiе.

ринимается подписка на книгу: *Словарь ревней и новой Поэзiи, составленный Николаемъ Остолоповымъ, Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ.*

Книга сiя, одобренная Разсматриватель-ымъ Комитетомъ Императорской Россiй-кой Академiи, содержитъ въ себѣ расположе-iе по азбучному порядку всѣхъ техническихъ ловъ, употребительныхъ въ древнихъ и но-ыхъ Пiитикахъ, съ показанiемъ производства хъ и значенiя на Русскомъ языкѣ. И потому ъ цѣломъ составѣ Словаря находятся:

1. Всѣ Риторическiе тропы и фигуры, :акъ украшенiя, принадлежащiя равно и прозѣ : стихамъ.

2. Всѣ размѣры и стопы, какъ Грече-:каго и Латинскаго, такъ и новѣйшаго стихо-творства.

3. Исторiя, свойства и правила каждаго рода Поэзiи.

4. Лучшiе примѣры для всѣхъ упомя-нутыхъ частей, взятые изъ древнихъ и но-вѣйшихъ писателей.

5. Сверьхъ того при разборѣ каждаго рода Поэзiи показаны прославившiеся въономъ авторы, съ краткимъ описанiемъ ихъ жизни.

Цѣль Словаря сего состоитъ въ томъ, чтобы учащимъ и учащимся Поэзiи доставить въ совокупности все то, что написано лучша-го о Пiитическомъ искусствѣ какъ у иностран-ныхъ, такъ и нашихъ писателей (съ нѣ-

которыми особенными замѣчаніями), и тѣмъ избавить ихъ отъ чтенія множества писанныхъ по сему предмету книгъ, которыхъ не всегда отыскать можно, или которыя при собираніи требуютъ значительнаго иждивенія. Любители же чтенія найдутъ въ прилагаемыхъ къ каждому роду Поэзіи лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ образцахъ приятное времяпровожденіе.

За излишнее почитаю здѣсь упоминать, по какому порученію принялъ я на себя составленіе сего Словаря — ни того, что на приведеніе онаго въ возможное по силамъ моимъ совершенство употреблено болѣе двѣнадцати лѣтъ: ето не придастъ достоинства книгѣ.

Словарь состоитъ въ трехъ Томахъ. При началѣ каждаго помѣщены содержащіяся въ немъ техническія рѣченія, а на концѣ третьяго прилагается особенная методическая таблица, показывающая по порядку полный курсъ Поэзіи.

Первый Томъ печатается. Издатель употребитъ надлежащія мѣры, чтобы каждый выходилъ въ непродолжительномъ одинъ послѣ другаго времени.

Подписка принимается *въ С. Петербургѣ* у г. Издателя Журнала *Благонамѣренный*, Коллежскаго Совѣтника Александра Ефимовича Измаилова, живущаго на Пескахъ, противъ бассейна, въ новомъ каменномъ домѣ Моденова подъ No 283: въ книжномъ магазинѣ бр. Слениныхъ, у Казанскаго моста, въ домѣ Кусовникова, и въ библіотекѣ для чтенія Плавильщикова, у Синяго моста, въ домѣ Гаврие-

ой; также можно получать билеты и у самаго Сочинителя, живущаго Литейной Части въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Госпожи Ланской подъ No 328; *въ Москвѣ* у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева.

Цѣна за три Тома въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ на Любской бумагѣ 35, на веленевой 50 руб. ассигнаціями; за пересылку же во всѣ прочіе города Россійской Имперіи прилагается по 5 рублей. — Въ пользу казенныхъ учебныхъ заведеній уступается по 5 рубл. отъ каждаго екземпляра. Имена подписавшихся будутъ припечатаны, и потому при подпискѣ должны быть означены чины, имена, фамиліи, а иногородныхъ и мѣстопребываніе.

Особы, живущія не въ вышеозначенныхъ Столицахъ, также и управляющія учебными казенными заведеніями, благоволятъ адрессовать свои требованія въ С. Петербургъ на имя Коллежскаго Совѣтника Николая Федоровича Остолопова, въ магазинъ Слёниныхъ.

У него же можно получать переводъ его *Тассовыхъ мечтаній*, изданіе второе, съ Италіянскимъ подлинникомъ и съ 5 ю искусно выгравированными картинками, на лучшей бумагѣ по 10 руб. екземпл. Иногородные, подписавшіеся на Словарь, за пересылку *Тассовыхъ мечтаній* ничего не платятъ, и книга сія немедленно выслана къ нимъ будетъ по почтѣ.

P. S. Для лучшаго показанія расположенія и содержанія Словаря древней и новой Поэзіи прилагаются здѣсь техническія рѣченія, начинающіяся съ буквы А.

Адоническій.
Акаталектическій.
Акростихъ.
Актъ.
Александрійскій.
Алкмановъ стихъ.
Аллегорическій.
Аллегорія.
Аллитерація.
Аллюзія.
Алкеевъ стихъ.
Амебейскій.
Амфибрахій.
Амфимакръ.
Анаграмма.
Анакреонтическій.
Аналогія.
Аналогическій.
Анапестъ.
Анапестоямбическій.
Антанаклазисъ.
Антибакхій.
Антидактиль.
Антиспастъ.
Антистрофа.
Антитезисъ.
Антономазія.
Антрактъ.
Апобатерическій.
Апокопе.
Апологъ.
Апострофъ.
Апоффегма.
Аппликація.
Арія.
Архилоховъ стихъ.
Асклепіадовъ стихъ.
Астеизмъ.
Аферезисъ.

Николай Остолоповъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 16.
АВГУСТЪ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Вильгельмъ Пеннъ.

(*Окончаніе.*)

Ужасная буря опустошила обширное поле въ окрестностяхъ Парижа; молнія зажгла деревню, и бѣдные поселяне доведены были до мучительной крайности. Туда отправился Вильгельмъ съ намѣреніемъ подать руку помощи несчастливцамъ; онъ наполнилъ кабріолетку свою разными припасами, взялъ нѣсколько денегъ, которыми располагать могъ по своей волѣ, и какъ Ангелъ утѣшитель явился посреди разоренныхъ жителей. — Слезы и благословенія провождали Пенна, когда съ тихою радостію отправился онъ обратно въ столицу, по возможности утѣшивъ бѣдныхъ, плакавшихъ на остаткахъ родимаго пепелища. Онъ спѣшилъ возвратиться прежде наступленія ночи. Вдругъ на крутомъ поворотѣ до-

роги Пеннъ видитъ опрокинутую карету; три или четыре человѣка въ черной ливреѣ весьма суетливо бѣгали во всѣ стороны. Вильгельмъ затрепеталъ; неизъяснимое предчувствіе овладѣло его сердцемъ. — онъ выходитъ изъ кабріолетки, поспѣшно бѣжитъ на помощь, и находитъ всѣхъ служителей въ отчаяніи: они сами незнали, что́ дѣлали, что́ говорили. Кучеръ больно ушибенный стеналъ и плакалъ, проводникъ жаловался и ломалъ руки, а старый слуга тщетно усиливался поднять карету, упавшую въ ровъ довольно глубокой „Ахъ! добрый господинъ!" закричалъ слуга „самъ Господь посылаетъ васъ къ намъ! помогите, помогите! Боже мой! если несчастіе наше совершилось, если барыня... Тогда намъ всѣмъ надобно броситься въ рѣку и погибнуть!" Вильгельмъ спрашиваетъ, трепещетъ... О ужасъ!.. Это Франциска... Слуги разсказываютъ, что когда карета упала, Франциска вскрикнула пронзительнымъ голосомъ — и умолкла Вильгельмъ полумертвый, въ безпамятствѣ соскакиваетъ въ ровъ, всходитъ на карету, старается отворить дверцы — невозможно!... Карета упала на бокъ и крѣпко лежала на однихъ дверцахъ; другія были закрыты вѣтвями густаго дерева, о которое ударилась карета. Трудно описать состояніе Вильгельма: въ отчаяніи онъ ру-

битъ вѣтьви дерева охотничьимъ ножемъ своимъ; но что онъ чувствовалъ? . . . Въ какомъ состояніи найдетъ Франциску? . . Если она умерла . . . Нѣтъ! онъ не переживетъ ее! — Наконецъ открылись дверцы: Маркиза лежитъ въ безпамятствѣ, лице ея въ крови — не льзя узнать Франциски. Съ великимъ трудомъ вынесли ее изъ кареты; Вильгельмъ поддерживаетъ ея голову, становится на колѣни, видитъ ее въ глубокомъ трауре. Что это значитъ? кто умеръ? дядя Франциски . . . или . . . Мысль надежды сверкнула въ головѣ Пенна. Но взглядъ на Франциску ужасаетъ его: она на рукахъ Вильгельма — и лежитъ въ безпамятствѣ, какъ мертвая. Старый служитель приноситъ въ шляпѣ свѣжей воды изъ ручейка. Вильгельмъ обмываетъ лице Маркизы — холодъ возбуждаетъ полумертвыя чувства: Франциска вздохнула. „Она жива еще!“ восклицаетъ Вильгельмъ: „помогите мнѣ, друзья мои!“ Всего лучше, говоритъ ему старый слуга, перевезти барыню въ замокъ: докторъ, бывшій при Графѣ Б***, еще находится въ Бреваннѣ: это помѣстье отсюда въ одной милѣ, а до Парижа около трехъ; ссудите насъ вашимъ кабріолетомъ. — Можно угадать отвѣтъ Вильгельма. Маркизу переносятъ въ кабріолетъ; старый слуга садится подлѣ нее и поддерживаетъ, а Вильгельмъ вскакиваетъ на козлы,

правитъ осторожно лошадьми, и безпрестанно оглядывается. Онъ со слезами на глазахъ разспрашиваетъ служителя, и узнаётъ, что Графъ Б*** умеръ, оставя Маркизу полною наслѣдницей; что она хотѣла облегчить горесть свою благодѣяніями разорившимся отъ пожара поселянамъ, и отправилась къ нимъ со значительною суммой денегъ. Тутъ увидѣлъ Вильгельмъ, что безъ печальнаго происшествія, остановившаго Франциску въ дорогѣ, онъ встрѣтилъ бы ее въ деревнѣ: мысль, что они оба имѣли одну цѣль — *благотворить*, поражаетъ Вильгельма. Ему кажется, что между сердцами ихъ есть какая-то неизвѣстная симпатія — и слезы потекли изъ глазъ его. „Сердца наши понимаютъ другъ друга; одно чувство одушевляетъ насъ обоихъ! Но Франциска... Можетъ быть въ сію минуту душа ея чистая, невинная перейдетъ въ жилище праведныхъ — а я... Нѣтъ! я не перенесу такой потери. О Боже! если Франциска должна умереть — не дай мнѣ пережить ее!"

Такъ страдалъ Вильгельмъ, пока не прибыли въ Бреванскій замокъ. Маркизу перенесли въ спальню. Всѣ служители были въ отчаяніи, видя добрую свою госпожу въ столь бѣдственной опасности. Явился докторъ; съ полчаса Вильгельмъ сидѣлъ

вЪ залѣ, ожидая извѣстія, и это время показалось ему вѣкомЪ; вЪ мрачномЪ отчаяніи смотрѣлЪ онЪ на служителей, бѣгавшихЪ вЪ разныя стороны сЪ заботливостію и печалью. НаконецЪ докторЪ вышелЪ сЪ утѣшительнымЪ извѣстіемЪ, что Маркиза опамятовалась и находится внѣ всякой опасности.— „ВамЪ, почтенный незнакомецЪ,“ прибавилЪ онЪ, пожимая Вильгельмову руку „вамЪ обязана она жизнію: сильный ударЪ вЪ голову повредилЪ жилу; крови вышло много; еще нѣсколько минутЪ — и она не была бы вЪ числѣ живущихЪ. . . Кромѣ того, правая рука вЪ плечѣ была вывихнута — я ее вправилЪ и отЪ боли операціи этой Маркиза пришла вЪ себя. Теперь она совершенно безопасна; только слаба до чрезвычайности. Но я ручаюсь за скорое выздоровленіе, если больная будетЪ совершенно спокойна и не потерпитЪ никакого волненія душевнаго. Еще разЪ повторяю: вы спасли Маркизу. . .“ ДокторЪ не кончилЪ словЪ, какЪ вошла горничная сЪ приказаніемЪ отЪ госпожи: поблагодарить великодушнаго незнакомца за всѣ его старанія, и сказать, что будучи не вЪ силахЪ лично изъявить ему своей признательности, она по крайней мѣрѣ желаетЪ знать имя своего благодѣтеля. — Имя благодѣтеля! . . . ВильгельмЪ смущается, краснѣетЪ; — но отЪ чего это смущеніе? ОтЪ чего боится онЪ объявить свое

имя? . . Докторъ говорилъ, что для больной необходимо нужно *совершенное спокойствіе*, что *никакое движеніе сердечное не должно ее тревожить*! — Но какое дѣло до того Вильгельму? Почему думаетъ Вильгельмъ, что его имя значительно для Франциски? Не уже ли она отличала его когда нибудь отъ другихъ мущинъ? Ахъ! кто любилъ истинно, тотъ знаетъ, что сердце подаетъ тайную вѣсть о взаимной симпатіи другаго сердца: мы узнаемъ, когда насъ любятъ! . . . Нѣсколько мгновеній молчалъ Вильгельмъ. „Скажите, госпожѣ своей,“ отвѣчалъ онъ запинаясь, „что я почитаю себя счастливымъ и благодарю Провидѣніе за случай, по которому очутился я на поворотѣ и успѣлъ помочь въ ея бѣдствіи. Надѣюсь скоро видѣться съ вашей госпожею, а теперь спѣшу въ Парижъ.“ — И онъ въ самомъ дѣлѣ спѣшилъ ѣхать, не смотря, что уже смеркалось: ему хотѣлось увѣдомить обо всемъ Королеву. Старый слуга разсказалъ Вильгельму, что еще наканунѣ того дня Маркиза извѣстила Королеву о смерти Графа Б*** и ждала утѣшительныхъ посѣщеній изъ Парижа. Между тѣмъ она вознамѣрилась непремѣнно сама доставить пособіе бѣднымъ погорѣвшимъ крестьянамъ, и поѣхала, не смотря ни на трауръ, ни на ожидаемыя посѣщенія родственниковъ.

Въ это время остановилась у крыльца карета. Виконтесса Р***, какъ родственница Графа Б***, которую Франциска извѣстила уже о смерти своего дяди, пріѣхала съ дѣвицею Полиной Н***, любимицей Королевы и любимою подругою Франциски. Государыня черезъ нее приказывала Францискѣ, или лучше, просила ее пріѣхать скорѣе въ Парижъ для разсѣянія горести въ ея дружескомъ обществѣ. Добрая Полина затрепетала, услышавъ объ опасности, угрожавшей Францискѣ, а Виконтесса коварно улыбнулась, увидѣвъ Вильгельма и узнавши, что *мудрый Британецъ* спасъ жизнь ея родственницы. Ей извѣстна была любовь Вильгельма; ибо, когда спрашивала дорогаго своего Дорсета о причинѣ частыхъ разговоровъ его съ Францискою, хитрецъ подробно разсказалъ ей всѣ свои намѣренія. — „Вижу,“ сказала она Вильгельму „теперь вижу, что Богъ награждаетъ за добрыя дѣла! Какъ вы кстати случились на дорогѣ, гдѣ упала карета Маркизы! . . . Думаю, и супругъ ея останется вамъ благодарнымъ, что по милости вашей онъ не овдовѣлъ? . . .“ Мысль о Маркизѣ д'Ал*** давно уже не представлялась Вильгельму съ такою живостью, какъ при сихъ словахъ Виконтессы. Онъ покраснѣлъ и молчалъ въ замѣшательствѣ; скоро потомъ отправился

вЪ Парижѣ, и обѣ дамы поручили ему увѣдомить обо всемЪ Королеву.

Было уже поздно, когда ВильгельмЪ возвратился вЪ городЪ. На другой день онЪ явился вЪ ЛуврЪ, разсказалЪ свое приключеніе Королевѣ и опечалилЪ добрую Государыню. Хотя ВильгельмЪ какЪ можно меньше говорилЪ о помощи, которую подалЪ Маркизѣ; но Королева примѣтила скромность, и благодарила его отЪ чистаго сердца. „Вамъ обязана я спасеніемЪ моего друга," сказала Государыня: „вЪ чувствахЪ собственнаго сердца вы найдете достойную награду; но я ожидаю отЪ васЪ еще одной услуги, одолженія собственно для меня. Вы должны сами освѣдомляться о нашей больной, должны всякой день ѣздить вЪ БреваннЪ; — что за трудность вамЪ переѣхать три мили вЪ день, когда черезЪ это оправдаете дружбу вашу кЪ милой *моей воспитанницѣ* и усердіе ко мнѣ! Только тотЪ день могу быть спокойною вразсужденіи здоровья моей Франциски, вЪ который *мудрый БританецЪ* привезетЪ мнѣ утѣшительное объ ней извѣстіе!"

ВильгельмЪ обѣщалЪ — и могЪ ли отказаться? ОнЪ постарался по крайней мѣрѣ увѣрить себя, что *не могЪ*, и всякой день быстрымЪ галопомЪ скакалЪ вЪ БреваннЪ, а

возвращаясь оттуда, съ утѣшительнымъ извѣстіемъ спѣшилъ къ Королевѣ. Франциска все еще не выходила къ нему; но старый Филиппъ, который помогалъ Пенну въ спасеніи доброй госпожи своей и потомъ полюбилъ его отъ всего сердца, Филиппъ, вдалекѣ завидя Вильгельма, выбѣгалъ къ нему за ворота и громкимъ голосомъ объявлялъ, что госпожѣ его легче; потомъ уже съ торжествомъ вводилъ Вильгельма въ залу. Полина обыкновенно бывала рада его посѣщенію, входила во всѣ подробности о здоровьѣ Франциски, и давала обѣщаніе, что подруга ея скоро будетъ въ силахъ благодарить лично своего избавителя. Виконтессѣ это не нравилось. Послѣ десятка ничего незначущихъ словъ она обыкновенно начинала говорить о Парижѣ, о придворныхъ новостяхъ, о любезномъ своемъ Дорсетѣ и объ ужасной скукѣ въ деревнѣ. „Нельзя ли вамъ убѣдить Дорсета?“ говорила она Вильгельму: „пусть онъ сюда пріѣдетъ. Я сроду нечувствовала *небесныхъ вдохновеній*, и неимѣю ни малѣйшей охоты сдѣлаться какою нибудь Кармелиткою. Я право готова вмѣстѣ съ вами уѣхать въ Парижъ, — не смотря на всю опасность такого сообщества. Впрочемъ не въ моей власти“ прибавляла она съ лукавымъ смѣхомъ „умягчить *мудраго Британца*, философа нечувствительнаго! По крайней мѣрѣ онъ былъ такимъ донынѣ; за буду-

щее кто поручится! Онъ избавилъ от смерти молодую и прекрасную даму; обыкновеніе велитъ избавителю непремѣнн. влюбиться. Только совѣтую вамъ окончить романъ до возвращенія Аргуса: етотъ старикъ такъ ревнивъ и завистливъ. . ." Могли ли доброму Вильгельму нравиться подобные обороты и намеки? И Вильгельмъ сердечно обрадовался, когда Виконтесса уѣхала въ столицу; но нѣтъ радости безъ неудовольствій! Съ крайнимъ огорченіемъ узналъ онъ, что ета вѣтреная и злобная женщина всѣмъ разсказывала, будто бы печальное происшествіе и всѣ бѣдствія Маркизы были слѣдствіемъ любовной интриги, и что *мудрый Британецъ* ѣздилъ всякой день въ Бреваннъ только лишь для утѣшенія красавицы въ ея принужденномъ одиночествѣ. Правда, Вильгельмъ иногда внутренно былъ доволенъ мыслію, что всѣ почитали его счастливымъ любовникомъ Франциски; но раскаяніе тотчасъ слѣдовало за етою преступною мыслью, а почтеніе и любовь его къ Францискѣ сдѣлали то, что клеветы Виконтессы жестоко оскорбляли его сердце: добрая слава Франциски была для него драгоцѣнна. Онъ просилъ Дорсета заставить Виконтессу быть скромною, и въ то же время самъ подавалъ случай къ злословію: всякой день ѣздилъ въ Бреваннъ, оставался тамъ по нѣскольку ча-

совъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Виконтесса уѣхала въ Парижъ и Франциска могла выходить въ залу. Какъ мила, какъ прелестна показалась она Вильгельму, когда увидѣлъ ее въ первый разъ послѣ болѣзни! Слабая, блѣдная сидѣла она въ креслахъ, и легкой румянецъ покрылъ ея щеки при взглядѣ на своего избавителя. Одна рука ея была еще подвязана; другою взяла она руку Вильгельма. „Не знаю" говорила Франциска „хорошо ли вы поступили, избавивши меня отъ смерти; но жизнь представляется мнѣ драгоцѣннѣйшимъ даромъ небесъ при одной мысли, что одолжена ею вашему человѣколюбію и, если смѣю сказать, вашей дружбѣ." Вильгельмъ немогъ удержаться, чтобъ непоцѣловать прелестной руки ея и по Англійскому обычаю не пожать ее крѣпко. Улыбаясь, отняла Франциска свою руку и, по поводу етаго обыкновенія, завела занимательной для обоихъ разговоръ, сначала вообще объ Англіи, потомъ особенно о сектѣ Квакеровъ. Она нескрыла, что почитаетъ Вильгельма ревностнымъ послѣдователемъ новаго ученія и что, еще не зная правилъ етаго общества друзей, уже уважаетъ оное. Тутъ, ободренный внимательностію любезной Франциски, нашъ мечтатель съ жаромъ, со всею силою краснорѣчія заговорилъ о любимомъ предметѣ его размышленій, и постарался объяснить ей самыя малыя

подробности благодѣтельнаго, чистаго Евангельскаго ученія, которое наполняло его душу. Всѣ черты лица его оживились, глаза блистали: въ жару своемъ онъ забылъ, что находится не между Квакерами, что обѣщалъ воздерживаться отъ милыхъ своихъ привычекъ; нѣсколько разъ съ любезною откровенностію привѣтствовалъ онъ Франциску словомъ *ты*. . . „Для чего не могу я ввести *тебя* въ собраніе братьевъ моихъ по духу вѣры; для чего *ты*, достойная быть участницею нашего благочестиваго общества, не можешь слышать сама словъ человѣка, по небесному внушенію проповѣдующаго намъ святыя истины! Ахъ! тамъ, среди собранія нашего, убѣдилась бы *ты* въ тѣхъ истинахъ, которыя Спаситель открылъ ищущимъ Его съ вѣрою, въ истинахъ, предъ которыми все прочее — одно лишь ничтожество, одно лишь заблужденіе. . .“ Но Франциска уже чувствовала ихъ, чувствовала всю силу словъ любезнаго проповѣдника: сердце ея сильно забилось и слезы въ глазахъ блеснули. — Нѣтъ! сказала она: это счастіе не мнѣ назначено: никогда не увижу любезной вашей Англіи! Но развѣ не могу мысленно быть среди вашего общества? развѣ не могу участвовать въ вашихъ молитвахъ, быть вашею *сестрою*, вашимъ *другомъ*? — Полина также удивлялась ентузіазму краснорѣчиваго Вильгельма — но только удивля-

ась: она не была растрогана подобно Франциске, и откровенно признавалась, что какъ бы ни хорошо было *общество друзей*, но когда имъ запрещено танцовать и ѣздить въ театръ, то она ни за что не согласится быть членомъ Квакеровъ.

Подобные разговоры возобновлялись при каждомъ посѣщеніи, и скоро сердце Франциски сдѣлалось неспокойнымъ: Франциска задумывалась, вздыхала. — До сихъ поръ *любовь*, о которой они говорили, была любовь *не земная*; но время текло непримѣтно и любовь ихъ также непримѣтно дѣлалась — *земною*. Часто, забываясь во время жаркаго разговора, Вильгельмъ приближался къ Францискѣ, бралъ ея руку. . . Еслибъ они были одни, Вильгельмъ упавъ на колѣни, излилъ бы пламенную страсть свою въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ, ничего не находя преступнаго въ восторженныхъ своихъ чувствахъ. Но благоразумная Франциска все предвидѣла: Полина была неразлучною свидѣтельницею ихъ бесѣды; старая служанка Маркизы, воспитанная въ домѣ отца ея, усердная и до излишества преданная госпожѣ своей, часто находилась тутъ же, и со слезами слушала благочестивыя разсужденія *добраго, прекраснаго избавителя барыни* — такъ называли Вильгельма всѣ служители Маркизы. —

Съ горестію ожидалъ онъ наступле… шого дня, когда Франциска, которая сов… шенно оправилась уже отъ своей болѣзн… хотѣла возвратиться ко Двору. Обольщен… ный привлекательностію бесѣды, Вильгельм… забывалъ опасность своего положенія. О… гордился, воображая, что Провидѣніе избр… ло его быть истолкователемъ добродѣтел… ной Францискѣ истинныхъ основаній хр… стіанскаго закона, и раскрыть въ душ… ея чувства, которыми она можетъ отр… жать всѣ соблазны міра. Стараясь поль… ваться немногими днями свободы, Вильгельм… продолжалъ свои поѣздки въ Бреванской з… мокъ. Въ одинъ день онъ пріѣзжаетъ р… нѣе, и видитъ необыкновенное движеніе … зáмкѣ. Екипажъ страннаго вида, запр… женный мулами, въ великолѣпной збру… съ большими перьями на головахъ, сто… ялъ у крыльца. Высокаго роста, съ длин… ными усами кучеръ похаживалъ ровны… ми шагами около кареты. „Чей етотъ екипажъ?" спрашиваетъ Вильгельмъ. — Маркиза д' Ал***; онъ вчера вечеромъ воз… вратился изъ Мадрита и сей часъ ѣдетъ съ супругою въ Парижъ. — „Маркиза д' Ал***?" повторилъ смущенный Вильгельмъ. Громъ, разразившійся надъ его головою, не столько бы изумилъ его. Между тѣмъ онъ собирается съ мыслями, воображаетъ, что не тайно, а по требованію Королевы

посѣщаетъ Бреваннъ, слѣдовательно не долженъ уклоняться отъ свиданія со счастливымъ супругомъ Франциски, которому сдѣлалъ столь великое одолженіе. „Такъ, я увижу етаго человѣка, располагающаго судьбою Франциски!" подумалъ Вильгельмъ, спрыгнулъ съ лошади, и хотѣлъ всходить на крыльцо. Вдругъ добрый старикъ Филиппъ выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу, отдаетъ ему какое-то письмецо и со слезами на глазахъ говоритъ: *ето отъ барыни.* — „Ахъ, любезный нашъ избавитель! дѣло идетъ худо: мы одолжены вамъ жизнію, и несмотря на то, можетъ быть никогда уже васъ не увидимъ!" — Какъ! вскричалъ Вильгельмъ — что ты говоришь? — Въ ето время нѣкто грубымъ голосомъ зоветъ Филиппа. — „Поѣзжайте съ Богомъ" говоритъ доброй старикъ, „поѣзжайте, любезный баринъ! Маркиза требуетъ етаго, а я прошу васъ." — И онъ поспѣшно идетъ обратно въ комнаты.

Въ изумленіи, съ растерзаннымъ сердцемъ Вильгельмъ садится на свою лошадь. Въ первый разъ еще тысяча ужасныхъ мыслей пролетаютъ въ его воображеніи: его душа, сердце возмущены; онъ самъ не знаетъ, куда ѣдетъ и объ чемъ думаетъ: не видать Франциски, никогда не видать ее — ето ужасно, свыше силъ

человѣческихъ! „За чѣмъ не слѣдовалъ совѣту Виконтессы Y***? за чѣмъ непохитилъ Францискі до пріѣзда Маркиза? Тамъ, въ Англіи, насъ ожидало благополучіе и радость.“ — Ета мысль только лишь сверкнула въ головѣ Вильгельма, и уже онъ ужасается разстройства своего разсудка. „Великій Боже! и я могъ подумать о такомъ ужасномъ преступленіи! И я, ученикъ Георгія Фокса, хочу похитить *жену ближняго моего*, разрушить союзъ, установленный самимъ Богомъ!“ Тутъ вспомнилъ онъ, что получилъ чрезъ Филиппа письмецо отъ Франциски: стыдясь самаго себя, въ жару раскаянія, онъ готовъ пожертвовать драгоцѣннымъ письмомъ, готовъ разодрать его не читавши. Но, можетъ быть оно послужитъ къ утѣшенію, къ отрадѣ сердца — и Вильгельмъ сходитъ съ лошади, привязываетъ ее къ дереву, срываетъ печать; рука его дрожитъ; почеркъ доказывалъ, что и рука Франциски дрожала. Вотъ что писала бѣдная Франциска:

„Прощайте навсегда, мой другъ, избавитель и наставникъ: *здѣсь*, на земли, мы болѣе не увидимся. Ето должна была я обѣщать человѣку, котораго ношу имя, которому при олтарѣ Божіемъ поклялась всегда повиноваться, всегда быть вѣрною. Мы не увидимся; но будемъ неразлучны:

наши мысли, наша вѣра одинаковы. Мы будемъ соединены молитвами, которыя вознесемъ къ Богу, — нашими добрыми дѣлами, жертвами, которыхъ отъ насъ требуютъ, сладостнымъ согласіемъ нашихъ душъ — *и тамъ* — тамъ награда за все! Прощайте! Скажите обо мнѣ вашимъ Лондонскимъ братьямъ. . . Вы мнѣ говаривали, что люди съ одинакими чувствами всегда вмѣстѣ, всегда неразлучны — и Франциска будетъ всегда, всегда — *съ тобою*! . . Прости! . .“

Какъ утѣшительно было чтеніе етаго письма для Вильгельма! Онъ не узналъ ничего ни о бѣдствіи Франциски, ни объ ея жребіи; — ни сердце его исполнилось чувствомъ блаженства, котораго ни мужъ ея, ни кто другой не могли нарушать. Какъ стыдился онъ, сравнивая безпорядокъ души и волненіе страстей своихъ со спокойствіемъ, съ невинностію, которыми ознаменованы каждое слово Франциски! Вильгельмъ далъ обѣтъ самому себѣ быть ея достойнымъ. Онъ вспомнилъ намѣреніе свое посѣтить въ Сомюрѣ добродѣтельнаго Амиро, почувствовалъ нужду въ совѣтахъ сего благочестиваго старца, и призывая въ помощь Бога всемогущаго для успокоенія самаго себя и Франциски, положилъ письмо ея, какъ егиду добродѣтели, на свое сердце; потомъ отира

вился въ Парижъ съ твердымъ намѣренiемъ чрезъ два дни оттуда выѣхать. Онъ распрощался съ своими товарищами, приготовилъ все къ отъѣзду; наконецъ явился въ Луизiану благодарить Короля и Королеву и разсказать послѣдней всѣ происшествiя съ Францискою. Марiя-Терезiя приняла его милостиво; она была одна: тѣмъ свободнѣе могъ Вильгельмъ изъясниться. Королева удивилась, слыша о неожиданномъ прiѣздѣ Маркиза д'А.***. Въ письмахъ своихъ, которыя писаны были уже послѣ смерти Графа Б***, онъ извѣщалъ утвердительно, что важныя дѣла не дозволяютъ ему возвратиться, и болѣе прежняго просилъ Королеву покровительствовать юной его супругѣ. Въ то же время онъ увѣдомлялъ, что отправляетъ своего повѣреннаго для приведенiя въ порядокъ дѣлъ покойнаго Графа; ибо Маркиза, и безъ того неопытная въ дѣлахъ, была нездорова и ничего не знала о томъ, что происходило. Вильгельмъ много разъ видалъ етаго повѣреннаго въ Бреваннѣ. „Маркизъ долженъ мнѣ возвратить мою Франциску;" говорила огорченная Королева: „я не могу жить безъ нее — мы скоро съ нею увидимся и часто, часто будемъ говорить объ нашемъ *мудромъ Британцѣ.*" Вильгельмъ, совершенно успокоенный, разстался съ Королевой.

Но Франциска была уже далеко отъ ариҗа — въ уединенномъ, строгомъ монапырѣ, куда мужъ увезъ ее черезъ часъ ослѣ отъѣзда Вильгельмова изъ Бреванна. амо по себѣ разумѣется, что все произо- ило отъ злобной Виконтессы Р***; ибо она мѣла безпрерывную переписку съ Маркимъ. Изыскивая всѣ средства къ погубленію Франциски, она описала мужу ея бѣдшвенное приключеніе на крутомъ поворотѣ. ама Франциска объ етомъ просила Виконтессу, когда писать была еще не въ состояніи; просила разсказать ему всѣ обстоятельства, даже и то, что она обязана жизнію благородному Англичанину, Вильгельму Пенну; все ето написала Виконтесса, но написала съ тѣмъ тонкимъ, жаснымъ искусствомъ, которое, не пверждая ничего рѣшительно, отравляетъ ушу подозрѣніями, самой истинѣ даетъ аружность мучительной недостовѣрности; подъ видомъ мнимаго чистосердечія скрываетъ ужаснѣйшее коварство. Нечаянный лучай, приведшій Вильгельма на дорогу, диnаковое намѣреніе его и Франциски утѣшить несчастныхъ — все было объяснено акъ несвязно, что явнымъ казалось мнимое огласіе ихъ видѣться — согласіе, котораго Виконтесса будто не понимала. Далѣе, не бвиняя Франциски, она сожалѣла, что небходимость и свѣтское приличіе застави-

ли ее позволить Франциске принимать всякой день молодаго, пригожаго избавителя въ Бреванне, и это было тѣмъ опаснѣе что молодой избавитель есть ужасный фанатикъ, еретикъ, отвергнувшій православную вѣру; что всякой разъ говорилъ онъ Франциске о соблазнительной своей ереси, и что наконецъ помощію врага всѣхъ хрістіанъ успѣлъ уже поколебать вѣру слабой женщины. Вильгельмъ описанъ былъ прекраснѣйшимъ мущиною, съ коварнымъ, лицемѣрнымъ характеромъ, который, пріобрѣтая славу добродѣтельнаго, благочестиваго юноши, тѣмъ удобнѣе предавался тайнымъ распутствамъ, слѣдственно подъ личиною добродѣтели легко могъ обольстить молодую, неопытную женщину.

Нужно ли было сказать болѣе, чтобы возбудить бѣшеную ревность въ Испанцѣ, закоснѣвшемъ въ суевѣріи, ревнивомъ до безмѣрности? Маркизъ бросилъ всѣ свои дѣла въ Мадритѣ, непростился даже съ Королемъ и тайно уѣхалъ во Францію. Онъ скакалъ день и ночь, полагая, что въ такой опасности для спасенія своей чести не должно терять времени. Франциска испугалась его ужаснаго взора. Прежде всего онъ наговорилъ ей грубостей, проклиналъ свою отлучку; потомъ подробно разспрашивалъ Гусмана, своего повѣреннаго въ дѣлахъ — и подозрѣ-

нія Виконтессы казались ему совершенно справедливыми: Гусманъ объявилъ, что въ самомъ дѣлѣ какой-то молодой, прекрасной Англичанинъ всякой день пріѣзжалъ изъ Парижа, оставался въ Бреваннѣ по нѣскольку часовъ, и это время проводилъ въ разговорахъ съ Маркизою. Полина въ свою очередь подтвердила то же самое: но словамъ ея, что всѣ свиданія происходили въ ея присутствіи, Маркизъ не хотѣлъ вѣрить; а на увѣренія Полины и супруги своей, что Вильгельмъ Пеннъ бывалъ у нихъ по повелѣнію Королевы, сказалъ, что онъ почитаетъ страшнымъ преступленіемъ подумать, будто Королева позволила такой развратъ, такое безчиніе. Маркизъ отослалъ въ Парижъ Полину. Объявилъ Францискѣ, что она будетъ жить въ строгомъ монастырѣ, пока всѣ обольщенія еретика не изгонятся изъ ея памяти молитвами благочестивыхъ отшельницъ. Франциска принуждена была дать клятву, что никогда болѣе не увидитъ ужаснаго обольстителя, который хотѣлъ погубить ее въ сей жизни и въ будущей. Бѣдная Франциска на все согласилась! „Я желалъ бы лучше, чтобъ ты погибла при паденіи кареты,“ говорилъ ей ожесточенный Маркизъ, „нежели быть одолженнымъ твоею жизнію этому проклятому еретику и отступнику. . . Горе ему, если онъ встрѣтится со мною!“ Въ то самое время Мар

киз҃ слышитъ топотъ, подходитъ къ окн
и видитъ молодаго человѣка, пріѣхавша
на прекрасной Англійской лошади. Филипп
разговариваетъ съ нимъ у крыльца. „Еж
онъ!" восклицаетъ Маркизъ внѣ себя отъ
бѣшенства. Франциска взглядываетъ, узнаетъ
Вильгельма и трепещетъ: ея смятеніе
подтверждаются подозрѣнія Маркиза; онъ
хватаетъ шпагу, громко зоветъ Филиппа
и бѣжитъ изъ залы. Но добрый старикъ
исполнилъ уже приказаніе своей госпожи, и
Вильгельмъ удалился Ярость и отчаяніе
Маркиза не имѣли предѣловъ: онъ клянется
отмстить! Прежде всего увозитъ печальную
Франциску въ монастырь, проситъ монахинь
содержать ее какъ можно строже, не допускать ни съ кѣмъ видѣться и непринимать
на имя ея никакихъ писемъ; потомъ спѣшитъ въ Парижъ, чтобы отмстить Вильгельму за мнимое поруганіе своей чести.
Онъ видѣлъ его одинъ разъ, но довольно
разсмотрѣлъ и могъ узнать, гдѣ бы съ нимъ
ни встрѣтился.

Такъ и случилось. Вильгельмъ, окончивши всѣ дѣла свои, далъ слово землякамъ обѣдать съ ними. Въ отдаленной улицѣ Маркизъ
встрѣчается съ нашимъ Британцемъ, и между тѣмъ какъ изумленный Вильгельмъ смотритъ на него, незная, что ему отвѣчать,
Испанецъ осыпаетъ его ругательствами, кри-

чить ужаснымъ голосомъ: „Ты заслуживаешь, проклятый еретикъ, чтобъ я лишилъ тебя жизни столь же вѣроломно, какъ ты хотѣлъ лишить меня чести; но знай, что Маркизъ д' Ал*** не бездѣльникъ, не подлый убійца. . . . защищайся!" Что оставалось Вильгельму? Квакеры никогда несражаются, и обнажить мечь на ближняго своего почитаютъ грѣхомъ смертельнымъ. Сообразуясь съ обычаями Парижанъ, Вильгельмъ носилъ шпагу; но онъ обѣщалъ *друзьямъ* своимъ никогда ее не употреблять: кротость, скромное поведеніе Квакеровъ дѣлаютъ для нихъ ненужнымъ орудіе убійства; они не оскорбляютъ никого ни словами, ни дѣломъ.

„Защищайся!" кричитъ Маркизъ: „или я убью тебя!" Вильгельмъ обнажаетъ шпагу; отражаетъ удары Маркиза и говоритъ ему съ совершеннымъ хладнокровіемъ: ты не умѣешь сражаться, а твое бѣшенство подвергаетъ тебя большой опасности: я сказывалъ тебѣ, что вѣра запрещаетъ мнѣ обнажать мечь на ближняго; теперь, защищая жизнь свою, радуюсь, что могу пользоваться твоимъ изступленіемъ." Вильгельмъ искуснымъ оборотомъ выбиваетъ шпагу изъ рукъ Маркиза, схватываетъ ее и — ломаетъ.— „Не знаю," говоритъ онъ „не знаю, чѣмъ заслужилъ я ненависть, когда думалъ

заслужить вашу благодарность, спаса жизнь добродѣтельной супруги; тевень жизнь ваша въ моихъ рукахъ; но Вильгельмъ Пеннъ не мститъ ни кому — я васъ прощаю!" — Онъ улыбается и тихими шагами идетъ по своей дорогѣ. Маркизъ не понималъ поступка Вильгельмова: онъ видѣлъ, онъ долженъ былъ признать благородство и мужество юнаго героя; но ярость его еще не утихла: въ нерѣшимости возвращается онъ къ себѣ и находитъ Королевскаго Каммергера. Государыня требовала его къ себѣ немедленно, ибо Полина, все разсказавши добродѣтельной Маріи-Терезіи, возбудила въ ней ужасъ и негодованіе описаніемъ недостойныхъ подозрѣній Маркиза д'Ал***. Гнѣвъ и упреки Маріи-Терезіи пристыдили Маркиза: онъ выслушалъ подробное описаніе всѣхъ добродѣтельныхъ поступковъ *мудраго Британца* и самъ признался въ великодушіи Вильгельма. Королева настоятельно требовала, чтобы онъ возвратилъ ей любезную Франциску, примирился съ Вильгельмомъ и немедленно отправился бы въ Мадритъ, откуда уѣхалъ, забывши всѣ обязанности подданнаго, невидавши Короля и не окончивши дѣлъ порученныхъ. Желая оправдать свое безразсудство, Маркизъ обвинялъ Виконтессу Р***, показывалъ ея письма. Виконтессу позвали къ Королевѣ. Съ важностію ве-

просила Государыня коварную кокетку: что побудило ее къ такому поступку, который могъ причинить погибель любезной, добродѣтельной женщинѣ и смерть двумъ почтеннымъ особамъ? Виконтесса краснѣла, блѣднѣла, оправдывалась только тѣмъ, что хотѣла услужить Маркизѣ, удаляя ее отъ человѣка, отпадшаго отъ истинной вѣры, и думая, что отсутствіе Маркиза и правила Вильгельма Пенна не допустятъ ихъ обоихъ до поединка. Королева запретила Виконтессѣ являться ко двору и лишила мѣста, которое она съ давняго времени занимала. Послали за Вильгельмомъ: добродѣтельная Государыня хотѣла показать его Маркизу и тѣмъ совершенно уничтожить всѣ подозрѣнія. Вильгельмъ, который совсѣмъ уже былъ готовъ ѣхать изъ Парижа, поспѣшилъ во дворецъ — и Маркизъ, увѣренный въ благородномъ образѣ его мыслей, плѣненный поступками добродѣтельнаго, бросился въ его объятія, прося прощенія. Примиреніе было искренно: Вильгельмъ требовалъ отъ Маркиза позволенія написать письмо къ Францискѣ, которое и вручилъ Королевѣ незапечатаннымъ.

Ето письмо, образецъ чувствъ истинной добродѣтели и благочестія, сдѣлало неизъяснимое впечатлѣніе въ сердцѣ юной Королевы: оно было переписано собствен-

ною ея рукою и часто подавало ей новыя силы къ перенесенію всѣхъ неудовольствій придворныхъ и невѣрности ея супруга, — къ показанію трогательныхъ примѣровъ добродѣтели, которыми ознаменована жизнь Маріи-Терезіи. Въ етомъ письмѣ и Франциска нашла новыя средства утвердиться въ рѣшимости своей отказаться навсегда отъ мірскихъ соблазновъ. Оправданная отъ всѣхъ подозрѣній, она была обрадована, когда, вмѣсто наказанія, нашла въ монастырѣ, куда удалилъ ее супругъ, всѣ утѣхи прежней жизни, которыми до вступленія въ свѣтъ наслаждалась. Тамъ, въ тишинѣ уединенія, она свободно размышляла о духовномъ союзѣ въ вѣчности съ добрымъ своимъ Вильгельмомъ и только тѣмъ могла охлаждать пламенную любовь свою. Франциска просила Королеву дозволить ей остаться въ монастырѣ до возвращенія супруга ея изъ Испаніи. Сверхъ всякаго чаянія Маркизъ прожилъ тамъ долго, и умеръ, ѣхавши во Францію. Тогда Франциска съ радостію отказалась отъ свѣта и посвятила себя одному Богу. Время уменьшило страсть Вильгельма. По возвращеніи своемъ въ Англію, онъ нашелъ вторую Франциску, столь же любезную и добродѣтельную, въ особѣ прекрасной Миссъ Шарингетъ, получилъ ея руку и сердце — и былъ счастливъ. Но могъ ли онъ забыть се-

стру *свою*, Франциску? . . . Два раза приѣзжалъ Вильгельмъ во Францію, два раза видѣлъ ее и благословлялъ таинственныя пути Провидѣнія.

Извѣстны добродѣтельные подвиги Вильгельма Пенна: мы не будемъ разсказывать другихъ не менѣе интересныхъ происшествій его жизни, и прибавимъ только, что благородство души его и твердость характера наконецъ побѣдили всѣ предразсудки, доставили ему *благословеніе родителей*, уваженіе Государя, почтеніе всего отечества и удивленіе потомства.

Съ Французск. Н. П — ой.

1 Августа 1820 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ IV й пѣсни Виргиліевыхъ Георгикъ.

(Виргилій, описавъ болѣзни пчелъ и средства врачеванія ихъ, предлагаетъ на древнемъ баснословномъ преданіи основанный способъ — возстановлять падшій ихъ родъ. Ето подало творцу Георгикъ поводъ къ превосходному епизоду объ Аристеѣ, искавшемъ прибѣжища отъ гоненій у матери своей Кирены, Царицы пучинъ Пенеевыхъ.)

Когда враждебный рокъ твоихъ похишилъ пчелъ,
Угасло племя все и градъ ихъ запустѣлъ,
Есть средство древнее воздвигнуть родъ ихъ новый,
И снова населить осиротѣвшія кровы.
Подъ небомъ счастливымъ излелѣянный народъ,
Живущій у бреговъ богошворимыхъ водъ,
Въ поляхъ которагo раскрашенные челны
Питающей рѣки угрюмы пѣнятъ волны;
Сосѣди Парскихъ ордъ, которымъ черный илъ —

Обилія залогъ — приноситъ щедрый Нилъ,
И благодатный край, гдѣ мѣлокъ отъ истока,
Седмь отраслей изведъ, поитъ страны востока
И по слѣдамъ влечетъ благословенье селъ,
Сіе искусство чтутъ спасительнымъ для пчелъ.
Обрядъ свершается на мѣстѣ сокровенномъ,
Далекомъ отъ жилищь, стѣнами обнесенномъ,
Подъ кровлей черепицъ; — отъ четырехъ сторонъ
Въ стѣсненну храмину чрезъ косвенный наклонъ
Сквозь окна чуть скользитъ лучь солнца золотова,
И вводятъ подъ наметъ таинственнаго крова
Двулѣтняго тельца, избраннаго отъ стадъ,
И сыплется надъ нимъ бичей жестокій градъ,
И тщетно борется, и въ силахъ нѣтъ отрады;
Мучители его не вѣдаютъ пощады,
И не растерзанный, но мертвый, онъ падетъ
На смертный одръ; ему приносятъ подъ наметъ
И травы мягкія и вѣтви древъ зелены
И тминный ароматъ и ландышь благовонный.
Единый разъ въ году свершаютъ сей обрядъ,
Когда равнину водъ зефиры заструятъ;
Но лугъ и долъ еще цвѣтами не пестрѣетъ,
Болтлива ласточка излучисто не рѣетъ,
Не вьетъ еще гнѣзда подъ кровлею домовъ...
Межъ тѣмъ сліянная въ тельцѣ со влагой кровь

Кипитъ, и оживясь непостижимой силой,
Изводитъ чудный рой безногiи и безкрылой —
И скоро измѣнясь, онъ пчелъ приемлетъ видъ,
И скоро возмужавъ, въ ефирѣ онъ шумитъ,
Какъ падающiи дождь изъ облакъ воспаленныхъ,
Какъ черны тучи стрѣлъ, убiйствомъ окрыленныхъ,
Когда ихъ легкiй Пареъ, вступая въ первый бой,
Съ дрожащей тетивы на вражiй сыплетъ строй.

Подруги Цинтiи, богини вдохновенья!
Вѣщайте, кто сей богъ — виновникъ откровенья,
Кто первый опытъ свой успѣхомъ увѣнчалъ,
И смертнымъ путь къ нему надежный показалъ?
Нѣжавшiй родины злосчастный сынъ Кирены,
Когда свирѣпый моръ и гладъ ожесточенный
Похитилъ пчелъ его — отраду мирныхъ дней,
Отъ дальнихъ береговъ, гдѣ шествуетъ Пеней,
Задумчивый пришелъ къ священному истоку,
И растворяя тамъ слезами скорбь жестоку,
Онъ къ родшей возопилъ: „Царица сихъ пучинъ,
О матерь милая! почто твой нѣжной сынъ
Даръ жизни отъ тебя прiялъ Тимврейскимъ богомъ?
Мнѣ козни суждены судебъ въ совѣтѣ строгомъ,

И гдѣ твоя любовь? И что мнѣ твой обѣтъ —
Безсмертныхъ почести? Подъ тяготою бѣдъ
Межъ смертныхъ я влачу безславные дни жизни;
Оставленный тобой, бѣгу моей отчизны.
Тамъ славы я искалъ и трудъ весь истощилъ;
Что пользы? — Вѣрный плугъ и волъ мнѣ измѣнилъ;
Остались пчелы мнѣ отрадой въ скромной долѣ;
Я счастливъ ими былъ — и пчелъ моихъ нѣтъ болѣ,
И ты мнѣ мать! Нѣтъ, нѣтъ, что медлить? доверши,
И нивы и сады мои опустоши;
Исторгни всѣ древа безжалостной рукою;
Разлей враждебный огнь, и пламенной рѣкою
И поле и стада и пажить попали,
Сѣкиру тяжкую на виноградъ пошли:
Забывшей и любовь и святость обѣщанья,
Тебѣ, жестокая! ничто мои страданья.
Уныньемъ омраченъ, вѣщалъ, и скорбный гласъ,
Раздавшись въ глубинѣ, слухъ матери потрясъ.
Вокругъ нее руно младыя Нимфы пряли;
Разсыпаны власы ихъ перси осѣняли,
По выямъ перловымъ спускаяся волной:
Тамъ Кліо гордая съ Бероею сестрой,
Двѣ дщери бога водъ, въ хитонахъ златотвейныхъ

Блистали нѣжностью рамень бѣлолилейныхъ
У Ксанты прелести дышали на устахъ;
У нѣжной Таліи двѣ розы на щекахъ,
У Лиды пламенной, у томной Галатеи
На дышущихъ холмахъ раскинулись лилеи,
Ефиры — легкій станъ, Ониды бровь дугою
Въ очахъ Ликориды цвѣтъ неба голубой,
Трехъ Грацій красота; тамъ скромная Лигея
Тамъ легкая стопой любовница Алфея.
Климена межъ подругъ въ очарованьи словъ
Живописала имъ и Марсову любовь
И ревность тщетную супруга Афродиты
И подвиги любви безсмертныхъ знамениты;
Онѣ внимали ей, и мягкое руно
Ложилося въ кругахъ на бѣгло веретено.
И снова юноши раздался гласъ печальный,
Промчался по водамъ, проникъ въ чертогъ кристальный,
И снова поразилъ Кирены нѣжный слухъ,
И ужасомъ объялъ младыхъ ея подругъ.
И первая изъ Нимфъ — любовница Алфея,
Божественнымъ челомъ блеснувъ изъ волнъ Пенея,
„О милая сестра! не тщетенъ страхъ твой, нѣтъ!
„Твой сынъ," рекла она „заботъ твоихъ предметъ,
„Съ слезами на очахъ — въ отчаяньи жестокомъ

„Взываетъ горестно съ бреговъ къ тебѣ съ упрекомъ.“
„Мой сынъ, — прервала мать — мой нѣжный Аристей!
„Введи его — введи въ чертогъ пучины сей:
„Ему дозволенъ входъ въ безсмертное селенье.“
ͨекла — и легкое богини мановенье,
ͨаздвигнувъ хляби водъ, сгустило ихъ стѣной;
Іокорная волна, склонясь на брегъ горой,
Іа лоно влажное пріяла Аристея,
І низвела на дно глубокаго Пенея.
И долу юною сопутницей ведомъ,
ͨритъ царство влажное и свѣтлый родшей домъ,
І воющихъ лѣсовъ вершины осѣненны,
І сонмы черныхъ водъ, въ пещерахъ заключенны.
Іредъ нимъ алмазная истоковъ колыбель
І урны перловы великихъ рѣкъ: отсель
Ісходитъ кроткій Фазъ, и Енoней бурливый,
І Аніо, и Тибръ, поящій тучны нивы,
І въ дикой Скиѳіи водородящій Ликъ,
І Мизіи брега лобзающій Каикъ,
І шумный Гипанисъ, дробимый о пороги,
І быстрый Еридамъ, златогорящи роги
ͨклонившій на поля Сатурновой страны,
І льющій въ море токъ съ прибрежной крутизны.

Раичь.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О необходимости первоначальнаго воспитанія (*).

Для человѣка ничего нѣтъ нужнѣе воспитанія, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ назначить средства того же воспитанія, выбрать и опредѣлить науки. Какимъ образомъ вести человѣка отъ дѣтскаго возраста, чему учить его и какъ именно? вотъ загадка, еще донынѣ совершенно необъясненная. Прекрасныя системы, обработанныя людьми глубокомысленными, бывъ произведены въ дѣйство, оказались несоотвѣтствующими ожиданіямъ своихъ изобрѣтателей. Правила для публичныхъ училищъ, уставы для учебныхъ заведеній, у разныхъ народовъ и въ разныя времена составляемые, подвергались различнымъ измѣненіямъ и постепенно совершенствовались;

(*) Отрывокъ изъ Рѣчи, въ Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ читанной въ 30 день Іюня 1820 года г-мъ Ректоромъ Малевскимъ.

нынѣшніе въ свою очередь могутъ ожидать исправленій. И такъ не чему дивиться, если попечительные родители, побуждаемые достохвальною заботливостію о благѣ потомства, безъ основательныхъ причинъ жалуются на учителей и училища, находя недостатки въ воспитаніи дѣтей своихъ. Воспитаніе вообще есть весьма трудное искусство; но всего труднѣе особенно публичное воспитаніе. Воспитаніе человѣка начинается отъ пеленъ младенческихъ: матери, кормилицы, няньки суть первыя его наставницы: отъ нихъ любопытствующее дитя получаетъ первыя понятія ложныя; отъ ихъ недосмотрѣнія, или даже ихъ собственнымъ примѣромъ дитя приучается къ упрямству, гнѣву, лживости, самовольству и проч. Слѣдственно двойной трудъ предлежитъ въ публичномъ воспитаніи: *во первыхъ* надобно отучать дитя отъ того, чему оно научилось — трудъ тягостный и невсегда увѣнчиваемый желаемымъ успѣхомъ; *во вторыхъ* надобно научить дитя тому, что знать ему должно. Сочинители системъ благоразумнаго воспитанія обыкновенно матерію свою начинаютъ вести съ младенческаго возраста; но кормилицы, няньки и многія даже матери ничего неслыхали объ ихъ правилахъ. Въ публичныхъ училищахъ ежедневные опыты показываютъ, что вступающія дѣти, бывшія напередъ подъ хоро-

шимъ присмотромъ первоначальнаго воспитанія въ родительскомъ домѣ, скорѣе приучаются къ школьному порядку и обыкновенно лучше успѣваютъ въ наукахъ и благонравномъ поведеніи. Въ училищахъ Виленскаго округа юношество можно раздѣлить на провинціи, отличныя между собою домашнимъ воспитаніемъ, сообразно существующимъ обычаямъ. На ученикахъ, приходящихъ въ школы, вообще можно видѣть отпечатки тщательнаго или нерадиваго присмотра дома, и случается нерѣдко, что сіи отпечатки остаются неизгладимыми чрезъ все продолженіе школьнаго воспитанія. Слѣдственно первоначальный присмотръ домашній можетъ быть порукою за успѣхъ воспитанія публичнаго. Должно признаться, что при разныхъ упражненіяхъ и обязанностяхъ въ общежитіи трудно бываетъ родителямъ заниматься всѣми подробностями первоначальнаго воспитанія; но если Промыслъ въ чувствительномъ сердцѣ матери благоволилъ вселить природную заботливость о первомъ воспитаніи человѣка, то какъ не почесть счастливыми тѣхъ дѣтей, которыхъ мать, просвѣщенная и благоразумная, въ числѣ первыхъ, важнѣйшихъ обязанностей своихъ полагаетъ тщательный присмотръ за младенческимъ ихъ возрастомъ! Извѣстны упреки на счетъ слѣпой и безразсудной привязанности матерей

къ своимъ дѣтямъ: она есть плодъ невѣжества, и по сей-то причинѣ для женскаго пола необходимо нужно хорошее воспитаніе; безъ него домашній присмотръ за дѣтьми всегда будетъ ненадежнымъ, а публичному воспитанію всегда будутъ предстоять непреодолимыя трудности. Мудрый МОНАРХЪ, нашъ ГОСУДАРЬ Всемилостивѣйшій, вводя и учреждая публичное воспитаніе во всей Имперіи, распространилъ бдительную попечительность правительства надъ воспитательными заведеніями женскаго пола, подчинилъ ихъ неусыпному надзору учебнаго начальства, и въ особыхъ для Волынской Гимназіи постановленіяхъ Высочайше утвердилъ проектъ Института надзирательницъ, предначертанный покойнымъ Чацкимъ — мужемъ незабвеннымъ по предмету народнаго просвѣщенія. Вдовствующая ИМПЕРАТРИЦА, благости и милосердія исполненная ГОСУДАРЫНЯ, содѣйствуетъ намѣреніямъ Всемилостивѣйшаго МОНАРХА, распространяя великодушную и благодѣтельную свою попечительность на воспитательныя заведенія женскаго пола. Университетъ, по возложенной на него обязанности, старается о размноженіи подобныхъ институтовъ въ учебномъ своемъ округѣ, и объ установленіи въ нихъ полезнаго воспитанія. Но, кажется, не всѣ еще увѣрены въ потребности такихъ заведеній: ибо многіе ничего другаго не ищутъ

въ воспитаніи дочерей своихъ, какъ только изученія Французскаго языка (изученія болѣе или менѣе основательнаго) и нѣкоторыхъ искусствъ пріятныхъ; такое однакожъ воспитаніе не только не приготовляетъ къ исполненію важныхъ въ семейственной жизни обязанностей, но часто еще препятствуетъ оному. Для хорошаго же воспитанія, которое начинаться должно съ нѣжнаго младенчества, желать надобно, чтобы повсюду распространилось воспитаніе женскаго пола подъ надзоромъ правительства, и чтобы изъ благоустроенныхъ институтовъ выходили просвѣщенныя и образованныя первыя наставницы младенчества; желать надобно, чтобы по примѣру другихъ народовъ и у насъ введены были во всеобщее употребленіе книжки начальнаго ученія на отечественномъ языкѣ, приспособленныя къ воспитанію женскаго пола; чтобы въ домашнихъ библіотекахъ находились книги для матерей, руководствующія къ первоначальному воспитанію; чтобы первоначальное воспитаніе имѣло систематическія правила, къ дѣтскому возрасту приспособленныя, и которыя, занимая природное любопытство, доставляли бы полезную забаву и науку. Правда, что трудно и невозможно распоряжать домашнимъ воспитаніемъ посредствомъ общественныхъ уставовъ, и потому медленны должны быть

его успѣхи. Средства къ достиженію сей цѣли суть для однихъ просвѣщеніе, для другихъ примѣры. Отдалять препятства, заохочивать къ содѣйствію — вотъ подвиги правительства.

При благодѣтельныхъ намѣреніяхъ Всемилостивѣйшаго МОНАРХА, когда публичное воспитаніе быстрымъ шагомъ идетъ къ своему совершенству, когда народное просвѣщеніе распространяется со дня на день болѣе, когда учебное начальство неупускаетъ ничего, что только ни есть для воспитанія и наукъ полезнаго, не можно сомнѣваться, чтобы образованіе женскаго пола, слѣдственно и домашнее воспитаніе несдѣлались предметомъ исправленій. Тогда наставникамъ и училищамъ легко будетъ вести учениковъ благороднымъ образомъ, достойнымъ существа разумнаго; тогда воспитаніе публичное будетъ уже искусствомъ не отучать дѣтей, а совершенствовать ихъ науками: оно совершенно будетъ соотвѣтствовать великому намѣренію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, желающаго, чтобы изъ общественныхъ училищь выходили люди богобоязливые, честные, полезные МОНАРХУ и Отечеству.

Dz. W.

Нѣчто о музыкѣ у древнихъ.

Древняя Исторія говоритъ намъ о чудесахъ, какія производила музыка, и мы привыкли сіи чудеса приписывать дѣйствію лиры Орфея, Лина, Амфіона, Тамириса, Тиртея, Терпандра и проч.; извѣстно также, что изученіе музыки составляло необходимую часть воспитанія у Грековъ, и что уклоненіе отъ сего искусства почиталось варварскимъ невѣжествомъ. Вотъ наши любители музыки и ссылаются на древнія преданія, какъ на вѣрныя доказательства той истины, что искусству ихъ должно отдать преимущество передъ всѣми прочими. Неохотно беру на себя трудъ разрушить столь пріятное очарованіе; но какъ и поддерживать, какъ терпѣть мнѣніе столь несправедливое, основанное на одномъ лишь недоразумѣніи? Вмѣсто того чтобы тщеславиться оными чудесами искусства, прежде надлежало бы рѣшить вопросъ: что древніе разумѣли подъ музыкою, и одни звуки, одно орудіе, какова на примѣръ лира, моглиль производить столь необычайныя явленія? Пусть восторженные почитатели звуковъ напередъ изслѣдуютъ, что значило у древнихъ слово *музыка;* они увидятъ, что это было слово собирательное, подъ которымъ разумѣли всѣ изящныя искусства, всѣ науки. *Musi-*

m veteres encyclopaediam dixêre, in quâ nnes *sunt comprehensae* disciplinae (m. e. узыкою древніе называли енциклопедію, въ которой заключались *всѣ науки)*. Ученый уддей слово сіе изъясняетъ такимъ образомъ: *[M]usicae appellatione prisci humanitatem lit*-*[te]rarum significabant; recentiores verò [a]d numerorum modulationem hoc verbum [t]ranstulerunt* (т. е. музыкою древніе называли вообще словесныя науки; новѣйшіе же словомъ симъ означаютъ стройное послѣдованіе издаваемыхъ звуковъ). Слово музыка наконецъ происходитъ отъ *Musa*, и оно начило всѣ тѣ искусства, которыя были принадлежностію богинь Парнасскихъ. И такъ не одни только звуки орудій, не одно умѣнье пѣвцовъ, а вообще искусства, словесность, поэзія, гражданская образованность наконецъ, укрощали дикихъ животныхъ и сооружали городскія стѣны! Если бы музыка была однимъ искусствомъ звуковъ, однимъ лишь умѣньемъ играть на лирѣ и на флейтѣ; то Аѳиняне вѣрно бы перестали укорять нѣкотораго полководца, начальника арміи, что онъ незнаетъ музыки. Сверхъ того, могла ли древняя лира имѣть такую чрезвычайную силу? инструментъ съ навязанными струнами, безъ шейки, безъ клавишей, безъ всякихъ средствъ измѣнять звуки на одной струнѣ чрезъ надавливаніе перстами! На такомъ инструментѣ не льзя

было сыграть даже простой пѣсни. Слѣдственно лира, какою намъ представляютъ ее памятники древніе, была нечто иное какъ музыкальное о четырехъ струнахъ орудіе, единственно помогавшее пѣвцу удерживать тонъ, предписанный для пѣсни.

Еще одно замѣчаніе можетъ быть совершенно разрушитъ обманъ предразсудка, столь пріятнаго самолюбію пѣвцовъ нашего времени. Сіи Орфеи, Лины, Тиртеи, которыхъ они почитаютъ своими патронами, были не просто пѣвцы только, но и великіе поэты. Въ етомъ-то именно отношеніи Линъ прославляемъ былъ Гомеромъ; Орфей извѣстенъ намъ какъ первосвященникъ, какъ законодатель, какъ піитъ и напослѣдокъ уже какъ пѣвецъ доброгласный: все ето нѣсколько отличается отъ какого-нибудь хорошаго тенора или баса. Тимирисъ былъ *творцемъ* поэмы о войнѣ Титановъ; Музей и Тиртей *сочиняли* превосходные гимны и пѣсни военные. Терпандръ, музыкантъ знаменитый искусствомъ играть на лютнѣ, въ стихахъ своихъ подражалъ Гомеру, а въ пѣніи Орфею. Изъ всѣхъ пѣвцовъ, почти обоготворенныхъ Греціею, ни одного не видно, который не былъ бы вмѣстѣ и поетомъ. Принимать въ собственномъ смыслѣ древнее имя *лира* было бы столько же безразсудно, какъ и глаголъ *пою*, ежедневно употребляемый новыми

поетами. Когда превозносится до небесъ лира Анакреонова, то господа музыканты каждой разъ должны имѣть въ своей памяти, что рѣчь идетъ болѣе о стихахъ сего поэта, нежели о мелодіи, отъ которой до насъ не дошло ниже одной ноты. Если бы музыка, собственно такъ называемая, была въ самомъ дѣлѣ столь чудеснымъ искусствомъ сама, независимо отъ поезіи; то писатели древности безъ всякаго сомнѣнія сохранили бы для насъ имена разныхъ артистовъ, производившихъ великія дѣла своею мелодіей; напротивъ, извѣщая насъ, что Софоклы и Еврипиды иногда сами же сочиняли музыку для своихъ трагедій, древность совсѣмъ умалчиваетъ объ именахъ артистовъ, на которыхъ возлагаема была подобная работа. Заключимъ: въ словѣ *лира* изображается *поезія*; *подъ* словомъ *музыка* древніе разумѣли всѣ изящныя искусства; пѣвцы, обоготворенные древностію, пѣли стихи свои собственные, а отнюдь не чужіе; когда превозносимы бываютъ мнимыя чудеса древней музыки; то похвала обыкновенно принадлежитъ дѣйствіямъ поезіи, которая была сопровождаема музыкою.

(*Изъ Франц. Журн.*)

Отвѣтъ на письмо къ Издателю Сына Отечества.

Честь имѣю увѣдомить васъ, Г-нъ . . . *евъ*, что письмо ваше къ почтенному Издателю *Сына Отечества* (*) дошло и до *Бутырской слободы*. Нестану разбирать, для чего вздумалось вамъ препроводить ето письмо въ С. Петербургъ, когда вы могли бы сдѣлать его извѣстнымъ, не заставляя такъ далеко путешествовать (**) — не мое дѣло, и *мнѣ ли открывать таинства Елевзинскія!* . . . Я думалъ даже и о томъ, должно ли отвѣчать вамъ?— Если бы дѣло шло объ одномъ мнѣ; то будучи смиреннымъ, безтребовательнымъ старикомъ, я бы замолчалъ: я далъ бы вамъ полную волю шутить и забавляться надъ старостію; но вы сами согласитесь, что мое Письмо, предметъ вашего негодованія, касается до общаго дѣла, слѣдовательно требуетъ отъ меня отвѣта, а потому — позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. . .

Какъ не повторить вамъ еще разъ, что я *старикъ?* И вотъ по чему: въ наше время замѣчанія о словесности писывали со-

(*) *Сынъ Отеч.* книж. 31, стр. 228 и слѣд.

(**) Извините! *Вѣстникъ* теперь и безъ того въ немаломъ затрудненіи; онъ незнаетъ куда дѣваться отъ писемъ, отвѣтовъ, критикъ и антикритикъ. Laboramus abundantia scriptorum. *Р.*

:ѣмъ иначе, нежели какъ вы писать изво-
лите. Когда рѣчь идетъ о доказательствѣ
какой-нибудь истины, къ чему тутъ всѣ
онкіе обороты, намеки, насмѣшки — и
аже *брань?* . . . Читавши многія спорныя
очиненія нынѣшняго времени, качаю голо-
ою и повторяю съ Буало:

haque age a ses plaisirs, ses moeurs et ses ésprits..

Неспорю, что яркія краски остроумія
е лишнее въ критическихъ замѣчаніяхъ;
о если онѣ, отвлекая вниманіе отъ цѣли
очиненія, обращаютъ его единственно на
амихъ себя: какую пользу получатъ изъ
того читатели? И можетъ ли такая кри-
тика быть поучительною? . . . Совсѣмъ
ѣтъ: она заставляетъ смѣяться, и тогда
Ла-Гарповы слова: le plaisir ne nuit point à l'
nstruction (забавное не мѣшаетъ научаться)
выходятъ изъ числа истинъ. Критика, не
научая читателей, теряетъ свою цѣль
и достоинство, а словесность — терпитъ
большой вредъ. Споры и брань всегда уни-
жаютъ почтенное званіе писателей; може-
те на себѣ испытать, какъ трудно снова
заслужить выгодное мнѣніе публики, если
хоть разъ сдѣлаетесь смѣшнымъ или стран-
нымъ. — *Изъ многаго* заключаю, м. г.,
что вы еще молоды, по крайней мѣрѣ *не
стары*, а потому дружески совѣтую вамъ
получше удостовѣриться въ етой истинѣ —

она вамЪ очень пригодится. Покажите ч
ловѣку ошибку его, улыбнитесь, если уго
но; но не ссорьтесь, не бранитесь —
тогда, повѣрьте мнѣ, тогда всякой бла
разумный человѣкЪ отдастЪ вамЪ справедл
вость и согласится сЪ вами. Кто отк
зывается отЪ полезнаго, добраго совѣта
Не смотря на мою старость, я всегда дума

Учиться — нѣтъ стыда; невѣждой — стыд
быть. . . .

У васЪ, сЪ нѣкотораго времени, кри
тика дѣлается на оборотЪ. Довольно про
читать кое-какЪ сочиненіе, о кото
ромЪ хотимЪ объявить свои мысли; доволь
но взять изЪ него нѣсколько словЪ, пере
ставить ихЪ, придать какой угодно смыслЪ,
непоскупиться на восклицательные знаки,
побранить — *и вЪ шляпѣ дѣло*! Видя изЪ
письма вашего, что вы знаете Францу
ской языкЪ, прошу васЪ выслушать слов
почтеннаго писателя, котораго сочиненія
вамЪ, какЪ критику, должны конечно быть
извѣстны: lorsque je vois des hommes, го
воритЪ онЪ, qui se disputent au lieu de rai
sonner, je suis fort disposé à n'être de l'a
vis ni des uns, ni des autres (*) — и та
ково мнѣніе всѣхЪ просвѣщенныхЪ читате

(*) Когда вижу людей, которые не разсуж
дают, а только лишь спорятъ между со
бою; то я неберу ни чьей стороны.

ий. Судите сами, м. г., какую пользу по-
лѣ ешаго принесутѣ вамѣ всѣ ваши bon-
ots, и убѣдятѣ ли они кого-нибудь, что
ь самомѣ дѣлѣ мнѣнія мои никуда не го-
ятся?

Впрочемѣ, предоставляя себѣ удоволь-
ствіе сказать вамѣ свое мнѣніе, вѣ концѣ
моего ответа, обѣ остротахѣ вашихѣ, об-
ращаюсь кѣ *общему* предмету. Вы непо-
няли намѣренія моего, если подумали, буд-
то я хотѣлѣ только лишь *побранить*
Баллады и неизвѣстнаго Автора (*)
поэмы Людмила и Русланѣ. Совсѣмѣ
не то. Мнѣ хотѣлось показать, куда мо-
жемѣ завести подражателей смѣлый шагѣ
писателя оригинальнаго, если господа по-
дражатели и послѣдователи не управляют-
ся талантами, равными таланту образца
ихѣ, и если неслушаются совѣтовѣ благо-
разумной критики; потомѣ намѣреніе мое
было указать на новое явленіе вѣ нашей
литтературѣ, на явленіе, которое угро-

(*) Повторяю — *неизвѣстнаго;* ибо не имѣю
дара угадывать по слогу піесы, кому при-
надлежитъ честь сочиненія, которое чи-
таю, если имя автора не напечатано чет-
кими буквами въ концѣ, или въ началѣ тво-
ренія. Гн. . . *евъ* можетъ придавать слову
неизвѣстный какой угодно смыслъ — его
воля. Ж. Б. С.

жаетъ намъ громадою сочиненій во вкус Еруслана Лазаревича. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, будто меня *разсердила на старости лѣтъ какая-то баллада.* Не знаю, отъ искренняго ли сердца вы говорите, что мое сравненіе Парнасса нашего съ кладбищемъ *весьма остроумно.* Мнѣ остается поблагодарить васъ за комплиментъ и прибавить, что прочитавши Письмо ваше, я не вижу причинъ, по которымъ долженъ бы перемѣнить мое мнѣніе. Сказано, что не однѣ Баллады имѣлъ я въ виду, но вообще уклоненіе многихъ поетовъ отъ истиннаго пути, ведущаго къ совершенству; безмѣрное подражаніе не безсмертнымъ красотамъ классиковъ, которыя у насъ вовсе забыты, но блестящимъ, нерѣдко ложнымъ прелестямъ *романтизма*, если не ошибаюсь, *Германическаго*; напыщенный слогъ *многихъ* и странныя, новомодныя слова *нѣкоторыхъ*, впрочемъ превосходныхъ писателей нашихъ: вотъ на что́ надобно было и вамъ обратить свое вниманіе. Будучи увѣренъ, что чѣмъ славнѣе авторъ, тѣмъ безпристрастнѣе онъ къ сужденіямъ объ его сочиненіяхъ, осмѣлюсь указать вамъ, м. г., на начало *романтизма* въ Россіи. Вы согласитесь со мною, или лучше сказать съ Буало, что

. . . La nature fertile en ésprits excellents
Sait entre les auteurs partager les talents —

слѣдственно, что всякой авторъ, непринимаясь за перо, или (если угодно) за лиру, олженъ размыслить хорошенько

. . . quid ferre recusent,
uid valeant humeri. . . . (*)

потомъ уже, узнавши наклонность своего таланта, смѣло пускаться въ предназначенный судьбою путь. Такъ поступали сѣ великіе Поэты! Уже поприще литтературы Русской наполнено было сподвижниками лавными. Ломоносовъ, Державинъ, Петровъ, Нелединскій, Дмитріевъ, Карамзинъ восхитили, плѣнили соотечественниковъ, когда вился новый Поэтъ. Онъ обозрѣлъ труды редшествовавшихъ ему, и увидѣлъ свое азначеніе. Посмотрите на первые его опыты: они многообразны, относятся ко ногимъ родамъ Поэзіи. Басни его смѣло южно поставить выше басень многихъ послѣдователей нашего Русскаго Флоріана; но е Апологъ былъ назначенъ ему удѣломъ — скоро *красоты* Шиллера, Грея, Томсона, Биргера явились въ нашей литтературѣ — и Жуковскій достигъ своей цѣли. Тогда-то, м. г., и я, старикъ, *порадо-*

(*) Берите трудъ всегда не свыше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ. . . .

Переводъ А. Ѳ. Мерзлякова.

вался новому приобрѣтенію въ нашей словесности. Надобно быть вовсе безъ вкуса, чтобы не узнать въ Жуковскомъ оригинальнаго Поэта въ своемъ родѣ: его Баллады, Пѣсни, Романсы, исполненныя силы, смѣлыхъ выраженій, картинъ неподражаемыхъ, словъ новыхъ, счастливо изобрѣтенныхъ, говорятъ уму и сердцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ спорить, что и въ немъ нѣтъ стиховъ подверженныхъ сомнѣнію, словъ слабыхъ, невразумительныхъ, повтореній одного и того же, и проч.! Но, замѣчая его ошибки, скажемъ, что онѣ суть погрѣшности превосходнаго писателя

Qui tombait avec art, ne tombait point sans gloire —

Что же *совершенное* выходило изъ рукъ человѣческихъ? А должно ли замѣчать ошибки хорошихъ писателей для пользы молодыхъ авторовъ, вы можете судить изъ примѣра подражателей и послѣдователей. Плѣненные славою оригинала, наши поэты пустились въ неизмѣримую бездну *мистицизма*, *романтизма*, и все было забыто — и во имя Гете, Шиллера, Шлегеля, Парнассъ нашъ заваленъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я говорилъ прежде. Теперь, м. г., согласитесь сами, правъ ли я былъ, напоминая, что пора нашимъ поэтамъ перестать, и имѣлъ ли я въ виду *только что* разкритиковать Балладу, помѣщенную въ 17 №. Сына Отечества

ь ? Въ то время, какъ *я* писалъ мое письо, *въ самомъ дѣлѣ* она была новѣйшее прозведеніе въ *мистико-романтическомъ* (*) одѣ; а что я взялъ ее *безъ выбора*, *слуайно* для примѣра, послужитъ доказательствомъ то, что я тогда же намекнулъ и а *другую* такого рода Балладу. И теэрь могу показать ихъ *десятка два*, ода другой лучше. Впрочемъ, вамъ угодно ащищать *Могильщика*. Вы рады, что *мѣете случай* растолковать мнѣ и *цѣль* содержаніе Баллады: перваго я въ самомъ дѣлѣ не понималъ; другое кажетя мнѣ напраснымъ трудомъ съ вашей тороны; ибо *содержаніе* уже и самъ я огъ кое-какъ разсказать другимъ; но черезъ вѣ строчки вижу, что содержаніе *по ваему* значитъ *пользу*! Таковы-то наши ратья старики: мы не можемъ даже разичить *стихотворныхъ* нынѣшнихъ терниновъ . . Чего добраго! долго ли до бѣды:

*) Г-нъ . . *евъ* не знаетъ, почему *подобные* стихи (не Баллады, а *вообще стихи*) называются у насъ на Бутыркахъ *мистическими* піесами. Странно! Если угодно, могу услужить ему изъясненіемъ: пусть онъ прочтетъ въ извѣстномъ сочиненіи г-жи Сталь-Голстейнъ, *de l' Allemagne*, Тома VI, страницу 36 и слѣд. — А какъ растолковать ему, что именно *Могильщикъ* Баллада принадлежитъ къ *мистическимъ* — етаго я ужь не знаю! *Ж. Б. С.*

они къ самомъ дѣлѣ покажутся намъ *term de chimie!* Впрочемъ за обьясненіе цѣли пользы Баллады я очень много вамъ благодаренъ; но, проклятая закоснѣлость! мнѣ кажется, будто и въ самомъ простомъ родѣ сочиненій

Le sujet est commune, mais l'art n'est pas vulgaire. . . .

И кто какъ ни говори, а я буду твердить одно и то же съ любезными стариками, на примѣръ съ *Делилемъ*:

Soit donc que vous teniez la plume ou le pinceau,
La lyre harmonieuse ou l'habile ciseau,
Soit que *du coeur humain vous traciez la peinture*,
Soit que dans ses travaux vous peigniez la nature,
C'est *choix du vrai beau qu'il faut etudier.*
N'allez pas imiter cet *artiste grossier*
Qui va *choisir sans gôut* ce qu'il *peint sans adresse*

или съ Буало

Quoi que vous écriviez, evitez la bassesse.
Le style le moins noble a pourtant sa noblesse.

Вотъ вамъ, м. г., мои мнѣнія о вашемъ *Могильщикѣ!* Можетъ быть, мы не поймемъ другъ друга; не моя вина! — Позвольте обратиться къ другимъ вашимъ обвиненіямъ. Съ самаго почти начала вы хотите представить всѣхъ насъ, *стариковъ*, какими-то сердитыми людьми, которые

ранятъ *встрѣчнаго и поперечнаго*, и
аже нападаютъ *на извѣстныхъ* писателей;
потомъ включивши меня въ число

lus enclins à blâmer, que savans à bien faire,

аставляете вашего покорнаго слугу дѣлать
аборъ выраженій, взятыхъ даже *изъ
учшихъ писателей*, какъ будто съ недоб-
ымъ намѣреніемъ. — Не буду вступаться
а стариковъ вообще (хотя стариковъ мо-
одымъ людямъ уважать весьма не худо);
нѣ только до себя дѣло; но какъ не види-
іе вы, м. г., что противорѣчите сами себѣ,
оворя, что я *сердитой старикъ*, и что
мѣстѣ съ тѣмъ бранюсь *съ необычайною
еселостью и простосердечіемъ*, и что
аборъ вы... ...ній извлеченъ *изъ лучшихъ*
исателей? А если... я въ самомъ дѣлѣ изъ
учшихъ! что же? Развѣ должно говорить:
*пакое-то слово хорошо, потому един-
твенно что его употребилъ Державинъ!*
1. г., въ старину мы судили не такъ; у
асъ говаривали:

І въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Ломоносовъ употреблялъ слова: *чать, тое,
ыгать, сопхнуть;* несмотря на то, мы
се называли ихъ низкими, неприличными.
'азвѣ нынѣ только запрещается это дѣ-
лать; а прежде такъ, у Гомера находя по-
рѣшность, читатель въ правѣ былъ сказать
ъ Гораціемъ: quandoque bonus dormitat

Homerus (и Гомеръ иногда дремлетъ)! З
бавно защищаете вы *отмѣченныя* выра
нія, говоря: *всѣ они могутъ быть х
роши, если поставлены у мѣста*. . .
М. г.! сею мнимою аксіомой вы только на
приводите на память намъ, старикамъ, две
прилагательную, сирѣчь уже приложенну
къ своему мѣсту, и дверь существител
ную, еще не приложенную. Сдѣлаемъ ей по
вѣрку: читая, на примѣръ, что дѣвица

На берегъ *зыбучій*

Склонившись сидитъ,

какъ неподумать, что *зыбучій* значи
колеблющійся, *зыбкій* — а потомъ, как
не сказать, что зыбучій берегъ есть –
ошибка противъ языка? . . . Мы видя
однакожъ, что зыбучій берегъ тотчасъ
былъ принятъ подражателями за *чисто*
золото. Вотъ и выходитъ, м. г., что н
добно *знать ошибки хорошихъ писат*
лей; ибо есть люди, которые безъ даль
нихъ разсужденій и *ошибкамъ* охотно по
дражаютъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что
безъ ошибокъ даже у неутомимыхъ подражат
лей, сколько бы впрочемъ они ни умудрялись

Тѣжь мысли, тѣжь слова; однако все не то!

Начинаю опасаться, чтобы неутомим
читателей показаніемъ всего того, что в
противъ меня возражали. Еще нѣсколько
словъ, и я кончу. — Совсѣмъ не относил

поэмы Людмила и Русланъ *къ какому-то новому, необычайному роду сочиненій.* Развѣ нечитали вы (на стр. 218 Вѣстн. Европы No 11), куда принадлежитъ новая сія поэма? Образцы, по которымъ она писана, извѣстны всякому: кто неслыхалъ о *Бовѣ Королевичѣ, объ Игнатьѣ Царевичѣ, объ Иванѣ Царевичѣ, о Силѣ Царевичѣ, о Булатѣ Молодцѣ* и о знаменитомъ *Иванушкѣ Дурачкѣ*? — Если вамъ нравится передѣланный въ Черномора *мужичокъ самъ съ ноготь, борода съ локоть*; то не худо взять и другія, столь же *стихотворныя* выдумки: можно Руслана заставить влѣзть въ ушко *сивки-бурки*, конюшимъ придать ему *Ивашку бѣлу-рубашку*, заставить его сдѣлать визитъ *Ягой-бабѣ*, а въ оправданіе сослаться, что у Мильтона, у Шекспира, у Данта, у Камоенса многія подробности — *ничѣмъ не лучше!* . . . Кто споритъ, что отечественное хвалить похвально; но можноль согласиться, что все выдуманное Киршами Даниловыми хорошо и можетъ быть достойно подражанія? Предположеніе мое о пародіи Киршѣ Данилову не основывается на умозаключеніяхъ, а на самомъ дѣлѣ, на опытахъ нашихъ поэтовъ.

Остается упомянуть о двухъ вашихъ *шуткахъ*, ибо иначе *не умѣю*, или *не*

смѣю назвать словъ вашихъ, будто *Людмила и Русланъ* принадлежатъ къ одному роду *съ Одиссеею*, а къ Одиссеѣ будто причисляются *Роландъ* (Орландъ ?) Аріостовъ, *Налой* Буало и *Оберонъ* Виланда. если вы въ самомъ дѣлѣ еще не знаете различія между Одиссеею, Орландомъ и Налоемъ, то — и изъяснять вамъ ненужно, да и трудъ мой будетъ напрасенъ.

Къ разряду же шутокъ причисляю и замѣчаніе ваше касательно Богдановича, у котораго Греческая (кажется такъ вы ее назвали ?) Царевна *ѣдетъ на щукѣ шехардой.* Ошибка всегда ошибка, кѣмъ бы она ни была сдѣлана. Повѣрьте, м. г., что и у насъ на Бутыркахъ шутки понимаютъ и что вы имѣете ложныя понятія о просвѣщеніи жителей слободы Бутырской.

Еще скажу вамъ, что вы взводите на меня напраслину, будто я ставлю Сумарокова (котораго вамъ едва ли удастся истребить въ памяти потомства) рядомъ съ Державинымъ и Ломоносовымъ; что старость освобождаетъ отъ труда говорить порусски (*);

(*) Опять таки нападеніе на *старость*. . . Г-нъ критикъ! надобно же будетъ когда нибудь и вамъ *состарѣться.* Вразсужденіи Грамматики замѣчу вамъ, что послѣ выраженій вашихъ: *давать причину гнѣву,*

что я хочу изгнать изъ поэтическаго разсказа всѣ риторическія фигуры. Далѣе, признаюсь въ моемъ невѣжествѣ; нескоро нахожу красоты въ выраженіяхъ *истинно стихотворныхъ*, если они подобны *умирающему лучу солнца*, или Руслановой поговоркѣ: *ѣду, ѣду не свищу* и проч. и проч.

На остроумныя же ваши привѣтствія, какъ-то: *литтературный инвалидъ, литтературный старикъ, старецъ знатокъ Поэзіи, Аристархъ, самолюбивый критикъ и наконецъ le singe qui est copiste de l'homme*, могу отвѣчать словами одного изъ любезныхъ нашихъ поэтовъ:

Браниться всѣмъ легко, полезнымъ трудно быть.

Житель Бутырской слободы.

10 *Августа.*

писать отъ нечего дѣлать и послѣ безцѣнной частички *де* знаніе ваше въ Россійскомъ языкѣ заставляетъ меня воскликнуть: je m'etonne et je me tais (удивляюсь и молчу)! Ж. Б. С.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ.

О возможныхъ слѣдствіяхъ предпріятій Алія, Паши Яннинскаго.

Однимъ изъ достопамятнѣйшихъ происшествій нашего времени есть мятежъ могущественнаго Паши Яннинскаго, которой, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, даже принялъ Христіанскую вѣру и торжественнымъ воззваніемъ приглашаетъ всѣхъ Грековъ сражаться подъ его знаменами противъ Мусульмановъ. Яннина, или Янна, иначе Іоаннина, есть городъ на предѣлахъ Епира, лежащій близъ горы Пинда, что къ Өессаліи. Въ немъ живутъ богатые купцы Греческіе.

Не льзя было бы исчислить всѣхъ слѣдствій для Европы, даже для всего просвѣщеннаго міра, когда бы Христіанство одержало верхъ надъ Исламизмомъ въ Турціи Европейской, хотя бы даже Яннинскій Паша проложилъ къ тому дорогу. Прекраснѣйшія изъ всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ

области, бывшія нѣкогда колыбелью всего изящнаго и благороднаго, снова могли бы сдѣлаться убѣжищемъ для многочисленныхъ сыновъ Европы, обнищавшихъ и угнѣтенныхъ. Но борьба сія была бы конечно весьма тягостною; ибо духъ Исламизма есть источникъ всѣхъ политическихъ злоупотребленій въ оныхъ областяхъ. Коранъ, сія книга, которая могла бы смягчить нравы Магометанскіе, ибо почитается источникомъ законодательства и политики, есть не только сплетеніе безсмысленныхъ фразъ и надутыхъ выраженій, не только собраніе самыхъ смѣшныхъ басней, но съ тѣмъ вмѣстѣ еще онъ безпрерывно проповѣдуетъ отвратительнѣйшее изувѣрство, говоритъ безпрестанно о безбожныхъ, о невѣрныхъ, о врагахъ Бога и пророка и т. д. Поставленный выше всякихъ сомнѣній, онъ утверждаетъ, что возведетъ на небо всѣхъ тѣхъ, которые въ него вѣруютъ и за него сражаются. Могаммедъ провозгласилъ себя слугою Божіимъ, чтобы отклонить отъ себя всѣ виды своекорыстія; въ разныхъ мѣстахъ Корана онъ даже проповѣдуетъ и терпимость: но какъ дорого покупается эта добродѣтель, сіе очень хорошо можно видѣть въ сочиненіяхъ недавно умершаго Волнея, предложившаго свѣдѣнія о судьбѣ Христіанъ въ Сиріи, — свѣдѣнія, по которымъ судить можно объ ихъ состо-

янія и въ прочихъ областяхъ Оттоманскихъ. Различіе вѣръ, говоритъ сей писатель, имѣетъ тамъ весьма вредныя слѣдствія для гражданскаго общежитія. Мусульмане и Христіане взаимно поступаютъ между собою какъ съ невѣрными, отпадшими, нечестивыми; одни другихъ ненавидятъ и ведутъ безпрерывную войну между собою. Извѣстно, къ чему способна необузданная чернь при закоренѣлыхъ своихъ предразсудкахъ; простой же народъ въ Турціи неполагаетъ себѣ границъ по сему предмету, и что всего хуже, правительство, вмѣсто чтобы прекращать и усмирять сіи безпокойства, обыкновенно поддерживаетъ ихъ своимъ пристрастіемъ. Волней описываетъ всѣ притѣсненія, каковымъ подвержены тамъ Христіане, и показываетъ, до какой степени простирается взаимная ненависть, коей слѣдствія примѣтны во всѣхъ классахъ народа. Самой бѣдной Мусульманинъ непозволитъ себѣ привѣтствовать Христіанина ласковымъ словомъ, и послѣдній долженъ быть весьма еще доволенъ, если неслышитъ отъ Турка обыкновенныхъ названій: невѣрный! отступникъ! собака! Изъ всего етаго видно, какія препоны полагаетъ фанатизмъ успѣхамъ образованности Европейской, и нечего тому дивиться, что Буонапартъ, бывши въ Египтѣ, назывался послѣдователемъ Корана (??). Мысль новыхъ писателей о разширеніи границъ Ев-

ропы и о присоединеніи къ ней Турціи Европейской — ета мысль едва ли можетъ быть произведена въ дѣйство посредствомъ одного только оружія, пока Исламитскій фанатизмъ не ослабѣетъ. Напротивъ того съ бо́льшимъ удобствомъ достигнуть можно этой цѣли, когда Магометанскіе вельможи (правители, владѣльцы областей) будутъ привлечены на сторону Хрістіанства, и когда всепожирающій фанатизмъ потушится смягченіемъ нравовъ. Обращеніе Алія Паши въ Хрістіанскую вѣру должно почитать весьма важнымъ къ тому шагомъ — разумѣется, если подтвердится извѣстіе о семъ событіи (*). Всякія другія въ сихъ странахъ завоеванія, какія ни были бы предприняты Европейцами, по видимому, имѣли бы только лишь разорительныя послѣдствія. Жители востока можетъ статься болѣе, нежели какъ думаютъ объ нихъ, склонны къ принятію лучшей образованности и къ низверженію тягостнаго ига, подъ которымъ они изнемогаютъ.

(*Съ Нѣм.*)

(*) Слухи о дѣйствіяхъ сего Паши вообще мало достовѣрны. Извѣстіе о примиреніи его съ Портою неподтвердилось. *Рдръ*

Турецкая система финансовъ.

Гдѣ рѣчь идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ государства (такъ говоритъ извѣстный Прадтъ въ новой книгѣ своей объ *Испанской революціи*), тамъ вовсе недумаютъ о Турціи. Никакъ недолжно искать въ ней того порядка, правильности, системы, какими отличается финансовое устройство въ другихъ странахъ Европы. Турецкій Султанъ, занятый удовольствіями въ своемъ сералѣ, ни о чемъ болѣе неспрашиваетъ: онъ желаетъ лишь только получать свои доходы, совсѣмъ незаботясь, отъ кого и какимъ образомъ они взимаются.

Паши, управляющіе областями съ деспотическою неограниченною властію, слѣдуютъ примѣру своего Государя. При такой несоотвѣтственности образа мыслей правительства съ нуждами народа, ни одна отрасль управленія, а тѣмъ болѣе финансовая, неможетъ находиться въ желаемомъ устройствѣ. Неоспоримо, что въ Турціи подати велики; но и то весьма также справедливо, что онѣ налагаются произвольно, не смотря на состояніе и средства жизни обывателей, и что сборъ производится безъ всякой повѣрки со стороны высшей власти. Сборомъ податей занимаются не служащіе чиновники, а частные люди, называемые

въ Турціи *мокатеи* или *мелтизимы*, которые берутъ на откупъ доходы цѣлой провинціи. Откупщики договариваются съ министромъ, которой назначаетъ денежную сумму и срокъ откупа по своему благоизволенію. Откупщикъ старается всякими способами — насильствомъ, притѣсненіемъ — обдирать бѣдныхъ жителей, и потому неудивительно, что округъ, за которой онъ взнесъ въ казну 15 мѣшковъ, приноситъ ему 40. Поселяне, земледѣльцы разоряются; но откупщику мало до того дѣла: онъ единственно хлопочетъ о средствахъ награбить какъ можно болѣе. Бѣдность земледѣльцовъ такъ велика, и они отягчены до такой степени, что имъ едва достаетъ доходу на годовое свое содержаніе. — Какіяжъ изъ того слѣдствія для Государства? Села пустѣютъ; увеличивается число тунеядцовъ и разбойниковъ, сихъ опаснѣйшихъ враговъ правительства. Несмотря на всѣ притѣсненія, Порта однакожъ получаетъ ежегоднаго дохода до 50 милліоновъ талеровъ. Сколько же могла бы она получать, неразоряя жителей и слѣдуя правиламъ благоразумной системы?

G. W.

IV. СМѢСЬ.

Сиръ Робертъ Вальполь.

Извѣстный подъ симъ именемъ славный министръ Англійскій былъ счастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ по своему званію. Одинъ только разъ неимѣлъ онъ желаемаго успѣха, и вотъ въ какомъ случаѣ:

Сиръ Робертъ Вальполь, однажды вознамѣрившись сдѣлать въ Парламентѣ весьма важное предложеніе и боясь, чтобы незначущее количество голосовъ не уронило его во мнѣніи публики, рѣшился заблаговременно составить себѣ многочисленную партію. Между прочимъ онъ приходитъ къ нѣкоторому негоціанту, осыпаетъ его обыкновенными привѣтствіями, спрашиваетъ о новостяхъ коммерческихъ и прибавляетъ, что „нельзя лучше употребить сокровищь націи, какъ ввѣривши ихъ такимъ негоціантамъ, которымъ недостатокъ капиталовъ препятствуетъ пускаться въ большія предпріятія.“ Купецъ перерываетъ министра, говоря, что ему пора на биржу. „Если ваше превосходительство имѣете какое до меня дѣло; то милости прошу сегодня ко

мнѣ отужинать." — Весьма охотно! отвѣчаетъ Сиръ Вальполь: только съ такимъ уговоромъ — обходиться со мною просто, подружески.

Ввечеру Министръ посѣщаетъ негоціанта, которой приказываетъ въ то же время подавать кушанье. Принесли блюдо съ лопаткою холодной баранины, салатъ и бутылку портеру. Его превосходительство, нѣсколько удивленный умѣренностію трапезы, хвалитъ ужинъ и увѣряетъ хозяина, что онъ всѣмъ блюдамъ предпочитаетъ холодную лопатку баранины. Потомъ возобновляетъ прежній разговоръ; но купецъ опять перебилъ его и прибавилъ: „Сиръ Робертъ! человѣкъ, умѣющій довольствоваться столь умѣреннымъ ужиномъ, бываетъ ниже или выше такихъ предложеній, какіе вы мнѣ дѣлать изволите. Перестаньте же говорить объ етомъ; и будьте увѣрены, что я всегда подаю голосъ не иначе, какъ слѣдуя внушенію собственной совѣсти." Министръ, вовсе неожидавшій подобнаго отвѣта, смѣшался и тотчасъ оставилъ негоціанта, бормоча сквозь зубы: Damn the fellow!

На другой день Сиръ Вальполь употребилъ весьма забавную хитрость прямо въ Англійскомъ вкусѣ. Онъ отправился къ нѣкоторому Лорду, страстному охотнику

до кровопусканія. Министръ прямо бросается на кресла, крича въ то же время, что онъ умираетъ отъ полнокровія; проситъ ради самаго Бога послать какъ можно скорѣе за хирургомъ, которой отворилъ бы ему жилу, и увѣряетъ, что онъ каждую секунду ждетъ апоплексическаго удара; прибавляетъ нѣсколько словъ въ извиненіе себя, что дѣлаетъ безпокойство хозяину. Лордъ, чрезвычайно обрадованный случаемъ показать искусство свое надъ самымъ министромъ, приказываетъ подать ланцеты и пускаетъ кровь Сиру Роберту, которой осыпаетъ его благодареніями и даетъ обѣщаніе вовѣки незабыть столь благотворительнаго подвига. Онъ проситъ почтеннаго Лорда доставить ему средства показать на дѣлѣ свою благодарность; увѣряетъ, что съ радостію готовъ будетъ во всякое время выхлопотать губернаторское, или посольское мѣсто для самаго кровопускателя или для кого нибудь изъ его родственниковъ. Изумленный такими обѣщаніями Лордъ даетъ слово воспользоваться ими; а чтобы сохранить дружбу *многокровнаго* министра, онъ съ превеликимъ удовольствіемъ не только самъ подалъ голосъ въ пользу Сира Роберта, но склонилъ къ тому еще и друзей своихъ.

Сложивши съ себя министерское званіе, Сиръ Робертъ Вальполь иногда любилъ разсказывать объ етомъ происшествіи, и

обыкновенно прибавлялъ со смѣхомъ: „Никто не можетъ сказать, что я непролилъ крови своей за моего Государя!"

(Lettres Norm.)

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Въ Галлиціи, на берегахъ рѣки Миньо, отдѣляющей Испанію отъ Португаллiи, составилась Юнта, назвавшая себя *Апостольскою*. Знатныя особы, которыя, по случаю послѣднихъ происшествій, принуждены были спастись бѣгствомъ, собиралися со всѣхъ сторонъ для присоединенія къ сей новой Юнтѣ. Три тысячи вооруженныхъ крестьянъ 22 Іюля (н. с.) подступили къ Орензе и всѣ тамошніе мѣстные чиновники обратились въ бѣгство. Другой корпусъ инсургентовъ составлялся вдоль морскаго берега близь Корунны и занялъ полуостровъ Св. Адріана. Въ городѣ Санто-Яго ежеминутно ожидали вступленія ихъ въ тамошній городъ. Апостольская Юнта основала свое пребываніе въ Туи. Возстановленіе древнихъ правъ Испанской Монархіи было ея единственною цѣлью. Инсургенты приняли себѣ вмѣсто лозунга слова: *Богъ* и *Король*. Временная Юнта Корунская, получивъ извѣстіе о сихъ движеніяхъ, немедленно объявила себя *безсмѣнною* и взяла всѣ возможныя мѣры для обезпеченія города. Между тѣмъ и со стороны высшаго правительства приняты были военныя мѣры. Писали даже, основываясь

на слухахъ недостовѣрныхъ, что Кортесы въ тайномъ засѣданіи объявили себя *безсмѣнными* — очевидной знакъ предстоящей опасности. Но послѣднія извѣстія говорятъ, что всѣ безпокойства въ Галлиціи прекращены и что Архіепископъ Санто-Ягскій и другія знатныя особы, участвовавшія въ такъ называемой *Апостольской Юнтѣ*, отвезены въ Корунну и посажены въ тамошнюю крѣпость.

Между тѣмъ въ собраніе Кортесовъ безостановочно поступали разныя предложенія, изъ которыхъ замѣчательнѣе прочихъ слѣдующія: 1) Умножить число Членовъ Государственнаго Совѣта до сорока человѣкъ, чтобы тѣмъ сохранить надлежащую соразмѣрность съ числомъ депутатовъ. 2) Освободить имущество чужестранцовъ, даже въ случаѣ войны, отъ всякаго секвестра или взятія въ казну. 3) Просить Короля о повелѣніи впредь употреблять при Дворѣ и въ войскѣ однѣ только отечественныя издѣлія. 4) Называть Его Величество, во всѣхъ публичныхъ актахъ — *Фердинандомъ Великимъ*. 5) Истребовать отъ Министерства свѣдѣнія, чего стоитъ правительству содержаніе трехъ крѣпостей въ Африкѣ: Цейты, Мениллы и Пенонъ-де-Велеца, и потомъ разсмотрѣть Кортесамъ, не выгоднѣе ли будетъ для Испаніи уступить помянутыя крѣпости Мароккской Имперіи, а на употребляемыя для нихъ суммы завести флотъ въ Средиземномъ морѣ, для сохраненія и обезпеченія торговли?

Франція.

Парижская публика и дипломатическіе чиновники весьма занимаются новыми происшествіями въ Неаполѣ. Нѣкоторые увѣряютъ даже, что предметъ сей предоставленъ раз-

смотрѣнію великихъ Державъ, и что какъ рѣшеніе, такъ и дѣйствія по оному должны воспослѣдовать съ общаго ихъ согласія.

— Въ послѣдній день Іюля сгорѣли большіе винные магазины въ Берси, недалеко отъ Парижа. Пожаръ былъ ужаснѣйшій. Нѣсколько солдатъ. Королевской гвардіи лишилось при семъ жизни. Пять человѣкъ пропало безъ вѣсти. Причиненный убытокъ превосходитъ вѣроятіе. Одного вина погибло до 80,000 бочекъ; а цѣна онаго, вмѣстѣ съ погорѣвшими строеніями, простирается до осми милл. франковъ. Страховая компанія, называемая *Фениксъ*, должна заплатить 900,000, а другое подобное общество 400,000 франк. за разное имущество, въ оныхъ застрахованное.

Англія.

Домъ Королевскій понесъ новую потерю. Герцогиня Іоркская 6 Августа (н. с.) скончалась въ объятіяхъ своего супруга. Ея В-во съ давняго уже времени страдала отъ изнурительной болѣзни.

— Королева не перестаетъ показываться народу на балконѣ, принимать адрессы отъ городовъ и давать на нихъ свои отвѣты. Въ отвѣтѣ на адрессъ города Вакефильда сказано между прочимъ слѣдующее: „Постыднѣйшая клевета и несправедливо присвоенная власть соединились для нанесенія мнѣ чувствительнѣйшаго оскорбленія. При всемъ томъ я утѣшаюсь пріятною увѣренностію въ любви народа: твердо полагаюсь на его участіе въ судьбѣ моей, и надѣюсь, что правое дѣло мое наконецъ восторжествуетъ.“

— День процесса еще не назначенъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ изъ Лондона видно, что Королева имѣла свиданіе съ Лордомъ Ли-

верпулемъ. Многіе думаютъ, что наконецъ она желаетъ примиренія, и что согласится жить въ Ганновере.

Италія.

Къ безпокойствамъ и кровопролитію въ Палермо, главномъ городе Сициліи, поводомъ была конституція Неаполитанскаго Королевства. Услышавъ о новыхъ происшествіяхъ Неаполя, народъ пришелъ въ волненіе и захотелъ быть независимымъ. Инсургенты надели кокарды, захватили арсеналъ и вступили въ бой съ гарнизономъ. Сраженіе было ужасное. Людей погибло около четырехъ тысячь, несчитая раненыхъ. Архивъ, темницы и многія зданія сделались добычею пламени. Начальникъ Сицилійскихъ войскъ Генералъ Чурчь спасся бегствомъ. Королевскій Наместникъ Назелли также принужденъ былъ удалиться въ Неаполь, и съ пакетбота известилъ жителей, что онъ поручаетъ правленіе острова Юнте, составленной изъ гражданъ. Онъ же привезъ ко Двору и известіе о бедствіяхъ города Палермо. Вь следствіе чего изъ Неаполя отправлена въ Сицилію ескадра съ высаднымъ войскомъ. Одинъ изъ кораблей возвратился уже въ Неаполь съ депутаціею къ Наследному Принцу отъ Палермскихъ жителей. Предметъ оной доселе еще неизвестенъ.

— Городъ Понте-Корво, въ коемъ, равно какъ и въ Беневенто, происходилъ недавно мятежъ, позналъ уже свое заблужденіе и снова покорился Папскому Правительству.

Австрія.

Принцъ Каріати, прибывшій въ Вену съ характеромъ чрезвычайнаго посольства изъ Неаполя, отправился уже обратно. Съ Княземъ

Меттернихомъ имѣлъ онъ многія и продолжительныя конференціи; но не былъ допущенъ на аудіенцію къ Императору.

— Корпусъ, двинувшійся для подкрѣпленія войскъ Австрійскихъ въ Ломбардіи, состоитъ, какъ сказываютъ, изъ 32 баталіоновъ Венгерской пѣхоты, числомъ до 30,000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ войсками, находящимися уже въ упомянутомъ Королевствѣ, составитъ оный болѣе 60,000 человѣкъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Угодно ли знать, чѣмъ теперь занимается Парижская публика, столь впрочемъ строгая въ наблюденіи приличій, столь щекотливая вразсужденіи вкуса, столь разборчивая въ своихъ забавахъ? Угодно ли знать, о чемъ безпрестанно разговариваютъ щеголихи и щеголи Парижскіе? Всѣ они безъ ума отъ *оборотней*! Театры наполнены бываютъ блестящею публикой обоего пола, когда представляются на нихъ *оборотни*! Въ какой-то ужасной повѣсти, несправедливо приписываемой Лорду Бейрону, нѣкоторое чудовищное существо играетъ самую отвратительную ролю: ему позволилъ сатана принять на себя человѣческій образъ, съ такимъ однакожъ условіемъ, чтобы въ продолженіе каждыхъ тридцати

шести часовъ одинъ разъ насыщалось оно кровiю молодой дѣвицы. Такое содержанiе показалось истиннымъ сокровищемъ для нѣкоторыхъ романтическихъ soi-disant литтераторовъ. Сiи господа незамедлили переселить чудовище изъ повѣсти на сцену, и *оборотни* чародѣйскою силой наполняютъ теперь кассы двухъ или трехъ театровъ. Герой пiесы, представляемый обыкновенно въ видѣ безобразнаго Сатира, въ продолженiе трехъ актовъ гоняется по сценѣ за молодыми дѣвушками, которыя прячутся за кулисы и кричатъ: помогите! Оборотень убиваетъ себя, потомъ оживляется лучемъ мѣсяца, наконецъ совсѣмъ исчезаетъ по дѣйствiю одного добраго духа, которой мѣшалъ ему въ тридцать шесть часовъ достать пищу, необходимую для его существованiя. Нехудо бы и намъ смастерить балладу изъ етаго *оборотня!* !

— Кстати о *Бейронѣ*! Сочиненiя сего Лорда чрезвычайно полюбились Французской публикѣ, и переводъ ихъ вышелъ уже вторымъ изданiемъ въ Парижѣ, спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ перваго. Не льзя не подивиться досужеству Французовъ, которымъ даже и занимательность внутреннихъ происшествiй немѣшаетъ жертвовать временемъ Англiйскому писателю, и въ добавокъ еще *романтическому*. „Но пи-

сатель, каковъ Лордъ Бейронъ," сказано въ одномъ Французскомъ журналѣ „соединяетъ въ себѣ всѣ качества, имѣющія право на вниманіе публики въ такой странѣ, гдѣ оригинальный талантъ, воображеніе богатое и блестящее всегда найдутъ себѣ ревностныхъ почитателей."

ВалтерЪ СкоттЪ читается въ Парижѣ съ неменьшимъ усердіемъ. Недавно вышелъ изъ печати переводъ еще одного новаго романа сего автора. Титулъ его: *Монастырь*. Валтеръ Скоттъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ смертныхъ, которыхъ одинъ путь ведетъ къ славѣ и вмѣстѣ къ богатству. Совсѣмъ не романами началъ онъ литтературное свое поприще. Сперва занимался онъ древностями, и былъ извѣстенъ въ качествѣ ученѣйшаго изъ антикваріевъ; но Валтеръ негубилъ времени безполѣзно: въ пыли древнихъ памятниковъ онъ искалъ почти изгладившихся слѣдовъ старины своего отечества; долго учился, посвящалъ себя многотруднымъ занятіямъ, и такимъ образомъ готовилъ себѣ чрезвычайные успѣхи въ свѣтѣ. Необыкновенное знаніе духа и всѣхъ подробностей старины отечественной есть важное достоинство; но Валтеръ имѣетъ еще и другія. Въ романахъ его характеры дѣйствующихъ лицъ изумляютъ читателя неподра-

жаемою точностію; они выдерживаются удивительнымъ образомъ и ни на одинъ моментъ неизмѣняютъ себѣ чрезъ все продолженіе повѣсти. Впрочемъ надобно знать, что Валтеръ Скоттъ въ отечествѣ своемъ прославился не романами, а стихотворными повѣстями. Онъ даже многіе романы историческіе печаталъ безъ своего имени. Стихотворными повѣстями онъ поставилъ себя въ ряду съ Лордомъ Бейрономъ, съ которымъ нынѣ занимаетъ первое мѣсто на Англійскомъ Парнассѣ; но Валтеръ не посвящаетъ себя исключительно изображенію печальныхъ предметовъ, описанію однихъ только слабостей душевныхъ, однихъ только бѣдствій ужасныхъ, неотвратимыхъ; у него идеи не столь высоки, но болѣе утѣшительны. Обратимся къ романамъ Валтера Скотта. По изобрѣтенію предметовъ они единственны въ своемъ родѣ, безпримѣрны. Валтеръ открылъ тайну писать историческіе романы, неоскорбляя Исторіи, невыворачивая ее на изнанку, не вводя въ кругъ изобрѣтенія постороннихъ или вымышленныхъ подробностей. Правдоподобіе заимствуетъ онъ у самой натуры, характеры представляетъ всегда оригинальные, героевъ на сцену выводитъ всегда занимательныхъ, принадлежности подбираетъ всегда разнообразныя. Изъ нѣкоторыхъ его романовъ

ше можно узнать нравы и обычаи какой-будь епохи или страны, нежели изъ описа- самыхъ наблюдательныхъ путешественковъ, или изъ повѣствованій самыхъ вѣрхъ историковъ.

— Въ торжественномъ собраніи Королевской Французской Академіи надписей и изящй словесности текущаго года между промъ предложена задача, которой рѣшеніе лжно быть любопытно для всего ученаго ра и въ особенности для насъ, сѣверныхъ ителей: „Изслѣдовать, основываясь на историческихъ памятникахъ и преимущественно на памятникахъ государствъ сѣверной Европы, какія именно были причины многократныхъ переселеній народовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Норманновъ*, въ средніе вѣки, и начертать краткую исторію набѣговъ ихъ и поселеній на всемъ пространствѣ древней Галліи.“ Отвѣтныя сочиненія принимаемы будутъ по 1 е Апрѣля 822 года; въ награду за лучшее изъ нихъ назначена золотая медаль въ 1500 франковъ.

— Незадолго передъ симъ Ея В-во Дюшесса Беррійская, посѣтивъ мастерскую г-на Жиродета, изъявила желаніе имѣть картину работы сего славнаго художника, которому предоставила выбрать и содержаніе. Жиродетъ поспѣшилъ исполнить приказаніе Принцессы.

Онъ прибѣгнулъ къ Виргилію, и взялъ изъ него слѣдующую сцену: Еней, въ поляхъ Елисейскихъ нашедшій Анхиза, тщетно старается заключить въ объятія свои тѣнь родительскую. И художникъ съ удивительнымъ искусствомъ перевелъ на языкъ живописи слѣдующіе прекрасные стихи Поэта:

Ter conatus ibi collo dare brachia circùm,
Ter frustra comprensa manus effugit imago
Par levibus ventis, volucrique simillima somno.

„Трижды усиливался обнять его; тщетно ловимая, трижды исчезала въ рукахъ Енея тѣнь, подобная легкому вѣтру и быстрокрылому призраку сновидѣнія.“ Выборъ предмета и превосходная отдѣлка обратили на себя вниманіе Королевской фамиліи и многихъ любителей живописи.

— Г-жа Менвіель-Фодоръ, наша соотечественница, удивляетъ и восхищаетъ Парижскую публику. Нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ трехмѣсячной болѣзни, явилась она въ первой разъ на театрѣ Италіянской Оперы, и многочисленные зрители приняли ее съ неописаннымъ восторгомъ. Тѣснота была необычайная не только въ залѣ, но даже въ корридорахъ. Всѣ Парижскіе журналы отзываются объ етой пѣвицѣ неиначе какъ съ восторгомъ; многіе называютъ ее *великою художницей*. — Пе-

едъ симъ лѣтъ за десять Менвіель-Фодоръ осѣщала Москву и играла на здѣшнемъ театрѣ въ Русскихъ операхъ. Любители музыи тогда находили въ ней голосъ чистой, ибкой и сильной; но, помнится, не замѣтили въ ней ничего чрезвычайнаго. Игра ея быа очень посредственная. Откудажъ такая епонятная перемѣна? Г-жа Менвіель-Фодоръ, езъ всякаго сомнѣнія, *постаралась* усовершенствовать свой голосъ, укрѣпившійся вмѣтѣ съ возрастомъ; при добромъ желаніи, мѣя передъ глазами достойные подражанія образцы, вѣроятно исправила она игру свою.

— Въ Вунсторфѣ, что въ Ганноверскомъ Королевствѣ, нѣкоторая женщина, долго страдавшая отъ головной боли, избавилась отъ нее весьма страннымъ образомъ. При чиханіи она выбросила изъ своего носа *живаго чирвя* (scolopendra electrica) съ 50ю ногами! Нѣкоторые полагаютъ, что женщина дѣйствительно могла, нюхая цвѣтокъ, втянуть въ голову свою сіе насѣкомое. (Однакожъ, какимъ образомъ оно тамъ выросло? Какъ образовалось оно съ 50ю ногами?)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Стран.

IV. СМѢСЬ.

КОНЕЦЪ CXII ЧАСТИ.

При семъ Нумерѣ приложена картинка.

Къ № 16 В. Е. 1820

ЖИВОПИСЕЦЪ ВЕСТЪ.

КОМПОЗИТЕРЪ ГРЕТРИ.

Digitized by Google